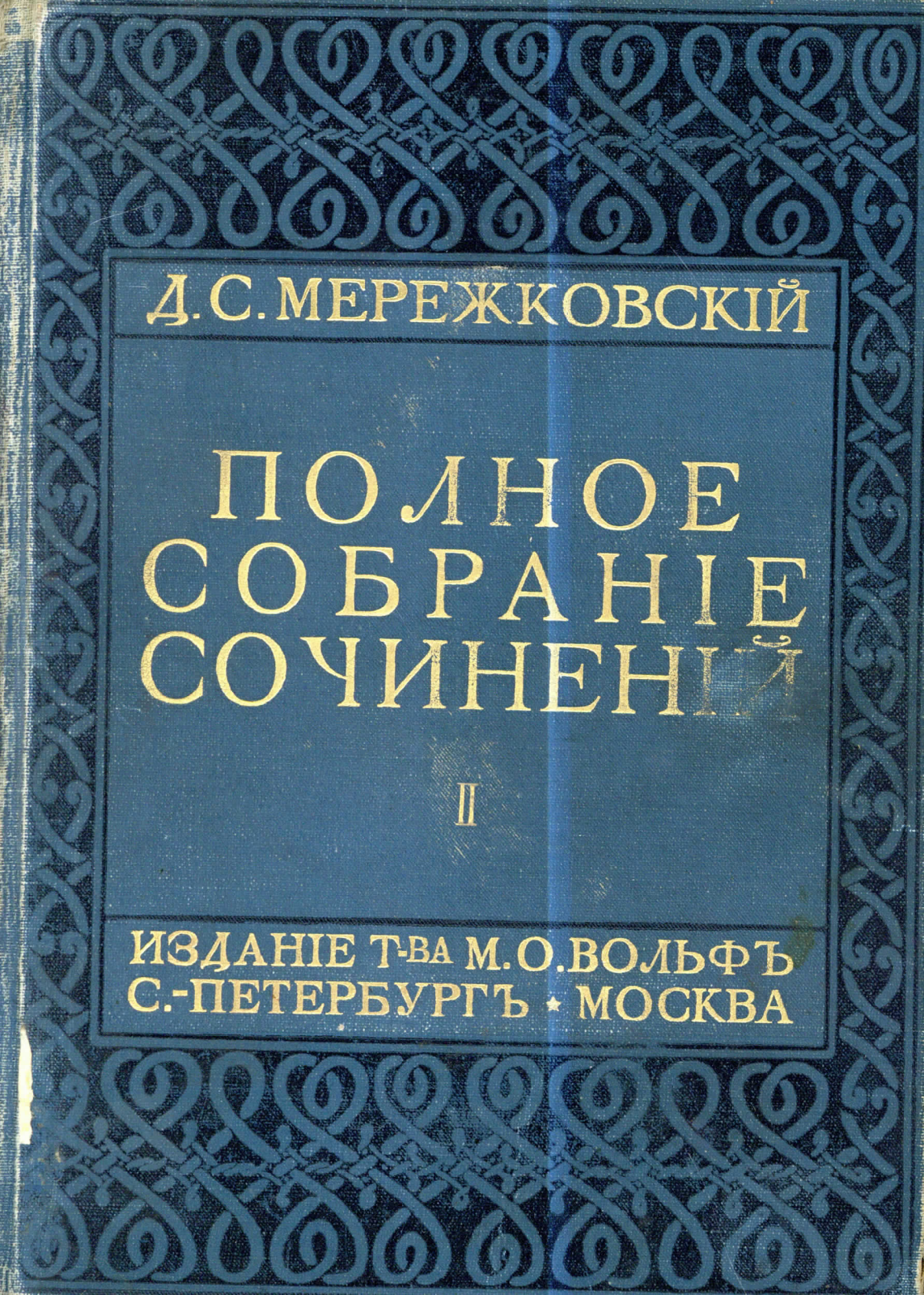

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

II

ИЗДАНИЕ ТОВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА

KUPAŁNIA
OKRĘGU ŚWIĘTOGODZIEŃSKO
W BIAŁYMSTOKU

Biblioteka Pedagogiczna CEN
nr inw.: KG - 1111

BC KSK / 1111

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

≡ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО ≡

ТОМЪ II

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1911

1180/I

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ
ТРИЛОГИЯ

II

ВОСКРЕСШЕ БОГИ

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ

КНИГА I—9

— EX LIBRIS —
Biblioteki Kuratorium O.S.B.
w Białymstoku

1180/1-1111

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1911

W Białymstoku
Przy K. O. S. B.
CENTRALNA BIBLIOTEKA I KASOWNICZNA

1111

ПЕЧАТЬ СТИПОГРАФИИ
Т-ва М. О. КОЛЬЦА
СПЕЦИАЛЬН. БАС. ОСТР. 16 ЛИНИЙ СЪЕД. ДРОЗД.
1911

ПЕРВАЯ КНИГА.

Бѣлая дьяволица.

I.

Во Флоренціи, рядомъ съ каноникой Орть-Сентъ-Микэле, находились товарные склады цеха красильщиковъ. Неуклюжія пристройки, клѣтки, неровные выступы на косыхъ деревянныхъ подпорахъ лѣпились къ домамъ, сходясь вверху черепичными кровлями такъ близко, что отъ неба оставалась лишь узкая щель, и на улицѣ, даже днемъ, было темно. У входа въ лавки висѣли на перекладинахъ образчики тканей заграничной шерсти, крашеной во Флоренціи. Въ канавѣ посерединѣ улицы, мощеной плоскими камнями, струились разноцвѣтныя жидкости, выливаемые изъ красильныхъ чановъ. Надъ дверями главныхъ складовъ—фондаковъ виднѣлись щиты съ гербомъ Калималы, цеха красильщиковъ: въ алломъ полѣ золотой орелъ на кругломъ тюкѣ бѣлой шерсти.

Въ одномъ изъ фондаковъ сидѣлъ, окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами, богатый флорентинскій купецъ, консулъ благороднаго искусства Калималы—мессэръ Чиприано Буонаккорзи.

Въ холодномъ свѣтѣ мартовскаго дня, въ дыханіи сырости, вѣявшей изъ подваловъ, загроможденныхъ товарами, старикъ зябъ и кутался въ облѣзлую бѣличью шубу съ

истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухомъ, и слабыми, близорукими, но всевидящими глазами онъ просматривалъ, какъ будто небрежно, на самомъ дѣлѣ внимательно, пергаментные листки громадной счетной книги, страницы, раздѣленные продольными и поперечными графами: справа «дать», слѣва—«имѣть». Записи товаровъ сдѣланы были ровнымъ круглымъ почеркомъ, безъ прописныхъ буквъ, безъ точекъ и запятыхъ, съ цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленнымъ новшествомъ, непристойнымъ для дѣловыхъ книгъ. На первой страницѣ было написано большими буквами:

«Во имя Господа нашего Иисуса Христа и Приснодѣвы Маріи счетная книга сія начинается лѣта отъ Рождества Христова тысяча четыреста девяносто четвертаго».

Окончивъ просмотръ послѣднихъ записей и тщательно исправивъ ошибку въ числѣ принятыхъ подъ залогъ шерстяного товара лаштовъ продолговатаго стручкового перцу, мекскаго имбирю и вязокъ корицы, мессэръ Чиприано съ усталымъ видомъ откинулся на спинку стула, закрылъ глаза и началъ обдумывать дѣловое письмо, которое предстояло ему послать главному приказчику на суконную ярмарку во Франціи, въ Монпелье.

Кто-то вошелъ въ лавку. Старикъ открылъ глаза и увидѣлъ своего мызника, поселянина Грилло, который снималъ у него пахотную землю и виноградники на подгорной виллѣ Санъ-Джервазіо, въ долинѣ Муньоне.

Грилло кланялся, держа въ рукахъ корзину съ яйцами, старательно переложенными соломой. У пояса его болтались два живыхъ молоденькихъ пѣтушка на связанныхъ лапкахъ, хохолками внизъ.

— А, Грилло!—молвилъ Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковою въ обращеніи съ малыми и великими.—Какъ Господь милуетъ? Кажется, нынче весна дружная?

— Намъ, старикамъ, мессэре Чиприано, и весна не въ радость: кости ноютъ—въ могилу просятся.

— Вотъ къ Свѣтлому празднику,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—яичекъ да пѣтушковъ вашей милости принесъ.

Грилло съ хитрою ласковостью щурилъ свои зеленова-

тые глазки, собирая вокругъ нихъ мелкія загорѣлыя морщины, какія бываютъ у людей, привыкшихъ къ солнцу и вѣтру.

Буонаккорзи, поблагодаривъ старика, началъ расспрашивать о дѣлахъ.

— Ну, что, готовы ли работники на мызѣ? Успѣемъ ли кончить до свѣту?

Грилло тяжело вздохнулъ и задумался, опираясь на палку, которую держалъ въ рукахъ.

— Все готово, и работниковъ довольно. Только вотъ что я вамъ доложу, мессэре: не лучше ли подождать?

— Ты же самъ, старикъ, напередъ говорилъ, что ждать нельзя,—можетъ кто-нибудь раньше догадаться.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки страшно. Грѣхъ! Дни нынче святые, постные, а дѣло наше неладное...

— Ну, грѣхъ я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдамъ.—Только найдемъ ли что-нибудь?

— Какъ не найти! На то примѣты есть. Отцы и дѣды знали о холмѣ за мельницей у Мокрой Лощины. По ночамъ на Санъ-Джованни огоньки бѣгаютъ. И то сказать: у насъ этой дряни всюду много. Вотъ, говорятъ, недавно, какъ рыли колодезь въ виноградникѣ у Мариньолы, цѣлаго чорта вытащили изъ глины...

— Что ты говоришь? Какого чорта?

— Мѣднаго, съ рогами. Ноги шершавыя, козлиныя,—на концахъ копыта. А рыльце забавное,—точно смѣется; на одной ногѣ пляшетъ, пальцами прищелкиваетъ. Отъ старости весь позеленѣлъ, замшился.

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Колоколь отлили для новой часовни Архангела Михаила.

Мессэръ Чиприано едва не рассердился:

— Зачѣмъ же ты объ этомъ раньше не сказалъ мнѣ, Грилло?

— Вы въ Сіену по дѣламъ уѣзжали.

— Ну, написалъ бы. Я бы прислалъ кого-нибудь. Самъ пріѣхалъ бы, никакихъ денегъ не пожалѣлъ бы, десять колоколовъ отлилъ бы имъ. Дураки! Колоколь—изъ пляшущаго Фавна,—быть можетъ, древняго эллинскаго ваятеля Скопаса...

— Да, ужь подлинно—дураки. Только не извольте гнѣваться, мессэръ Чиприано. Они и такъ наказаны: съ тѣхъ поръ, какъ новый колоколь повѣсили, два года червь въ садахъ яблоки и вишни ѣстъ, да на оливы неурожай. И голосъ у колокола нехорошій.

— Почему же нехорошій?

— Какъ вамъ сказать? Настоящаго звука нѣтъ. Сердца христіанскаго не радуешь. Такъ что-то болтаетъ безъ толку. Дѣло извѣстное: какой же изъ чорта колоколь! Не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, мессэре, священникъ-то, пожалуй, правъ: изъ всей этой нечисти, что выкапываютъ, ничего добраго не выходитъ. Тутъ надо вести дѣло съ осторожностью, съ оглядкою. Крестомъ и молитвою ограждаться, ибо силенъ дьяволъ и хитеръ, собачій сынъ,—въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ! Вотъ хотя бы съ этой мраморной рукой, что въ прошломъ году Закелло у Мельничнаго Холма вырылъ,—попуталъ насъ нечистый, нажили мы съ нею бѣды, не дай Богъ,—и вспомнить страшно.

— Расскажи-ка, Грилло, какъ ты нашелъ ее?

— Дѣло было осенью, наканунѣ св. Мартина. Съли мы ужинать, и только что хозяйка поставила на столъ тюрю изъ хлѣба,—вбѣгаетъ въ горницу работникъ, кумовъ племянникъ, Закелло. А надо вамъ сказать, что я въ тотъ вечеръ въ полѣ его оставилъ, у Мельничнаго Холма, оливковую корчагу выворачивать,—коноплею то мѣсто хотѣлъ засѣять. «Хозяинъ, а, хозяинъ!»—лопочетъ Закелло, и лица на немъ нѣтъ: весь трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. «Господь съ тобой, малый!»—«Недоброе, говоритъ, въ полѣ творится: покойникъ изъ-подъ корчаги вылѣзаетъ. Если не вѣрите, пойдите, сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

Стемнѣло. Мѣсяцъ всталъ изъ-за роши. Видимъ—корчага; рядомъ земли разрыта, и что-то въ ней бѣлѣетъ. Наклонился, смотрю—рука изъ земли торчитъ, бѣлая и пальцы красивые, тонкіе, какъ у дѣвушекъ городскихъ. «Ахъ, пострѣлъ тебя возьми,—думаю,—это что за чертовщина?» Опустилъ фонарь въ яму, чтобы лучше рассмотреть, а рука-то зашевелилась, пальчиками манить. Тутъ ужь я не стерпѣлъ, закричалъ, ноги подкосились. А монна Бонда,

бабушка,—она у насъ знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушка: «чего вы всѣ испугались, дураки,—говоритъ,—развѣ не видите—рука не живая и не мертвая, а каменная». Ухватила, дернула и вытащила изъ земли, какъ рѣпу. Повыше кости въ суставѣ рука была сломана. «Бабушка,—кричу,—ой, бабушка, оставь, не тронь, зароемъ поскорѣе въ землю, а то какъ бы бѣды не нажить».—«Нѣтъ,—говоритъ,—такъ не ладно, а надо сначала въ церковь священнику отнести, пусть онъ заклітіе прочтетъ». Обманула меня старуха: священнику руки не отнесла, а въ свой ларь въ углу спрятала, гдѣ у нея всякая рухлядь—тряпочки, мази, травы и ладонки. Я бранился, чтобы руку отдала, но монна Бонда заупрямилась. И стала съ тѣхъ поръ бабушка чудесныя творить исцѣленія. Заболѣть ли у кого зубы—идольской рукой прикоснется къ щекѣ, и опухоль опадетъ. Отъ лихорадки, отъ живота, отъ падучей помогала. Ежели корова мучится, не можетъ отелиться, бабушка ей на брюхо каменную руку положить, корова замычитъ, и смотришь—теленочекъ уже въ соломѣ копошится.

Молва по окрестнымъ селеніямъ пошла. Много денегъ въ то время набрала старуха. Только проку не вышло. Священникъ, отецъ Фаустино, не давалъ мнѣ спуска: въ церковь пойду—онъ меня на проповѣди при всѣхъ укоряетъ, Сыномъ погибели называлъ, слугою дьявола, епископу грозилъ пожаловаться, Св. Причастія лишить. Мальчишки за мною по улицѣ бѣгали, пальцами указывали: «вотъ идетъ Грилло, самъ Грилло колдунъ, а бабушка у него вѣдьма, оба душу чорту продали». Вѣрите ли, даже по ночамъ не было покоя: все мраморная рука мерещится, будто бы подбирается, тихонько за шею беретъ, точно ласкаетъ, пальцы холодные, длинные, а потомъ, какъ вдругъ схватить, стиснетъ горло, начнетъ душить,—хочу крикнуть и не могу.

Э, думаю, шутки-то плохи. Всталъ я разъ до свѣту, и какъ бабушка на лугу по росѣ пошла травы собирать, выломалъ замокъ у ларя, взялъ руку и вамъ отнесъ. Хотя старьевщикъ Лотто десять сольдовъ давалъ, а отъ васъ получилъ я только восемь, ну, да для вашей милости мы не то что двухъ сольдовъ, а живота своего не пожалѣ-

емъ,—пошли вамъ Господь всякаго благовременія, и мадоннѣ Анжеликѣ, и дѣткамъ, и внукамъ вашимъ.

— Да, судя по всему, что ты рассказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдемъ въ Мельничномъ Холмѣ,—произнесъ мессэръ Чиприано въ раздумьи.

— Найти-то найдемъ,—продолжалъ старикъ, опять тяжело вздохнувъ,—только вотъ какъ бы отецъ Фаустино не пронюхалъ. Ежели узнаетъ—расчешетъ онъ мнѣ голову безъ гребня такъ, что не поздоровится, да и вамъ помѣшаетъ: народъ взбунтуетъ, работы кончить не дастъ. Ну, да Богъ милостивъ. Только ужъ и вы меня не оставьте, благодѣтель, замолвите словечко у судьи.

— Это насчетъ того куска земли, который у тебя мельникъ хочетъ оттягать?

— Точно такъ, мессэре. Мельникъ—жила и пройдоха. Знаетъ, гдѣ у чорта хвостъ. Я, видите ли, телку судѣ подарилъ, и онъ ему—телку, да стельную. Во время тяжбы она возьми и отелись. Перехитрилъ меня, плутъ. Вотъ я и боюсь, какъ бы судья не рѣшилъ въ его пользу, потому что телка-то бычкомъ отелилась на грѣхъ. Ужъ заступитесь, отецъ родной! Я вѣдь это только для вашей милости съ Мельничнымъ Холмомъ стараюсь,—ни для кого такого грѣха на душу не возьмъ бы...

— Будь покоенъ, Грилло. Судья—мой пріятель, и я за тебя похлопочу. А теперь ступай. На кухнѣ тебя накормятъ и виномъ угостятъ. Сегодня ночью мы вмѣстѣ ѣдемъ въ Санъ-Джервазіо.

Старикъ, низко кланяясь, поблагодарилъ и ушелъ, а мессэръ Чиприано удалился въ свою маленькую рабочую комнату, рядомъ съ лавкой, куда никто не имѣлъ позволенія входить.

Здѣсь, какъ въ музеѣ, разставлены и развѣшаны были по стѣнамъ мраморы и бронзы. Древнія монеты и медали красовались на доскахъ, обшитыхъ сукномъ. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали въ ящикахъ. Черезъ свои многочисленныя торговыя конторы выписывалъ онъ древности отовсюду, гдѣ можно было ихъ найти: изъ Аѳинъ, Смирны и Галикарнасса, съ Кипра, Левкозии и Родоса, изъ глубины Египта и Малой Азіи.

Оглянувъ сокровища свои, консулъ Калималы снова

погрузился въ строгія, важныя мысли о таможенномъ налогѣ на шерсть и, все окончательно обдумавъ, сталъ сочинять письмо довѣренному въ Монпелье.

II.

Въ это время, въ глубинѣ склада, гдѣ тюки товара, наваленные до потолка, и днемъ освѣщались только лампадою, мерцавшею передъ Мадонною, бесѣдовали трое молодыхъ людей: Доффо, Антоніо и Джіованни. Доффо, приказчикъ мессэра Буонаккорзи, съ рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывалъ въ книгу число локтей смѣреннаго сукна. Антоніо да Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, съ упрямо торчавшими космами жидкихъ черныхъ волосъ, проворно мѣрилъ ткань флорентинскою мѣрою—канною. Джіованни Бельтраффіо, ученикъ живописи, пріѣхавшій изъ Милана, юноша лѣтъ девятнадцати, робкій и застѣнчивый, съ большими, невинными и печальными, сѣрыми глазами, съ нерѣшительнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ на готовомъ тюкѣ, закинувъ ногу на ногу и внимательно слушалъ.

— Вотъ до чего, братцы, дожили,—говорилъ Антоніо тихо и злобно:—языческихъ боговъ изъ земли стали выкапывать!

— Шотландской шерсти съ ворсомъ, коричневаго — тридцать два локтя, шесть пяденей, восемь онцій,—привавилъ онъ, обращаясь къ Доффо, и тотъ записалъ въ товарную книгу. Потомъ, свернувъ смѣренный кусокъ, Антоніо бросилъ его сердито, но ловко, такъ что онъ попалъ какъ разъ туда, куда нужно, и, поднявъ указательный палецъ съ пророческимъ видомъ, подражая брату Джироламо Савонароллѣ, воскликнулъ:

— *Gladius Dei super terram cito et velociter!* Св. Іоанну на Патмосѣ было видѣніе: ангелъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ въ бездну, и заключилъ, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ народы, доколѣ не кончится тысяча лѣтъ, время и полвремени.

Нынѣ сатана освобождается изъ темницы. Окончилась тысяча лѣтъ. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходятъ изъ земли, изъ-подъ печати ангела, дабы обольщать народы. Горе живущимъ на землѣ и на морѣ!..

— Желтаго, брабантской шерсти, гладкаго — семнадцать локтей, четыре пядени, девять ончій.

— Какъ же вы разумѣете, Антоніо, — произнесъ Джіованни съ боязливымъ и жаднымъ любопытствомъ, — всѣ эти знаменія свидѣлствуютъ?..

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древнихъ боговъ выкапываютъ, но и новыхъ творятъ, наподобіе древнихъ. Нынѣшніе ваятели и живописцы служатъ Молоху, то есть дьяволу. Изъ церкви Господней дѣлаютъ храмъ сатаны. На иконахъ, подъ видомъ мучениковъ и святыхъ, нечистыхъ боговъ изображаютъ, коимъ поклоняются: вмѣсто Іоанна Предтечи—Вакха, вмѣсто Матери Божьей — блудницу Венеру. Сжечь бы такія картины и по вѣтру пепель развѣять!

Въ тусклыхъ глазахъ благочестиваго приказчика вспыхнулъ злобщій огонь.

Джіованни молчалъ, не смѣя возражать, съ безпомощнымъ усиленіемъ мысли сжимая свои тонкія дѣтскія брови.

— Антоніо, — молвилъ онъ, наконецъ, — слышалъ я, будто бы вашъ двоюродный братъ, мессэръ Леонардо да Винчи, принимаетъ иногда учениковъ въ свою мастерскую. Я давно хотѣлъ...

— Если хочешь, — перебилъ его Антоніо, нахмурившись, — если хочешь, Джіованни, погубить душу свою — ступай къ мессэру Леонардо.

— Какъ? Почему?

— Хотя онъ и братъ мнѣ, и старше меня на двадцать лѣтъ, но въ Писаніи сказано: еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся. Мессэръ Леонардо—еретикъ и безбожникъ. Умъ его омраченъ сатанинскою гордостью. Посредствомъ математики и черной магіи мыслить онъ проникнуть въ тайны природы...

И поднявъ глаза къ небу, привелъ онъ слова Савонароллы изъ послѣдней проповѣди:

— «Мудрость вѣка сего — безуміе предъ Господомъ. Знаемъ мы этихъ ученыхъ: всѣ грядутъ въ жилище сатаны!»

— А слышали вы, Антоніо, — продолжалъ Джіованни еще болѣе робко, — мессэръ Леонардо теперь здѣсь, во Флоренціи? Только что пріѣхалъ изъ Милана.

— Зачѣмъ?

— Герцогъ прислалъ, чтобы развѣдать, нельзя ли купить нѣкоторыя изъ картинъ, принадлежавшихъ покойному Лоренцо Великолѣпному.

— Здѣсь, такъ здѣсь. Мнѣ все равно, — перебилъ Антоніо, еще усерднѣе принимаясь отмахивать на канѣ сукно.

Въ церквахъ зазвонили къ повечерію. Доффо радостно потянулся и захлопнулъ книгу. Работа была кончена. Лавки запирались.

Джіованни вышелъ на улицу. Между мокрыми крышами было сѣрое небо съ едва уловимымъ розовымъ оттѣнкомъ вечера. Въ безвѣтренномъ воздухѣ сѣялъ мелкій дождь.

Вдругъ изъ открытаго окна въ сосѣднемъ переулкѣ послышалась пѣсня.

O, vaghe montanine e pastorelle.

O, дѣвы горъ, о, милыя пастушки.

Голосъ былъ молодой и звонкій. Джіованни догадался, по равномерному звуку подножки, что поетъ ткачиха за станкомъ.

Заслушался, вспомнилъ, что теперь весна, и почувствовалъ, какъ сердце бьется отъ безпричиннаго умиленія и грусти.

— Нанна! Нанна! Да гдѣ же ты, чортова дѣвка? Оглохла, что ли? Ужинать ступай! Лапша простынетъ.

Деревянные башмаки — цокколи бойко застучали по кирпичному полу — и все умолкло.

Джіованни стоялъ еще долго, смотрѣлъ на пустое окно, и въ ушахъ его звучалъ весенній напѣвъ, подобный переливамъ далекой свирѣли—

O, vaghe montanine e pastorelle.

Потомъ тихо вздохнулъ, вошелъ въ домъ консула Калималы и, по крутой лѣстницѣ съ гнилыми, шаткими перилами, извѣденными червоточиной, поднялся въ большую комнату, служившую библиотекой, гдѣ сидѣлъ, согнувшись за письменнымъ поставцомъ, Джіорджіо Мэрула, придворный лѣтописецъ миланскаго герцога.

III.

МЭРУЛА пріѣхалъ во Флоренцію, по порученію государя, для покупки рѣдкихъ сочиненій изъ книгохранилища Лоренцо Медичи и, какъ всегда, остановился въ домѣ друга своего, такого же, какъ онъ, любителя древностей, мессера Чипріано Буонаккорзи. Съ Джіованни Бельтрафіо ученый историкъ познакомился случайно на постояломъ дворѣ, по пути изъ Милана, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, Мэрулѣ, нуженъ хорошій писецъ, а у Джіованни почеркъ красивый и четкій, взялъ его съ собою въ домъ Чипріано.

Когда Джіованни входилъ въ комнату, Мэрула тщательно разсматривалъ истрепанную книгу, похожую на церковный требникъ или псалтырь. Осторожно проводилъ влажною губкою по тонкому пергаменту, самому нѣжному, изъ кожи мертворожденнаго прландскаго ягненка, — нѣкоторыя строки стиралъ пемзою, выглаживалъ лезвіемъ ножа и лоциломъ, потомъ опять разсматривалъ, подымая къ свѣту.

— Миленькія! — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, захлебываясь отъ умиленія. — Ну-ка, выходите, бѣдныя, выходите на свѣтъ Божій... Да какія же вы длинныя, красивыя!

Онъ прищелкнулъ двумя пальцами и поднималъ отъ работы плѣшивую голову, съ одутловатымъ лицомъ, съ мягкими, подвижными морщинами, съ багрово-сизымъ носомъ, съ маленькими свинцовыми глазками, полными жизни и неутомонной веселости. Рядомъ, на подоконникѣ, стоялъ глиняный кувшинъ и кружка. Ученый налилъ себѣ вина, выпилъ, крикнулъ и хотѣлъ опять погрузиться въ работу, когда увидѣлъ Джіованни.

— Здравствуй, монашекъ! — привѣтствовалъ его старикъ шутливо: монашкомъ называлъ онъ Джіованни за скромность. — Я по тебѣ соскучился. Думаю, гдѣ пропадаетъ? Ужъ не влюбился ли, чего добраго? Дѣвочки-то во Флоренціи славныя. Влюбиться не грѣхъ. — А я тоже времени даромъ не теряю. Ты этакой забавной штуки отъ роду пожалуй не видывалъ. Хочешь, покажу? Или нѣтъ — еще разболтаешь. Я вѣдь у жида, старьевщика за грошъ купилъ, — среди хлама нашелъ. Ну, да ужъ куда ни шло, тебѣ одному покажу!

Онъ поманилъ его пальцемъ:

— Сюда, сюда, поближе къ свѣту!

И указалъ на страницу, покрытую тѣсными, остроугольными буквами церковнаго письма. Это были акансты, молитвы, псалмы съ громадными, неуклюжими нотами для пѣнія.

Потомъ взялъ у него книгу, открылъ на другомъ мѣстѣ, поднималъ къ свѣту, почти въ уровень съ его глазами, — и Джіованни замѣтилъ, какъ тамъ, гдѣ Мэрула соскоблилъ церковныя буквы, появились инныя, почти неуловимыя строки, безцвѣтные отпечатки древняго письма, углубленія въ пергаментъ — не буквы, а только призраки давно исчезнувшихъ буквъ, блѣдныя и нѣжныя.

— Что? Видишь, видишь? — повторилъ Мэрула съ торжествомъ. — Вотъ онъ, голубчики. Говорилъ я тебѣ, монашекъ, веселая штука!

— Что это? Откуда? — спросилъ Джіованни.

— Самъ еще не знаю. Кажется, отрывки изъ древней антологіи. Можетъ быть, и новыя, невѣдомыя міру сокровища эллинской музыки. А вѣдь если бы не я, такъ бы и не увидѣть имъ свѣта Божьяго! Прележали бы до скончанія вѣковъ подъ антифонами и покаянными псалмами...

И Мэрула объяснилъ ему, что какой-нибудь средне-вѣковый монахъ — переписчикъ, желая воспользоваться драгоценнымъ пергаментомъ, соскоблилъ древнія языческія строки и написалъ по нимъ новыя.

Солнце, не разрывая дождливой пелены, а только просвѣчивая, наполнило комнату угасающимъ розовымъ отблескомъ, и въ немъ углубленные отпечатки, тѣни древнихъ буквъ, выступили еще яснѣе.

— Видишь, видишь, покойники выходят изъ могилъ!—повторялъ Мэрула съ восторгомъ.—Кажется, гимнъ олимпійцамъ. Вотъ, смотри, можно прочесть первыя строки.

И онъ перевелъ ему съ греческаго:

Слава любезному, пышно-вѣнчанному гроздьями Вакху,
Слава тебѣ, дальномечущій Фебъ, серебрулюкій, ужасный,
Богъ лѣпокудрый, убійца сыновъ Нюбен.

— А вотъ и гимнъ Венерѣ, которой ты такъ боишься, монашекъ! Только трудно разобрать...

Слава тебѣ, златоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей...

Стихъ обрывался, исчезая подъ церковнымъ письмомъ.

Джіованни опустилъ книгу, и отпечатки буквъ поблѣднѣли, углубленія стерлись, утонули въ гладкой желтизнѣ пергамента,—тѣни скрылись. Видны были только ясныя, жирныя, черныя буквы монастырскаго требника и громадныя, крючковатыя, неуклюжія ноты покаяннаго псалма:

«Услышь, Боже, молитву мою, внемли мнѣ и услышь меня. Я стенаю въ горести моей и смущаюсь: сердце мое трепещетъ во мнѣ, и смертные ужасы напали на меня».

Розовый отблескъ потухъ, и въ комнатѣ стало темнѣть. Мэрула налилъ вина изъ глиняного кувшина, выпилъ и предложилъ собесѣднику.

— Ну-ка, братецъ, за мое здоровье. *Vinum super omnia bonum diligamus!*

Джіованни отказался.

— Ну—Богъ съ тобой. Такъ я за тебя выпью.—Да что это ты, монашекъ, какой сегодня скучный, точно въ воду опущенный? Или опять этотъ святоша Антоніо пророчествами напугалъ? Плюнь ты на нихъ, Джіованни, право плюнь! И чего каркаютъ, ханжи, чтобъ имъ пусто было!—Признавайся, говорилъ ты съ Антоніо?

— Говорилъ.

— О чемъ?

— Объ Антихристѣ и мессѣрѣ Леонардо да-Винчи...

— Ну, вотъ! Да ты только и бредишь Леонардо. Околдовалъ онъ тебя, что ли? Слушай, братъ, выкинь дурь изъ головы. Оставайся-ка моимъ секретаремъ—я тебя живо въ люди выведу: латыни научу, законовѣдомъ сдѣлаю, ораторомъ или придворнымъ стихотворцемъ,—разбогатѣешь, славы достигнешь. Ну, что такое живопись? Еще философъ Сенека называлъ ее ремесломъ, недостойнымъ свободного человѣка. Посмотри на художниковъ—все люди невѣжественные, грубые...

— Я слышалъ,—возразилъ Джіованни,—что мессѣр Леонардо—великій ученый.

— Ученый? Какъ бы не такъ! Да онъ и по-латыни читать не умѣетъ, Цицерона съ Квинтиліаномъ смѣшиваетъ, а греческаго и не нюхалъ. Вотъ такъ ученый! Курамъ на смѣхъ.

— Говорятъ, — не унимался Бельтраффіо, — что онъ изобрѣтаетъ чудесныя машины, и что его наблюденія надъ природою...

— Машины, наблюденія! Ну, братъ, съ этимъ далеко не уйдешь. Въ моихъ «Красотахъ латинскаго языка» собрано болѣе двухъ тысячъ новыхъ изящнѣйшихъ оборотовъ рѣчи. Такъ знаешь ли ты, чего мнѣ это стоило?.. А хитрыя колесики въ машинкахъ прилаживать, по-сматривать, какъ птицы въ небѣ летаютъ, травы въ полѣ растутъ—это не наука, а забава, игра для дѣтей!..

Старикъ помолчалъ; лицо его сдѣлалось строже. Взявъ собесѣдника за руку, онъ промолвилъ съ тихою важностью:

— Слушай, Джіованни, и намотай себѣ на усъ. Учителя наши—древніе греки и римляне. Они сдѣлали все, что люди могутъ сдѣлать на землѣ. Намъ же остается только слѣдовать за ними и подражать. Ибо сказано: ученикъ не выше своего учителя.

Онъ отхлебнулъ вина, заглянулъ прямо въ глаза Джіованни съ веселымъ лукавствомъ, и вдругъ мягкія морщины его расплылись въ широкую улыбку:

— Эхъ, молодость, молодость! Гляжу я на тебя, монашекъ, и завидую. Распуколка весенняя—вотъ ты кто!

Вина не пьютъ, отъ женщинъ бѣгаетъ. Тихоня, смиренный. А внутри—бѣсъ. Я вѣдь тебя насквозь вижу. Подожди, голубчикъ, выйдетъ наружу бѣсъ. Самъ ты скучный, а съ тобой весело. Ты теперь, Джіованни, вотъ какъ эта книга. Видишь,—сверху псалмы покаянные, а подъ ними гимнъ Афродитѣ!

— Стеннѣло, мессэръ Джіорджіо. Не пора ли огонь зажигать?

— Подожди,—ничего. Я въ сумеркахъ люблю поболтать, молодость вспомнить...

Языкъ его тяжелѣлъ, рѣчь становилась безсвязной.

— Знаю, другъ любезный,—продолжалъ онъ,—ты вотъ смотришь на меня и думаешь: напился, старый хрычъ, вздоръ мелеть. А вѣдь у меня здѣсь тоже кое-что есть!

Онъ самодовольно указалъ пальцемъ на свой плѣшивый лобъ.

— Хвастать не люблю—ну, а спроси перваго школяра: онъ тебѣ скажетъ, превзошелъ ли кто Мэрулу въ изяществахъ латинской рѣчи. Кто открылъ Марціала?—продолжалъ онъ, все болѣе увлекаясь,—кто прочелъ знаменитую надпись на развалинахъ Тибуртинскихъ воротъ? Залѣзешь, бывало, такъ высоко что голова кружится, камень сорвется изъ-подъ ноги—едва успѣешь за кустъ уцѣпиться, чтобы самому не слетѣть. Цѣлые дни мучишься на припекѣ, разбираешь древнія надписи и списываешь. Пройдутъ хорошенькія поселанки, хохочутъ: «посмотрите-ка, дѣвушки, какой сидитъ перепелъ—вонъ куда забрался, дуракъ, должно быть, клада ищетъ!» Полюбезничаешь съ ними, пройдутъ—и опять за работу. Гдѣ камни осыпались, подъ плющемъ и терновникомъ—тамъ только два слова: *gloria Romanorum*.

И, какъ будто вслушиваясь въ звуки давно умолкшихъ, великихъ словъ, повторилъ онъ глухо и торжественно:

— *Gloria Romanorum*! Слава римлянъ!

— Э, да что вспоминать,—все равно не воротить,—махнулъ онъ рукой и, подымая стаканъ, хриплымъ голосомъ затянулъ застольный гимнъ школяровъ:

Не обмолвлюсь натошакъ
Ни единой строчкой.
Я всю жизнь ходилъ въ кабакъ
И умру за бочкой.
Какъ вино, я пѣснь люблю
И латинскихъ грацій,—
Если-жъ пью, то и пою
Лучше, чѣмъ Горацій.
Въ сердцѣ буйный хмѣль шумитъ,
Dum vinum potamus,—
Братья, Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

Закашлялся и не кончилъ.

Въ комнатѣ уже было темно. Джіованни съ трудомъ различалъ лицо собесѣдника.

Дождь пошелъ сильнѣе, и слышно было, какъ частыя капли изъ водосточной трубы падаютъ въ лужу.

— Такъ вотъ какъ, монашекъ,—бормоталъ Мэрула заплетающимся языкомъ.—Что, бишь, я говорилъ? Жена у меня красавица... Нѣтъ, не то. Погоди. Да, да... Помнишь стихъ:

Tu regere imperio populos, Romane, memento.

— Слушай, это были исполинскіе люди. Повелители вселенной!..

Голосъ его дрогнулъ, и Джіованни показалось, что на глазахъ мессэра Джіорджіо блеснули слезы.

— Да, исполинскіе люди! А теперь—стыдно сказать... Хотя бы этотъ нашъ герцогъ миланскій, Лодовико Моро. Конечно, я у него на жалованьи, исторію пишу наподобіе Тита Ливія, съ Помпеемъ и Цезаремъ сравниваю зайца трусливаго, выскочку. Но въ душѣ, Джіованни, въ душѣ у меня...

По привычкѣ стараго придворнаго, онъ подозрительно оглянулся на дверь, не подслушиваетъ ли кто-нибудь,—и, наклонившись къ собесѣднику, прошепталъ ему на ухо:

— Въ душѣ стараго Мэрулы не угасла и никогда не угаснетъ любовь къ свободѣ. Только ты объ этомъ никому не говори. Времена нынче скверныя. Хуже не бывало. И что за людишки—смотрѣть тошно: плѣсень, отъ

земли не видать. А вѣдь тоже носъ задираютъ, съ дренными равняются! И чѣмъ, подумаешь, взяли, чему радуются? Вотъ, мнѣ одинъ пріятель изъ Греціи пишетъ: недавно на островѣ Хіосѣ монастырскія прачки по зарѣ, какъ бѣлье полоскали, на морскомъ берегу настоящаго древняго бога нашли, тритона съ рыбьимъ хвостомъ, съ плавниками, въ чешуѣ. Испугались дуры. Подумали—чортъ, убѣжали. А потомъ видать—старый онъ, слабый, должно быть, больной, лежитъ ничкомъ на пескѣ, зябнетъ и спину зеленую чешуйчатую на солнцѣ грѣетъ. Голова сѣдая, глаза мутные, какъ у грудныхъ дѣтей. Расхрабрились, подлые, обступили его съ христіанскими молитвами, да ну колотить вальками. До смерти избили, какъ собаку, древняго бога, послѣдняго изъ могучихъ боговъ океана, можетъ быть, внука Посейдонова!..

Старикъ замолчалъ, уныло понутивъ голову, и по щекамъ его скатились двѣ пьяныя слезы отъ жалости къ морскому чуду.

Слуга принесъ огонь и закрылъ ставни. Языческіе призраки отлетѣли.

Позвали ужинать. Но Мэрула такъ отяжелѣлъ отъ вина, что его должны были отвести подъ руки въ постель.

Бельтраффіо долго не могъ заснуть въ ту ночь и, прислушиваясь къ безмятежному храпу мессэра Джіорджіо, думалъ о томъ, что въ послѣднее время его больше всего занимало,—о Леонардо да-Винчи.

IV.

В О Флоренцію пріѣхалъ Джіованни изъ Милана, по порученію дяди своего, Освальда Ингрима, стекольщика, чтобы купить красокъ, особенно яркихъ и прозрачныхъ, какихъ нельзя было достать нигдѣ, кромѣ Флоренціи.

Стекольщикъ-живописецъ, родомъ изъ Граца, ученикъ знаменитаго страсбургскаго мастера Іоганна Кирхгейма, Освальдъ Ингримъ, работалъ надъ окнами сѣверной ризницы миланскаго собора. Джіованни, сирота, незаконный сынъ его брата, каменщика Рейнольда Ингрима, полу-

чилъ имя Бельтраффіо отъ матери своей, уроженки Ломбардіи, которая, по словамъ дяди, была распутною женщиной и вовлекла въ погибель отца его.

Въ домѣ угрюмага дяди росъ онъ одинокимъ ребенкомъ. Душу его омрачали безконечные рассказы Освальда Ингрима о всякихъ нечистыхъ силахъ, бѣсахъ, вѣдмахъ, колдунахъ и оборотняхъ. Особенный ужасъ внушало мальчику преданіе, сложенное сѣверными людьми въ языческой Италіи, о женообразномъ демонѣ—такъ называемой Бѣлобрысой Матери или Бѣлой Дьяволицѣ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда Джіованни плакалъ ночью въ постели, дядя Ингримъ пугалъ его Бѣлой Дьяволицей, и ребенокъ тотчасъ утихалъ, пряталъ голову подъ подушку; но сквозь трепетъ ужаса чувствовалъ любопытство, желаніе когда-нибудь увидѣть Бѣлобрысую лицомъ къ лицу.

Освальдъ отдалъ племянника на выучку монаху-иконописцу, фра Бенедетто.

Это былъ простодушный и добрый старикъ. Онъ училъ, приступая къ живописи, призывать на помощь всемогущаго Бога, возлюбленную заступницу грѣшныхъ, Дѣву Марію, св. евангелиста Луку, перваго христіанскаго живописца, и всѣхъ святыхъ рай; затѣмъ украшаться одѣяніемъ любви, страха, послушанія и терпѣнія; наконецъ, заправлять темперу для красокъ на яичномъ желткѣ и молочномъ соку молодыхъ вѣтокъ смоковницы съ водой и виномъ, готовить дощечки для картинъ изъ стараго фиговаго или буковаго дерева, протирая ихъ порошкомъ изъ жженой кости, при чемъ предпочтительнѣе употреблять кости изъ реберъ и крыльевъ куръ и капуновъ, или реберъ и плечъ барана.

Это были неисчерпаемыя наставленія. Джіованни зналъ заранѣе, съ какимъ пренебрежительнымъ видомъ фра Бенедетто подыметъ брови, когда рѣчь зайдетъ о краскѣ, именуемой драконовою кровью, и непременно скажетъ: «оставь ее и не очень печалься о ней; она не можетъ принести тебѣ много чести». Онъ угадывалъ, что тѣ же слова говорилъ и учитель фра Бенедетто, и учитель его учителя. Столь же неизмѣнной была улыбка тихой гордости, когда фра Бенедетто повѣрялъ ему тайны мастерства,

которыя казались монаху предѣломъ всѣхъ человѣческихъ художествъ и хитростей: какъ, напримѣръ, для состава промазки при изображеніи молодыхъ лицъ должно брать яйца городскихъ куръ, потому что желтки у нихъ свѣтлѣе, нежели у сельскихъ, которыя, вслѣдствіе своего красноватаго цвѣта, идутъ болѣе для изображенія стараго смуглаго тѣла.

Несмотря на всѣ эти тонкости, фра Бенедетто оставался художникомъ безхитростнымъ, какъ младенецъ. Къ работѣ готовился постами и бдѣніями. Приступая къ ней, падалъ ницъ и молился, испрашивая у Господа силы и разума. Каждый разъ, какъ изображалъ Распятіе, лицо его обливалось слезами.

Джіованни любилъ учителя и почиталъ его величайшимъ изъ мастеровъ. Но въ послѣднее время находило на ученика смущеніе, когда, объясняя свое единственное правило изъ анатоміи, — что длину мужскаго тѣла должно полагать въ восемь лицъ и двѣ трети лица, — фра Бенедетто прибавлялъ съ тѣмъ же пренебрежительнымъ видомъ, какъ о драконовой крови, — «что касается до тѣла женщины, лучше оставить его въ сторонѣ, ибо оно не имѣетъ въ себѣ ничего соразмѣрнаго». Онъ былъ убѣжденъ въ этомъ такъ же непоколебимо, какъ въ томъ, что у рыбъ и вообще у всѣхъ неразумныхъ животныхъ сверху темный цвѣтъ, а снизу свѣтлый; или въ томъ, что у мужчины однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у женщины, такъ какъ Богъ вынулъ ребро Адама, чтобы создать Еву.

Однажды понадобилось ему представить четыре стихіи посредствомъ аллегорій, обозначивъ каждую какимъ-нибудь животнымъ. Фра Бенедетто выбралъ крота для земли, рыбу для воды, саламандру для огня и хамелеона для воздуха. Но, полагая, что слово хамелеонъ есть увеличительное отъ *camelo*, которое значитъ верблюдъ, — монахъ въ простотѣ сердца представилъ стихію воздуха въ видѣ верблюда, который открываетъ пасть, чтобы лучше дышать. Когда же молодые художники стали смѣяться надъ нимъ, указывая на ошибку, онъ терпѣлъ насмѣшки съ христіанскою кротостью, оставаясь при убѣжденіи, что между верблюдомъ и хамелеономъ нѣтъ разницы.

Таковы были и остальные познанія благочестиваго мастера о природѣ.

Давно уже въ сердце Джіованни проникли сомнѣнія, новый мятежный духъ, «бѣсъ мірскаго любомудрія», по выраженію монаха. Когда же ученику фра Бенедетто, незадолго до поѣздки въ Флоренцію, случилось увидѣть нѣкоторые изъ рисунковъ Леонардо да-Винчи, эти сомнѣнія нахлынули въ душу его съ такою силою, что онъ не могъ имъ противиться.

Въ ту ночь, лежа рядомъ съ мирно храпѣвшимъ мессэромъ Джіорджіо, въ тысячный разъ перебиралъ онъ въ умѣ своемъ эти мысли, но чѣмъ болѣе углублялся въ нихъ, тѣмъ болѣе запутывался.

Наконецъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи небесной и, устремляя взоръ, полный надежды, въ темноту ночи, сталъ молиться такъ:

— Господи, помоги мнѣ и не оставь меня! Если мессэръ Леонардо — человѣкъ въ самомъ дѣлѣ безбожный, и въ наукѣ его — грѣхъ и соблазнъ, сдѣлай такъ, чтобы я о немъ больше не думалъ и о рисункахъ его позабылъ. Избавь меня отъ искушенія, ибо я не хочу согрѣшить передъ Тобою. Но, если можно, угождая Тебѣ и прославляя имя Твое въ благородномъ искусствѣ живописи, знать все, чего фра Бенедетто не знаетъ, и чтѣ мнѣ такъ сильно хочется знать, — и анатомію, и перспективу, и прекраснѣйшіе законы свѣта и тѣни, — тогда, о Господи, дай мнѣ твердую волю, просвѣти мою душу, чтобы я уже болѣе не сомнѣвался; сдѣлай такъ, чтобы и мессэръ Леонардо принялъ меня въ свою мастерскую, и чтобы фра Бенедетто — онъ такой добрый — простилъ меня и понялъ, что я ни въ чемъ передъ Тобою не виновенъ.

Послѣ молитвы Джіованни почувствовалъ отраду и успокоился. Мысли его сдѣлались неясными: онъ вспомнилъ, какъ въ рукахъ стекольщика раскаленное до-бѣла желѣзное остріе наждака вшивается и, съ пріятнымъ шипящимъ звономъ, рѣжетъ стекло; увидѣлъ, какъ изъ-подъ струга выходятъ, извиваясь, гибкія свинцовыя полосы, которыми соединяютъ въ рамахъ отдѣльные куски раскрашенныхъ стеколъ. Чей-то голосъ, похожій на

голосъ дяди, сказалъ: «зазубринъ, побольше зазубринъ по краямъ, тогда стекло крѣпче держится»,—и все исчезло. Онъ повернулся на другой бокъ и заснулъ.

Джіованни увидѣлъ сонъ, который впослѣдствіи часто вспоминалъ: ему казалось, что онъ стоитъ въ сумракѣ громаднаго собора передъ окномъ съ разноцвѣтными стеклами. На нихъ изображена была виноградная жатва таинственной лозы, о которой сказано въ Евангеліи: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой виноградарь». Нагое тѣло Распятаго лежитъ въ точилѣ, и кровь льется изъ ранъ. Папы, кардиналы, императоры собираютъ ее, наполняютъ и катятъ бочки. Апостолы приносятъ гроздья; св. Петръ топчетъ ихъ. Въ глубинахъ пророки, патріархи окапываютъ лозы или срубзуютъ виноградъ. И съ чаномъ вина пробѣгаетъ колесница, въ которую запряжены евангельскіе звѣри—левъ, быкъ, орелъ; править же ею ангелъ св. Матѳея. Стекла съ подобными изображеніями Джіованни встрѣчалъ въ мастерской своего дяди. Но нигдѣ не видалъ такихъ красокъ—темныхъ и въ то же время яркихъ, какъ драгоценные камни. Всего больше наслаждался онъ алымъ цвѣтомъ крови Господней. А изъ глубины собора долетали слабые, нѣжные звуки его любимой пѣсни:

O, fior di castitate,
Odorifero giglio,
Con gran soavitate
Sei di color vermiglio,
Цвѣтокъ цѣломудрія,
Душистая лилія,
О, полная нѣгою,
Багровая лилія!

Пѣснь умолкла, стекло потемнѣло—голосъ приказчика Антоніо да-Винчи сказалъ ему на ухо: «бѣги, Джіованни, бѣги! Она—здѣсь!» Онъ хотѣлъ спросить «кто?», но понялъ, что Бѣлобрысая у него за спиною. Повѣяло холодомъ, и вдругъ тяжелая рука схватила его за шею сзади и стала душить. Ему казалось, что онъ умираетъ.

Онъ вскрикнулъ, проснулся и увидѣлъ мессэра Джіорджіо, который стоялъ надъ нимъ и стаскивалъ съ него одѣяло:

— Вставай, вставай, а то безъ насъ уѣдутъ. Давно пора!

— Куда? Что такое?—бормоталъ Джіованни впросонкахъ.

— Развѣ забылъ? На виллу въ Санъ-Джервазіо, распивать Мельничный Холмъ.

— Я не поѣду...

— Какъ не поѣдешь? Даромъ я тебя будилъ, что ли? Нарочно велѣлъ чернаго мула осѣдлать, чтобы удобнѣе было ѣхать вдвоемъ. Да ну же, вставай, сдѣлай милость, не упрямься! Чего ты боишься, монашекъ?

— Я не боюсь, но мнѣ просто не хочется...

— Послушай, Джіованни: тамъ будетъ этотъ твой хваленый мастеръ, Леонардо да-Винчи.

Джіованни вскочилъ и, не возражая болѣе, сталъ одѣваться.

Они вышли на дворъ.

Все уже было готово къ отъѣзду. Расторопный Грилло давалъ совѣты, бѣгалъ и суетился. Тронулись въ путь.

Нѣсколько человѣкъ, знакомыхъ мессэра Чипріано, въ томъ числѣ Леонардо да-Винчи, должны были пріѣхать позже другою дорогою, прямо въ Санъ-Джервазіо.

V.

ДОЖДЬ пересталъ. Сѣверный вѣтеръ разогналъ тучи. Въ безлунномъ небѣ звѣзды мигали, какъ лампадные огни, задуваемые вѣтромъ. Смоляные факелы дымились и трещали, разбрасывая искры.

По улицѣ Рикасоли, мимо Санъ-Марко, подъѣхали къ зубчатой башнѣ ворота Санъ-Галло. Сторожа долго спорили, ругались, не понимая спросонья, въ чемъ дѣло, и только, благодаря хорошей взяткѣ, согласились выпустить ихъ изъ города.

Дорога шла узкою, глубокою долиною потока Муньоне.

Миновавъ нѣсколько бѣдныхъ селеній, съ такими же тѣсными улицами, какъ во Флоренціи, съ высокими домами, похожими на крѣпости, сложенными изъ грубоотесанныхъ камней, путники вѣхали въ оливковую рощу, принадлежавшую поселянамъ Санъ-Джервазіо, свѣшились на перекресткѣ двухъ дорогъ и по винограднику мессэра Чипріано подошли къ Мельничному Холму.

Здѣсь ожидали ихъ работники съ лопатами и заступами.

За холмомъ, по ту сторону болота, называвшагося Мокрой Лощиной, неясно бѣлѣли въ темнотѣ между деревьями стѣны виллы Буонаккорзи. Внизу, на Муньоне, была водяная мельница. Стройные кипарисы чернѣли на вершинѣ холма.

Грилло указаль, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ копать. Мэрула указываль на другое мѣсто, у подошвы холма, гдѣ нашли мраморную руку. А старшій работникъ, садовникъ Строкко, утверждалъ, что слѣдуетъ рыть внизу, у Мокрой Лощины, такъ какъ, по его словамъ: «всегда нечисть ближе къ болоту водится».

Мессэръ Чипріано велѣлъ копать тамъ, гдѣ совѣтоваль Грилло.

Застучали лопаты. Запахло разрытою землею.

Летучая мышь едва не задѣла крыломъ лицо Джіованни. Онъ вздрогнулъ.

— Не бойся, монашекъ, не бойся!—ободряя, похлопаль его Мэрула по плечу.—Никакого чорта не найдемъ! Если бы еще не этотъ осель Грилло... Слава Богу, мы не на такихъ раскопкахъ бывали! Вотъ, на примѣръ, въ Римѣ, въ четыреста пятидесятую олимпиаду,—Мэрула, пренебрегая христіанскимъ лѣтосчисленіемъ, употребляль древне-греческое,—при папѣ Иннокентіи VIII, на Аппіевой дорогѣ, близъ памятника Цециліи Метеллы, въ древнемъ римскомъ саркофагѣ съ надписью: *Юлія, дочь Клавдія*, ломбардскіе землекопы нашли тѣло, покрытое воскомъ, дѣвушки лѣтъ пятнадцати, какъ будто спящей. Румянецъ жизни не сошелъ съ лица. Казалось, что она дышетъ. Несмѣтная толпа не отходила отъ гроба. Изъ далекихъ странъ пріѣзжали взглянуть на нее, ибо Юлія была такъ прекрасна, что если бы можно

было описать прелесть ея, то не видѣвшіе не повѣрили бы. Папа испугался, узнавъ, что народъ поклоняется мертвой язычницѣ, и велѣлъ ночью тайно похоронить ее у воротъ Пинчіанскихъ.—Такъ вотъ, братецъ, какія раскопки бываютъ!

Мэрула съ презрѣніемъ взглянулъ на яму, которая быстро углублялась.

Вдругъ лопата одного изъ работниковъ зазвенѣла. Всѣ наклонились.

— Кости!—проговорилъ садовникъ.—Кладбище сюда въ старину доходило.

Въ Санъ-Джервазіо послышался унылый, протяжный вой собаки.

— Могилу осквернили,—подумаль Джіованни.—Ну ихъ совсѣмъ! Уйти отъ грѣха...

— Остовъ лошадиный,—прибавиль Строкко злобно и вышвырнулъ изъ ямы полусгнившій продолговатый черепъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Грилло, ты, кажется, ошибся,—сказаль мессэръ Чипріано.—Не попытаться ли въ другомъ мѣстѣ?

— Еще бы! Охота дурака слушать,—произнесъ Мэрула и, взявъ двухъ работниковъ, пошелъ копать внизу, у подошвы холма. Строкко, также на зло упрямому Грилло, увелъ нѣсколькихъ людей, желая начать поиски въ Мокрой Лощинѣ.

Черезъ нѣкоторое время мессэръ Джіорджіо воскликнулъ, торжествуя:

— Вотъ, вотъ смотрите! Я зналъ, гдѣ надо рыть!

Всѣ бросились къ нему. Но находка оказалась нелюбопытною: осколокъ мрамора былъ дикимъ камнемъ.

Тѣмъ не менѣе, никто не возвращался къ Грилло, и, чувствуя себя опозореннымъ, стоя на днѣ ямы, онъ, при свѣтѣ разбитаго фонаря, продолжалъ упорно и безнадежно ковырять землю.

Вѣтеръ стихъ. Въ воздухѣ потеплѣло. Туманъ поднялся надъ Мокрою Лощиною. Пахло стоячею водою, желтыми весенними цвѣтами и фіалками. Небо сдѣлалось прозрачнѣе. Пропѣли вторые пѣтухи. Ночь была на исходѣ.

Вдругъ изъ глубины ямы, гдѣ находился Грилло, послышался отчаянный вопль:

— Ой, ой, держите, падаю!

Сперва ничего не могли разобрать въ темнотѣ, такъ какъ фонарь Грилло потухъ. Только слышно было, какъ онъ барахтается, охаетъ и стонетъ.

Принесли другіе фонари и увидѣли полузасыпанный землею, кирпичный сводъ, какъ бы крышу тщательно выведеннаго подземнаго погреба, которая не выдержала тяжести Грилло и провалилась.

Два молодыхъ сильныхъ работника осторожно слѣзли въ яму.

— Гдѣ же ты, Грилло? Давай руку! Или совсѣмъ тебя пришибло, бѣдняга?

Грилло замеръ, притихъ и, забывъ сильную боль въ рукѣ,—онъ считалъ ее сломанной, но она была только вывихнута,—что-то дѣлалъ, щупалъ, ползалъ и странно копошился въ погребѣ.

Наконецъ, закричалъ радостно:

— Идолъ! Идолъ! Мессэре Чиприано, чудеснѣйшій идолъ!

— Ну, ну, чего кричишь?—проворчалъ недовѣрчиво Строкко.—Опять какой-нибудь черепъ ослиный.

— Нѣтъ, нѣтъ! Только рука отбита... А ноги, туловище, грудь—все цѣлехонько,—бормоталъ Грилло, задыхаясь отъ восторга.

Подвязавъ себя веревками подъ мышки и вокругъ стана, чтобы сводъ не провалился, работники опустились въ яму и стали бережно разбирать хрупкіе, осыпавшіеся кирпичи, покрытые плѣсенью.

Джіованни, полулежа на землѣ, смотрѣлъ между согнутыми спинами рабочихъ въ глубину погреба, откуда вѣяло спертою сыростью и могильнымъ холодомъ.

Когда сводъ почти разобрали, мессэръ Чиприано сказалъ:

— Посторонитесь, дайте взглянуть.

И Джіованни увидѣлъ на днѣ ямы, между кирпичными стѣнами, бѣлое голое тѣло. Оно лежало, какъ мертвое въ гробу, но казалось не мертвымъ, а розовымъ, живымъ и теплымъ въ колеблющемся отблескѣ факеловъ.

— Венера!—прошепталъ мессэръ Джіорджіо благоговѣйно.—Венера Праксителя! Ну, поздравляю васъ, мессэре Чиприано. Если бы вамъ подарили герцогство Миланское да въ придачу Геную, вы не могли бы считать себя счастливецъ!..

Грилло вылезъ съ усиленіемъ, и хотя по лицу его, запачканному землею, текла кровь изъ ссадины на лбу, и онъ не могъ шевельнуть вывихнутою рукою,—въ глазахъ сіяла гордость побѣдителя.

Мэрула подбѣжалъ къ нему.

— Грилло, другъ ты мой любезный, благодарѣль! А я-то тебя бранилъ, дуракомъ называлъ,—умнѣйшаго изъ людей!

И, заключивъ въ объятья, поцѣловалъ съ нѣжностью.

— Нѣкогда флорентійскій зодчій, Филиппо Брунеллески,—продолжалъ Мэрула,—подъ своимъ домомъ, въ такомъ же точно погребѣ, нашелъ мраморную статую бога Меркурія: должно быть, въ то время, когда христіане, побѣдивъ язычниковъ, истребляли идоловъ, послѣдніе поклонники боговъ, видя совершенства древнихъ статуй и желая спасти ихъ отъ гибели, прятали изваянія въ кирпичныя подземелья.

Грилло слушалъ, блаженно улыбался и не замѣчалъ, какъ пастушья свирѣль играла въ полѣ, овцы на выгонѣ блеяли, небо свѣтило между холмами водянистымъ свѣтомъ, и вдалекѣ, надъ Флоренціей, нѣжными голосами перекликались утренніе колокола.

— Тише, тише! Правѣе, вотъ такъ. Отъ стѣны подальше,—приказывалъ работникамъ Чиприано.—По пяти серебряныхъ гроссо каждому, если вытащите, не сломавъ.

Богиня медленно подымалась.

Съ тою же ясною улыбкою, какъ нѣкогда изъ пѣны волнъ морскихъ, выходила она изъ мрака земли, изъ тысячелѣтней могилы.

Слава тебѣ, златоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей!—

привѣтствовалъ ее Мэрула.

Звѣзды потухли всѣ, кромѣ звѣзды Венеры, игравшей, какъ алмазъ, въ сіяніи зари. И навстрѣчу ей голова богини поднялась надъ краемъ могилы.

Джіованни взглянулъ ей въ лицо, освѣщенное утромъ, и прошепталъ, блѣднѣя отъ ужаса:

— Бѣлая Дьяволица!

Вскочилъ и хотѣлъ бѣжать. Но любопытство побѣдило страхъ. И если бы ему сказали, что онъ совершаетъ смертный грѣхъ, за который будетъ осужденъ на вѣчную гибель, — не могъ бы онъ оторвать взоровъ отъ голаго невиннаго тѣла, отъ прекраснаго лица ея.

Въ тѣ времена, когда Афродита была владычицей міра, никто не смотрѣлъ на нее съ такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ.

VI.

НА маленькой сельской церкви Санъ-Джервазіо ударили въ колоколъ. Всѣ невольно оглянулись и замерли. Этотъ звукъ въ затишьи утра похожъ былъ на гнѣвный и жалобный крикъ.

Порою тонкій, дребезжащій колоколъ замиралъ, какъ будто надорвавшись, но тотчасъ заливался еще громче порывистымъ, отчаяннымъ звономъ.

— Иисусе, помилуй насъ!—воскликнулъ Грилло, хватаясь за голову.—Вѣдь это священникъ, отецъ Фаустино! Смотрите, — толпа на дорогѣ, кричатъ, увидѣли насъ, руками машутъ. Сюда бѣгутъ... Пропалъ я, горемычный!..

Къ Мельничному Холму подѣхали новые всадники. То были остальные приглашенные на раскопки. Они опоздали, потому что заблудились.

Бельтраффіо мелькомъ взглянулъ, и какъ ни былъ поглощенъ созерцаніемъ богини, замѣтилъ лицо одного изъ нихъ. Выраженіе холоднаго, спокойнаго вниманія и проникновеннаго любопытства, съ которымъ незнакомецъ разсматривалъ Венеру, и которое было такъ противоположно тревогѣ и смущенію самого Джіованни,—поразило его. Не подымая глазъ, прикованныхъ къ статуѣ, все время чувствовалъ онъ за спиной своей человѣка съ необыкновеннымъ лицомъ.

— Вотъ что, — произнесъ мессэръ Чипріано послѣ

нѣкотораго раздумья, — вила въ двухъ шагахъ. Ворота крѣпкія, какую угодно осаду выдержатъ...

— И то правда!—воскликнулъ обрадованный Грилло, — ну-ка, братцы, живѣе, подымайте!

Онъ заботился объ сохраненіи идола съ отеческою нѣжностью.

Статую благополучно перенесли черезъ Мокрую Лощину.

Едва переступили за порогъ дома, какъ на вершинѣ Мельничнаго Холма появился грозный обликъ отца Фаустино съ поднятыми къ небу руками.

Нижняя часть виллы была необитаема. Громадный залъ, съ выбѣленными стѣнами и сводами, служилъ складомъ земледѣльческихъ орудій и большихъ глиняныхъ сосудовъ для оливковаго масла. Пшеничная солома, сваленная въ углу, золотистою копной громоздилась до потолка.

На ту солому, смиренное сельское ложе, бережно положили богиню.

Только что всѣ успѣли войти и запереть ворота, какъ послышались крики, ругательства и громкій стукъ въ ворота.

— Отоприте, отоприте!—кричалъ тонкимъ, надтреснутымъ голосомъ отецъ Фаустино.—Именемъ Бога живого заклинаю, отоприте!..

Мессэръ Чипріано по внутренней каменной лѣстницѣ поднялся къ узкому рѣшетчатому окну, находившемуся очень высоко надъ поломъ, оглянулъ толпу, убѣдился, что она не велика, и съ улыбкой свойственной ему утонченной вѣжливости началъ переговоры.

Священникъ не унимался и требовалъ, чтобы отдали идола, котораго, по словамъ его, откопали на кладбищенской землѣ.

Консулъ Калималы, рѣшивъ прибѣгнуть къ военной хитрости, произнесъ твердо и спокойно:

— Берегитесь! Нарочный посланъ во Флоренцію къ начальнику стражи, и черезъ два часа будетъ здѣсь отрядъ кавалеры: силою никто не войдетъ въ мой домъ безнаказанно.

— Ломайте ворота, — воскликнулъ священникъ, — не бойтесь! Съ нами богъ! Рубите!

И выхвативъ топоръ изъ рукъ подслѣповатаго рябого старичка съ унылымъ, кроткимъ лицомъ и подвязанной щеккой, ударилъ въ ворота со всего размаха.

Толпа не послѣдовала за нимъ.

— Домъ-Фаустино, а домъ-Фаустино, — шепелявилъ кроткій старичокъ, тихонько трогая его за локоть, — люди мы бѣдные, денегъ мотыкою изъ земли не выкапываемъ. Засудятъ — разорятъ!..

Многіе въ толпѣ, заслышавъ о городскихъ стражникахъ, думали о томъ, какъ бы улизнуть незамѣтно.

— Конечно, если бы на своей землѣ, на приходской, — другое дѣло, — разсуждали одни.

— А гдѣ межа-то проходить? Вѣдь по закону, братцы...

— Что законъ? Паутина: муха застрянетъ, шершень вылетитъ. Законъ для господъ не писанъ, — возражали другіе.

— И то правда! Каждый въ землѣ своей владыка.

Въ то время Джіованни попрежнему глядѣлъ на спасенную Венеру.

Лучъ ранняго солнца проникъ въ боковое окно. Мраморное тѣло, еще не совсѣмъ очищенное отъ земли, искрилось на солнцѣ, словно нѣжилось и грѣлось послѣ долгаго подземнаго мрака и холода. Тонкіе желтые стебли пшеничной соломы загорались, окружая богиню смиренными и пышными золотыми ореоломъ.

И опять Джіованни обратилъ вниманіе на незнакомца.

Стоя на колѣняхъ, рядомъ съ Венерой, вынулъ онъ циркуль, угломеръ, полукруглую мѣдную дугу, наподобіе тѣхъ, какія употреблялись въ математическихъ приборахъ, и, съ выраженіемъ того же упорнаго, спокойнаго и проникновеннаго любопытства въ холодныхъ, свѣтло-голубыхъ глазахъ и тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ, началъ мѣрить различныя части прекраснаго тѣла, наклоня голову, такъ что длинная бѣлокурая борода касалась мрамора.

— Что онъ дѣлаетъ? Кто это? — думалъ Джіованни съ возрастающимъ удивленіемъ, почти страхомъ, слѣдя за быстрыми, дерзкими пальцами, которые скользили по членамъ богини, проникая во всѣ тайны прелести, ощущая, изслѣдуя неуловимыя для глаза выпуклости мрамора.

У воротъ виллы толпа поселянъ съ каждымъ мгновеніемъ рѣдѣла и таяла.

— Стойте, стойте, бездѣльники, хриstopродавцы! Стражи городской испугались, а власти антихристовой не боятся! — вопилъ священникъ, простирая къ нимъ руки. — *Ipse vero Antichristus opes malorum effodiet et exponet.* Такъ говорилъ великій учитель Ансельмъ Кѣнтерберійскій. *Effodiet* — слышите? — Антихристъ выроетъ древнихъ боговъ изъ земли и снова явитъ ихъ міру...

Но никто уже не слушалъ.

— И бѣдовый же у насъ отецъ Фаустино! — покачивалъ головой благоразумный мельникъ. — Въ чемъ душа держится, а на, поди ты, какъ расхорохорился! Добро бы кладъ нашли...

— Идолице-то, говорятъ, серебряное.

— Какой серебряное! Самъ видѣлъ: мраморная, вся голая, безстыдница...

— Съ такой паскудою, прости Господи, и рукъ-то мараить не стоитъ!

— Ты куда, Закалло?

— Въ поле пора.

— Ну, съ богомъ, а я на виноградникъ.

Вся ярость священника обратилась на прихожанъ:

— А, вотъ вы какъ, псы невѣрные, хамово отродье! Пастыря покинули! Да знаете ли вы, исчадіе сатанинское, что, если бы я за васъ денно и ночью не молился, не билъ себя въ грудь, не рыдалъ и не постился, — давно бы уже все ваше селеніе окаянное сквозь землю провалилось? Кончено! Уйду отъ васъ, и прахъ отъ ногъ моихъ отряхну. Проклятъ на землю сію! Проклятъ на хлѣбъ и воду, и стада, и дѣтей, и внуковъ вашихъ! Не отецъ я вамъ больше, не пастырь! Анаѡема!

VII.

Въ тихой глубинѣ виллы, гдѣ богиня лежала на золотомъ соломенномъ ложѣ, Джіорджіо Мэрула подошелъ къ незнакомцу, измѣрившему статую.

— Божественной пропорціи ищете? — молвилъ ученый съ покровительственной усмѣшкой. — Красоту желаете къ математикѣ свести?

Тотъ молча посмотрѣлъ на него, какъ будто не слышалъ вопроса, и опять углубился въ работу.

Ножки циркуля складывались и раздвигались, описывая правильныя геометрическія фигуры. Спокойнымъ, твердымъ движеніемъ приставилъ онъ угольникъ къ прекраснымъ губамъ Афродиты, — сердце Джіованни улыбка этихъ губъ наполняла ужасомъ, — сосчиталъ дѣленія и записалъ въ книгу.

— Позвольте полюбопытствовать, — приставалъ Мэрула, — тутъ сколько дѣленій?

— Приборъ неточный, — отвѣтилъ незнакомецъ нехотя. — Обыкновенно для измѣренія пропорцій я раздѣляю человѣческое лицо на градусы, доли, секунды и терціи. Каждое дѣленіе — двѣнадцатая часть предыдущаго.

— Однако! — произнесъ Мэрула. — Миѣ кажется, что послѣднее дѣленіе — меньше, чѣмъ ширина тончайшаго волоса. Пять разъ двѣнадцатая часть...

— Терція, — такъ же нехотя объяснилъ ему собесѣдникъ, — одна сорокъ - восемь - тысячъ - восемьсотъ - двадцать - третья часть всего лица.

Мэрула поднялъ брови и усмѣхнулся:

— Вѣкъ живи — вѣкъ учись. Никогда не думалъ я, что можно дойти до такой точности!

— Чѣмъ точнѣе, тѣмъ лучше, — замѣтилъ собесѣдникъ.

— О, конечно!.. Хотя, знаете ли, въ искусствѣ, въ красотѣ, всѣ эти математическіе расчеты — градусы, секунды... Я, признаться, не могу повѣрить, чтобы художникъ, въ порывѣ восторга, пламеннаго вдохновенія, такъ сказать, подъ наитіемъ Бога...

— Да, да, вы правы, — со скучающимъ видомъ согласился незнакомецъ, — а все же любопытно знать...

И, наклонившись, сосчиталъ по угольнику число дѣленій между началомъ волосъ и подбородкомъ.

— Знать! — подумалъ Джіованни. — Развѣ тутъ можно знать и мѣрить? Какое безуміе! Или онъ не чувствуетъ, не понимаетъ?..

Мэрула, очевидно желая задѣть противника за живое и вызвать на споръ, началъ говорить о совершенствѣ древнихъ, о томъ, что слѣдуетъ имъ подражать. Но со-

бесѣдникъ молчалъ, и когда Мэрула кончилъ, — произнесъ съ тонкой усмѣшкой въ свою длинную бороду:

— Кто можетъ пить изъ родника — не станетъ пить изъ сосуда.

— Позвольте! — воскликнулъ ученый. — Если вы и древнихъ считаете водою въ сосудѣ, то гдѣ же родникъ?

— Природа, — отвѣтилъ незнакомецъ просто.

И когда Мэрула опять заговорилъ напыщенно и раздражительно, — онъ уже не спорилъ и соглашался съ уклончивой любезностью. Только скучающій взоръ холодныхъ глазъ становился все равнодушнѣе.

Наконецъ, Джіорджіо умолкъ, истощивъ свои доводы. Тогда собесѣдникъ указалъ на нѣкоторыя углубленія въ мраморѣ: ни въ какомъ свѣтѣ, ни слабомъ, ни сильномъ, нельзя было видѣть ихъ глазомъ, — только осязая, проводя рукою по гладкой поверхности, можно было чувствовать эти безконечныя тонкости работы. И однимъ глубокимъ, чуждымъ восторга, пытливымъ взоромъ окинулъ незнакомецъ все тѣло богини.

— А я думалъ, что онъ не чувствуетъ! — удивился Джіованни. — Но, если чувствуетъ, то какъ можно мѣрить, испытывать, разлагать на числа? Кто это?

— Мессэре, — прошепталъ Джіованни на-ухо старику, — послушайте, мессэре Джіорджіо, — какъ имя этого человѣка?

— А, ты здѣсь, монашекъ, — произнесъ Мэрула, обернувшись, — я и забылъ о тебѣ. Да вѣдь это и есть твой любимецъ. Какъ же ты не узналъ? Это мессэръ Леонардо да-Винчи.

И Мэрула познакомилъ Джіованни съ художникомъ.

VIII.

ОНИ возвращались во Флоренцію.

Леонардо ѣхалъ шагомъ на конѣ. Бельтраффіо шелъ рядомъ пѣшкомъ. Они были одни.

Между отволглými черными корнями оливъ зеленѣла трава съ голубыми ирисами, неподвижными на тонкихъ

стебляхъ. Было такъ тихо, какъ бываетъ только раннимъ утромъ раннею весною.

— Неужели это онъ?—думалъ Джіованни, наблюдая и находя въ немъ каждую мелочь любопытной.

Ему было лѣтъ за сорокъ. Когда онъ молчалъ и думалъ—острые, свѣтло-голубые глаза подъ нахмуренными бровями смотрѣли холодно и проницательно. Но во время разговора становились добрыми. Длинная бѣлокурая борода и такіе же свѣтлые, густые, вьющіеся волосы придавали ему видъ величавый. Лицо полно было тонкою, почти женственною прелестью, и голосъ, несмотря на большой ростъ и могучее тѣлосложеніе, былъ тонкій, странно-высокій, очень пріятный, но не мужественный. Красивая рука, — по тому, какъ онъ правилъ конемъ, Джіованни угадывалъ, что въ ней большая сила, — была нѣжная, съ длинными тонкими пальцами, точно у женщины.

Они подъѣзжали къ стѣнамъ города. Сквозь дымку утренняго солнца виднѣлся куполъ Собора и башня палатца Веккіо.

— Теперь или никогда, —думалъ Бельтраффіо. —Надо рѣшить и сказать, что я хочу поступить къ нему въ мастерскую.

Въ это время Леонардо, остановивъ коня, наблюдалъ за полетомъ молодого кречета, который, выслѣживая добычу, —утку или цаплю въ болотныхъ камышахъ Муньоне, —кружился въ небѣ плавно и медленно; потомъ упалъ стремглавъ, точно камень, брошенный съ высоты, съ короткимъ хищнымъ крикомъ, и скрылся за верхушками деревьевъ. Леонардо проводилъ его глазами, не упуская ни одного поворота, движенія и взмаха крыльевъ, открылъ привязанную къ поясу памятную книжку и сталъ записывать, —должно быть, наблюденія надъ полетомъ птицы.

Бельтраффіо, замѣтивъ, что карандашъ онъ держалъ не въ правой, а въ лѣвой рукѣ, подумалъ: «лѣвша» —и вспомнилъ странные слухи, ходившіе о немъ, —будто бы Леонардо пишетъ свои сочиненія обратнымъ письмомъ, которое можно прочесть только въ зеркалѣ, —не слѣва направо, какъ всѣ, а справа налево, какъ пишутъ на Востокѣ. Говорили, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы

скрыть преступныя, еретическія мысли свои о природѣ и Богѣ.

— Теперь или никогда!—снова сказалъ себѣ Джіованни и вдругъ вспомнилъ суровыя слова Антоніо да-Винчи:

«Ступай къ нему, если хочешь погубить душу свою: онъ еретикъ и безбожникъ».

Леонардо съ улыбкой указалъ ему на миндальное деревцо: маленькое, слабое, одинокое, росло оно на вершинѣ пригорка и, еще почти голое, зябкое, уже довѣрчиво и празднично одѣлось бѣло-розовымъ цвѣтомъ, который сіялъ, насквозь пронизанный солнцемъ, и нѣжился въ голубыхъ небесахъ.

Но Бельтраффіо не могъ любоваться. На сердцѣ его было тяжело и смутно.

Тогда Леонардо, какъ будто угадавъ печаль его, съ добрымъ тихимъ взоромъ сказалъ слова, которыя Джіованни часто вспоминалъ въ послѣдствіи:

— Если хочешь быть художникомъ, оставь всякую печаль и заботу, кромѣ искусства. Пусть душа твоя будетъ, какъ зеркало, которое отражаетъ всѣ предметы, всѣ движенія и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ.

Они вѣхали въ городскія ворота Флоренціи.

IX.

БЕЛЬТРАФФИО пошелъ въ Соборъ, гдѣ въ это утро долженъ былъ проповѣдывать братъ Джироламо Савонаролла.

Послѣдніе звуки органа замирали подъ гулками сводами Маріа дель-Фіоре. Толпа наполняла церковь душной теплотой, тихимъ шелестомъ. Дѣти, женщины и мужчины отдѣлены были одни отъ другихъ завѣсами. Подъ стрѣлочатыми арками, уходившими въ высь, было темно и таинственно, какъ въ дремучемъ лѣсу. А внизу кое-гдѣ лучи солнца; дробясь въ темно-яркихъ стеклахъ, падали дождемъ радужныхъ отблесковъ на живыя волны толпы, на сѣрый камень столбовъ. Надъ алтаремъ во мракѣ краснѣли огни семисвѣщниковъ.

Обѣдня отошла. Толпа ожидала проповѣдника. Взоры

обращены были на высокую деревянную кафедру съ витою лѣстницею, прислоненную къ одной изъ колоннъ въ среднемъ кораблѣ собора.

Джіованни, стоя въ толпѣ, прислушивался къ тихимъ разговорамъ сосѣдей:

— Скоро ли?—тоскливымъ голосомъ спрашивалъ низкорослый, задыхавшійся въ тѣснотѣ, человѣкъ съ блѣднымъ, потнымъ лицомъ и прилипшими ко лбу волосами, перевязанными тонкимъ ремнемъ,—должно быть, столяръ.

— Одному Богу извѣстно,—отвѣчалъ котельщикъ, широкоскулый, краснолицый великанъ съ одышкой.—Есть у него въ Санъ-Марко нѣкій монашекъ Маруффи, косноязычный и юродивый. Какъ тотъ скажетъ, что пора,—онъ и идетъ. Намедни четыре часа прождали, думали, совсѣмъ не будетъ проповѣди, а тутъ и пришелъ.

— О, Господи, Господи!—вздыхнулъ столяръ,—я вѣдь съ полночи жду. Отощаль, въ глазахъ темнѣетъ. Маковой росинки во рту не было. Хотъ бы на корточкахъ присѣсть.

— Говорилъ я тебѣ, Дамьяно, что надо загодя придти. А теперь отъ кафедры вонъ какъ далеко. Ничего не услышимъ.

— Ну, братъ, услышишь, не бойся. Какъ закричить, загремѣть,—тутъ тебѣ не только глухіе, но и мертвые услышатъ!

— Нынче, говорятъ, пророчествовать будетъ?

— Нѣтъ,—пока Ноева ковчега не достроить...

— Или не слышали? Кончено все до послѣдней доски. И таинственное дано истолкованіе: длина ковчега—вѣра, ширина—любовь, высота—надежда. Поспѣшайте, сказано, поспѣшайте въ Ковчегъ Спасенія, пока еще двери отперзты! Се, время близко, закроются врата; и восплачутъ многіе, что не покаались, не вошли...

— Сегодня, братцы, о потопѣ,—семнадцатый стихъ шестой главы книги Бытія.

— Новое, говорятъ, было видѣніе о гладѣ, морѣ и войнѣ.

— Коноваль изъ Валломброзы сказывалъ,—надъ селеніемъ ночью въ небѣ несмѣтныя полчища сражались, слышенъ былъ стукъ мечей и брони...

— А правда ли, добрые люди, будто бы на ликѣ Пресвятой Дѣвы, что въ Пунціатѣ дей-Серви, кровавый потъ выступилъ?

— Какъ же! И у Мадонны на мосту Рубаконте каждую ночь слезы капаятъ изъ глазъ. Тетка Лучія сама видѣла.

— Не къ добру это, ой, не къ добру! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...

На половинѣ женщинъ произошло смятеніе: упала въ обморокъ старушка, стиснутая толпою. Старались поднять ее и привести въ чувство.

— Скоро ли? Мочи моей больше нѣтъ!—чуть не плакалъ тщедушный столяръ, вытирая потъ съ лица.

И вся толпа изнывала въ безконечномъ ожиданіи.

Вдругъ море головъ всколыхнулось. Послышался шопотъ.

— Идетъ, идетъ, идетъ!—Нѣтъ, не онъ.—Фра Доменико да-Песчія.—Онъ, онъ!—Идетъ!

Джіованни увидѣлъ, какъ на кафедре медленно взошелъ и откинулъ куколь съ головы человѣкъ въ черной и бѣлой доминиканской одеждѣ, подпоясанный веревкой, съ лицомъ исхудалымъ и желтымъ, какъ воскъ, съ толстыми губами, крючковатымъ носомъ, низкимъ лбомъ.

Лѣвую руку, какъ бы въ изнеможеніи, опустилъ на кафедру, правую поднялъ и протянулъ, сжимая Распятіе. И молча, медленнымъ взоромъ горящихъ глазъ обвелъ толпу.

Наступила такая тишина, что каждый могъ слышать удары собственнаго сердца.

Неподвижные глаза монаха разгорались все ярче, какъ уголья. Онъ молчалъ,—и ожиданіе становилось невыносимымъ. Казалось—еще мигъ, и толпа не выдержитъ, закричитъ отъ ужаса.

Но сдѣлалось еще тише, еще страшнѣе.

И вдругъ въ этой мертвой тишинѣ раздался оглушительный, раздирающій, нечеловѣчскій крикъ Савонароллы:

— Ессе ego adduco aquas super terram! Се Азъ низведу воды на землю!

Дыханіе ужаса, отъ котораго волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, пронеслось надъ толпой.

Джіованни поблѣднѣлъ: ему почудилось, что земля патается, своды собора сейчас рухнуть и раздавить его. Рядомъ съ нимъ толстый котельщикъ затрясся, какъ листъ, и застучалъ зубами. Столяръ весь съежился, вобралъ голову въ плечи, точно подъ ударомъ,—сморщилъ лицо и зажмурилъ глаза.

То была не проповѣдь, а бредъ, который вдругъ схватилъ всѣ эти тысячи народа, и помчалъ ихъ, какъ мчитъ ураганъ сухіе листья.

Джіованни слушалъ, едва понимая. До него долетали отдѣльные слова:

«Смотрите, смотрите, вотъ уже небеса почернѣли. Солнце багрово, какъ запекшаяся кровь. Бѣгите! Будетъ дождь изъ огня и сѣры, будетъ градъ изъ раскаленныхъ камней и цѣлыхъ утесовъ! Fuge, o, Sion, quae habitas apud filiam Babylonis!

«О, Италія, придутъ казни за казнями! Казнь войны—за голодомъ, казнь чумы—за войною! Казнь здѣсь и тамъ—всюду казни!»

«У васъ не хватитъ живыхъ, чтобы хоронить мертвыхъ! Ихъ будетъ столько въ домахъ, что могильщики пойдутъ по улицамъ и станутъ кричать: «У кого есть мертвые?» и будутъ наваливать на тѣлѣги до самыхъ лошадей, и, сложивъ ихъ цѣлыми горами, сжигать. И опять пойдутъ по улицамъ, крича: «у кого есть мертвые? У кого есть мертвые?» И выйдете вы къ нимъ и скажете: «вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, вотъ мой мужъ». И пойдутъ они далѣе и будутъ кричать: «нѣтъ ли еще мертвецовъ?»

«О, Флоренція, о, Римъ, о, Италія! Прошло время пѣсенъ и праздниковъ. Вы больны, даже до смерти—Господи, ты свидѣтель, что я хотѣлъ поддержать монимъ словомъ эту развалину. Но не могу больше, нѣтъ моихъ силъ! Я не хочу больше, я не знаю что еще говорить. Мнѣ остается только плакать, изойти слезами. Милосердія, милосердія, Господи!.. О, мой бѣдный народъ, о, Флоренція!..»

Онъ раскрылъ объятія, и послѣднія слова произнесъ чуть слышнымъ шопотомъ. Они пронеслись надъ толпою и замерли, какъ шелестъ вѣтра въ листьяхъ, какъ вздохъ безконечной жалости.

И прижимая помертвѣлыя губы къ Распятію, въ изнеможеніи опустилсѣ онъ на колѣни и зарыдалъ.

Медленные, тяжкіе звуки органа загудѣли, разрастаясь все шире и необъятнѣе, все торжественнѣе и грознѣе, подобно рокоту ночного океана.

Кто-то вскрикнулъ въ толпѣ женщинъ пронзительнымъ голосомъ:

— Misericordia!

И тысячи голосовъ отвѣтили, перекликаясь. Словно колосья въ полѣ подъ вѣтромъ,—волны за волнами, ряды за рядами,—тѣснясь, давя другъ друга, какъ подъ грозой овцы въ испуганномъ стадѣ, они падали на колѣни. И сливаясь съ многоголосымъ ревомъ и гуломъ органа, потрясая землю, каменные столбы и своды собора, вознесся покаянный вопль народа, крикъ погибающихъ людей къ Богу:

— Misericordia! Misericordia!

Джіованни упалъ, рыдая. Онъ чувствовалъ на спинѣ своей тяжесть толстаго котельщика, который въ тѣснотѣ навалился на него, горячо дышалъ ему въ шею и тоже рыдалъ. Рядомъ тщедушный столяръ странно и безпомощно всхлипывалъ, точно искалъ, захлебываясь, какъ маленькія дѣти, и кричалъ пронзительно:

— Милосердія! Милосердія!

Бельтраффіо вспомнилъ свою гордыню и мірское любопытствіе, желаніе уйти отъ фра Бенедетто и предаться опасной, быть можетъ, богопротивной наукѣ Леонардо, вспомнилъ и послѣднюю страшную ночь на Мельничномъ Холмѣ, воскресшую Венеру, свой грѣшный восторгъ передъ красотой Бѣлой Дьяволицы—и протягивая руки къ небу, такимъ же отчаяннымъ голосомъ, какъ всѣ, возопилъ:

— Помилуй, Господи! Согрешилъ я предъ Тобою, прости и помилуй!

И въ то же мгновеніе, поднявъ лицо мокрое отъ слезъ, увидѣлъ невдалекѣ Леонардо да-Винчи. Художникъ стоялъ, опираясь плечомъ о колонну, въ правой рукѣ держалъ свою неизмѣнную записную книжку, лѣвой рисовалъ въ ней, иногда вскидывая глаза на каедрю, должно быть, надѣясь еще разъ увидѣть голову проповѣдника.

Чуждый всѣмъ, одинъ въ толпѣ, обуянной ужасомъ,

Джіованни поблѣднѣлъ: ему почудилось, что земля шатается, своды собора сейчас рухнуть и раздавить его. Рядомъ съ нимъ толстый котельщикъ затрясся, какъ листъ, и застучалъ зубами. Столяръ весь съежился, вобралъ голову въ плечи, точно подъ ударомъ,—сморщилъ лицо и зажмурилъ глаза.

То была не проповѣдь, а бредъ, который вдругъ схватилъ всѣ эти тысячи народа, и помчалъ ихъ, какъ мчитъ ураганъ сухіе листья.

Джіованни слушалъ, едва понимая. До него долетали отдѣльные слова:

«Смотрите, смотрите, вотъ уже небеса почернѣли. Солнце багрово, какъ запекшаяся кровь. Бѣгите! Будетъ дождь изъ огня и сѣры, будетъ градъ изъ раскаленныхъ камней и цѣлыхъ утесовъ! Fuge, o, Sion, quae habitas apud filiam Babylonis!

«О, Италія, придутъ казни за казнями! Казнь войны—за голодомъ, казнь чумы—за войною! Казнь здѣсь и тамъ—всюду казни!»

«У васъ не хватитъ живыхъ, чтобы хоронить мертвыхъ! Ихъ будетъ столько въ домахъ, что могильщики пойдутъ по улицамъ и станутъ кричать: «У кого есть мертвые?» и будутъ наваливать на тѣлѣги до самыхъ лошадей, и, сложивъ ихъ цѣлыми горами, сжигать. И опять пойдутъ по улицамъ, крича: «у кого есть мертвые? У кого есть мертвые?» И выйдете вы къ нимъ и скажете: «вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, вотъ мой мужъ». И пойдутъ они далѣе и будутъ кричать: «нѣтъ ли еще мертвецовъ?»

«О, Флоренція, о, Римъ, о, Италія! Прошло время пѣсенъ и праздниковъ. Вы больны, даже до смерти—Господи, ты свидѣтель, что я хотѣлъ поддержать моимъ словомъ эту развалину. Но не могу больше, нѣтъ моихъ силъ! Я не хочу больше, я не знаю что еще говорить. Мнѣ остается только плакать, изойти слезами. Милосердія, милосердія, Господи!.. О, мой бѣдный народъ, о, Флоренція!..»

Онъ раскрылъ объятія, и послѣднія слова произнесъ чуть слышнымъ шопотомъ. Они пронеслись надъ толпою и замерли, какъ шелестъ вѣтра въ листьяхъ, какъ вздохъ безконечной жалости.

И прижимая помертвѣлыя губы къ Распятію, въ изнеможеніи опустилсѣ онъ на колѣни и зарыдалъ.

Медленные, тяжкіе звуки органа загудѣли, разрастаясь все шире и необъятнѣе, все торжественнѣе и грознѣе, подобно рокоту ночного океана.

Кто-то вскрикнулъ въ толпѣ женщинъ пронзительнымъ голосомъ:

— Misericordia!

И тысячи голосовъ отвѣтили, перекликаясь. Словно колосья въ полѣ подъ вѣтромъ,—волны за волнами, ряды за рядами,—тѣснясь, давя другъ друга, какъ подъ грозой овцы въ испуганномъ стадѣ, они падали на колѣни. И сливаясь съ многоголосымъ ревомъ и гуломъ органа, потрясая землю, каменные столбы и своды собора, вознесся покаянный вопль народа, крикъ погибающихъ людей къ Богу:

— Misericordia! Misericordia!

Джіованни упалъ, рыдая. Онъ чувствовалъ на спинѣ своей тяжесть толстаго котельщика, который въ тѣснотѣ навалился на него, горячо дышалъ ему въ шею и тоже рыдалъ. Рядомъ тщедушный столяръ странно и безпомощно всхлипывалъ, точно искалъ, захлебываясь, какъ маленькія дѣти, и кричалъ пронзительно:

— Милосердія! Милосердія!

Бельтраффіо вспомнилъ свою гордыню и мірское любопытствіе, желаніе уйти отъ фра Бенедетто и предаться опасной, быть можетъ, богопротивной наукѣ Леонардо, вспомнилъ и послѣднюю страшную ночь на Мельничномъ Холмѣ, воскресшую Венеру, свой грѣшный восторгъ передъ красотой Бѣлой Дьяволицы—и протягивая руки къ небу, такимъ же отчаяннымъ голосомъ, какъ всѣ, возопилъ:

— Помилуй, Господи! Согрешилъ я предъ Тобою, прости и помилуй!

И въ то же мгновеніе, поднявъ лицо мокрое отъ слезъ, увидѣлъ невдалекѣ Леонардо да-Винчи. Художникъ стоялъ, опираясь плечомъ о колонну, въ правой рукѣ держалъ свою неизмѣнную записную книжку, лѣвой рисовалъ въ ней, иногда вскидывая глаза на кафедру, должно быть, надѣясь еще разъ увидѣть голову проповѣдника.

Чуждый всѣмъ, одинъ въ толпѣ, обуянной ужасомъ,

Леонардо сохранялъ совершенное спокойствіе. Въ холодныхъ, блѣдно-голубыхъ глазахъ его, въ тонкихъ губахъ, плотно сжатыхъ, какъ у человѣка, привыкшаго ко вниманію и точности, была не насмѣшка, а то самое любопытство, съ которымъ онъ мѣрилъ математическими приборами тѣло Афродиты.

Слезы на глазахъ Джіованни высохли; молитва замерла на губахъ.

Выйдя изъ церкви, онъ подошелъ къ Леонардо и попросилъ позволенія взглянуть на рисунокъ. Художникъ сперва не соглашался; но Джіованни настаивалъ съ умоляющимъ видомъ, и, наконецъ, Леонардо отвелъ его въ сторону и подаль ему записную книжку.

Джіованни увидѣлъ страшную карикатуру.

Это было лицо не Савонароллы, а стараго безобразнаго дьявола въ монашеской рясѣ, похожаго на Савонароллу, изможденнаго самоистязаніями, но не побѣдившаго гордыни и похоти. Нижняя челюсть выдавалась впередъ, морщины бороздили щеки и шею, отвислую, черную, какъ на высохшемъ трупѣ, вздернутыя брови щетинились, и нечеловѣчскій взоръ, полный упрямой, почти злобной мольбы, устремленъ былъ въ небо. Все темное, ужасное и безумное, что предавало брата Джироламо во власть юродивому, косноязычному ясновидцу Маруффи, было испытано въ этомъ рисункѣ, обнажено безъ гнѣва и жалости, съ невозмутимою ясностью знанія.

И Джіованни вспомнилъ слова Леонардо:

«Душа художника должна быть подобной зеркалу, которое отражаетъ всѣ предметы, всѣ движенія и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ».

Ученикъ фра Бенедетто поднялъ глаза на Леонардо и почувствовалъ, что хотя бы ему, Джіованни, грозила вѣчная погибель, хотя бы онъ убѣдился, что Леонардо дѣйствительно слуга Антихриста, — не можетъ онъ уйти отъ него, и неодолимая сила привлекаетъ его къ этому человѣку: онъ долженъ узнать его до конца.

Х.

ДНЯ черезъ два во Флоренцію, въ домъ мессера Чиприано Буонаккорзи, въ это время занятаго неожиданнымъ стеченіемъ торговыхъ дѣлъ, и потому не успѣвшаго перевезти Венеру въ городъ, — прибѣжалъ Грилло съ горестнымъ извѣстіемъ: приходскій священникъ, отецъ Фаустино, покинувъ Санъ-Джервазіо, отправился въ сосѣднее горное селеніе Санъ-Мауриціо, запугалъ народъ небесными карами, собралъ ночью отрядъ поселянъ, осадилъ виллу Буонаккорзи, выломалъ двери, избилъ садовника Строкко, связалъ по рукамъ и ногамъ приставленныхъ къ Венерѣ сторожей; надъ богиней была прочитана сложенная въ древнія времена молитва—*oratio super offigiis vasaque in loco antiquo reperta*: въ этой молитвѣ надъ изваяніями и сосудами, находимыми въ древнихъ гробницахъ, служитель церкви проситъ Бога очистить вырытые изъ земли предметы отъ языческой скверны, обративъ ихъ на пользу душъ христіанскихъ во славу Отца, Сына и Духа Святаго, — *ut omni immunditia depulsa sint fidelibus tuis utenda per Christum dominum nostrum*. Потомъ мраморное изваяніе разбили, осколки бросили въ печь, обожгли, приготовили известь и обмазали ею недавно выведенную стѣну сельскаго кладбища.

При этомъ разказѣ стараго Грилло, который едва не плакалъ отъ жалости къ идолу, Джіованни почувствовалъ рѣшимость. Въ тотъ же день пошелъ онъ къ Леонардо и попросилъ, чтобы художникъ принялъ его ученикомъ въ свою мастерскую.

И Леонардо принялъ его.

Немного времени спустя во Флоренцію пришла вѣсть о томъ, что Карлъ VIII, христіаннѣйшій король Франціи, во главѣ несмѣтнаго войска, выступилъ въ походъ для завоеванія Неаполя и Сициліи, быть можетъ, Рима и Флоренціи.

Граждане были въ ужасѣ, ибо видѣли, что пророчества брата Джироламо Савонароллы совершаются — казни идутъ и мечъ Божій опускается на Италію.

ВТОРАЯ КНИГА.

Esse Deus—esse homo.

I.

ЕСЛИ тяжелый орел на крыльяхъ держится въ рѣдкомъ воздухѣ, если большіе корабли на парусахъ движутся по морю, — почему не можетъ и человѣкъ, разсѣкая воздухъ крыльями, овладѣть вѣтромъ и подняться на высоту побѣдителемъ?»

Въ одной изъ своихъ старыхъ тетрадей прочелъ Леонардо эти слова, написанныя пять лѣтъ назадъ. Рядомъ былъ рисунокъ: дышло, съ прикрѣпленнымъ къ нему круглымъ желѣзнымъ стержнемъ, поддерживало крылья, приводимыя въ движеніе веревками.

Теперь машина эта казалась ему неуклюжей и безобразной.

Новый приборъ напоминалъ летучую мышь. Остовъ крыла состоялъ изъ пяти пальцевъ, какъ на рукѣ скелета, многокопѣчатыхъ, сгибающихся въ суставахъ. Сухожиліе изъ ремней дубленой кожи и шнурковъ сырого шелка, съ рычагомъ и шайбой, въ видѣ мускула, соединяло пальцы. Крыло поднималось посредствомъ подвижного стержня и шатуна. Накрахмаленная тафта, не пропускавшая воздуха, какъ перепонка на гусиной лапѣ, сжималась и распускалась. Четыре крыла ходили крестъ

на крестъ, какъ ноги лошади. Длинна ихъ — сорокъ локтей высота подъема — восемь. Они откидывались назадъ, давая ходъ впередъ, и опускались, подымая машину вверхъ. Человѣкъ, стоя, вдѣвалъ ноги въ стремена, приводившія въ движеніе крылья посредствомъ шнуровъ, блоковъ и рычаговъ. Голова управляла большимъ рулемъ съ перьями, наподобіе птичьяго хвоста.

Птица прежде чѣмъ вспорхнуть съ земли, для перваго размаха крыльевъ, должна приподняться на лапкахъ: каменный стрижь, у котораго лапки короткія, положенный на землю бьется и не можетъ взлетѣть.

Два тростниковыя лѣсенки замѣняли въ приборѣ птичьи лапки.

Леонардо зналъ по опыту, что совершенное устройство машины сопровождается изяществомъ и соразмѣрностью всѣхъ частей: уродливый видъ необходимыхъ лѣсенокъ смущалъ изобрѣтателя.

Онъ погрузился въ математическія выкладки: искалъ ошибку и не могъ найти. Вдругъ со злобой зачеркнулъ страницу, наполненную мелкими тѣсными рядами цифръ, на поляхъ написалъ: «невѣрно!» и сбоку прибавилъ ругательство большими, яростными буквами: «Къ чорту!»

Вычисленія становились все запутаннѣе; неуловимая ошибка разрасталась.

Пламя свѣчи неровно мигало, раздражая глазъ. Котъ, успѣвшій выпастись, вспрыгнулъ на рабочій столъ, потянулся, выгнувъ спину и началъ играть лапкою съ изъѣденнымъ молью чучеломъ птицы, подвѣшеннымъ на бичевкѣ къ деревянной перекладинѣ, — приборомъ для опредѣленія центра тяжести при изученіи полета. Леонардо толкнулъ кота, такъ что онъ едва не упалъ со стола и жалобно мяукнулъ.

— Ну, Богъ съ тобой, ложись, гдѣ хочешь, — только не мѣшай.

Ласково провелъ рукою по черной шерсти. Въ ней затрещали искры. Котъ поджалъ бархатныя лапки, важно улегся, замурлыкалъ и устремилъ на хозяина неподвижные зеленоватые зрачки, полные нѣгой и тайною.

Опять потянулись цифры, скобки, дроби, уравненія, кубическіе и квадратные корни.

Вторая бессонная ночь пролетала незамѣтно.

Вернувшись изъ Флоренціи въ Миланъ, Леонардо провѣлъ цѣлый мѣсяцъ, почти никуда не выходя, въ работѣ надъ летательной машиной.

Въ открытое окно заглядывали вѣтви бѣлой акаціи, иногда роняя на столъ нѣжные, сладко-пахучіе цвѣты. Лунный свѣтъ, смягченный дымкой рыжеватыхъ облаковъ съ перламутровымъ отливомъ, падалъ въ комнату, смѣшиваясь съ краснымъ свѣтомъ заплывшей свѣчи.

Комната была загромождена машинами и приборами по астрономіи, физикѣ, химіи, механикѣ, анатоміи. Колеса, рычаги, пружины, винты, трубы, стержни, дуги, поршни и другія части машинъ—мѣдныя, стальные, желѣзные, стеклянные—какъ члены чудовищъ или громаднхъ насѣкомыхъ, торчали изъ мрака, переплетаясь и путаясь. Видѣлся водолазный колоколъ, мерцающій хрусталь оптического прибора, изображавшаго глазъ въ большихъ размѣрахъ, скелетъ лошади, чучело крокодила, банка съ человѣческимъ зародышемъ въ спирту, похожимъ на блѣдную огромную личинку, острые лодкообразныя лыжи для хожденія по водѣ, и рядомъ, должно быть, случайно попавшая сюда изъ мастерской художника, глиняная головка дѣвушки или ангела съ лукавой и грустной улыбкой.

Въ глубинѣ, въ темномъ зѣвѣ плавильной печи съ кузнечными мѣхами, розовѣли подъ пепломъ угли.

И надо всѣмъ отъ полу до потолка распростирались крылья машины—одно еще голое, другое затянутое перепонкою. Между ними на полу, развалившись и закинувъ голову, лежалъ человѣкъ, должно быть, уснувшій во время работы. Въ правой рукѣ его была рукоятъ заковѣлаго мѣднаго черпака, откуда на полъ вылилось олово. Одно изъ крыльевъ нижнимъ концомъ тростниковаго легкаго остова касалось груди спящаго и отъ его дыханія тихонько вздрагивало, двигалось, какъ живое, шуршало о потолокъ острымъ верхнимъ концомъ.

Въ невѣрномъ сіяніи луны и свѣчки машина, съ человѣкомъ между раскинутыми крыльями, имѣла видъ гигантскаго цетопыря, готоваго вспорхнуть и улѣтъ.

II.

ЛУНА закатилась. Съ огородовъ, окружавшихъ домъ Леонардо въ предмѣстіи Милана между крѣпостью и монастыремъ Маріа-делле-Граціе, повѣяло запахомъ овощей и травъ—мелиссы, мяты, укропа. Въ гнѣздѣ надъ окномъ защебетали ласточки. Въ сажалкѣ утки брызгались и весело крикали.

Пламя свѣчи померкло. Рядомъ, въ мастерской, слышались голоса учениковъ.

Ихъ было двое—Джіованни Бельтраффіо и Андрѣа Салаино. Джіованни срисовывалъ анатомическій слѣпокъ, сидя передъ приборомъ для изученія перспективы—четыреугольной деревянной рамой съ веревочной сѣткой, которая соотвѣтствовала такой же сѣткѣ изъ пересѣкавшихся линій на бумагѣ рисовальщика.

Салаино накладывалъ алебастръ на липовую доску для картины. Это былъ красивый мальчикъ съ невинными глазами и бѣлокурыми локонами, баловень учителя, который писалъ съ него ангеловъ.

— Какъ вы думаете, Андрѣа,—спросилъ Бельтраффіо,—скоро ли мессеръ Леонардо кончитъ машину?

— А Богъ его знаетъ,—отвѣтилъ Салаино, насвистывая пѣсенку и поправляя атласные, шитые серебромъ, отвороты новыхъ башмаковъ.—Въ прошломъ году два мѣсяца просидѣлъ, и ничего не вышло, кромѣ смѣха. Этотъ косолапый медвѣдь Зороастро пожелалъ летѣть, во что бы то ни стало. Учитель его отговаривалъ, но тотъ заупрямился. И представь, взобрался—таки чудакъ на крышу, обмоталъ себя по всему тѣлу связанными, какъ четки, бычачьими да свиными пузырями, чтобы не разбиться, если упадетъ,—поднялъ крылья и сначала вспорхнулъ, вѣтромъ его понесло, что ли, а потомъ сорвался, полетѣлъ вверхъ ногами—и прямо въ навозную кучу. Мягко было, не расшибся, а только всѣ пузыри на немъ сразу лопнули, и такъ былъ громъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла,—даже галки на сосѣдней колокольнѣ испугались и улѣтели. А новый-то нашъ Икаръ ногами болтаетъ въ воздухѣ, вылѣзть не можетъ изъ навозной кучи!

Въ мастерскую вошелъ третій ученикъ Чезаре да-Сесто, человѣкъ уже не молодой, съ болѣзненнымъ желчнымъ лицомъ, съ умными и злыми глазами. Въ одной рукѣ держалъ онъ кусокъ хлѣба съ ломтемъ ветчины, въ другой—стаканъ вина.

— Тьфу, кислятина!—плюнулъ онъ, поморщившись.— И ветчина какъ подошва. Удивляюсь: жалованья двѣ тысячи дукатовъ въ годъ—и кормить людей такою дрянью!

— Вы бы изъ другого боченка, что подъ лѣстницей, въ чуланѣ,—молвилъ Салаинно.

— Пробоваль. Еще хуже.—Что это у тебя, опять обновка?—посмотрѣлъ Чезаре на щегольской беретъ Салаинно изъ пунцоваго бархата.—Ну и хозяйство у насъ, нечего сказать. Собачья жизнь! На кухнѣ второй мѣсяцъ свѣжаго окорока не могутъ купить. Марко божится, что у самого мастера ни гроша—все на эти крылья окаймленныя просаживаешь, въ черномъ тѣлѣ держитъ всѣхъ,—а деньги-то, вотъ онѣ гдѣ! Любимчиковъ задариваешь! Бархатныя шапочки! И какъ тебѣ не стыдно, Андрѣа, отъ чужихъ людей подачки принимать? Вѣдь мессэръ Леонардо тебѣ не отецъ, не братъ, и ты уже не маленький...

— Чезаре,—сказалъ Джіованни, чтобы переменить разговоръ,—намедали вы обѣщали мнѣ объяснить одно правило перспективы, помните? Учителя мы, видно, не дождемся. Онъ такъ занятъ машиною...

— Да, братцы, погодите,—ужо всѣ въ трубу вылетимъ съ этой машиною, чтобы чортъ ее побралъ! А, впрочемъ, не одно, такъ другое. Помню, однажды, среди работы надъ Тайной Вечерей, мастеръ вдругъ увлекся изобрѣтеніемъ новой машины для приготовления миланской червеллаты—бѣлой колбасы изъ мозговъ. И голова апостола Іакова Старшаго такъ и осталась неоконченной, ожидая совершенства колбаснаго крошила. Лучшую изъ своихъ Мадоннъ забросилъ онъ въ уголь, пока изобрѣталъ самовращающійся вертелъ, чтобы равномерно жарить каплуновъ и поросятъ. А это великое открытіе щелока изъ куриного помета для стирки бѣлья! Вѣрите ли,—нѣтъ такой глупости, которой бы мессэръ Леонардо не предавался съ восторгомъ, только бы отдѣлаться отъ живописи!

Лицо Чезаре передернулось судорогою, тонкія губы сложились въ злую усмѣшку.

— И зачѣмъ только Богъ даетъ такимъ людямъ талантъ!—прибавилъ онъ тихо и яростно.

III.

А Леонардо все еще сидѣлъ, согнувшись надъ рабочимъ столомъ.

Ласточка влетѣла въ открытое окно и закружилась въ комнатѣ, задѣвая о потолокъ и стѣны; наконецъ попала въ крыло летательнаго прибора, какъ въ западню, и запуталась въ сѣткѣ веревочныхъ сухожилій своими маленькими живыми крыльями.

Леонардо подошелъ, освободилъ плѣнницу, бережно, такъ, чтобы не причинить ей боли, взялъ въ руку, поцѣловалъ въ шелковисто-черную головку и пустил въ окно.

Ласточка взвилась и потонула въ небѣ съ радостнымъ крикомъ.

— Какъ легко, какъ просто!—подумалъ онъ, проводивъ ее завистливымъ, печальнымъ взоромъ. Потомъ съ безразличнымъ чувствомъ взглянулъ на свою машину, на мрачный остовъ исполинской летучей мыши.

Человѣкъ, спавшій на полу, проснулся.

Это былъ помощникъ Леонардо, искусный флорентинскій механикъ и кузнецъ, по имени Зороастро или Астро да-Перетолла.

Онъ вскочилъ, протирая своей единственный глазъ: другой—вытекъ отъ искры, попавшей въ него изъ пылающаго горна во время работы. Неуклюжій великанъ, съ дѣтскимъ простодушнымъ лицомъ, вѣчно покрытымъ сажей и копотью, походилъ на одноглазаго циклопа.

— Проспалъ!—воскликнулъ кузнецъ, въ отчаяніи хватаясь за голову.—Чортъ меня побери!—Эхъ, мастеръ, какъ же вы не разбудили? Торопился, думалъ, къ вечеру и лѣвое кончу, чтобы завтра утромъ летѣть...

— Хорошо сдѣлалъ, что выспался.—молвилъ Леонардо.—Все равно, крылья не годятся.

— Какъ? Опять не годятся? Ну, нѣтъ, мессэре, воля ваша, а я этой машины передѣлывать не стану. Сколько денегъ, сколько труда! И опять все прахомъ пойдетъ! Чего же еще? Чтobъ на этакихъ крыльяхъ да не полетѣть! Не только человѣка—слона подымутъ! Вотъ увидите, мастеръ. Дозвольте разокъ попытаться—ну, хоть надъ водой,—если упаду, только выкупаюсь, я вѣдь плаваю, какъ рыба, ни за что не утону!

Онъ сложилъ руки съ умоляющимъ видомъ.

Леонардо покачалъ головой.

— Потерпи, другъ. Все будетъ въ свое время. Потомъ...

— Потомъ!—простоналъ кузнецъ, чуть не плача.—Отчего же не теперь? Право же, ну вотъ, какъ Богъ святъ,—полечу!

— Не полетишь, Астро. Тутъ математика.

— Такъ и я зналъ! Ну ее ко всѣмъ дьяволамъ, вашу математику! Только смущаетъ. Сколько лѣтъ корпимъ! Душа изныла. Каждый глупый комаръ, моль, муха, прости Господи, поганая, навозная, и та летаетъ, а люди, какъ черви,—ползаютъ. Развѣ это не обида? И чего ждаты? Вѣдь вотъ они, крылья! Все готово,—кажется, взялъ бы, благословясь, взмахнулъ да и полетѣлъ,—только меня и видѣли!

Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, и лицо его просіяло.

— Мастеръ, а, мастеръ? Что я тебѣ скажу. Сонъ-то я какой видѣлъ сегодня. Удивительный!

— Опять летать?

— Да. И вѣдь какъ! Ты только послушай. Стою будто бы среди толпы въ незнакомой горницѣ. Всѣ на меня смотрятъ, пальцами указываютъ, смѣются. Ну, думаю, если теперь не полечу—плохо. Подскочилъ, руками замаяхалъ изо всей мочи и сталъ подыматься. Сперва трудно, словно гора на плечахъ. А потомъ все легче да легче,—взвился, едва головой о потолокъ не стукнулся. И всѣ кричатъ: смотрите, смотрите—полетѣлъ! Я прямо въ окно, и все выше да выше, подъ самое небо,—только вѣтеръ въ ухахъ свиститъ, и весело мнѣ, смѣюсь: почему, думаю, прежде не умѣлъ летать. Разучился, что ли? Вѣдь вотъ какъ просто! И никакой машины не надо!

IV.

ПОСЛЫШАЛИСЬ вопли, ругательства, топотъ быстрыхъ шаговъ по лѣстницѣ. Дверь распахнулась, и въ нее вбѣжалъ человѣкъ съ жесткой щетиной, огненно-рыжихъ волосъ, съ краснымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Это былъ ученикъ Леонардо—Марко д'Оджіоне.

Онъ бранился, билъ и тащилъ за ухо худенькаго мальчика лѣтъ десяти.

— Да пошлетъ тебѣ Господь злую Пасху, негодяй! Пятки я тебѣ сквозь глотку пропущу, мерзавецъ!

— За что ты его, Марко?—спросилъ Леонардо.

— Помилуйте, мессэре! Двѣ серебряныя пряжки стибрилъ, флориновъ десять каждая. Одну успѣлъ заложить и деньги въ кости проигралъ, другую зашилъ себѣ въ платье, за подкладку—я тамъ и нашелъ. Какъ слѣдуетъ, хотѣлъ оттащить за вихры, а онъ мнѣ же руку до крови укусилъ, чертенокъ!

И съ новой яростью схватилъ мальчика за волосы.

Леонардо заступился и отнял у него ребенка. Тогда Марко выхватилъ изъ кармана связку ключей—онъ исполнялъ должность ключника въ домѣ—и крикнулъ:

— Вотъ ключи, мессэре! Съ меня довольно! Съ негодяями и ворами въ одномъ домѣ я не живу. Или я, или онъ!

— Ну, успокойся, Марко, успокойся... Я накажу его, какъ слѣдуетъ.

Изъ двери мастерской выглядывали подмастерья. Между ними протѣснилась толстая женщина—стряпуха Матурина. Только что вернулась она съ рынка и держала въ рукѣ корзину съ лукомъ, рыбою, алыми жирными баклажанами и волокнистыми феночки. Увидѣвъ маленькаго преступника, замахала руками и затараторила—точно сухой горохъ посыпался изъ дыряваго мѣшка.

Говорилъ и Чезаре, выражая удивленіе, что Леонардо терпитъ въ домѣ этого «язычника», ибо нѣтъ такой безцѣльной и жестокой шалости, на которую не

способенъ Джьякопо: камнемъ перешибъ наведни ногу больному старому Фаджіано, дворовому псу, разорилъ гнѣздо ласточекъ надъ конюшнею, и всѣ знаютъ, что его любимая забава—обрывать бабочкамъ крылья, любуясь ихъ мученіями.

Джьякопо не отходилъ отъ учителя, поглядывая на враговъ исподлобья, какъ затравленный волченокъ. Красивое блѣдное лицо его было неподвижно. Онъ не плакалъ, но, встрѣчая взглядъ Леонардо, злые глаза выражали робкую мольбу.

Матурина вопила, требуя, чтобы выпорили, наконецъ, этого бѣсенка: иначе онъ всѣмъ на шею сядетъ, и житья отъ него не будетъ.

— Тише, тише! Замолчите, ради Бога,—произнесъ Леонардо, и на лицѣ его появилось выраженіе страннаго малодушія, безпомощной слабости передъ семейнымъ бунтомъ.

Чезаре смѣялся и шепталъ, злорадствуя.

— Смотрите тошно! Мямля! Съ мальчишкой справиться не можетъ...

Когда наконецъ всѣ накричались вдоволь и мало-помалу разошлись, Леонардо, подозвалъ Бельтраффіо, сказалъ ему ласково:

— Джіованни, ты еще не видѣлъ Тайной Вечери. Я туда иду. Хочешь со мной?

Ученикъ покраснѣлъ отъ радости.

V.

ОНИ вышли на маленькій дворъ. Посерединѣ былъ колодезь. Леонардо умылся. Несмотря на двѣ безсонныя ночи, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ.

День былъ туманный, безвѣтренный, съ блѣднымъ, точно подводнымъ, свѣтомъ; такіе дни художникъ любилъ для работы.

Пока они стояли у колодца, подошелъ Джьякопо. Въ рукахъ держалъ онъ самодѣльную коробочку изъ древесной коры.

— Мессэре Леонардо,—произнесъ мальчикъ боязливо,— вотъ для васъ...

Онъ осторожно приподнялъ крышку: на днѣ коробки былъ громадный паукъ.

— Едва поймалъ,—объяснилъ Джьякопо.—Въ щель между камнями ушелъ. Три дня просидѣлъ. Ядовитый! Лицо мальчика вдругъ оживилось.

— А какъ мухъ-то ѣсть!

Онъ поймалъ муху и бросилъ въ коробку. Паукъ кинулся на добычу, схватилъ ее мохнатыми лапами, и жертва забила, зажужжала все слабѣе, все тоньше.

— Сосеть, сосеть! Смотрите,—шепталъ мальчикъ, замирая отъ наслажденія. Глаза его горѣли жестокимъ любопытствомъ, и на губахъ дрожала неясная улыбка.

Леонардо тоже наклонился, глядя на чудовищное насѣкомое.

И вдругъ Джіованни показалось, что у нихъ у обоихъ въ лицахъ мелькнуло общее выраженіе, какъ будто, не смотря на бездну, отдѣлявшую ребенка отъ художника, они сходились въ этомъ любопытствѣ къ ужасному.

Когда муха была съѣдена, Джьякопо бережно закрылъ коробочку и сказалъ:

— Я къ вамъ на столъ отнесу, мессэре Леонардо,—можетъ быть, вы еще посмотрите. Онъ съ другими пауками смѣшно дерется...

Мальчикъ хотѣлъ уйти, но остановился и поднялъ глаза съ умоляющимъ видомъ. Углы губъ его опустились и дрогнули.

— Мессэре,—произнесъ онъ тихо и важно,—вы на меня не сердитесь! Ну, что-жъ,—я и самъ уйду, я давно думалъ, что надо уйти, только не для нихъ—мнѣ все равно, что они говорятъ,—а для васъ. Вѣдь я знаю, что я вамъ надобѣ. Вы одинъ добрый, а они злые, такіе же, какъ я, только притворяются, а я не умѣю... Я уйду и буду одинъ. Такъ лучше. Только вы меня все-таки простите...

Слезы заблестѣли на длинныхъ рѣсницахъ мальчика. Онъ повторилъ еще тише, потушившись:

— Простите, мессэре Леонардо!.. А коробочку я отнесу. Пусть останется вамъ на память. Паукъ

проживетъ долго. Я попрошу Астро, чтобы онъ кормилъ его...

Леонардо положилъ руку на голову ребенка.

— Куда ты пойдешь, мальчикъ? Оставайся. Марко тебя проститъ, а я не сержусь. Ступай и впередъ постарайся не дѣлать зла никому.

Джѣяконо молча посмотрѣлъ на него большими недоумѣвающими глазами, въ которыхъ сіяла не благодарность, а изумленіе, почти страхъ.

Леонардо отвѣтилъ ему тихой, доброй улыбкой и погладилъ по головѣ съ нѣжностью, какъ будто угадывая вѣчную тайну этого сердца, созданнаго природою злымъ и невиннымъ во злѣ.

— Пора, — молвилъ учитель, — пойдемъ, Джіованни.

Они вышли въ калитку и, по безлюдной улицѣ, между заборами садовъ, огородовъ и виноградниковъ, направились къ монастырю Марія-делле-Граціе.

VI.

ПОСЛѢДНЕЕ время Бельтраффіо былъ опечаленъ тѣмъ, что не могъ внести учителю условленной ежемѣсячной платы въ шесть флориновъ. Дядя поссорился съ нимъ и не давалъ ни гроша. Джіованни бралъ деньги у фра Бенедетто, чтобы заплатить за два мѣсяца. Но у монаха больше не было: онъ отдалъ ему послѣднія.

Джіованни хотѣлъ извиниться передъ учителемъ.

— Мессѣре, — началъ онъ робко, заикаясь и краснѣя, — сегодня четырнадцатое, а я плачу десятого по условію. Мнѣ очень совѣстно... Но вотъ у меня всего только три флорина. Можетъ быть, вы согласитесь подождать. Я скоро достану денегъ. Мэрула обѣщалъ мнѣ переписку...

Леонардо посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— Что ты, Джіованни? Господь съ тобой! Какъ тебѣ не стыдно говорить объ этомъ?

По смущенному лицу ученика, по неискуснымъ, жалобнымъ и стыдливымъ заплатамъ на старыхъ баш-

макахъ съ протертыми веревочными швами, по изношенному платью, онъ понялъ, что Джіованни сильно нуждается.

Леонардо нахмурился и заговорилъ о другомъ.

Но черезъ нѣкоторое время, съ небрежнымъ и какъ бы разсѣяннымъ видомъ, пошарилъ въ карманъ, вынулъ золотую монету и сказалъ:

— Джіованни, прошу тебя, зайди потомъ въ лавку, купи мнѣ голубой бумаги для рисованія, листовъ двадцать, краснаго мѣла пачку, да хорьковыхъ кистей. Вотъ, возьми.

— Здѣсь дукать. На покупку десять сольди. Я принесу сдачи...

— Ничего не принесешь. Успѣешь отдать. Больше о деньгахъ никогда и думать не смѣй, слышишь?

Онъ отвернулся и молвилъ, указывая на утреннія туманныя очертанія листовенницъ, уходившихъ въ даль длиннымъ рядомъ по обоимъ берегамъ Навильо Гранде, канала, прямого какъ стрѣла.

— Замѣтилъ ты Джіованни, какъ въ легкомъ туманѣ зелень деревьевъ становится воздушно-голубою, а въ густомъ — блѣдно-сѣрой.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній о различіи тѣней, бросаемыхъ облаками на лѣтнія, покрытыя листвою, и зимнія, безлиственные горы.

Потомъ опять обернулся къ ученику и сказалъ:

— А вѣдь я знаю, почему ты вообразилъ, что я скряга. Готовъ побиться объ закладъ, что вѣрно угадалъ. Когда мы съ тобой говорили о мѣсячной платѣ, должно быть, ты замѣтилъ, какъ я разспросилъ и записалъ въ памятную книжку все до послѣдней мелочи, сколько, когда, отъ кого. Только, видишь ли? — надо тебѣ знать, другъ мой, что у меня такая привычка, должно быть, отъ отца моего, нотариуса Пьетро да-Винчи, самаго точнаго и благоразумнаго изъ людей. Мнѣ она въ прокъ не пошла и въ дѣлахъ никакой пользы не приноситъ. Вѣришь ли, иногда самому смѣшно перечитывать, — такіе пустяки записываю! Могу сказать съ точностью, сколько данари стоило перо и бархатъ для новой шляпы Андрѣа Салаино, а куда тысячи дукатовъ уходятъ, не знаю.

Смотри же,—впередъ, Джіованни, не обращай вниманія на эту глупую привычку. Если тебѣ нужны деньги, бери и вѣрь, что я тебѣ даю, какъ отецъ сыну...

Леонардо взглянулъ на него съ такою улыбкой, что на сердцѣ ученика сразу сдѣлалось легко и радостно.

Указывая спутнику на странную форму одного низкорослаго шелковичнаго дерева въ саду, мимо котораго они проходили, учитель замѣтилъ, что не только у каждаго дерева, но и у каждаго изъ листьевъ—особенная, единственная, болѣе нигдѣ и никогда въ природѣ не повторяющаяся, форма, какъ у каждаго человѣка — свое лицо.

Джіованни подумалъ, что онъ говоритъ о деревьяхъ съ тою же самой добротою, съ которою только что говорилъ объ его горѣ, какъ будто это вниманіе ко всему живому, обращаясь на природу, давало взгляду учителя проницательность ясновидящаго.

На низменной, плодородной равнинѣ изъ-за темнозеленыхъ тутовыхъ деревьевъ выступила церковь доминиканской обители Марія-делле-Граціе, кирпичная, розовая, веселая на бѣломъ облачномъ небѣ, съ широкимъ ломбардскимъ куполомъ, подобнымъ шатру, съ лѣпными украшеніями изъ обожженной глины—созданіе молодого Браманте.

Они вошли въ монастырскую трапезную.

VII.

ЭТО была простая длинная зала съ голыми выбѣленными стѣнами, съ темными деревянными балками потолка, уходившими въ глубь. Пахло теплою сыростью, ладаномъ и застарѣлымъ чадомъ постныхъ блюдъ. У простѣнка, ближайшаго ко входу, находился небольшой обѣденный столъ отца-игумена. По обѣимъ сторонамъ его—длинные узкіе столы монаховъ.

Было такъ тихо, что слышалось жужжаніе мухи въ окнѣ съ пыльно-желтыми гранями стекла. Изъ монастырской кухни доносился говоръ, стукъ желѣзныхъ сковородъ и кастрюль.

Въ глубинѣ трапезной, у стѣны, противоположной столу пріора, затянутой сѣрымъ грубымъ холстомъ, возвышались досчатые подмости.

Джіованни догадался, что подъ этимъ холстомъ—произведеніе, надъ которымъ учитель работалъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ,—Тайная Вечера.

Леонардо взошелъ на подмости, отперъ деревянный ящикъ, гдѣ хранились подготовительные рисунки, картоны, кисти и краски, досталъ маленькую, исчерченную замѣтками на поляхъ, истрепанную латинскую книгу, подаль ее ученику и сказалъ:

— Прочти тринадцатую главу отъ Іоанна.

И откинулъ покрывало.

Когда Джіованни взглянулъ, въ первое мгновеніе ему показалось, что передъ нимъ не живопись на стѣнѣ, а дѣйствительная глубина воздуха, продолженіе монастырской трапезной—точно другая комната открылась за отдернутой завѣсою, такъ что продольныя и поперечныя балки потолка ушли въ нее, суживаясь въ отдаленіи, и свѣтъ дневной слился съ тихимъ вечернимъ свѣтомъ надъ голубыми вершинами Сіона, которыя видѣлись въ трехъ окнахъ этой новой трапезной, почти такой же простой, какъ монашеская, только обитой коврами, болѣе уютной и таинственной. Длинный столъ, изображенный на картинѣ, похожъ былъ на тѣ, за которыми обѣдали монахи: такая же скатерть съ узорными, тонкими полосками, съ концами, завязанными въ узлы, и четырехугольными, нерасправленными складками, какъ будто еще немного сырая, только что взятая изъ монастырской кладовой, такіе же стаканы, тарелки, ножи, стеклянные сосуды съ виномъ.

И онъ прочелъ въ Евангеліи.

«Передъ праздникомъ Пасхи Иисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что возлюбивъ своихъ, сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ.

И во время вечери, когда диаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ Искаріоту предать Его,—возмущенъ духомъ, и сказалъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ меня.

Тогда ученики озирались другъ на друга, недоумѣвая. о комъ Онъ говорить.

Одинъ же изъ учениковъ Его, котораго любилъ Иисусъ, возлежалъ у груди Иисуса.

Ему Симонъ Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о которомъ говорить.

Онъ, припавши къ груди Иисуса, сказалъ ему: «Господи, кто это?»

Иисусъ отвѣтилъ: «тотъ, кому я, омочивъ хлѣбъ, подамъ». И омочивъ хлѣбъ, подалъ Иудѣ Симонову Искариоту.

И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана.

Джіованни поднялъ глаза на картину.

Лица апостоловъ дышали такою жизнью, что онъ какъ будто слышалъ ихъ голоса, заглядывалъ въ глубину ихъ сердецъ, смущенныхъ самымъ непонятнымъ и страшнымъ изъ всего, что когда-либо совершалось въ мірѣ,—рожденіемъ зла, отъ котораго Богъ долженъ умереть.

Особенно поразили Джіованни Иуда, Іоаннъ и Петръ. Голова Иуды не была еще написана, только тѣло, откинутое назадъ, слегка очерчено: сжимаемая въ судорожныхъ пальцахъ мошну со серебряниками, нечаяннымъ движеніемъ руки опрокинулъ онъ солонку—и соль высыпалась.

Петръ, въ порывѣ гнѣва, стремительно вскочилъ изъ-за него, правой рукой схватилъ ножъ, лѣвую опустилъ на плечо Іоанна, какъ бы вопрошая любимаго ученика Иисусова: «кто предатель?»—и старая, серебристо-сѣдая, лучезарно гнѣвная голова его сіяла тою огненною ревностью, жаждою подвига, съ которою нѣкогда онъ долженъ былъ воскликнуть, понявъ неизбежность страданій и смерти Учителя: «Господи, почему я не могу идти за тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя».

Ближе всѣхъ ко Христу былъ Іоаннъ; мягкіе какъ шелкъ, гладкіе вверху, книзу вьющіеся волосы, опущенныя вѣки, отягченныя нѣгою сна, покорно сложенные руки, лицо съ продолговато-круглымъ очеркомъ—все дышало въ немъ небесной тишиной и ясностью. Одинъ изъ всѣхъ учениковъ, онъ больше не страдалъ, не

боялся, не гнѣвался. Въ немъ исполнилось слово Учителя: «да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ».

Джіованни смотрѣлъ и думалъ:

«Такъ вотъ, кто Леонардо! А я еще сомнѣвался, едва не повѣрилъ клеветѣ. Человѣкъ, который создалъ это,—безбожникъ? Да кто же изъ людей ближе ко Христу, чѣмъ онъ!»..

Окончивъ нѣжными прикосновеніями кисти лицо Іоанна и взявъ изъ ящика кусокъ угля, учитель пытался сдѣлать очеркъ головы Иисуса.

Но ничего не выходило.

Обдумывая десять лѣтъ эту голову, онъ все еще не умѣлъ набросать даже перваго очерка.

И теперь, какъ всегда, передъ гладкимъ бѣлымъ мѣстомъ въ картинѣ, гдѣ долженъ былъ и не могъ явиться ликъ Господа, художникъ чувствовалъ свое безсиліе и недоумѣніе.

Отбросивъ уголь, стеръ губкою легкій слѣдъ его и погрузился въ одно изъ тѣхъ размышленій передъ картиной, которыя длились иногда цѣлыми часами.

Джіованни взошелъ на подмостки, тихонько приблизился къ нему и увидѣлъ, что мрачное, угрюмое, точно постарѣвшее, лицо Леонардо выражаетъ упорное напряженіе мысли, подобное отчаянію. Но, встрѣтивъ взоръ ученика, онъ молвилъ привѣтливо:

— Что скажешь, другъ?

— Учитель, что я могу сказать? Это—прекрасно прекраснѣе всего, что есть въ мірѣ. И этого никто изъ людей не понялъ, кромѣ васъ. Но лучше не говорить Я не умѣю...

Слезы задрожали въ голосѣ его. И онъ прибавилъ тихо, какъ будто съ боязнью:

— И вотъ, что я еще думаю и не понимаю: какимъ должно быть лицо Иуды среди такихъ лицъ?

Учитель досталъ изъ ящика рисунокъ на клочкѣ бумаги и показалъ ему.

Это было лицо страшное, но не отталкивающее, даже не злобное—только полное безконечною скорбью и горечью познанія.

Джіованни сравнилъ его съ лицомъ Іоанна.

— Да,—произнесъ онъ шопотомъ,—это онъ! Тотъ, о комъ сказано: «вошелъ въ него сатана». Онъ, можетъ быть, зналъ больше всѣхъ, но не принялъ этого слова: «да будутъ всѣ едино». Онъ самъ хотѣлъ быть одинъ..

Въ трапезную вошелъ Чезаре да-Сесто съ человѣкомъ въ одеждѣ придворныхъ истопниковъ.

— Наконецъ-то нашли мы васъ!—воскликнулъ Чезаре.—Всюду ищемъ... Отъ герцогини по важному дѣлу, мастера!..

— Не угодно ли будетъ вашей милости пожаловать во дворецъ,—добавилъ истопникъ почтительно.

— Что случилось?

— Бѣда, мессэръ Леонардо! Въ баняхъ трубы не дѣйствуютъ, да еще, какъ на грѣхъ, сегодня утромъ, только что герцогиня изволила въ ванну сѣсть, а служанка за бѣльемъ вышла въ сосѣднюю горницу, ручка на кранѣ съ горячей водою сломалась, такъ что ихъ свѣтлость никакъ не могли воду остановить. Хорошо, что успѣли выскочить изъ ванны. Едва кипяткомъ не обожглись. Очень изволятъ гнѣваться: мессэръ Амброджіо да-Феррари, управляющій, жалуются, говорятъ, — неоднократно предупреждали вашу милость о неисправности трубъ...

— Вздоръ!—молвилъ Леонардо.—Видишь, я занятъ. Ступай къ Зороастро. Онъ въ полчаса поправитъ.

— Никакъ нѣтъ, мессэре! Безъ васъ приходитъ не велѣно...

Не обращая на него вниманія, Леонардо хотѣлъ опять приняться за работу. Но, взглянувъ на пустое мѣсто для головы Іисуса, поморщился съ досадою, махнулъ рукой, какъ бы вдругъ понявъ, что и на этотъ разъ ничего не выйдетъ, заперъ ящикъ съ красками и сошелъ съ подмостокъ.

— Ну, пойдемъ, все равно! Приходи за мной на большой дворъ замка, Джіованни. Чезаре тебя проводить. Я буду ждать васъ у Коня.

Этотъ Конь былъ памятникъ покойнаго герцога Франческо Сфорца.

И къ изумленію Джіованни, не оглянувшись на Тай-

ную Вечерю, какъ будто радуясь предлогу уйти отъ работы, учитель пошелъ съ истопникомъ чинить трубы для спуска грязной воды въ герцогскихъ баняхъ.

— Что? Насмотрѣться не можешь?—обратился Чезаре къ Бельтрафіо.—Пожалуй, оно и вправду удивительно, пока не раскусишь...

— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ... Я не буду разувѣрять тебя. Можетъ быть, и самъ увидишь. Ну, а пока—умиляйся...

— Прошу тебя, Чезаре, скажи прямо все, что ты думаешь.

— Изволь. Только, чуръ, потомъ не сердись и не пеняй за правду. Впрочемъ, я знаю все, что ты скажешь, и спорить не буду. Конечно, это—великое произведеніе. Ни у одного мастера не было такого знанія анатоміи, перспективы, законовъ свѣта и тѣни. Еще бы! Все съ природы списано—каждая морщинка въ лицахъ, каждая складка на скатерти. Но духа живого нѣтъ. Бога нѣтъ и не будетъ. Все мертво—внутри, въ сердцѣ мертво! Ты только взглядишь, Джіованни, какая геометрическая правильность, какіе треугольники: два созерцательныхъ, два дѣятельныхъ, средоточіе во Христѣ. Вонъ по правую сторону—созерцательный: совершенное добро—въ Іоаннѣ, совершенное зло—въ Іудѣ, различіе добра отъ зла, справедливость—въ Петрѣ. А рядомъ—треугольникъ дѣятельный: Андрей, Іаковъ Младшій, Вареоломей. И по лѣвую сторону отъ центра—опять созерцательный: любовь Филиппа, вѣра Іакова Старшаго, разумъ Ѳомы—и снова треугольникъ дѣятельный. Геометрія вмѣсто вдохновенія, математика вмѣсто красоты! Все обдуманно, рассчитано, изжевано разумомъ до тошноты, испытано до отвращенія, взвѣшено на вѣсахъ, измѣрено циркулемъ. Подъ святыней—кощунство!

— О, Чезаре!—произнесъ Джіованни съ тихимъ упрекомъ,—какъ ты мало знаешь учителя! И за что ты такъ его... не любишь?..

— А ты знаешь и любишь?—быстро обернувъ къ нему лицо, молвилъ Чезаре съ язвительной усмѣшкой.

Въ глазахъ его сверкнула такая неожиданная злоба, что Джіованни невольно потупился.

— Ты несправедливъ, Чезаре,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Картина не кончена: Христа еще нѣтъ.

— Христа нѣтъ. А ты увѣренъ Джіованни, что Онъ будетъ? Ну, что же, посмотримъ! Только помани мое слово: Тайной Вечери мессэръ Леонардо не кончитъ никогда, ни Христа, ни Иуды не напишетъ. Ибо, видишь ли, другъ мой, математикой, знаніемъ, опытомъ, многого достигнешь, но не всего. Тутъ нужно другое. Тутъ предѣлъ, котораго онъ со всей своей наукой не переступить!

Они вышли изъ монастыря и направились къ замку Кастелло-ди-Порта-Джіовіа.

— По крайней мѣрѣ, въ одномъ, Чезаре, ты навѣрное ошибаешься,—сказалъ Бельтраффіо,—Иуда уже есть...

— Есть? Гдѣ?

— Я видѣлъ самъ.

— Когда?

— Только что, въ монастырѣ. Онъ мнѣ показывалъ рисунокъ.

— Тебѣ? Вотъ какъ!

Чезаре посмотрѣлъ на него и молвилъ медленно, какъ будто съ усиленіемъ:

— Ну и что же, хорошо?..

Джіованни молча кивнулъ головою. Чезаре ничего не отвѣтилъ и во всю дорогу уже больше не заговаривалъ, погруженный въ задумчивость.

VIII.

ОНИ подошли къ воротамъ замка и черезъ Баттипонтъ, подъемный мостъ, вступили въ башню южной стѣны, Торре-ди-Филарете, со всѣхъ сторонъ окруженную водою глубокихъ рововъ. Здѣсь было мрачно, душно, пахло казармою, хлѣбомъ и навозомъ. Эхо подъ гулками сводами повторяло разноязычный говоръ, смѣхъ и ругательства наемниковъ.

Чезаре имѣлъ пропускъ. Но Джіованни, какъ незнакомаго, осмотрѣли подозрительно и записали имя его въ караульную книгу.

Черезъ второй подъемный мостъ, гдѣ подвергли ихъ

новому осмотру, вступили они на пустынную внутреннюю площадь замка, Пьяцца-д'Армэ—Марсово Поле.

Прямо передъ ними чернѣла зубчатая башня Боны Савойской надъ Мертвымъ Рвомъ, Фоссато Морто. Справа былъ входъ въ почетный дворъ, Кортэ Дукале, слѣва—въ самую неприступную часть замка, крѣпость Рокэтту, настоящее орлиное гнѣздо.

По срединѣ площади видѣлись деревянные лѣса, окруженные небольшими пристройками, заборами и навѣсами изъ досокъ, сколоченныхъ на скорую руку, но уже потемнѣвшихъ отъ старости, кое-гдѣ покрытыхъ пятнами желтосѣрыхъ лишаевъ.

Надъ этими заборами и лѣсами возвышалось глиняное изваяніе, называвшееся Колоссомъ, въ двѣнадцать локтей вышины, конная статуя работы Леонардо.

Гигантскій конь изъ темно-зеленой глины выдѣлялся на облачномъ небѣ: онъ взвился на дыбы, попирая копытами воина; побѣдитель простиралъ герцогскій жезлъ. Это былъ великій кондоттьеръ, Франческо Сфорца, искатель приключеній, продававшій кровь свою за деньги—полусолдатъ, полуразбойникъ. Сынъ бѣднаго романьольскаго землепашца, вышелъ онъ изъ народа, сильный какъ левъ, хитрый какъ лиса, достигъ вершины власти злодѣяніями, подвигами, мудростью—и умеръ на престолѣ миланскихъ герцоговъ.

Лучъ блѣднаго влажнаго солнца упалъ на Колосса.

Джіованни прочелъ въ этихъ жирныхъ морщинахъ двойного подбородка, въ страшныхъ глазахъ, полныхъ хищною зоркостью, добродушное спокойствіе сытаго звѣря. А на подножій памятника увидѣлъ запечатлѣнное въ мягкой глинѣ рукой самого Леонардо двустипіе:

Expectant animi molemque futuram,
Suspiciunt; fluat aes; vox erit: Ecce deus!

Его поразили два послѣднія слова: Ecce deus!—Се богъ!

— Богъ,—повторилъ Джіованни, взглянувъ на глинянаго Колосса и на человѣческую жертву, попираемую конемъ триумфатора, Сфорца-Насильника, и вспомнилъ

безмолвную трапезную въ обители Маріи Благодатной, голубыя вершины Сіона, небесную прелесть лица Іоанна и тишину послѣдней Вечери того Бога, о которомъ сказано: Ессе homo!—Се человѣкъ!

Къ Джіованни подошелъ Леонардо.

— Я кончилъ работу. Пойдемъ. А то опять позовутъ во дворецъ: тамъ, кажется, кухонныя трубы дымятъ. Надо улизнуть, пока не замѣтили.

Джіованни стоялъ молча, потупивъ глаза; лицо его было блѣдно.

— Простите учитель!.. Я думаю и не понимаю, какъ вы могли создать этого Колосса и Тайную Вечерю вмѣстѣ, въ одно и то же время?

Леонардо посмотрѣлъ на него съ простодушнымъ удивленіемъ.

— Чего же ты не понимаешь?

— О, мессѣре Леонардо, развѣ вы не видите сами? Этого нельзя—вмѣстѣ...

— Напротивъ, Джіованни. Я думаю, что одно помогаетъ другому: лучшія мысли о Тайной Вечерѣ приходятъ мнѣ именно здѣсь, когда я работаю надъ Колоссомъ, и, наоборотъ, тамъ въ монастырѣ, я люблю обдумывать памятникъ. Это два близнеца. Я ихъ вмѣстѣ началъ—вмѣстѣ кончу.

— Вмѣстѣ! Этотъ человѣкъ и Христосъ? Нѣтъ, учитель, не можетъ быть!..—воскликнулъ Бельтраффіо и, не умѣя лучше выразить своей мысли, но чувствуя, какъ сердце его возмущается нестерпимымъ противорѣчіемъ, онъ повторялъ:

— Этого не можетъ быть!...

— Почему не можетъ?—молвилъ учитель.

Джіованни хотѣлъ что-то сказать, но, встрѣтивъ взоръ спокойныхъ, недоумѣвающихъ глазъ Леонардо, понялъ, что нельзя ничего сказать, что все равно—онъ не пойметъ.

— Когда я смотрѣлъ на Тайную Вечерю,—думалъ Бельтраффіо,—мнѣ казалось, что я узналъ его. И вотъ опять я ничего не знаю. Кто онъ? Кому изъ двухъ сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: *Се богъ*? Или Чезаре правъ, и въ сердцѣ Леонардо нѣтъ Бога?

IX.

НОЧЬЮ, когда всѣ въ домѣ спали, Джіованни вышелъ, мучимый безсонницей, на дворъ и сѣлъ у крыльца на скамью подъ навѣсомъ виноградныхъ лозъ.

Дворъ былъ четырехугольный, съ колодцемъ посерединѣ. Ту сторону, которая была за спиной Джіованни, занимала стѣна дома; противъ него были конюшни; слѣва каменная ограда съ калиткою, выходившею на большую дорогу къ Порто Верчеллина, справа—стѣна маленькаго сада, и въ ней дверца, всегда запиравшаяся на замокъ, потому что въ глубинѣ сада было отдѣльное зданіе, куда хозяинъ не пускалъ никого, кромѣ Астро, и гдѣ онъ часто работалъ въ совершенномъ уединеніи.

Ночь была тихая, теплая и сырая; душный туманъ пропитанъ мутнымъ луннымъ свѣтомъ.

Въ запертую калитку стѣны, выходившей на большую дорогу, послышался стукъ.

Ставня одного изъ нижнихъ оконъ открылась, высунулся человѣкъ и спросилъ:

— Монна Кассандра?

— Я. Отопри.

Изъ дома вышелъ Астро и отперъ.

Во дворъ вступила женщина, одѣтая въ бѣлое платье, казавшееся на лунѣ зеленоватымъ, какъ туманъ.

Сначала они поговорили у калитки; потомъ прошли мимо Джіованни, не замѣтивъ его, окутаннаго черною тѣнью отъ выступа крыльца и виноградныхъ лозъ.

Дѣвушка присѣла на невысокій край колодца.

Лицо у нея было странное, равнодушное и неподвижное, какъ у древнихъ изваяній: низкій лобъ, прямыя брови, слишкомъ маленькій подбородокъ и глаза прозрачно-желтые, какъ янтарь. Но больше всего поразили Джіованни волосы: сухіе, пушистые, легкіе, точно обладавшіе отдѣльною жизнью,—какъ змѣи Медузы, окружали они голову чернымъ ореоломъ, отъ котораго лицо казалось еще блѣднѣе, алыя губы—ярче, желтые глаза—прозрачнѣе.

— Ты, значитъ, тоже слышалъ, Астро, о братѣ Анжелѣ?—сказала дѣвушка.

— Да, монна Кассандра. Говорятъ, онъ посланъ папою для искорененія колдовства и всякихъ ересей. Какъ слушаешь, что добрые люди сказываютъ объ отцахъ инквизиторахъ, морозъ по кожѣ подираетъ. Не дай Богъ попасть имъ въ лапы! Будте осторожныѣ. Предупредите вашу тетку...

— Какая она мнѣ тетка!

— Ну, все равно, эту монну Сидонію, у которой вы живете.

— А ты думаешь, кузнецъ, что мы вѣдьмы?

— Ничего я не думаю! Мессэръ Леонардо подробно объяснилъ и доказалъ мнѣ, что колдовства нѣтъ и быть не можетъ, по законамъ природы. Мессэръ Леонардо все знаетъ и ни во что не вѣритъ...

— Ни во что не вѣритъ,—повторила монна Кассандра,—въ чорта не вѣритъ? А въ Бога?

— Не смѣйтесь. Онъ человѣкъ праведный.

— Я не смѣюсь. А только, знаешь ли, Астро, какіе бываютъ забавные случаи? Мнѣ рассказывали, что у одного великаго безбожника отцы инквизиторы нашли договоръ съ дьяволомъ, въ которомъ этотъ человѣкъ обязывался отрицать, на основаніи логики и естественныхъ законовъ, существованіе вѣдьмъ и силу чорта, дабы, избавивъ слугъ сатанинскихъ отъ преслѣдованій Святѣйшей Инквизиціи, тѣмъ самымъ укрѣпить и умножить царство дьявола на землѣ. Вотъ почему говорятъ: быть колдуномъ—ересь, а не вѣритъ въ колдовство—дважды ересь. Смотри же, кузнецъ, не выдавай учителя,—никому не сказывай, что онъ не вѣритъ въ черную магію.

Сначала Зороастро смутился отъ неожиданности, потомъ сталъ возражать, оправдывая Леонардо. Но дѣвушка перебила его:

— А что, какъ у васъ летательная машина? Скоро будетъ готова?

Кузнецъ махнулъ рукою.

— Готова, какъ бы не такъ! Все сызнова передѣлывать будемъ.

— Ахъ, Астро, Астро! И охота тебѣ вѣрить вздору! Развѣ ты не понимаешь, что всѣ эти машины только для отвода глазъ? Мессэръ Леонардо, я полагаю, давно уже летаетъ...

— Какъ летаетъ?

— Да вотъ такъ же, какъ я.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ раздумьи.

— Можетъ быть, это вамъ только снится, монна Кассандра?

— А какъ же другіе видятъ? Или ты объ этомъ не слышалъ?

Кузнецъ въ нерѣшительности почесалъ у себя за ухомъ.

— Впрочемъ, я и забыла,—продолжала она съ насмѣшкою,—вы вѣдь тутъ люди ученые, ни въ какія чудеса не вѣрите, у васъ все механика!

— Ну ее къ чорту! Вотъ она мнѣ гдѣ, эта механика!—указалъ кузнецъ на свой затылокъ.

Потомъ, сложивъ руки съ мольбою, воскликнулъ:

— Монна Кассандра! Вы знаете, я человѣкъ вѣрный. Да мнѣ и болтать невыгодно. Того и гляди, братъ Анжело самихъ притянетъ. Скажите же, сдѣлайте милость, скажите мнѣ все въ точности!..

— Что сказать?

— Какъ вы летаете?

— Вотъ чего захотѣлъ! Ну, нѣтъ,—этого я тебѣ не скажу. Много будешь знать, рано состаришься.

Она помолчала. Потомъ, заглянувъ ему прямо въ глаза долгимъ взглядомъ, прибавила тихо:

— Что тутъ говорить? Дѣлать надо!

— А что нужно?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, немного блѣднѣя.

— Слово знать, и зелье такое есть, чтобы тѣло мазать.

— У васъ есть?

— Есть.

— И слово знаете?

Дѣвушка кивнула головою.

— И полечу?

— Попробуй. Увидишь—это вѣрнѣ механики!

Единственный глаз кузнеца загорѣлся огнемъ безумнаго желанія.

— Монна Кассандра, дайте мнѣ вашего зелья!

Она засмѣялась тихимъ, страннымъ смѣхомъ.

— И чудакъ же ты, Астро! Только что самъ называлъ тайны магіи глупыми бреднями, а теперь вдругъ повѣрилъ...

Астро потушился съ унылымъ, упрямымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Я хочу попробовать. Мнѣ вѣдь все равно— чудомъ или механикой, только бы летѣть! Я больше ждать не могу...

Дѣвушка положила ему руку на плечо.

— Ну, Богъ съ тобой! Мнѣ тебя жаль. Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго, съ ума сойдешь, если не полетишь. Ужъ такъ и быть, дамъ я тебѣ зелья и слово скажу. Только и ты, Астро, сдѣлай то, о чемъ я тебя прошу.

— Сдѣлаю, монна Кассандра, сдѣлаю все! Говорите!..

Дѣвушка указала на мокрую черепичную крышу, блестящую за стѣною сада въ лунномъ туманѣ.

— Пусти меня туда.

Астро нахмурился и покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ... Все, что хотите, только не это!

— Почему?

— Я слово далъ не пускать никого.

— А самъ былъ?

— Былъ.

— Что же тамъ такое?

— Да никакихъ тайнъ. Право же, монна Кассандра, ничего любопытнаго: машины, приборы, книги, рукописи, есть и рѣдкіе цвѣты, животныя, насѣкомыя—ему путешественники привозятъ изъ далекихъ странъ. И еще одно дерево, ядовитое...

— Какъ ядовитое?..

— Такъ, для опытовъ. Онъ отравилъ его, изучая дѣйствіе ядовъ на растенія.

— Прошу тебя, Астро, расскажи мнѣ все, что ты знаешь объ этомъ деревѣ.

— Да тутъ и рассказывать нечего. Раннею весною,

когда оно было въ соку, пробуравилъ отверстіе въ стволѣ до сердцевины и пѣлою, длинною иглою вбрызгивалъ какую-то жидкость.

— Странные опыты! Какое же это дерево?

— Персиковое.

— Ну, и что же? Плоды налились ядомъ?

— Налются, когда созрѣютъ.

— И видно, что они отравлены?

— Нѣтъ, не видно. Вотъ почему онъ и не впускаетъ никого: можно соблазниться красотой плодовъ, съѣсть и умереть.

— Ключъ у тебя?

— У меня.

— Дай ключъ, Астро!

— Что вы, что вы, монна Кассандра! Я поклялся ему...

— Дай ключъ!—повторила Кассандра.—Я сдѣлаю такъ, что ты въ эту же ночь полетишь, слышишь,—въ эту же ночь! Смотри, вотъ зелье.

Она вынула изъ-за пазухи и показала ему стеклянный пузырекъ, наполненный темною жидкостью, слабо блеснувшей въ лунномъ свѣтѣ, и, приблизивъ къ нему лицо, прошептала вкрадчиво:

— Чего ты боишься, глупый? Самъ же говоришь, что нѣтъ никакихъ тайнъ. Мы только войдемъ и посмотримъ... Ну же, дай ключъ!

— Оставьте меня!—проговорилъ онъ.—Я все равно не пушу, и зелья мнѣ вашего не надо. Уйдите!

— Трусъ!—молвила дѣвушка съ презрѣніемъ.—Ты могъ бы и не смѣешь знать тайны. Теперь я вижу, что онъ колдунъ и обманываетъ тебя, какъ ребенка...

Онъ молчалъ угрюмо, отвернувшись.

Дѣвушка опять подошла къ нему:

— Ну, хорошо, Астро, не надо. Я не войду. Только открой дверь и дай посмотреть...

— Не войдете?

— Нѣтъ, только открой и покажи.

Онъ вынулъ ключъ и отперъ.

Джіованни, тихонько привставъ, увидѣлъ въ глубинѣ маленькаго сада, окруженнаго стѣнами, обыкновенное

персиковое дерево. Но въ блѣдномъ туманѣ, подѣ мутно-зеленымъ луннымъ свѣтомъ, оно показалось ему зло-вѣщимъ и призракнымъ.

Стоя у порога, дѣвушка смотрѣла съ жаднымъ любопытствомъ широко-открытыми глазами; потомъ сдѣлала шагъ впередъ, чтобы войти. Кузнецъ удержалъ ее.

Она боролась, скользила между рукъ, какъ змѣя.

Онъ оттолкнулъ ее такъ, что она едва не упала. Но тотчасъ выпрямилась и посмотрѣла на него въ упоръ. Блѣдное, точно мертвое, лицо ея было злобно и страшно: въ эту минуту она, въ самомъ дѣлѣ, была похожа на вѣдму.

Кузнецъ заперъ дверь сада и, не прощаясь съ монной Кассандрой, вошелъ въ домъ.

Она проводила его глазами. Потомъ быстро прошла мимо Джіованни и выскользнула въ калитку на болѣшую дорогу къ Порто-Верчеллина.

Наступила тишина. Туманъ еще сгустился. Все исчезло и таяло въ немъ.

Джіованни закрылъ глаза. Передъ нимъ встало, какъ въ видѣніи, страшное дерево съ тяжелыми каплями на мокрыхъ листьяхъ, съ ядовитыми плодами въ мутно-зеленомъ лунномъ свѣтѣ—и вспомнились ему слова Писанія:

«Заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.

А отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертию умрешь».

ТРЕТЬЯ КНИГА.

Ядовитые плоды.

I.

ГЕРЦОГИНЯ Беатриче каждую пятницу мыла голову и золотила волосы. Послѣ крашенія надо было сушить ихъ на солнцѣ.

Съ этою цѣлью устраивались вышки, окруженные перилами, на крышахъ домовъ.

Герцогиня сидѣла на такой вышкѣ, надъ громаднымъ загороднымъ дворцомъ герцогской виллы Сфорцески, терпѣливо вынося палящій зной, въ то время, когда и работники съ волами уходять въ тѣнь.

Ее облекала просторная, изъ бѣлаго шелка, накидка безъ рукавовъ. На головѣ была соломенная шляпа—солнцевикъ, для предохраненія лица отъ загара. Позолоченные волосы, выпущенные изъ круглаго отверстія шляпы, раскинуты были по широкимъ полямъ. Желтолицая рабыня-черкешенка смачивала волосы губкою, насаженною на остріе веретена. Татарка, съ узкими косыми щелями глазъ, чесала ихъ гребнемъ изъ слоновой кости.

Жидкость для золоченія приготавливалась изъ майскаго сока корней орѣшника, шафрана, бычачьей желчи, ласточкина помета, сѣрой амбры, жженныхъ медвѣжьихъ когтей и ящеричнаго масла.

Рядомъ, подъ наблюдениемъ самой герцогини, на треножникѣ, съ поблѣднѣвшимъ отъ солнца, почти невидимымъ пламенемъ, въ длинноносой ретортѣ, наподобіе тѣхъ, которыя употреблялись алхимиками, кипѣла розовая мускатная вода съ драгоценною виверрою, адрагантовой камедью и любистокомъ.

Обѣ служанки обливались потомъ. Даже комнатная собачка герцогини не находила себѣ мѣста на знойной вышкѣ, укоризненно щурилась на свою хозяйку, тяжело дышала, высунувъ языкъ, и не ворчала, по обыкновению, въ отвѣтъ на заигрыванія вертлявой мартышки. Обезьяна была довольна жарою такъ же, какъ арапченокъ, державшій зеркало, оправленное въ жемчугъ и перламутръ.

Несмотря на то, что Беатриче постоянно желала придать лицу своему строгость, движеніямъ плавность, которыя приличествовали ея сану, трудно было повѣрить, что ей девятнадцать лѣтъ, что у нея двое дѣтей, и что она уже три года замужемъ. Въ ребяческой полнотѣ смуглыхъ щекъ, въ невинной складкѣ на тонкой шеѣ, въ слишкомъ круглымъ и пухлымъ подбородкомъ, въ толстыхъ губахъ, сурово сжатыхъ, точно всегда немного надутыхъ и капризныхъ, въ узкихъ плечахъ, въ плоской груди, въ угловатыхъ, порывистыхъ, иногда почти мальчишескихъ движеніяхъ видна была школьница, избалованная, своенравная, безъ удержа рѣзвая и самолюбивая. А между тѣмъ, въ твердыхъ, ясныхъ, какъ ледь, коричневыхъ глазахъ ея свѣтился расчетливый умъ. Самый проницательный изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, посолъ Венеціи, Марино Сануто, въ тайныхъ письмахъ увѣрялъ синьорію, что эта дѣвочка въ политикѣ—настоящій камень, что она болѣе себѣ на умѣ, чѣмъ герцогъ Лодовико, мужъ ея, который отлично дѣлаетъ, слушаясь своей жены во всемъ.

Комнатная собачка сердито и хрипло залаяла.

По крутой лѣсенкѣ, соединявшей вышку съ уборными и гардеробными покоями, взошла, кряхтя и охая, старуха въ темномъ вдовьемъ платьѣ. Одной рукой перебирала она четки, въ другой держала костьль. Морщины лица ея казались бы почтенными, если бы не приторная сладость улыбки, мышинное проворство глазъ.

— О-хо-хо, старость не радость! Едва вползла. Господь да пошлетъ добраго здоровья вашей свѣтлости.

Работѣнно приподнявъ съ полу край умывальной накидки, она приложила къ ней губами.

— А, монна Сидонія! Ну, что, готово?

Старуха вынула изъ мѣшка тщательно завернутую и закупоренную сткланку съ мутною, бѣлесоватою жидкостью—молокомъ ослицы и рыжей козы, настояннымъ на дикомъ бадьянѣ, корняхъ спаржи и луковицахъ бѣлыхъ лилій.

— Денька два еще надо бы въ тепломъ лошадиномъ навозѣ продержатъ. Ну, да все равно—полагаю, и такъ поспѣло. Только передъ тѣмъ, какъ умываться, велите сквозъ войлочное цѣдило пропустить. Намочите мякоть сдобнаго хлѣба и личико извольте вытирать столько времени, сколько нужно, чтобы три раза прочесть «Вѣрую». Черезъ пять недѣль всякую смуглоту сниметъ. И отъ прыщиковъ помогаетъ.

— Послушай, старуха,—молвила Беатриче,—можетъ быть въ этомъ умываніи опять какая-нибудь гадость, которую вѣдьмы въ черной магіи употребляютъ, въ родѣ змѣинаго сала, крови удода и порошка лягушекъ, сушеныхъ на сковородѣ, какъ въ той мази для вытравливанія волосъ на родинкахъ, которую ты мнѣ наведни приносила. Тогда лучше скажи прямо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость! Не вѣрьте тому, что люди болтаютъ. Я работаю на чистоту, безъ обмана. Какъ кто хочетъ. Вѣдь и то сказать, иногда безъ дряни не обойдешься: вотъ, на примѣръ, досточтимая мадонна Анжелика цѣлое прошлое лѣто псиною мочею голову мыла, чтобы не облысѣть, и еще Бога благодарила, что помогло.

Потомъ, наклонившись къ уху герцогини, начала рассказывать послѣднюю городскую новость о томъ, какъ молоденькая жена главнаго консула соляного приказа, прелестная мадонна Филиберта измѣняетъ мужу и забавляется съ пріѣзжимъ испанскимъ рыцаремъ.

— Ахъ ты, старая сводня!—полусмѣливо пригрозила ей пальцемъ Беатриче, видимо наслаждаясь сплетнею.—Сама же соблазнила несчастную...

— И, полноте, ваша свѣтлость, какая она несчастная! Поетъ словно птичка—радуется, каждый день меня благодарить. Воистину, говорить, я только теперь познала, сколь великая существуетъ разница между поцѣлуями мужа и любовника.

— А грѣхъ? Неужели совѣсть ее не мучить?

— Совѣсть? Видите ли, ваша свѣтлость: хотя монахи и попы утверждаютъ противное, но я такъ думаю, что любовный грѣхъ—самый естественный изъ грѣховъ. Достаточно нѣсколькихъ капель святой воды, чтобы смыть его. Къ тому же, измѣняя супругу, мадонна Филиберта тѣмъ самымъ, какъ говорится, платитъ ему пирогомъ за ватрушку и, если не совершенно заглаживаетъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма облегчаетъ передъ Богомъ его собственные грѣхи.

— А развѣ и мужъ?..

— Навѣрное не знаю. Но всѣ они на одинъ ладъ, ибо полагаю, нѣтъ на свѣтѣ такого мужа, который лучше не согласился бы имѣть одну руку, чѣмъ одну жену.

Герцогиня разсмѣялась.

— Ахъ, монна Сидонія, на тебя и сердиться нельзя! Откуда ты берешь такія словечки?

— Да ужъ вѣрьте старухѣ—все, что говорю, святая правда! Я вѣдь тоже въ дѣлахъ совѣсти соломенку отъ бревна отличить сумѣю... Всякому овощу свое время. Не утолившись въ юности любовью, наша сестра на старости лѣтъ мучится такимъ раскаяніемъ, что оно доводитъ ее до когтей дьявола.

— Ты разсуждаешь, какъ магистръ богословія!

— Я женщина неученая, но отъ всего сердца говорю, ваша свѣтлость! Цвѣтушая юность дается въ жизни только разъ, ибо какому чорту, прости Господи, мы, бѣдныя женщины, годны, состарившись? Развѣ на то, чтобы сторожить золу въ камелькахъ. Прогонять насъ на кухню мурлыкать съ кошками, пересчитывать горшки да противни. Сказано: молодежи покориться, а старухамъ подавиться. Красота безъ любви—все равно, что обѣдня безъ «Отче Нашъ», а ласки мужа унылы, какъ игры монахинь.

Герцогиня опять разсмѣялась.

— Какъ? Какъ? Повтори!

Старуха посмотрѣла на нее внимательно, и, должно быть, рассчитавъ, что достаточно позабавила пустяками, опять наклонилась къ уху ея и зашептала.

Беатриче перестала смѣяться.

Она сдѣлала знакъ. Рабыни удалились. Только арапченокъ остался на вышкѣ: онъ не понималъ по-итальянски.

Ихъ окружало тихое небо, блѣдное, какъ будто помертвѣлое отъ зноя.

— Можетъ быть, вздоръ?—сказала, наконецъ, герцогиня.—Мало ли что болтаютъ...

— Нѣтъ, синьора! Я сама видѣла и слышала. Вамъ и другіе скажутъ.

— Много было народу?

— Тысячъ десять: вся площадь передъ Павійскимъ замкомъ полна.

— Что же ты слышала?

— Когда мадонна Изабелла вышла на балконъ съ маленькимъ Франческо, всѣ замахали руками и шапками, многіе плакали. «Да здравствуетъ,—кричали,—Изабелла Аррагонская, Джіанъ-Галеаццо, законный государь Милана, и наслѣдникъ Франческо! Смерть похитителямъ престола!»...

Беатриче нахмурилась.

— Этими самыми словами?

— Да, и еще хуже...

— Какія? Говори все, не бойся!..

— Кричали—у меня синьора языкъ не поворачивается—кричали: «смерть ворами!»

Беатриче вздрогнула, но, тотчасъ преодолевъ себя, спросила тихо:

— Что же ты слышала еще?

— Право, не знаю, какъ и передать вашей милости...

— Да ну же, скорѣе! Я хочу знать все!

— Вѣрители, синьора, въ толпѣ говорили, что свѣтлѣйшій герцогъ Лодовико Моро, опекунъ и благодѣтель Джіанъ-Галеаццо, заточилъ своего племянника въ Павій-

скую крѣпость, окруживъ его наемными убійцами и шпионами. Потомъ стали вопить, требуя, чтобы къ нимъ вышелъ самъ герцогъ. Но мадонна Изабелла отвѣтила, что онъ лежитъ больной...

И монна Сидонія опять таинственно зашептала на ухо герцогинѣ.

Сперва Беатриче слушала внимательно; потомъ обернулась гнѣвно и крикнула:

— Съ ума ты сошла, старая вѣдьма! Какъ ты смѣешь! Да я сейчасъ велю тебя сбросить съ этой вышки, такъ что воронъ костей твоихъ не соберетъ!..

Угроза не испугала монну Сидонію. Беатриче также скоро успокоилась.

— Я этому и не вѣрю, — молвила она, посмотрѣвъ на старуху исподлобья.

Та пожала плечами:

— Воля ваша, а не вѣрить нельзя...

— Изволите ли видѣть, вотъ какъ это дѣлается, — продолжала она вкрадчиво: — лѣпятъ маленькое изваяніе изъ воска, вкладываютъ ему въ правую сторону сердце, въ лѣвую — печень ласточки, прокалываютъ иглою, произносятся заклинанія, и тотъ, на кого изваяніе похоже, умираетъ медленною смертію... Тутъ ужъ никакіе врачи не помогутъ...

— Молчи, — перебила ее герцогиня, — никогда не смѣй мнѣ говорить объ этомъ!..

Старуха опять благоговѣнно поцѣловала край умывальной одежды.

— Ваше великолѣпіе! Солнышко вы мое ясное! Слишкомъ люблю я васъ — вотъ и весь мой грѣхъ! Вѣрите ли, со слезами молю Господа за ваше здоровье каждый разъ, какъ поютъ «Magnificat» на повечеріи св. Франциска. Люди говорятъ, будто я вѣдьма, но, если бы я и продала душу мою дьяволу, то, видитъ Богъ, только для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь угодить вашей свѣтлости!

И она прибавила задумчиво:

— Можно и безъ колдовства.

Герцогиня посмотрѣла на нее молча, съ любопытствомъ.

— Когда я сюда шла по дворцовому саду, — продолжала монна Сидонія безпечнымъ голосомъ, — садовникъ собиралъ въ корзину отличные персики: должно быть, подарокъ мессэру Джіанъ-Галеаццо?

И помолчавъ, прибавила:

— А въ саду флорентинскаго мастера Леонардо да Винчи тоже, говорятъ, удивительной красоты персики только ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Да, да. Монна Кассандра, племянница моя, видѣла...

Старуха снова зашумела на ухо Беатриче.

Герцогиня ничего не отвѣтила; выраженіе глазъ ея осталось непроницаемымъ.

Волосы уже высохли. Она встала, сбросила съ плечъ накидку и спустилась въ гардеробные покои.

Здѣсь стояли три громадныхъ шкапа. Въ первомъ, похожемъ на великолѣпную ризницу, развѣшаны были по порядку восемьдесятъ четыре платья, которыя успѣла она сшить себѣ за три года замужества. Одни отличались, вслѣдствіе обилія золота и драгоценныхъ камней, такою плотностью, что могли прямо, безъ поддержки, стоять на полу; другія были прозрачны и легки, какъ паутина. Во второмъ находились принадлежности соколиной охоты и лошадиная сбруя. Въ третьемъ — духи, воды, полосканья, притиранья, зубные порошки изъ бѣлаго коралла и жемчуга, безчисленныя баночки, колбы, перегонные шлемы, горлянки — цѣлая лабораторія женской алхіміи. Въ комнатѣ стояли также роскошные ящики, покрытые живописью, и кованные сундуки.

Когда служанка отперла одинъ изъ нихъ, чтобы вынуть свѣжую рубашку, повѣяло благоуханіемъ тонкаго камбрейскаго бѣлья, переложеннаго лавандовыми пучками и шелковыми подушками съ порошкомъ изъ левантійскихъ ирисовъ и дамасскихъ розъ, сушеныхъ въ тѣни.

Одѣваясь, Беатриче бесѣдовала со швеею о выкройкѣ новаго платья, только что полученной съ гонцомъ отъ сестры, маркизы Мантуанской, Изабеллы д'Эсте, тоже великой модницы. Сестры соперничали въ нарядахъ. Беатриче завидовала вкусу Изабеллы и подражала ей.

Одинъ изъ посланниковъ герцогини Миланской тайно извѣщалъ ее о всѣхъ новинкахъ мантуанскаго гардероба.

Беатриче надѣла платье съ рисункомъ, особенно любимымъ ею за то, что онъ скрадывалъ ея маленький ростъ: ткань состояла изъ продольныхъ перемежающихся полосъ зеленого бархата и золотой парчи. Рукава, перевязанные лентами сѣраго шелка, были въ обтяжку, съ французскими модными прорѣзами — «окнами», черезъ которые виднѣлось бѣлоснѣжное полотно рубашки, все въ мелкихъ, пышныхъ сборкахъ. Волосы украшены были рѣдкою, легкою какъ дымъ, золотою сѣткою и заплетены въ косу. Голову окружала тонкая нить фероньеры съ прикрѣпленнымъ къ ней маленькимъ рубиновымъ скорпиономъ.

II.

ОНА привыкла одѣваться такъ долго, что, по выраженію герцога, можно было бы за это время снарядить цѣлый торговый корабль въ Индію.

Наконецъ, услышавъ вдалекѣ звукъ роговъ и лай борзыхъ, вспомнила, что заказала охоту, и заторопилась. Но, уже готовая, по дорогѣ зашла въ покои своихъ карликовъ, названные въ шутку «жилищемъ гигантовъ» и устроенные въ подраженіе такимъ же игрушечнымъ комнатамъ во дворцѣ Изабеллы д'Эсте.

Стулья, кровати, утварь, лѣсенки съ широкими низкими ступенями, даже часовня съ кукольнымъ алтаремъ, за которымъ служилъ обѣдно ученый карликъ Янаки, въ нарочно сшитыхъ для него архіепископскихъ ризахъ и митрѣ, — все было рассчитано на ростъ пигмеевъ.

Въ «жилищѣ гигантовъ» всегда былъ шумъ, смѣхъ, плачь, крикъ разнообразныхъ, порою страшныхъ, головъ, какъ въ звѣринцѣ или сумасшедшемъ домѣ, ибо здѣсь копошились, рождались, жили и умирали въ душевной неопрятной тѣснотѣ — мартышки, горбуны, попугаи, арапки, дуры, калмычки, шутихи, кролики, карлики и другія потѣшныя твари, среди которыхъ молодая герцогиня нерѣдко проводила дни, забавляясь, какъ дѣвочка.

На этотъ разъ, снѣша на охоту, зашла она сюда

только на минутку, свѣдать о здоровьѣ маленькаго арапченка Наннино, недавно присланнаго изъ Венеціи. Кожа у Наннино была такой черноты, что, по выраженію прежняго владѣльца его, «лучшаго и желать невозможно». Герцогиня играла имъ, какъ живою куклою. Арапченокъ заболѣлъ. И хваленая чернота его оказалась не совсѣмъ природною, ибо краска, въ родѣ лака, которая придавала тѣлу его черный блестящій лоскъ, мало-по-малу начала слѣзать, къ великому горю Беатриче.

Въ послѣднюю ночь ему сдѣлалось хуже; боялись, что онъ умретъ. Узнавъ объ этомъ, герцогиня весьма опечалилась, ибо любила его, по старой памяти, даже поблѣднѣвшаго. Она велѣла какъ можно скорѣе крестить арапченка, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не умеръ язычникомъ.

Спускаясь, на лѣстницѣ встрѣтила она свою любимую дурочку Моргантину, еще не старую, хорошенькую и такую забавную, что, по словамъ Беатриче, она могла бы разсмѣшить мертвеца.

Моргантина любила воровать: украдетъ что-нибудь, спрячетъ въ уголъ, подъ сломаную половицу, въ мышиную норку, и ходитъ, довольная; когда же спросятъ ее съ ласкою: «будь доброю, скажи, куда спрятала?» — возьметъ за руку, съ лукавымъ видомъ, поведетъ и покажетъ. А если крикнуть: «ну-ка, рѣчку въ бродъ», — Моргантина, не стыдясь, подымаетъ платье такъ высоко, какъ только можетъ.

Порой находила на нее дурь; тогда по цѣлымъ днямъ плакала она о несуществующемъ ребеночкѣ, — никакихъ дѣтей у нея не было, — и такъ всѣмъ надоѣдала, что ее запирали въ чуланъ.

И теперь, сидя въ углу лѣстницы, обнявъ колѣни руками и равномерно покачиваясь, Моргантина заливалась горькими слезами.

Беатриче подошла и погладила ее по головѣ.

— Перестань, будь умницей!

Дурочка, поднявъ на нее свои голубые дѣтскіе глаза, завывала еще жалобнѣе.

— Ой, ой, ой! Отняли у меня родненькаго! И за что,

Господи? Никому онъ не дѣлалъ зла. Я имъ тихо утѣшалась...

Герцогиня сошла на дворъ, гдѣ ее ждали охотники.

III.

ОКРУЖЕННАЯ вершниками, сокольничими, пса-
рями, стремянными, пажами и дамами она дер-
жалась прямо и смѣло на караковомъ поджаромъ
берберійскомъ жеребцѣ завода Гонзага, не какъ жен-
щина, а какъ опытный наѣздникъ. «Настоящая королева
амазонокъ!»—съ гордостью подумалъ герцогъ Моро, во-
шедшій на крытый ходъ передъ дворцомъ полюбоваться
выѣздомъ супруги.

За сѣдломъ герцогини сидѣлъ охотничій леопардъ въ
ливреѣ, шитой золотомъ, съ рыцарскими гербами. На
лѣвой рукѣ—бѣлый, какъ снѣгъ, кипрскій соколъ, пода-
рокъ султана, сверкалъ усыпаннымъ изумрудами золо-
тымъ клобучкомъ. На лапахъ его звенѣли бубенцы раз-
нозвучными, переливчатыми звонами, которые помогали
находить птицу, когда терялась она въ туманѣ или бо-
лотной травѣ.

Герцогинѣ было весело, хотѣлось шалить, смѣяться,
скакать, сломя голову. Оглянувшись съ улыбкой на мужа,
который успѣлъ только крикнуть: «Берегись, лошадь го-
рячая»!—она сдѣлала знакъ своимъ спутницамъ и по-
мчалась въ перегонку съ ними, сначала по дорогѣ, по-
томъ въ поле—черезъ канавы, кочки, рвы и плетни.

Добѣзжачіе отстали. Впереди всѣхъ неслась Беатриче
со своимъ громаднымъ волкодавомъ и рядомъ, на черной
испанской кобылѣ, самая веселая и безстрашная изъ
фрейлинь, мадонна Лукреція Кривелли.

Герцогъ былъ втайнѣ равнодушенъ къ Лукреціи.
Теперь, любуясь на нее и Беатриче вмѣстѣ, не могъ
рѣшить, кто изъ нихъ ему больше нравится. Но тревогу
испытывалъ за жену. Когда лошади перескакивали черезъ
ямы, жмурилъ глаза, чтобы не видѣть; духъ у него
захватывало.

Онъ бранилъ герцогиню за эти шалости, но сердиться

не могъ: подозрѣвая въ себѣ недостатокъ тѣлесной отваги,
гордился втайнѣ храбростью жены.

Охотники исчезли въ лознякѣ и камышевыхъ зарос-
ляхъ на низменномъ берегу Тичино, гдѣ водились гуси
и цапли.

Герцогъ вернулся въ маленькую рабочую комнату—
студіоло. Здѣсь ожидалъ его для продолженія прерван-
ныхъ занятій главный секретарь, сановникъ, завѣдывав-
шій иностранными посольствами, мессэръ Бартоломѣо
Калко.

IV.

СИДЯ въ высокомъ креслѣ, Моро тихонько ласкалъ
бѣлою холеною рукою свои гладко бритыя щеки
и круглый подбородокъ.

Благообразное лицо его имѣло тотъ отпечатокъ пря-
модушной откровенности, который приобрѣтаютъ только
лица совершенныхъ въ лукавствѣ политиковъ. Большой
орлиный носъ съ горбиной, выдающіеся впередъ, какъ
будто заостренныя, тонко извилистыя губы напоминали
отца его, великаго кондоттьера Франческо Сфорца. Но
если Франческо, по выраженію поэтовъ, въ одно и то же
время былъ львомъ и лисицею, то сынъ его унаслѣдо-
валъ отъ отца и приумножилъ только лисью хитрость
безъ львиного мужества.

Моро носилъ простое изящное платье блѣдно-голу-
бого шелка съ разводами, модную прическу—гладкую,
волосокъ къ волоску, закрывавшую уши и лобъ почти
до бровей, похожую на густой парикъ. Золотая плоская
цѣпь висѣла на груди его. Въ обращеніи была равная
со всѣми, утонченная вѣжливость.

— Имѣете ли вы какія-нибудь точныя свѣдѣнія, мес-
сэръ Бартоломѣо, о выступленіи французскаго войска
изъ Ліона?

— Никакихъ, ваша свѣтлость. Каждый вечеръ гово-
рятъ—завтра, каждое утро откладываютъ. Король увле-
ченъ не воинственными забавами.

— Какъ имя первой любовницы?

— Много именъ. Вкусы его величества прихотливы и непостоянны.

— Напишите графу Бельджіойозо, — молвилъ герцогъ, — что я высылаю тридцать... нѣтъ, мало сорокъ... — пятьдесятъ тысячъ дукатовъ для новыхъ подарковъ. Пусть не жалѣеть. Мы вытѣсимъ короля изъ Ліона золотыми цѣпями! И знаете ли, Бартоломѣо, — конечно, это между нами, — не мѣшало бы послать его величеству портреты нѣкоторыхъ здѣшнихъ красавицъ. — Кстати, письмо готово?

— Готово, синьоръ.

— Покажи.

Моро съ удовольствіемъ потиралъ мягкія, бѣлыя руки. Каждый разъ, какъ онъ оглядывалъ громадную паутину своей политики, — испытывалъ онъ знакомое сладкое замираніе сердца, какъ передъ сложной и опасной игрой. По совѣсти, не считалъ онъ себя виновнымъ, призывая чужеземцевъ, сѣверныхъ варваровъ на Италію, ибо къ этой крайности принуждали его враги, среди которыхъ злѣйшимъ была Изабелла Аррагонская, супруга Джіанъ-Галеаццо, всенародно обвинявшая герцога Лодовико въ томъ, что онъ похитилъ престолъ у племянника. Только тогда, когда отецъ Изабеллы, король Неаполя, Альфонсо, въ отомщеніе за обиду дочери и зятя, сталъ грозить Моро войною и низверженіемъ съ престола, — всѣми покинутый, обратился онъ къ помощи французскаго короля, Карла VIII.

— Неисповѣдимы пути твои, Господи! — размышлялъ герцогъ, пока секретарь доставалъ изъ кипы бумагъ черновой набросокъ письма. — Спасеніе моего государства, Италіи, быть можетъ, всей Европы въ рукахъ этого жалкаго заморыша, сластолюбиваго и слабоумнаго ребенка, христіаннѣйшаго короля Франціи, передъ которымъ мы, наслѣдники великихъ Сфорца, должны пресмыкаться, ползать, чуть не сводничать! Но такова политика: съ волками жить — по-волчьи выть.

Онъ перечелъ письмо: оно показалось ему краснорѣчивымъ, въ особенности, ежели принять въ расчетъ пятьдесятъ тысячъ дукатовъ, высылаемыхъ графу Бельджіойозо для подкупа приближенныхъ его величества, и соблазнительные портреты итальянскихъ красавицъ.

«Господь да благословитъ твое крестоносное воинство, Христіаннѣйшій, — говорилось, между прочимъ, въ этомъ посланіи, — врата Авзоніи открыты предъ тобою. Не медли же, вступи въ нихъ триумфаторомъ, о, новый Ганнибалъ! Народы Италіи алчутъ пріять твое иго сладчайшее, помазанникъ Божій, ожидаютъ тебя, какъ нѣкогда, по воскресеніи Господа, патріархи ожидали Его сошествія во адъ. Съ помощью Бога и твоей знаменитой артиллеріи, ты завоюешь не только Неаполь, Сицилію, но и земли великаго Турка, обратишь невѣрныхъ въ христіанство, проникнешь въ нѣдра Святой Земли, освободишь Іерусалимъ и Гробъ Господень отъ нечестивыхъ агарянъ и славнымъ именемъ твоимъ наполнишь вселенную».

Горбатый плѣшивый старичокъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ, заглянулъ въ дверь студіоло. Герцогъ привѣтливо улыбнулся ему, приказывая знакомъ подождать.

Дверь скромно притворилась, и голова исчезла.

Секретарь завелъ было рѣчь о другомъ государственномъ дѣлѣ, но Моро слушалъ его разсѣянно, поглядывая на дверь.

Мессѣръ Бартоломѣо понялъ, что герцогъ занятъ посторонними мыслями, — кончилъ докладъ и ушелъ.

Осторожно оглядываясь, на ципочкахъ, герцогъ приблизился къ двери.

— Бернардо, а, Бернардо? Это ты?

— Я, ваша свѣтлость!

И придворный стихотворецъ, Бернардо Беллинчіони, съ таинственнымъ и подобострастнымъ видомъ, подскочилъ и хотѣлъ было стать на колѣни, чтобы поцѣловать руку государя, но тотъ его удержалъ.

— Ну, что, какъ?

— Благополучно.

— Родила?

— Сегодня ночью изволили разрѣшиться отъ бремени.

— Здорова? Не послать ли врача?

— Въ здравіи совершенномъ обрѣтаются.

— Слава Богу!

Герцогъ перекрестился.

— Видѣлъ ребенка?

— Какъ же! Прехорошенькій.

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Мальчикъ. Буянъ, крикунъ! Волосики свѣтлые, какъ у матери, а глазенки такъ и горятъ, такъ и бѣгаютъ—черные, умные, совсѣмъ какъ у вашей милости. Сейчасъ видно—царственная кровь! Маленькій Геркулесъ въ колыбели. Мадонна Цецилія не нарадуются. Велѣли спросить, какое вамъ будетъ угодно имя.

— Я уже думалъ,—произнесъ герцогъ.—Знаешь, Бернардо, назовемъ-ка его Цезаремъ. Какъ тебѣ нравится?

— Цезарь? А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, прекрасное имя, благозвучное, древнее! Да, да, Цезарь Сфорца—имя, достойное героя!

— А что, какъ мужъ?

— Яснѣйшій графъ Бергамини добръ и милъ какъ всегда.

— Превосходный человѣкъ!—замѣтилъ герцогъ съ убѣжденіемъ.

— Превосходнѣйшій! — подхватилъ Беллинчіони. — Смѣю сказать, рѣдкихъ добродѣтелей человѣкъ! Такихъ людей нынче поискать. Ежели подагра не помѣшаетъ, графъ хотѣлъ пріѣхать къ ужину, чтобъ засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей свѣтлости.

Графиня Цецилія Бергамини, о которой шла рѣчь, была давною любовницей Моро. Беатриче, только что выйдя замужъ и узнавъ объ этой связи герцога, ревновала его, грозила вернуться въ домъ отца, феррарскаго герцога, Эрколе д'Эсте, и Моро вынужденъ былъ поклясться торжественно, въ присутствіи пословъ, не нарушать супружеской вѣрности, въ подтвержденіе чего выдалъ Цецилію за стараго разорившагося графа Бергамини, человѣка покладистаго, готоваго на всякія услуги.

Беллинчіони, вынувъ изъ кармана бумажку, подаль ее герцогу.

То былъ сонетъ въ честь новорожденнаго—маленькій діалогъ, въ которомъ поэтъ спрашивалъ бога солнца, почему онъ закрывается тучами; солнце отвѣчало съ

придворною любезностью, что прячется отъ стыда и зависти къ новому солнцу—сыну Моро и Цециліи.

Герцогъ благосклонно принялъ сонетъ, вынулъ изъ кошелька червонецъ и подаль стихотворцу.

— Кстати, Бернардо, ты не забылъ, что въ субботу день рожденія герцогини?

Беллинчіони торопливо порылся въ прорѣхѣ своего платья, полупридворнаго, полудицискаго, служившей ему карманомъ, извлекъ оттуда цѣлую кипу грязныхъ бумажекъ и, среди высокопарныхъ одъ на смерть охотничьяго сокола мадонны Анжелики, на болѣзнь сѣрой въ яблокахъ венгерской кобылы синьора Паллавичини, отыскалъ требуемые стихи.

— Цѣлыхъ три, ваша свѣтлость,—на выборъ. Клянусь Пегасомъ, довольны останетесь!

Въ тѣ времена государи пользовались своими придворными поэтами, какъ музыкальными инструментами, чтобы пѣть серенады не только своимъ возлюбленнымъ, но и своимъ женамъ, при чемъ свѣтская мода требовала, чтобы въ этихъ стихахъ предполагалась между мужемъ и женой такая же неземная любовь, какъ между Лаурою и Петраркою.

Моро съ любопытствомъ просмотрѣлъ стихи: онъ считалъ себя тонкимъ цѣнителемъ, поэтомъ въ душѣ, хотя рѣшмы ему не давались. Въ первомъ сонетѣ пришлось ему по вкусу три стиха; мужъ говоритъ женѣ:

И гдѣ на землю плонешь ты,
Тамъ вдругъ рождаются цвѣты,
Какъ раннею весной—фіалки.

Во второмъ—поэтъ, сравнивая мадонну Беатриче съ богиней Діаной, увѣрялъ, что кабаны и олени испытываютъ блаженство, умирая отъ руки такой прекрасной охотницы.

Но болѣе всего понравился его высочеству третій сонетъ, въ которомъ Данте обращался къ Богу съ просьбою отнустить его на землю, куда будто бы вернулась Беатриче въ образѣ герцогини Миланской. «О, Юпитерь!—воскличалъ Аллигieri,—такъ какъ ты опять подарилъ ее міру, позволь и мнѣ быть съ нею, дабы

видѣть того, кому Беатриче даруетъ блаженство», — то есть герцога Лодовико.

Моро милостиво потрепалъ поэта по плечу и обѣщалъ ему сукна на шубу, при чемъ Бернардо сумѣлъ выпросить и лисьего мѣха на воротникъ, увѣряя съ жалобными и шутовскими ужимками, что старая шуба его сдѣлалась такою сквозною и прозрачною, «какъ вермишель, которая сушится на солнцѣ».

— Прошлую зиму, — продолжалъ онъ клянчить, — за недостаткомъ дровъ, я готовъ былъ сжечь не только собственную лѣстницу, но и деревянные башмаки св. Франциска!

Герцогъ разсмѣялся и обѣщалъ ему дровъ.

Тогда, въ порывѣ благодарности, поэтъ мгновенно сочинилъ и прочелъ хвалебное четверостишіе:

Когда рабамъ своимъ ты обѣщаешь хлѣбъ,
Небесную, какъ Богъ, ты имъ даруешь манну, —
Зато всѣ девять музъ и сладкозвучный Фебъ,
О, благородный Мавръ, поютъ тебѣ осанну!

— Ты, кажется, въ ударѣ, Бернардо? Послушай-ка, мнѣ нужно еще одно стихотвореніе.

— Любовное?

— Да. И страстное.

— Герцогинѣ?

— Нѣтъ. Только смотри у меня, не проболтайся!

— О, синьоръ, вы меня обижаете. Да развѣ я когда-нибудь?..

— Ну, то-то же.

— Нѣмъ, нѣмъ, какъ рыба!

Бернардо таинственно и почтительно заморгалъ глазами.

— Страстное? Ну, а какъ? Съ мольбою или съ благодарностью?

— Съ мольбою.

Поэтъ глубокомысленно сдвинулъ брови:

— Замужняя?

— Дѣвушка.

— Такъ. Надо бы имя.

— Ну, вотъ! Зачѣмъ имя?

— Если съ мольбою, то не годится безъ имени.

— Мадонна Лукреція. А готового нѣтъ?

— Есть, да лучше бы свѣженькое. Позвольте въ соседній покой на минутку. Ужъ чувствую, выйдетъ недурно: риемы въ голову такъ и лѣзутъ.

Вошелъ пажъ и доложилъ:

— Мессэръ Леонардо да-Винчи.

Захвативъ перо и бумагу, Беллинчioni юркнулъ въ одну дверь, между тѣмъ какъ въ другую входилъ Леонардо.

V.

ПОСЛѢ первыхъ привѣтствій герцогъ заговорилъ съ художникомъ о новомъ громадномъ каналѣ, Навильо-Сфорцеско, который долженъ былъ соединить рѣку Сэзію съ Тичино и, развѣтвляясь въ сѣтъ меньшихъ каналовъ, оросить луга, поля и пастбища Ломеллины.

Леонардо управлялъ работами по сооруженію Навильо, хотя не имѣлъ чина герцогскаго строителя, ни даже придворнаго живописца, сохраняя, по старой памяти, за одинъ давно ужъ избрѣтенный имъ музыкальный приборъ, чинъ музыканта, что было немногимъ выше званія такихъ придворныхъ поэтовъ, какъ Беллинчioni.

Объяснивъ съ точностью планы и счета, художникъ попросилъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ денегъ для дальнѣйшихъ работъ.

— Сколько? — спросилъ герцогъ.

— За каждую милю по 566, всего 15,187 дукатовъ, — отвѣчалъ Леонардо.

Лодовико поморщился, вспомнивъ о 50.000, только что назначенныхъ для взятокъ и подкупа французскихъ вельможъ.

— Дорого, мессэръ Леонардо! Право же, ты разоряешь меня. Все хочешь невозможнаго. Вѣдь вотъ Браманте тоже строитель изрядный, а никогда такихъ денегъ не требуетъ.

Леонардо пожалъ плечами.

— Воля ваша, синьоръ, поручите Браманте.

— Ну, ну, не сердись. Ты знаешь, я тебя никому въ обиду не дамъ!

Начали торговаться.

— Хорошо, успѣемъ завтра, — заключилъ герцогъ, стараясь, по своему обыкновению, затянуть рѣшеніе дѣла, и началъ перелистывать тетради Леонардо съ неоконченными набросками, архитектурными чертежами и замыслами.

На одномъ рисункѣ изображена была исполинская гробница—цѣлая искусственная гора, увѣнчанная многоколоннымъ храмомъ съ круглымъ отверстіемъ въ куполѣ, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, чтобы озарять внутренніе покои усыпальницы, превосходившей великолѣпіемъ египетскія пирамиды. Рядомъ были точныя цифры и подробный планъ расположенія лѣстницъ, ходовъ, залъ, рассчитанныхъ на пятьсотъ могильныхъ урнъ.

— Что это?—спросилъ герцогъ.—Когда и для кого ты задумалъ?

— Такъ, ни для кого. Мечты...

Моро съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Странныя мечты! Мавзолей для олимпійскихъ боговъ или титановъ. Точно во снѣ или въ сказкѣ... А вѣдь еще математикъ!

Онъ заглянулъ въ другой рисунокъ, планъ города съ двухъ-ярусными улицами—верхними для господъ, нижними для рабовъ, вьючныхъ животныхъ и нечистотъ, омываемыхъ водою множества трубъ и каналовъ,—города, построеннаго согласно съ точнымъ знаніемъ законовъ природы, но для такихъ существъ, у которыхъ совѣсть не смущается неравенствомъ, раздѣленіемъ на избранныхъ и отверженныхъ.

— А вѣдь недурно!—молвилъ герцогъ.—И ты полагаешь, можно устроить?

— О, да!—отвѣчалъ Леонардо, и лицо его оживилось.—Я давно мечтаю о томъ, чтобы когда-нибудь вашей свѣтлости угодно было сдѣлать опытъ, хотя бы только съ однимъ изъ предмѣстій Милана. Пять тысячъ домовъ—на тридцать тысячъ жителей. И разсѣялось бы это множество людей, которые сидятъ другъ у друга на

плечахъ, тѣснятся въ грязи, въ духотѣ, распространяя сѣмена заразы и смерти. Если бы вы исполнили мой планъ, синьоръ, это былъ бы прекраснѣйшій городъ въ мірѣ!..

Художникъ остановился, замѣтивъ, что герцогъ смѣется.

— Чудакъ ты, забавникъ, мессэръ Леонардо! Кажется, дай тебѣ волю, все бы вверхъ дномъ повернулъ, какихъ бы только въ государствѣ бѣдъ не надѣлалъ! Неужели ты не видишь, что самые покорные изъ рабовъ взбунтовались бы противъ твоихъ двухъ-ярусныхъ улицъ, плюнули бы на хваленую чистоту твою, на водосточныя трубы и каналы прекраснѣйшаго города въ мірѣ,—въ старые города свои убѣждали бы: въ грязи, мошь, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Ну, а здѣсь что?—спросилъ онъ, указывая на другой чертежъ.

Леонардо вынужденъ былъ объяснить и этотъ рисунокъ, оказавшійся планомъ дома терпимости. Отдѣльныя комнаты, двери и ходы расположены были такъ, что посѣтители могли разсчитывать на тайну, не опасаясь встрѣчи другъ съ другомъ.

— Вотъ это дѣло!—восхитился герцогъ.—Право, ты не повѣришь, какъ надобѣли мнѣ жалобы на грабежи и убійства въ притонахъ. А при такомъ расположеніи комнатъ будетъ порядокъ и безопасность. Непремѣнно устрою домъ по твоему чертежу!

— Однако,—прибавилъ онъ, усмѣхаясь,—ты у меня, я вижу, на всѣ руки мастеръ, ничѣмъ не брезгаешь: мавзолей для боговъ рядомъ съ домомъ терпимости!

— Кстати,—продолжалъ онъ,—читалъ я однажды въ книгѣ какого то древняго историка о такъ называемомъ ухѣ тирана Діонисія—слуховой трубѣ, скрытой въ толщѣ стѣны и устроенной такъ, что государь можетъ слышать изъ одного покоя все, что говорится въ другомъ. Какъ ты полагаешь, нельзя ли устроить ухо Діонисія въ моемъ дворцѣ?

Герцогу сначала было немного совѣстно; но онъ тотчасъ оправился, почувствовавъ, что художника нечего стыдиться. Не смущаясь, даже не помышляя о томъ, хорошо или дурно Діонисіево ухо, Леонардо бесѣдовалъ о

немъ, какъ о новомъ научномъ приборѣ, радуясь предлогу изслѣдовать при устройствѣ этихъ трубъ законы движенія звуковыхъ волнъ.

Беллинцони съ готовымъ сонетомъ заглянулъ въ дверь.

Леонардо простился. Моро пригласилъ его къ ужину.

Когда художникъ ушелъ, герцогъ подозвалъ поэта и велѣлъ читать стихи.

— Саламандра, — говорилось въ сонетѣ, — живетъ въ огнѣ, но не большее ли диво то, что въ пламенномъ сердцѣ моемъ

Холодная, какъ ледъ, мадонна обитаетъ,

И ледъ сей дѣвственный въ огнѣ любви не таетъ?

Особенно нѣжными показались герцогу послѣдніе четыре стиха:

Я лебедемъ пою, пою и умираю;

Амура я молю: о сжался, я сгораю!

Но раздуваетъ богъ огонь моей души

И говорить, смѣясь: слезами потуши!

VI.

ПЕРЕДЪ ужиномъ, въ ожиданіи супруги, которая должна была скоро вернуться съ охоты, герцогъ пошелъ по хозяйству. Заглянулъ въ конюшню, подобную греческому храму, съ колоннадами и портиками; въ новую великолѣпную сыроварню, гдѣ отвѣдалъ джбыонкаты — свѣжаго творожного сыру. Мимо безконечныхъ сѣноваловъ и погребовъ прошелъ на мызу и скотный дворъ. Здѣсь каждая подробность радовала сердце хозяина: и звукъ молочной струи, цѣдившейся изъ вымени его любимицы, красноплѣгой лангедокской коровы, и материнское хрюканье огромной, подобной горѣ жира, свиньи, только что опоросившейся, и желтая сливочная пѣна въ ясеновыхъ кадкахъ маслбойни, и медовый запахъ въ переполненныхъ житницахъ.

На лицѣ Моро появилась улыбка тихаго счастья: воистину домъ его былъ, какъ полная чаша. Онъ вернулся во дворецъ и присѣлъ отдохнуть въ галлерей.

Вечерѣло. Но до заката было еще далеко. Съ поемныхъ луговъ Тичино вѣяло пряною свѣжестью.

Герцогъ окинулъ взоромъ свои владѣнія: пастбища, нивы, поля, орошаемые сѣтью каналовъ и рвовъ, съ правильными насаженіями яблонь, грушъ, шелковичныхъ деревьевъ, соединенныхъ висячими гирляндами лозъ. Отъ Мортары до Абiateграссо, и далѣе, до самаго края неба, гдѣ въ туманѣ бѣлѣли снѣга Монте-Розы, — великая равнина Ломбардіи цвѣла, какъ Божій рай.

— Господи, — вздохнулъ онъ съ умиленіемъ и поднялъ глаза къ небу, — благодарю Тебя за все! Чего еще надо? Нѣкогда здѣсь была пустыня. Я съ Леонардо провелъ эти каналы, оросилъ эту землю, и нынѣ каждый колосъ, каждая былинка благодаритъ меня, какъ я благодарю тебя, Господи!

Послышался лай борзыхъ, крики охотниковъ, и надъ кустами лозняка замелькало красное вабило — чучело съ крыльями куропатки для приманки соколовъ.

Хозяинъ съ главнымъ дворецкимъ обошелъ накрытый столъ, осматривая, все ли въ порядкѣ. Въ залу вошла герцогиня и гости, приглашенные къ ужину, среди которыхъ былъ Леонардо, оставшійся ночевать на виллѣ.

Прочли молитву и сѣли за столъ.

Подали свѣжіе артишоки, присланные въ плетенкахъ ускоренной почтой прямо изъ Генуи, жирныхъ угрей и карповъ мантуанскихъ садковъ, подарокъ Изабеллы д'Эсте, и студень изъ каплуновыхъ грудинокъ.

Бли тремя пальцами и ножами, безъ вилокъ, считавшихся непозволительной роскошью; золотыя, съ черенками изъ горнаго хрусталя, подавались онѣ только дамамъ для ягодъ и варенья.

Хлѣбосольный хозяинъ усердно потчивалъ. Бли и пили много, почти до отвалу. Изыщнѣйшія дамы и дѣвицы не стыдились голода.

Беатриче сидѣла рядомъ съ Лукреціей.

Герцогъ опять залюбовался на обѣихъ: ему было пріятно, что онѣ вмѣстѣ и что жена ухаживаетъ за его возлюбленною, подкладываетъ ей на тарелку лакомые куски, что-то шепчетъ на ухо и пожимаетъ руку съ поры-

вомъ той внезапной нѣжности, похожей на влюбленность, которая иногда овладѣваетъ молодыми женщинами.

Говорили объ охотѣ. Беатриче рассказала, какъ олень едва не выбилъ ее изъ сѣдла, выскочивъ изъ лѣса и ударивъ лошадь рогами.

Смѣялись надъ дурачкомъ Діодою, хвастуномъ и забіякою, который только что убилъ вмѣсто кабана домашнюю свинью, нарочно взятую охотниками въ лѣсъ и пущенную подъ ноги шуту. Діода рассказывалъ о своемъ подвигѣ и гордился имъ такъ, какъ будто убилъ Калидонскаго вепря. Его дразнили и, чтобы уличить въ хвастовствѣ, принесли тушу убитой свиньи. Онъ притворился взбѣшеннымъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ прехитрый плутъ, игравшій выгодную роль дурака: своими рысьими глазами сумѣлъ бы онъ отличить не только домашнюю отъ дикой свиньи, но и глупую шутку отъ умной.

Хохотъ становился все громче. Лица оживлялись и краснѣли отъ обильныхъ возліяній. Послѣ четвертаго блюда молоденькія дамы украдкою, подъ столомъ, распустили туго стянутыя шнуровки.

Кравчіе разносили легкое бѣлое вино и красное, кипрское, густое, подогрѣтое, заправленное фисташками, корицею и гвоздикомъ.

Когда его высочество требовалъ вина, стольники торжественно перекликались, какъ бы священнодѣйствуя, брали кубокъ съ поставца, и главный сенешаль трижды опускалъ въ чашу единороговъ талисманъ на золотой цѣпи: если вино отравлено, рогъ долженъ почернѣть и ороситься кровью. Такіе же предохранительные талисманы—жабный камень и змѣиный языкъ—вставлены были въ солонку.

Графъ Бергамини, мужъ Цециліи, усаженный хозяиномъ на почетное мѣсто, особенно веселый въ этотъ вечеръ, даже какъ бы рѣзвый, несмотря на свою старость и подагру, молвилъ, указывая на единорога:

— Полагаю, ваша свѣтлость, что у самого короля французскаго нѣтъ такого рога. Величина изумительная!

— Ки-хи-ки! Ки-хи-ки!—закричалъ горбунъ Янаки, любимый шутъ герцога, гремя трещоткою—свинымъ пузы-

ремъ, наполненнымъ горохомъ, и позвякивая бубенчиками пестраго колпака съ ослиными ушами.

— Батъка, а, батъка,—обратился онъ къ Моро, указывая на графа Бергамини,—ты ему вѣрь: онъ во всякихъ рогахъ толкъ разумѣть, не только въ звѣриныхъ, но и въ человѣчьихъ. Ки-хи-ки, ки-хи-ки! У кого коза, у того рога!

Герцога пальцемъ погрозилъ шуту.

На хорахъ грянули серебряныя трубы, привѣтствуя жаркое—громадную кабанью голову, начиненную каштанами, павлина съ особою машинкою внутри, распускавшего на блюдѣ хвостъ и бившаго крыльями, и наконецъ, величественный тортъ, въ видѣ крѣпости, изъ котораго сначала послышались звуки военнаго рога, а когда разрѣзали поджаристую корку, выскочилъ карликъ въ перьяхъ попугая. Онъ забѣгалъ по столу, его поймали и посадили въ золотую клѣтку, гдѣ, подражая знаменитому попугаю кардинала Асканіо Сфорца, онъ сталъ уморительно выкрикивать «Отче нашъ».

— Мессере,—обратилась герцогиня къ мужу,—какому радостному событію обязаны мы столь неожиданнымъ и великолѣпнымъ пиршествомъ?

Моро ничего не отвѣтилъ, только украдкою любезно переглянулся съ графомъ Бергамини: счастливый мужъ Цециліи понялъ, что пиршество устроено въ честь новорожденнаго Цезаря.

Надъ кабаньей головой просидѣли безъ малаго часа; времени на ѣду не жалѣли, памятуя пословицу: за столомъ не состаришься.

Подъ конецъ ужина толстый монахъ, по имени Таппоне—Крыса, возбудилъ всеобщее веселье.

Не безъ хитростей и обмановъ удалось Миланскому герцогу переманить изъ Урбино этого знаменитаго обжору, изъ-за котораго спорили государи, и который будто бы однажды въ Римѣ, къ немалому удовольствію его святѣйшества, сожралъ цѣлую треть камлотоваго епископскаго подрясника, изрѣзанную на куски и пропитанную соусомъ.

По знаку герцога поставили передъ фра Таппоне громадный сотейникъ съ бузеккіо—требухою, начиненною вблоками айвы. Перекрестившись и засучивъ рукава, мо-

нахъ принялся уписывать жирную снѣдь съ быстротой и жадностью неимоверною.

— Если бы такой молодецъ присутствовалъ при насыщеніи народа пятаю хлѣбами и двумя рыбами, остатковъ не хватило бы и на двухъ собакъ!—воскликнулъ Беллинчіони.

Гости захохотали. Всѣ эти люди заражены были смѣхомъ, который отъ каждой шутки, какъ отъ искры, готовъ былъ разразиться оглушительнымъ взрывомъ.

Только лицо одинокаго и молчаливаго Леонардо сохраняло выраженіе покорной скуки: онъ, впрочемъ, давно привыкъ къ забавамъ своихъ покровителей.

Когда на серебряныхъ блюдахъ подали золоченные апельсины, наполненные душистой мальвазійей, придворный поэтъ Антоніо Камелли-да-Пистойя, соперникъ Беллинчіони, прочелъ оду, въ которой искусства и науки говорили герцогу: «мы были рабынями, ты пришелъ и освободилъ насъ; да здравствуетъ Моро!» Четыре стихіи—земля, вода, огонь и воздухъ—пѣли: «Да здравствуетъ тотъ, кто первый послѣ Бога правитъ рулемъ вселенной, колесомъ фортуны!» Прославлялись также семейная любовь и согласіе между дядей Моро и племянникомъ Джіанъ-Галеаццо, при чемъ поэтъ сравнивалъ великодушнаго опекуна съ пеликаномъ, кормящимъ дѣтей своей собственной плотью и кровью.

VII.

ПОСЛѢ ужина хозяева и гости перешли въ садъ, называвшійся Раемъ—Парадизо, правильный, на подобіе геометрическаго чертежа, съ подстриженными аллеями буксовъ, лавровъ и миртъ, съ крытыми ходами, лабиринтами, лоджіями и площевыми бесѣдками. На зеленый лугъ, обвѣваемый свѣжестью фонтана, принесли ковры и шелковыя подушки. Дамы и кавалеры расположились въ непринужденной свободѣ передъ маленькимъ домашнимъ театромъ.

Сыграли однодѣйствіе «Miles Gloriosus» Плавта. Латинскіе стихи наводили скуку, хотя слушатели изъ суетѣр-

наго почтенія къ древности притворялись внимательными.

Когда представленіе кончилось, молодые люди отправились на болѣе просторный лугъ играть въ мячъ, лапту, жмурки, бѣгая, ловя другъ друга, смѣясь какъ дѣти, между кустами цвѣтущихъ розъ и апельсинными деревьями. Старшіе играли въ кости, въ тавлею, въ шахматы. Донзеллы, дамы и синьоры, не принимавшіе участія въ играхъ, собравшись въ тѣсный кругъ на мраморныхъ ступеняхъ фонтана, рассказывали по очереди новеллы, какъ въ Декамеронѣ Боккачіо.

На сосѣдней лужайкѣ завели хороводъ подъ любимую пѣсню рано умершаго Лоренцо Медичи:

Quant'è bella giovinezza.
Ma si fugge tuttavia;
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'è certezza.
О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,—
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Послѣ пляски донзелла Діана, съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, подъ тихіе звуки віолы, запѣла унылую жалобу, въ которой говорилось о томъ, сколь великое горе любить, не будучи любимымъ.

Игры и смѣхъ прекратились. Всѣ слушали въ глухой задумчивости. И когда она кончила, долго никто не хотѣлъ прерывать тишины. Только фонтанъ журчалъ. Послѣдніе лучи солнца облили розовымъ свѣтомъ черныя плоскія вершины пинній и высоко взлетающія брызги фонтана.

Потомъ опять начались говоръ, хохотъ, музыка, и до поздняго вечера, пока въ темныхъ лаврахъ не загорѣлись лучіолы-свѣтляки и въ темномъ небѣ тонкій серпъ молодого мѣсяца,—надъ блаженнымъ Парадизо, въ бездыханномъ сумракѣ, пропитанномъ запахомъ апельсиновыхъ цвѣтовъ, не умолкали звуки хороводной пѣсни:

Счастливъ будь, кто счастья хочетъ.
И на завтра не надѣйся,

VIII.

НА одной изъ четырехъ башенъ дворца Моро увидѣлъ огонекъ: главный придворный звѣздочетъ Миланскаго герцога, сенаторъ и членъ тайнаго совѣта, мессэръ Амброджіо да-Розате, засвѣтилъ одиночую лампаду надъ своими астрономическими приборами, наблюдая предстоявшее въ знакъ Водолея соединеніе Марса, Юпитера и Сатурна, которое должно было имѣть великое значеніе для дома Сфорца.

Герцогъ что-то вспомнилъ, простился съ мадонной Лукреціей, съ которой занять былъ нѣжнымъ разговоромъ въ уютной бесѣдкѣ, вернулся во дворецъ, посмотрѣлъ на часы, дождался минуты и секунды, назначенной астрологомъ для пріема ревенныхъ пилюль и, проглотивъ лѣкарство, заглянулъ въ свой карманный календарь, въ которомъ прочелъ слѣдующую памятку:

«5 августа, 10 часовъ вечера, 8 минутъ—усерднѣйшая молитва на колѣняхъ, со сложенными руками и взорами, поднятыми къ небу.»

Герцогъ поспѣшилъ въ часовню, чтобы не пропустить мгновенія, такъ какъ иначе астрологическая молитва утратила бы дѣйствіе.

Въ полутемной часовнѣ горѣла лампада передъ образомъ; герцогъ любилъ эту икону, писанную Леонардо да-Винчи, изображавшую Цецилію Бергамини подъ видомъ Мадонны, благословляющей столитвенную розу.

Моро отсчиталъ восемь минутъ по маленькимъ песочнымъ часамъ, опустился на колѣни, сложилъ руки и прочелъ «Confiteor».

Молился онъ долго и сладко.

«О, Матерь Божія,—шепталъ, поднявъ умиленные взоры,—защити, спаси и помилуй меня, сына моего Максимилиана и новорожденного младенца Чезаре, мою супругу Беатриче и мадонну Цецилію,—а также моего племянника мессэра Джіана-Галеаццо, ибо,—ты видишь сердце мое, Дѣва Пречистая,—я не хочу зла моему племяннику, я молюсь за него, хотя, быть можетъ,

смерть его избавила бы не только мое государство, но и всю Италію отъ страшныхъ и непоправимыхъ бѣдствій.»

Тутъ вспомнилъ онъ доказательство своего права на миланскій престолъ, избрѣтенное законовѣдами: будто бы старшій братъ его, отецъ Джіанъ-Галеаццо, былъ сыномъ не герцога, а только военачальника Франческо Сфорца, ибо родился прежде, чѣмъ Франческо вступилъ на престолъ, тогда какъ онъ, Лодовико, родился уже послѣ того и, слѣдовательно, былъ единственнымъ полноправнымъ наслѣдникомъ.

Но теперь, передъ лицомъ Мадонны, это доказательство представилось ему сомнительнымъ, и онъ заключилъ молитву свою такъ:

— Если же я въ чемъ-нибудь согрѣшилъ или согрѣшу предъ Тобою, Ты знаешь, Царица Небесная, что я это дѣлаю не для себя, а для блага моего государства, для блага всей Италіи. Будь же заступницей моей передъ Богомъ—и я прославлю имя Твое великолѣпною постройкою собора Миланскаго и Чертозы Павійской, и другими многими даяніями!

Окончивъ молитву, взялъ свѣчу и направился въ спальную по темнымъ покоямъ спящаго дворца. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтился съ Лукреціей.

— Самъ богъ любви благопріятствуетъ мнѣ,—подумалъ герцогъ.

— Государь!..—воскликнула дѣвушка, подходя къ нему. Но голосъ ея оборвался. Она хотѣла упасть передъ нимъ на колѣни; онъ едва успѣлъ удержать ее.

— Смилуйся, государь!..

Она рассказала ему, что братъ ея, Маттео Кривелли, главный камерарій монетнаго двора, человекъ безпутный, но нѣжно ею любимый, проигралъ въ карты большія казенныя деньги.

— Успокойтесь, мадонна! Я выручу изъ бѣды вашего брата...

Немного помолчавъ, прибавилъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Но согласитесь ли и вы не быть жестокою?..

Она посмотрѣла на него робкими, дѣтски-ясными и невинными глазами.

— Я не понимаю, синьоръ?..

Цѣломудренное удивленіе сдѣлало ее еще прекраснѣе.

— Это значитъ, милая,—пролепеталъ онъ страстно и вдругъ обнялъ ее станъ сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ,—это значитъ... Да развѣ ты не видишь, Лукреція, что я люблю тебя?..

— Пустите, пустите! О, синьоръ, что вы дѣлаете! Мадонна Беатриче...

— Не бойся, она не узнаетъ: я умѣю хранить тайну...

— Нѣтъ, нѣтъ, государь,—она такъ великодушна, такъ добра ко мнѣ... Ради Бога, оставьте, оставьте меня!..

— Я спасу твоего брата, сдѣлаю все, что ты хочешь, буду рабомъ твоимъ,—только сжался!..

И наполовину искреннія слезы задрожали въ голосѣ его, когда онъ зашепталъ стихи Беллинчioni:

Я лебедемъ пою, пою и умираю,
Амура я молю: о, сжался, я сгораю!
Но раздуваетъ богъ огонь моей души
И говоритъ, смѣясь: слезами потуши!

— Пустите, пустите!—повторяла дѣвушка съ отчаяніемъ.

Онъ наклонился къ ней, почувствовалъ свѣжесть ея дыханія, запахъ духовъ—фіалокъ съ мускусомъ—и жадно поцѣловалъ ее въ губы.

На одно мгновеніе Лукреція замерла въ его объятіяхъ.

Потомъ вскрикнула, вырвалась и убѣжала.

IX.

Войдя въ спальную, онъ увидѣлъ, что Беатриче уже погасила огонь и легла въ постель—громадное, подобно мавзолею, ложе, стоявшее на возвышеніи посреди комнаты подъ шелковымъ лазурнымъ пологомъ и серебряными завѣсами.

Онъ раздѣлся, приподнялъ край пышнаго, какъ цер-

ковная риза, тканого золотомъ и жемчугомъ, одѣла, свадебнаго подарка феррарскаго герцога,—и легъ на свое мѣсто, рядомъ съ женою.

— Биче,—произнесъ онъ ласковымъ шопотомъ,—Биче, ты спишь?

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она оттолкнула его.

— За что?..

— Оставьте! Я хочу спать...

— За что, скажи только, за что? Биче, дорогая! Если бы ты знала, какъ я люблю...

— Да, да, знаю, что вы насъ любите всѣхъ вмѣстѣ, и меня, и Цецилію, и даже, чего добраго, эту рабыню изъ Московіи, рыжеволосую дуру, которую намедни обнимали въ углу моего гардероба...

— Я вѣдь только въ шутку...

— Благодарю за такія шутки!..

— Право же, Биче, послѣдніе дни ты со мной такъ холодна, такъ сурова! Конечно, я виновата, сознаюсь: это была недостойная прихоть...

— Прихотей у васъ много, мессэре!

Она повернулась къ нему со злобою:

— И какъ тебѣ не стыдно! Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты лжешь? Развѣ я не знаю тебя, не вижу насквозь? Пожалуйста, не думай, что я ревную. Но я не хочу,—слышишь?—я не хочу быть одной изъ твоихъ любовницъ!..

— Неправда, Биче, клянусь тебѣ спасеніемъ души моей—никогда никого на землѣ я такъ не любилъ, какъ тебя!

Она умолкла, съ удивленіемъ прислушиваясь не къ словамъ, а къ звуку его голоса.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не лгалъ или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ лгалъ: чѣмъ больше онъ ее обманывалъ, тѣмъ больше любилъ; нѣжность его какъ будто разгоралась отъ стыда, отъ страха, отъ угрызенія, отъ жалости и раскаянія.

— Прости, Биче, прости все за то, что я тебя такъ люблю!..

И они помирились.

Обнимая и не видя ее въ темнотѣ, онъ воображалъ

себѣ робкіе, невинные глаза, запахъ фіалокъ съ мускусомъ; воображалъ, что обнимаетъ другую, и любилъ обѣихъ вмѣстѣ: это было преступно и упорительно.

— А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ты сегодня, точно влюбленный,—прошептала она, уже съ тайною гордостью.

— Да, да, милая, вѣришь ли, я все еще влюбленъ въ тебя, какъ въ первые дни!..

— Что за вздоръ!—усмѣхнулась она.—Какъ тебѣ не совѣстно? Лучше бы подумалъ о дѣлѣ; вѣдь онъ выздоравливаетъ...

— Луиджи Марліани намеренъ сказывать мнѣ, что умретъ,—произнесъ герцогъ.—Ему теперь лучше, но это не надолго: онъ умретъ, навѣрное.

— Кто знаетъ?—возразила Беатриче.—За нимъ такъ ухаживаютъ... Послушай, Моро, я удивляюсь твоей беззаботности: ты переносишь обиды, какъ овца, ты говоришь: власть въ нашихъ рукахъ. Да не лучше ли вовсе отречься отъ власти, чѣмъ дрожать за нее день и ночь, какъ вора, пресмыкаться передъ этимъ ублюдкомъ, королемъ французскимъ, зависѣть отъ великодушія наглаго Альфонсо, заискивать въ злой вѣдѣмъ Аррагонской! Говорятъ, она опять беременна. Новый змѣенышъ въ проклятое гнѣздо! И такъ всю жизнь, Моро, подумай только, всю жизнь! И ты называешь это: власть въ нашихъ рукахъ!..

— Но врачи согласны,—молвилъ герцогъ, — что болѣзнь неисцѣлима: рано или поздно...

— Да, жди: вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ умираетъ!

Они замолчали.

Вдругъ она обвила его руками, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и что-то прошептала ему на ухо. Онъ вздрогнулъ.

— Биче!.. Да сохранить тебя Христосъ и Матерь Пречистая! Никогда—слышишь?—никогда не говори мнѣ объ этомъ...

— Если боишься,—хочешь, я сама?..

Онъ не отвѣтилъ и, немного погодя, спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?

— О персикахъ...

— Да. Я велѣлъ садовнику послать ему въ подарокъ самыхъ спѣлыхъ...

— Нѣтъ, не о томъ. Я о персикахъ мессэра Леонардо да-Винчи. Ты развѣ не слышалъ?

— А что?

— Они—ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Такъ. Онъ отравляетъ ихъ. Для какихъ-то опытовъ. Можетъ быть, колдовство. Мнѣ монна Сидонія сказывала. Персики, хоть и отравленные,—красоты удивительной...

Опять оба умолкли и долго лежали такъ, обнявшись, въ тишинѣ, во мракѣ, думая объ одномъ и томъ же, каждый прислушиваясь, какъ сердце у другого бьется все чаще и чаще.

Наконецъ Моро съ отеческою нѣжностью поцѣловалъ ее въ лобъ и перекрестилъ:

— Спи, милая, спи съ Богомъ!

Въ ту ночь герцогиня видѣла во снѣ прекрасные персики на золотомъ блюдѣ. Она соблазнилась ихъ красотой, взяла одинъ изъ нихъ и отвѣдала, — онъ былъ сочный и душистый. Вдругъ чей-то голосъ прошепталъ: «ядь, ядь, ядь!» Она испугалась, но уже не могла остановиться, продолжала ѣсть плоды одинъ за другимъ, и ей казалось, что она умираетъ, но на сердцѣ у нея становилось все легче, все радостнѣе.

Герцогу тоже приснился странный сонъ: будто бы гуляетъ онъ по зеленой лужайкѣ у фонтана въ Парадизо и видитъ—вдалекѣ, въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, три женщины сидятъ, обнявшись, какъ сестры. Подходить къ нимъ и узнаетъ въ одной мадонну Беатриче, въ другой мадонну Лукрецію, въ третьей мадонну Цецилію; и думаетъ съ глубокимъ успокоеніемъ: «ну, слава Богу, наконецъ-то помирились—и давно бы такъ!»

Х.

БАШЕННЫЕ часы пробили полночь. Всѣ въ домѣ спали. Только на высотѣ, надъ крышею, на деревянныхъ подмосткахъ для золоченія волосъ, сидѣла карлица Моргантина, убѣжавшая изъ чулана, куда ее заперли, и плакала о своемъ несуществующемъ ребенкѣ:

— Отняли родненькаго, убили дѣточку! И за что, за что, Господи? Никому не дѣлалъ онъ зла. Я имъ тихо утѣшалась...

Ночь была ясная; воздухъ такъ прозраченъ, что можно было различить на краю небесъ, подобныя вѣчнымъ кристалламъ, ледяныя вершины Монте-Роза.

И долго уснувшая вила оглашалась пронзительнымъ, жалобнымъ воплемъ полоумной карлицы, словно крикомъ злобѣщей птицы.

Вдругъ она вздохнула, подняла голову, посмотрѣла въ небо и сразу умолкла.

Наступила тишина.

Карлица улыбалась, и голубыя звѣзды мерцали, такія же непонятныя и невинныя, какъ ея глаза.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА.

Шабашъ вѣдьмъ.

I.

НА пустынной окраинѣ Милана, въ предмѣстіи Верчельскихъ воротъ, тамъ, гдѣ на каналѣ Катарана находилась плотина и рѣчная таможня, стоялъ одинокій ветхій домикъ съ большою, закоптѣлою и покривившеюся трубой, изъ которой днемъ и ночью подымался дымъ.

Домикъ принадлежалъ повивальной бабкѣ, моннѣ Сидоніи. Верхніе покои сдавала она въ наемъ алхимику, мессэру Галеотто Сакробоско; въ нижнихъ—жила сама вмѣстѣ съ Кассандрой, дочерью Галеоттова брата, купца Луиджи, знаменитаго путешественника, извѣдывшаго Грецію, острова Архипелага, Сирію, Малую Азію, Египетъ въ неустанной погонѣ за древностями.

Онъ собиралъ все, что попадалось подъ руку: прекрасную статую и кусочекъ янтаря съ мухою, застывшею въ немъ, и поддѣльную надпись съ могилы Гомера, и подлинную трагедію Эврипида, и ключицу Демосѣена.

Одни считали его помѣшаннымъ, другіе—хвастуномъ и обманщикомъ, третьи—великимъ человѣкомъ. Воображеніе его было такъ напитано язычествомъ, что, оставаясь до конца дней добрымъ христіаниномъ, Луиджи не

на шутку молился «святѣйшему генію Меркурію» и вѣрилъ въ среду, посвященную крылатому вѣстнику олимпійцевъ, какъ въ день особенно счастливый для торговыхъ оборотовъ. Ни передъ какими лишеніями и трудами не останавливался онъ въ своихъ поискахъ: однажды, сѣвъ на корабль и уже отѣхавъ по морю съ десятокъ миль, узналъ о любопытной греческой надписи, не прочитанной имъ, и тотчасъ вернулся на берегъ, чтобы списать. Потерявъ во время кораблекрушенія драгоценное собраніе рукописей, посѣдѣлъ отъ горя. Когда спрашивали его, зачѣмъ онъ разоряетъ себя, терпитъ всю жизнь столь великіе труды и опасности, отвѣчалъ всегда одними и тѣми же словами:

— Я хочу воскресить мертвыхъ.

Въ Пелопонесѣ, близъ пустынныхъ развалинъ Лакедемона, въ окрестностяхъ городка Мистры, встрѣтилъ дѣвушку, похожую на изваяніе древней богини Артемиды, дочь бѣднаго, пившаго запоемъ, сельскаго дьякона, женился на ней и увезъ ее въ Италію, вмѣстѣ съ новымъ спискомъ Иліады, обломками мраморной Гекаты и черепками глиняныхъ амфоръ. Дочери, родившейся у нихъ, Луиджи далъ имя Кассандры во славу великой Эсхиловой героини, плѣнницы Агамемнона, которой онъ тогда увлекался.

Жена его скоро умерла. Отправляясь въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій, оставилъ онъ маленькую дочь-сиротку на попеченіе старому другу, ученому греку изъ Константинополя, приглашенному въ Миланъ герцогами Сфорца, философу Деметрію Халкондилѣ.

Семидесятилѣтній старикъ, двуличный, лукавый и скрытный, притворяясь пламеннымъ ревнителемъ церкви христіанской на самомъ дѣлѣ, какъ многіе ученые греки въ Италіи съ кардиналомъ Вессаріономъ во главѣ, былъ приверженцемъ послѣдняго изъ учителей древней мудрости, неоплатоника Гемиста Плетона, умершаго лѣтъ сорокъ назадъ въ Пелопонесѣ, въ томъ самомъ городѣ Мистрѣ на развалинахъ Лакедемона, откуда родомъ была мать Кассандры. Ученики его вѣрили, что душа великаго Платона для проповѣдыванія мудрости сошла на

землю съ Олимпа и воплотилась въ Плетонѣ. Христіанскіе учителя утверждали, что этотъ философъ желаетъ возобновить антихристову ересь императора Юліана Отступника—поклоненіе древнимъ олимпійскимъ богамъ, и что бороться съ нимъ должно отнюдь не учеными доводами и словопреніями, а священной инквизиціей и пламенемъ костровъ. Приводились точныя слова Плетона; за три года до смерти говорилъ онъ, будто бы, ученикамъ своимъ: «немного лѣтъ спустя послѣ кончины моей, надо всѣми племенами и народами земными возсіяетъ единая истина, и всѣ люди обратятся единымъ духомъ въ единую вѣру — *unam eandemque religionem univesum orbem esse suscepturum*». Когда же его спрашивали: «въ какую—въ Христову или Магометову?»—онъ отвѣчалъ: «ни въ ту, ни въ другую, но въ вѣру отъ древняго язычества не отличную—*neutram, sed a gentilitate non differentem*».

Въ домѣ Деметрія Халкондилы маленькую Кассандру воспитали въ строгомъ, хотя и лицемѣрномъ, благочестіи. Но изъ подслушанныхъ разговоровъ ребенокъ, не понимая философскихъ тонкостей платоновыхъ идей, сплеталъ себѣ волшебную сказку о томъ, какъ умершіе боги Олимпа воскреснуть.

Дѣвочка носила на груди подарокъ отца, талисманъ отъ лихорадки, рѣзную печать съ изображеніемъ бога Діониса. Порой, оставаясь одна, украдкой вынимала она древній камень, смотрѣла сквозь него на солнце — и въ темно-лиловомъ сіяніи прозрачнаго аметиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградной кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце ребенка.

Мессаръ Луиджи, разорившись на древности, умеръ въ нищетѣ, въ лачугѣ пастуха, отъ гнилой горячки, среди только что открытыхъ имъ развалинъ финикійскаго храма. Въ это время, послѣ многолѣтнихъ скитаній въ погонѣ за тайною философскаго камня, вернулся въ Миланъ алхимикъ Галеотто Сакробоско, дядя Кассандры, и, поселившись въ домикѣ у Верчельскихъ воротъ, взялъ къ себѣ племянницу.

Джіованни Бельтраффіо помнилъ подслушанный имъ разговоръ монны Кассандры съ механикомъ Зороастро о ядовитомъ деревѣ. Потомъ встрѣчался съ нею у Деметріа Халкондилы, гдѣ Марула досталъ ему переписку. Онъ слышалъ отъ многихъ, что она — вѣдьма. Но загадочная прелесть молодой дѣвушки влекла его къ ней.

Почти каждый вечеръ, окончивъ работу въ мастерской Леонардо, отправлялся Джіованни къ уединенному домику за Верчельскими воротами для свиданія съ Кассандрой. Они садились на пригоркѣ надъ водою тихаго и темнаго канала, недалеко отъ запруды, у полуразвалившейся стѣны монастыря св. Редегонды, и бесѣдовали подолгу. Чуть видная тропа, заросшая лопухомъ, бузиной и крапивою, вела на пригорокъ. Никто сюда не заглядывалъ.

II

БЫЛЪ душный вечеръ. Изрѣдка налеталъ вихрь, подымалъ бѣлую пыль на дорогѣ, шелестѣлъ въ деревьяхъ, замиралъ — и становилось еще тише. Только слышалось глухое, точно подземное, ворчаніе далекаго грома. На этомъ грозно-торжественномъ гулѣ выдѣлялись визгливые звуки дребезжащей лютни, пьяныхъ пѣсенъ таможенныхъ солдатъ въ сосѣднемъ кабацкѣ: было воскресенье.

Порою блѣдная зарница вспыхивала на небѣ, и тогда на мгновеніе выступалъ изъ мрака ветхій домикъ на томъ берегу, съ кирпичною трубою, съ клубами чернаго дыма, валившаго изъ плавильной печи алхимика, долговязый, худощавый пономарь съ удочкой на мшистой плотинѣ, прямой каналъ съ двумя рядами листовенницъ и ветль, уходившими въ даль, плоскодонныя лагомаджіорскія барки съ глыбами бѣлаго мрамора для собора, шедшія на ободранныхъ клячахъ, и длинная бичева, ударявшая по водѣ; потомъ опять сразу все, какъ видѣніе, исчезало во тьмѣ. Лишь на томъ берегу краснѣлъ огонекъ алхимика, отражаясь въ темныхъ водахъ Катараны. Отъ запруды вѣяло запахомъ теплой воды, увядшихъ папоротниковъ, дегтя и гнилого дерева.

Джіованни съ Кассандрой сидѣли на обычномъ мѣстѣ, на дѣ каналомъ.

— Скучно! — молвила дѣвушка, потянулася и заломила надъ головой тонкіе бѣлые пальцы. — Каждый день одно и то же. Сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня; такъ же глупый, долговязый пономарь удитъ рыбу на плотинѣ и ничего не можетъ выудить, такъ же дымъ валитъ изъ трубы лабораторіи, гдѣ мессэръ Галеотто ищетъ золота и ничего не можетъ найти, такъ же лодки тащатся на ободранныхъ клячахъ, такъ же дребезжитъ зачумывная лютня въ кабацкѣ. Хоть бы что-нибудь новое! Хоть бы французы пришли и разорили Миланъ, или пономарь выудилъ рыбу, или дядя нашелъ золото... Боже мой, какая скука!

— Да, я знаю, — возразилъ Джіованни, — мнѣ самому иногда бываетъ такъ скучно, что хочется умереть. Но фра Бенедетто научилъ меня прекрасной молитвѣ объ избавленіи отъ бѣса унынія. Хотите, я вамъ скажу ее?

Дѣвушка покачала головой:

— Нѣтъ, Джіованни. Я бы и желала порою, но давно уже не умѣю молиться вашему Богу.

— Нашему? Но развѣ есть другой Богъ, кромѣ нашего, кромѣ единаго?..

Быстрое пламя зарницы освѣтило лицо ея: никогда еще оно не казалось ему такимъ загадочнымъ, унылымъ и прекраснымъ.

Она помолчала и провела рукою по чернымъ пушистымъ волосамъ.

— Слушай, другъ. Это было давно, тамъ, въ родной землѣ моей. Я была ребенкомъ. Однажды отецъ взялъ меня съ собою въ путешествіе. Мы посѣтили развалины древняго храма. Онъ возвышался на мысѣ. Кругомъ было море. Чайки стонали. Волны съ шумомъ разбивались о черные камни, изглоданные соленою влагою, заостренные какъ иглы. Пѣна взлетала и падала, стекая по игламъ камней шипящей струею. Отецъ мой читалъ полустертую надпись на обломкѣ мрамора. Я долго сидѣла одна на ступеняхъ передъ храмомъ, слушала море и дышала свѣжестью, смѣшанной съ горькимъ благоуханіемъ полыни. Потомъ вошла въ покинутый храмъ. Ко-

лонны изъ пожелтѣвшаго мрамора стояли, почти не тронутыя временемъ, и между ними синее небо казалось темнымъ; тамъ, въ высотѣ, изъ расщелинъ камней, росли маки. Было тихо. Только заглушенный гулъ прибоя наполнялъ святилище какъ бы молитвеннымъ пѣніемъ. Я прислушалась къ нему—и вдругъ сердце мое дрогнуло. Я упала на колѣни и стала молиться нѣкогда здѣсь обитавшему богу, неизвѣстному и поруганному. Я цѣловала мраморныя плиты, плакала и любила его за то, что больше никто на землѣ не любитъ его и не молится ему,— за то, что онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ я больше никому никогда ужъ такъ не молилась. То былъ храмъ Діониса.

— Что вы, что вы, Кассандра!—проговорилъ Джіованни.—Это грѣхъ и кощунство! Никакого бога Діониса нѣтъ и не было...

— Не было?—повторила дѣвушка съ презрительной улыбкой.—А какъ же святые отцы, которымъ ты вѣришь, учать, что изгнанные боги въ тѣ времена, какъ Христосъ побѣдилъ, превратились въ могущественныхъ демоновъ? Какъ же въ книгѣ знаменитаго астролога Джіорджіо да-Новара есть прорицаніе, основанное на точныхъ наблюденіяхъ надъ свѣтилами небесными: соединеніе планеты Юпитера съ Сатурномъ породило ученіе Моисеево, съ Марсомъ—халдейское, съ солнцемъ—египетское, съ Венерой—Магометово, съ Меркуріемъ—Христово, а грядущее соединеніе съ Луной должно породить ученіе Антихристово,—и тогда умершіе боги воскреснутъ!

Раздался гулъ приближающагося грома. Зарницы вспыхивали все ярче, озаряя громадную, тяжелую тучу, которая ползла медленно. Назойливые звуки лютни попрежнему дребезжали въ душной, грозной тишинѣ.

— О, Кассандра!—воскликнулъ Бельтраффіо, складывая руки съ горестной мольбой.—Какъ же вы не видите—это дьяволъ искушаетъ васъ, чтобы вовлечь въ погибель. Будь онъ проклятъ, окаянный!..

Дѣвушка быстро обернулась, положила ему обѣ руки на плечи и прошептала:

— А тебя онъ развѣ никогда не искушаетъ? Если

ты такой праведный, Джіованни, то зачѣмъ ушелъ отъ учителя своего фра Бенедетто, зачѣмъ поступилъ въ мастерскую безбожника Леонардо да-Винчи? Зачѣмъ ходишь сюда, ко мнѣ? Или ты не знаешь, что я вѣдьма, а вѣдьмы—злыя, злѣе самого дьявола? Какъ же ты не боишься погубить со мной душу свою?..

— Съ нами сила Господня!..—пролепеталъ онъ, вздрогнувъ.

Она молча приблизилась къ нему, вперила въ него глаза желтые и прозрачные, какъ янтарь. Уже не зарница, а молнія разрѣзала тучу и освѣтила лицо ея, блѣдное, какъ лицо той мраморной богини, которая нѣкогда на Мельничномъ Холмѣ вышла передъ Джіованни изъ тысячелѣтней могилы.

— Она!—подумалъ онъ съ ужасомъ.—Бѣлая Дьяволица!

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы вскочить, и не могъ; чувствовалъ на щекѣ своей горячее дыханіе и прислушивался къ шопоту:

— Хочешь, я скажу тебѣ все, все до конца, Джіованни? Хочешь, милый, полетимъ со мною туда, гдѣ онъ? Тамъ хорошо, тамъ не скучно. И ничего не стыдно, какъ во снѣ, какъ въ раю—тамъ все позволено! Хочешь туда?..

Холодный потъ выступилъ на лбу его; но съ любопытствомъ, которое преодолевало ужасъ, онъ спросилъ:

— Куда?..

Почти касаясь его щеки губами, она отвѣтила чуть слышно, какъ будто вздохнула страстно и томно:

— На шабашъ!

Ударъ уже близкаго грома, потрясая небо и землю, загрохоталъ торжественнымъ полнымъ грознаго веселья, подобнымъ смѣху невидимыхъ подземныхъ великановъ, и медленно замеръ въ бездыханной тишинѣ.

Ни одинъ листъ не шелохнулся на деревьяхъ. Звуки дребезжащей лютни оборвались.

И въ то же мгновеніе раздался унылый, мѣрный звонъ монастырскаго колокола, вечерній Angelus.

Джіованни перекрестился. Дѣвушка встала и молвила:

— Пора домой. Поздно. Видишь, факелы? Это герцогъ Моро ѣдетъ къ мессэру Галеотто. Я и забыла, что сегодня дядя долженъ показывать опытъ—превращеніе свинца въ золото.

Послышался топотъ копытъ. Всадники вдоль канала отъ Верчельскихъ воротъ направлялись къ дому алхимика, который, въ ожиданіи герцога, кончалъ въ лабораторіи послѣднія приготовленія для предстоящаго опыта.

III.

МЕССЭРЪ Галеотто всю жизнь провелъ въ поискахъ философскаго камня.

Окончивъ медицинскій факультетъ Болонскаго университета, поступилъ ученикомъ — фамулусомъ къ знаменитому въ тѣ времена адепту сокровенныхъ знаній, графу Бернардо Тревизано. Потомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, искалъ превращающаго Меркурія во всевозможныхъ веществахъ—въ поваренной соли и нашатырѣ, въ различныхъ металлахъ, самородномъ висмутѣ и мышьякѣ, въ человѣческой крови, желчи и волосахъ, въ животныхъ и растеніяхъ. Шесть тысячъ дукатовъ отцовскаго наслѣдія вылетѣли въ трубу плавильной печи. Истративъ собственныя деньги, принялся за чужія. Замодавцы посадили его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ и въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ дѣлалъ опыты надъ яйцами, извелъ 20.000 штукъ. Затѣмъ работалъ съ папскимъ протонотаріемъ, маэстро Генрико, надъ купоросами, заболѣлъ отъ ядовитыхъ испареній, пролежалъ четырнадцать мѣсяцевъ, всѣми покинутый, и едва не умеръ. Терпя нищету, униженія, преслѣдованія, посѣтилъ странствующимъ лаборантомъ Испанію, Францію, Австрію, Голландію, сѣверную Африку, Грецію, Палестину и Персію. У короля венгерскаго пытали его, надѣясь вывѣдать тайну превращенія. Наконецъ, уже старый, утомленный, но не разочарованный, вернулся онъ въ Италію, по приглашенію герцога Моро, и получилъ званіе придворнаго алхимика.

Середину лабораторіи занимала неуклюжая печь изъ

огнеупорной глины со множествомъ отдѣленій, заслонокъ, плавильниковъ и раздувальныхъ мѣховъ. Въ одномъ углу, подъ слоемъ пыли, валялись законѣлые выгарки, подобные застывшей лавѣ.

Рабочій столъ загромождали сложные приборы: кубы, перегонные шлемы, химическіе приѣмники, реторты, воронки, ступы, колбы со стеклянными пузырями, длинными горлами, змѣевидныя трубки, громадныя бутылки и крошечныя баночки. Острый запахъ отдѣлялся отъ ядовитыхъ солей, щелочей, кислотъ. Цѣлый таинственный міръ заключенъ былъ въ металлахъ—семь боговъ Олимпа, семь планетъ небесныхъ: въ золотѣ—Солнце, Луна—въ серебрѣ, въ мѣди—Венера, въ желѣзѣ—Марсъ, въ свинцѣ—Сатурнъ, въ оловѣ—Юпитеръ, и въ живой, блистающей ртути—вѣчно подвижной Меркурій. Здѣсь были вещества съ именами варварскими, внушавшими страхъ непосвященнымъ: киноварный Мѣсяцъ, волчье Молоко, мѣдный Ахиллесъ, астеритъ, андродама, анагалъ, рапонтикумъ, аристолохія. Драгоценная капля многолѣтнимъ трудомъ добытой Львиной Крови, которая исцѣляетъ всѣ недуги и даетъ вѣчную молодость,—алѣла, какъ рубинъ.

Алхимикъ сидѣлъ за рабочимъ столомъ. Худощавый, маленькій, сморщенный, какъ старый грибокъ, но все еще неутомимо-бойкій, мессэръ Галеотто, подпирая голову обѣими руками, внимательно смотрѣлъ на колбу, которая съ тихимъ звономъ закипала и бурлила на голубоватомъ жидкомъ пламени спирта. То было Масло Венеры—*Oleum Veneris*, цвѣта прозрачно-зеленаго, какъ смарагдъ. Свѣча, горѣвшая рядомъ, кидала сквозь колбу изумрудный отблескъ на пергаментъ открытаго ветхаго фолианта, сочиненіе арабскаго алхимика Джабира Абдаллы.

Услышавъ на лѣстницѣ шаги и голоса, Галеотто всталъ, оглянулъ лабораторію,—все ли въ порядкѣ,—сдѣлалъ знакъ слугѣ, молчаливому фамулусу, чтобы онъ подложилъ углей въ плавильную печь, и пошелъ встрѣчать гостей.

IV,

ОБЩЕСТВО было веселое, только что послѣ ужина съ мальвазійей. Въ свитѣ герцога — главный придворный врачъ Марліани, человекъ съ большими свѣдѣніями въ алхиміи, и Леонардо да-Винчи.

Дамы вошли — и тихая келья ученаго наполнилась запахомъ духовъ, шелковымъ шелестомъ платьевъ, легкомысленнымъ женскимъ говоромъ и смѣхомъ — словно птичьимъ гомономъ.

Одна задѣла рукавомъ и уронила стеклянную реторту.

— Ничего, синьора, не беспокойтесь! — молвилъ Галеотто съ любезностью. — Я подберу осколки, чтобы вы не обрѣзали ножку.

Другая взяла въ руку закоптѣлый кусокъ желѣзнаго выгарка, запачкала свѣтлую, надушенную фіалками, перчатку, и ловкій кавалеръ, тихонько пожимая маленькую ручку, старался кружевнымъ платкомъ отчистить пятно.

Бѣлокурая, шаловливая донзелла Діана, замирая отъ веселаго страха, прикоснулась къ чашкѣ, наполненной ртутью, пролила двѣ-три капли на столъ и, когда онѣ покатались блестящими шариками, вскрикнула:

— Смотрите, смотрите, синьоры, чудеса: жидкое серебро — само бѣгаетъ, живое!

И чуть не прыгала отъ радости, хлопая въ ладоши.

— Правда ли, что мы увидимъ чорта въ алхимическомъ огнѣ, когда свинецъ будетъ превращаться въ золото? — спросила хорошенькая, плутоватая Филиберта, жена стараго консула сояного приказа. — Какъ вы полагаете, мессэре, не грѣхъ ли присутствовать при такихъ опытахъ?

Филиберта была очень набожной, и про нее рассказывали, что любовнику она позволяетъ все, кромѣ поцѣлуя въ губы, полагая, что цѣломудріе не совсѣмъ нарушено, пока остаются невинными уста, которыми она клялась предъ алтаремъ въ супружеской вѣрности.

Алхимикъ подошелъ къ Леонардо и шепнулъ ему на ухо:

— Мессэре, вѣрьте, я умѣю цѣнить посѣщеніе такого человека, какъ вы...

Онъ крѣпко пожалъ ему руку. Леонардо хотѣлъ возразить, но старикъ перебилъ его, закивавъ головою:

— О, разумѣется!.. Тайна для нихъ! Но мы то вѣдь другъ друга понимаемъ?..

Потомъ съ привѣтливой улыбкой обратился къ гостямъ:

— Съ позволенія моего покровителя, свѣтлѣйшаго герцога, такъ же, какъ этихъ дамъ, моихъ прелестныхъ владычицъ, приступаю къ опыту божественной метаморфозы. Вниманіе, синьоры!

Для того, чтобы не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ достовѣрности опыта, онъ показалъ тигель — правильный сосудъ съ толстыми стѣнками изъ огнеупорной глины, попросилъ, чтобы каждый изъ присутствующихъ осмотрѣлъ его, ощупалъ, постучалъ пальцами въ дно и убѣдился, что въ немъ нѣтъ никакого обмана, при чемъ объяснилъ, что алхимики иногда скрываютъ золото въ плавильныхъ сосудахъ съ двойнымъ дномъ, изъ которыхъ верхнее отъ сильнаго жара трескается и обнажаетъ золото. Куски олова, угля, раздувательные мѣхи, палки для размѣшиванія застывающихъ окалинъ металла и остальные предметы, въ которыхъ могло или, повидимому, даже вовсе не могло быть спрятано золото, были также тщательно осмотрѣны.

Потомъ нарѣзалъ олово на малые куски, положилъ его въ тигель и поставилъ въ устье печи на пылающіе угли. Молчаливый, косоглазый фамулусъ, съ такимъ блѣднымъ, мертвеннымъ и угрюмымъ лицомъ, что одна дама чуть не упала въ обморокъ, принявъ его въ темнотѣ за дьявола, началъ работать громадными раздувательными мѣхами. Угли разгорались подъ шумною струею вѣтра.

Галеотто занималъ гостей разговоромъ. Между прочимъ возбудилъ всеобщую веселость, назвавъ алхимию *casta meretrix*, цѣломудренною блудницею, которая имѣетъ много поклонниковъ, всѣхъ обманываетъ, всѣмъ кажется доступной, но до сихъ поръ еще не бывала ни въ чьихъ объятіяхъ, *in nullos unquam pervenit amplexus*.

Придворный врач Марліани, человекъ тучный и неуклюжій, съ обрюзглымъ, умнымъ и важнымъ лицомъ, сердито морщился, внимая болтовнѣ алхимика, потиралъ свой лобъ, наконецъ не выдержалъ и произнесъ:

— Мессэре, не пора ли за дѣло? Олово кипить.

Галеотто досталъ синюю бумажку и развернулъ ее бережно. Въ ней оказался порошокъ свѣтло-желтаго, лимоннаго цвѣта, жирный, блестящій, какъ стекло, на-толченное крупно, пахнувшій жженою морскою солью: то была заветная тинктура, неоцѣнимое сокровище алхимиковъ, чудотворный камень мудрецовъ, *lapis philosophum*.

Остріемъ ножа отдѣлилъ онъ едва замѣтную крупинку, не болѣе рѣшного сѣмени, завернулъ въ бѣлый пчелиный воскъ, скаталъ шарикъ и бросилъ въ кипящее олово.

— Какую силу полагаете вы въ тинктурѣ?—сказалъ Марліани.

— Одна часть на 2.820 частей превращаемаго металла,—отвѣтилъ Галеотто.—Конечно, тинктура еще несовершенна, но я думаю, что въ скоромъ времени достигну силы единицы на миллионъ. Довольно будетъ взять порошинку вѣсомъ съ просяное зерно, растворить въ бочкѣ воды, зачерпнуть скорлупою лѣсного орѣха и брызнуть на виноградникъ, чтобы уже въ маѣ появились спѣлыя гроздья! *Mara tingerem si Mercurius esset!* Я превратилъ бы въ золото море, если бы ртути было достаточно!

Марліани пожалъ плечами: хвастовство мессэра Галеотто бѣсило его. Онъ сталъ доказывать невозможность превращенія доводами схоластики и силлогизмами Аристотеля. Алхимикъ улынулся.

— погодите, *domine magister*, сейчасть я представлю силлогизмъ, который вамъ будетъ не легко опровергнуть.

Онъ бросилъ на угли горсть бѣлаго порошка. Облака дыма наполнили лабораторію. Съ шипѣніемъ и трескомъ вспыхнуло пламя, разноцвѣтное, какъ радуга, то голубое, то зеленое, то красное.

Въ толпѣ зрителей произошло смятеніе. Въпослѣдствіи мадонна Филиберта рассказывала, что въ багровомъ пла-

мени видѣла дьявольскую рожу. Алхимикъ длиннымъ чугуннымъ крючкомъ приподнял крышу на тигель, раскаленную до бѣла: олово бурлило, пѣнилось и клочкотало. Тигель снова закрыли. Мѣхъ засвистѣлъ, засопѣлъ—и когда минутъ десять спустя въ олово погрузили тонкій желѣзный пруть, всѣ увидѣли, что на концѣ его повисла желтая капля.

— Готово!—произнесъ алхимикъ.

Глиняный плавильникъ достали изъ печи, дали ему остынуть, разбили и, звеня и сверкая, передъ толпой, онѣмѣвшей отъ изумленія, вышаль слитокъ золота.

Алхимикъ указалъ на него и, обращаясь къ Марліани, произнесъ торжественно:

— *Solve mihi hunc syllogismum!* Разрѣши мнѣ этотъ силлогизмъ!

— Неслыханно... невѣроятно... противъ всѣхъ законовъ природы и логики!—проленеталъ Марліани, въ смущеніи разводя руками.

Лицо мессэра Галеотто было блѣдно; глаза горѣли. Онъ поднялъ ихъ къ небу и воскликнулъ:

— *Laudetur Deus in aeternum, qui partem suae infinitae potentiae nobis, suis adjectissimis creaturis, communicavit. Amen!*

— Слава Вышнему Богу, который намъ, недостойнѣйшимъ тварямъ Своимъ, даруетъ часть безконечнаго могущества Своего. Аминь!

При испытаніи золота на смоченномъ селитренною кислотою пробирномъ камнѣ, осталась желтая, блестящая полоска: оно оказалось чище самаго тонкаго венгерскаго и арабскаго.

Всѣ окружили старика, поздравляли, пожимали ему руки.

Герцогъ Моро отвелъ его въ сторону:

— Будешь ли ты мнѣ служить вѣрой и правдой?

— Я хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ одну жизнь, чтобы посвятить ихъ всѣ на служеніе вашей свѣтлости!—отвѣчалъ алхимикъ.

— Смотри же, Галеотто, чтобы никто изъ другихъ государей...

— Ваше высочество, если кто-нибудь узнаетъ, велите повѣсить меня, какъ собаку!

И, помолчавъ, съ подобострастнымъ поклономъ прибавилъ:

— Если бы только я могъ получить...

— Какъ? Опять?

— О, послѣдній разъ, видитъ Богъ, послѣдній!..

— Сколько?

— Пять тысячъ дукатовъ.

Герцогъ подумалъ, выторговалъ одну тысячу и согласился.

Было поздно, мадонна Беатриче могла обезпокоиться. Собрались уѣзжать. Хозяинъ, провожая гостей, каждому поднесъ на память кусочекъ новаго золота. Леонардо остался.

V.

КОГДА гости уѣхали, Галеотто подошелъ къ нему и сказалъ:

— Учитель, какъ вамъ понравился опытъ?

— Золото было въ палкахъ,—отвѣчалъ Леонардо спокойно.

— Въ какихъ палкахъ?.. Что вы хотите сказать, мессэре?

— Въ палкахъ, которыми вы мѣшали олово: я видѣлъ все.

— Вы сами осматривали ихъ...

— Нѣтъ, не тѣ...

— Какъ, не тѣ? Позвольте...

— Я же говорю вамъ, что видѣлъ все,—повторилъ Леонардо съ улыбкой.—Не отпирайтесь, Галеотто. Золото спрятано было внутри выдолбленныхъ палокъ, и когда деревянные концы ихъ обгорѣли, оно выпало въ тигель.

У старика подкосились ноги; на лицѣ его было выраженіе покорное и жалкое, какъ у пойманнаго вора.

Леонардо подошелъ и положилъ ему руку на плечо.

О — Не бойтесь, никто не узнаетъ. Я не скажу.

Галеотто схватилъ его руку и съ усиліемъ проговорилъ:

— Правда не скажете?..

— Нѣтъ. Я не желаю вамъ зла. Только зачѣмъ вы?..

— О, мессэръ Леонардо!—воскликнулъ Галеотто, и сразу послѣ безмѣрнаго отчаянія такая же безмѣрная надежда вспыхнула въ глазахъ его.—Клянусь Богомъ, если и вышло такъ, какъ будто я обманываю, то вѣдь это на время, на самое короткое время и для блага герцога, для торжества науки, потому что я вѣдь нашелъ, я въ самомъ дѣлѣ нашелъ камень мудрецовъ! Пока-то еще у меня его нѣтъ, но можно сказать, что онъ уже есть, все равно, что есть, ибо я путь нашелъ, а вы знаете, въ этомъ дѣлѣ главное—путь. Еще три-четыре опыта, и кончено! Что же было дѣлать, учитель? Неужели такой маленькой лжи не стоитъ открытіе величайшей истины?..

— Что это съ вами, мессэръ Галеотто, точно въ жмурки играемъ,—молвилъ Леонардо, пожимая плечами.—Вы знаете такъ же хорошо, какъ я, что превращеніе металловъ—вздоръ, что камня мудрецовъ нѣтъ и быть не можетъ. Алхимія, некромантія, черная магія такъ же какъ всѣ прочія науки, не основанныя на точномъ опытѣ и математикѣ,—обманъ или безуміе, раздуваемое вѣтромъ, знамя шарлатановъ, за которымъ слѣдуетъ глупая чернь...

Алхимикъ продолжалъ смотрѣть на Леонардо ясными и удивленными глазами. Вдругъ склонилъ голову на бокъ, лукаво прищурилъ одинъ глазъ и засмѣялся:

— А вотъ это уже и нехорошо, учитель, право нехорошо! Развѣ я не посвященный, что ли? Какъ будто мы не знаемъ, что вы—величайшій алхимикъ, обладатель сокровеннѣйшихъ тайнъ природы, новый Гермесъ Тресмегистъ и Прометей!

— Я?

— Ну да, вы, конечно.

— Шутникъ вы, мессэръ Галеотто!

— Нѣтъ, это вы шутникъ, мессэръ Леонардо! Ай, ай, какой же вы притворщикъ! Видалъ я на своемъ вѣку алхимиковъ, ревнивыхъ къ тайнѣ науки, но такого еще никогда!

Леонардо внимательно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ разсердиться и не могъ.

— Такъ, значить, вы въ самомъ дѣлѣ,—произнесъ онъ съ невольной улыбкой,—вы, въ самомъ дѣлѣ, вѣрите?..

— Вѣрю ли!—воскликнулъ Галеотто.—Да знаете ли вы, мессэре, что если бы самъ Богъ сошелъ ко мнѣ сейчасъ и сказалъ: Галеотто, камня мудрецовъ нѣтъ,—я отвѣтилъ бы ему: Господи, какъ то, что Ты создалъ меня,—истинно, что камень есть, и что я его найду!

Леонардо болѣе не возражалъ, не возмущался и слушалъ съ любопытствомъ.

Когда зашла рѣчь о помощи дьявола въ сокровенныхъ наукахъ, алхимикъ съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ, что дьяволъ есть самое бѣдное созданіе во всей природѣ и что нѣтъ не единого существа въ мірѣ болѣе слабаго, чѣмъ онъ. Старикъ вѣрилъ только въ могущество человѣческаго разума и утверждалъ, что для науки все возможно.

Потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ что-то забавное и милое, спросилъ, часто ли видитъ Леонардо стихійныхъ духовъ; когда же собесѣдникъ признался, что онъ еще ни разу ихъ не видѣлъ, Галеотто опять не повѣрилъ и съ удовольствіемъ подробно объяснилъ, что у Саламандры тѣло продолговатое, пальца полтора въ длину, пятнистое, тонкое и жесткое, а у Сильфиды—прозрачно-голубое, какъ небо, и воздушное. Разказалъ о нимфахъ, ундилахъ, живущихъ въ водѣ, подземныхъ гномахъ и пигмеяхъ, растительныхъ дурдалахъ и рѣдкихъ діемейхъ, обитателяхъ драгоцѣнныхъ камней.

— Я вамъ и передать не могу,—заключилъ онъ свой разказъ,—какіе они добрые!..

— Почему же стихійные духи являются не всѣмъ, а только избраннымъ?

— Какъ можно всѣмъ? Они боятся грубыхъ людей,—развратниковъ, пьяницъ, обжоръ. Любятъ дѣтскую простоту и невинность. Они только тамъ, гдѣ нѣтъ злобы и хитрости. Иначе становятся пугливыми, какъ лѣсные звѣри, и прячутся отъ взоровъ человѣка въ родную стихію.

Лицо старика озарилось мечтательной, нѣжной улыбкой.

«Какой странный, жалкій и милый человѣкъ!»—подумалъ Леонардо, уже не чувствуя негодованія на алхимическія бредни, стараясь говорить съ нимъ бережно, какъ съ ребенкомъ, готовый притвориться обладателемъ какихъ угодно тайнъ, только бы не огорчить мессэра Галеотто.

Они разстались друзьями.

Когда Леонардо уѣхалъ, алхимикъ погрузился въ новый опытъ съ Маслою Венеры.

VI.

Въ то время передъ громаднымъ очагомъ, въ нижней горницѣ, находившейся подъ лабораторіей, сидѣла хозяйка, монна Сидонія, и Кассандра.

Надъ вязанкой пылающаго хвороста висѣлъ чугунный котелъ, въ которомъ варилась похлебка съ чеснокомъ и рѣпою на ужинъ. Однообразнымъ движеніемъ сморщенныхъ пальцевъ старуха вытягивала изъ кудели и сучила нить, то подымая, то опуская быстро вращавшееся веретено. Кассандра глядѣла на пряжу и думала: опять все то же, опять сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня; сверчокъ поетъ, скребется мышь, жужжитъ веретено, трещать сухіе стебли горицы, пахнетъ чеснокомъ и рѣпою; опять старуха тѣми же словами попрекаетъ, точно пилить тупою пилою: она, монна Сидонія, бѣдная женщина, хотя люди болтаютъ, что кубышка съ деньгами зарыта у нея въ виноградникъ. Но это вздоръ. Мессэръ Галеотто разоряетъ ее. Оба, дядя и племянница, сидятъ у нея на шеѣ, прости Господи! Она держитъ и кормитъ ихъ только по добротѣ сердца. Но Кассандра уже не маленькая: надо подумать о будущемъ. Дядя умретъ и оставить ее нищею. Отчего бы ей не выйти замужъ за богатаго лошадинаго барышника изъ Абiateграcco, который давно сватается? Правда, онъ уже не молодъ, зато человѣкъ разсудительный, богобоязненный; у него лабазъ, мельница, оливковый садъ съ новымъ точиломъ. Господь

посылаетъ ей счастье. Зачѣмъ же дѣло стало? Какого ей рожна?

Монна Кассандра слушала, и тяжелая скука подкатывалась комомъ къ горлу, душила, сжимала виски, такъ что хотѣлось плакать, кричать отъ скуки, какъ отъ боли.

Старуха вынула изъ котелка дымящуюся рѣпу, проколола острой деревянной палочкой, очистила ножомъ, облила густымъ, алымъ винограднымъ морсомъ и начала ѣсть, чавкая беззубымъ ртомъ.

Молодая дѣвушка привычнымъ движеніемъ, съ видомъ покорнаго отчаянія, потянулась и заломила надъ головой тонкіе, блѣдные пальцы.

Когда, послѣ ужина, сонная пряха, какъ унылая парка, закивала головой, и глаза ея начали слипаться, скрипучій голосъ сдѣлался лѣнивымъ, болтовня о лошадиномъ барышникѣ безсвязной,—Кассандра вынула украдкой изъ-подъ одежды подарокъ отца, мессэра Луиджи, талисманъ, висѣвшій на тонкомъ шнуркѣ, драгоценный камень, согрѣтый тѣломъ ея, подняла его передъ глазами такъ, чтобы пламя очага просвѣчивало, и стала смотрѣть на изображеніе Вакха: въ темно-лиловомъ сіяніи аметиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградной кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце Кассандры.

Она тяжело вздохнула, спрятала талисманъ и молвила робко:

— Монна Сидонія, сегодня ночью въ Барко ди Феррара и въ Беневентъ собираются... Тетушка! Добрая, милая! Мы и плясать не будемъ—только взглянемъ и сейчасъ назадъ. Я сдѣлаю все, что хотите, подарокъ у барышника выманю;—только полетимъ, полетимъ сегодня, сейчасъ!..

Въ глазахъ ея сверкнуло безумное желаніе. Старуха посмотрѣла на нее, и вдругъ синеватыя, морщинистыя губы ея широко осклабились, открывая единственный, желтый зубъ, похожій на клыкъ; лицо сдѣлалось страшнымъ и веселымъ.

— Хочется?—молвила она,—очень, а? Во вкусъ во-

шла? Вишь, бѣдовая дѣвка! Каждую бы ночь летала, не удержишь! Помни же, Кассандра: грѣхъ на твоей душѣ. У меня сегодня и въ мысляхъ не было. Я только для тебя...

Не торопясь обошла она горницу, закрыла наглухо ставни, заткнула щели тряпицами, заперла двери на ключъ, залила водою золу въ очагъ, засвѣтила огарокъ чернаго волшебнаго сала и вынула изъ желѣзнаго рундучка глиняный горшокъ съ остро-пахучею мазью. Притворялась медлительной и благоразумной. Но руки у нея дрожали, какъ у пьяной, маленькіе глазки то становились мутными и шалыми, то вспыхивали, какъ уголья, отъ возжелѣнія. Кассандра вытащила на середину горницы два большихъ корыта, употребляемыхъ для закваски хлѣбнаго тѣста.

Окончивъ приготовленія, монна Сидонія раздѣлась до нага, поставила горшокъ между корытами, сѣла въ одно изъ нихъ, верхомъ на помело и стала натирать себя по всему тѣлу жирною, зеленоватою мазью изъ горшка. Пронзительный запахъ наполнилъ горницу. Это снадобье для полета вѣдьмъ приготовлялось изъ ядовитаго латука, болотнаго сельдерея, болиголова, паслѣна, корней мандрагоры, снотворнаго мака, белены, змѣиной крови и жира некрещеныхъ, колдуньями замученныхъ дѣтей.

Кассандра отвернулась, чтобы не видѣть уродства голаго тѣла старухи. Въ послѣднее мгновеніе, когда уже было близко и неминуемо то, чего ей такъ хотѣлось,—въ глубинѣ ея сердца поднялось омерзѣніе.

— Ну, ну, чего копаешься?—проворчала старая вѣдьма, сидя въ корытѣ на корточкахъ.—Сама же торопила, а теперь кочевряжишься. Я одна не полечу. Раздѣвайся!

— Сейчасъ. Потушите огонь, монна Сидонія. Я не могу при свѣтѣ...

— Вишь, скромница! А на Горѣ-то, небось, не стыдишься?..

Она задула огарокъ, сотворивъ въ угоду дьяволу, принятое вѣдьмами, кощунственное крестное знаменіе лѣвою рукою. Молодая дѣвушка раздѣлась, только нижней сорочки не сняла; потомъ стала на колѣни въ корыто и начала поспѣшно натираться мазью.

Въ темнотѣ слышалось бормотаніе старухи—безсмысленныя, отрывочныя слова заклинаній:

— Emen Hetan, Emen Hetan, Палудъ, Баальберитъ, Астаротъ, помогите! Agoga, agoga, Patrica—помогите!

Жадно вдыхала Кассандра крѣпкій запахъ волшебнаго зелья. Кожа на тѣлѣ горѣла, голова кружилась. Сладостный холодъ пробѣгалъ по спинѣ. Красные и зеленые круги, сливаясь, поплыли передъ глазами, и, какъ будто издалека, вдругъ донесся пронзительный, торжествующій крикъ монны Сидоніи:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая!

VII.

ИЗЪ трубы очага вылетѣла Кассандра, сидя верхомъ на черномъ козлѣ съ мягкою шерстью, пріятною для голыхъ ногъ. Восторгъ наполнялъ ея душу, и, задыхаясь, она кричала, визжала, какъ ласточка, утопающая въ небѣ:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Летимъ! Летимъ!

Нагая, простоволосая, безобразная тетка Сидонія мчалась рядомъ, верхомъ на помелѣ.

Летѣли такъ быстро, что разсѣваемый воздухъ свистѣлъ въ ушахъ, какъ ураганъ.

— Къ сѣверу! Къ сѣверу!—кричала старуха, направляя свое помело, какъ послушнаго коня.

Кассандра упивалась полетомъ.

«А механикъ-то нашъ, бѣдный Леонардо да-Винчи со своими летательными машинами!»—вспомнила она вдругъ—и ей сдѣлалось еще веселѣе.

То подымалась въ высоту: черныя тучи громоздились подъ нею, и въ нихъ трепетали голубыя молніи. Вверху было ясное небо съ полнымъ мѣсяцемъ, громаднымъ, ослѣпительнымъ, круглымъ, какъ мельничный жерновъ, и такимъ близкимъ, что, казалось, можно было рукою прикоснуться къ нему.

То снова внизъ направляла козла, ухвативъ его за

крутые рога, и летѣла стремглавъ, какъ сорвавшійся камень, въ бездну.

— Куда? Куда? Шею сломаешь! Взбѣсилась ты, чортова дѣвка?—вопила тетка Сидонія, едва поспѣвая за ней.

И онѣ уже мчались такъ близко къ землѣ, что сонныя травы въ болотѣ шуршали, блуждающіе огни освѣщали имъ путь, голубыя гнилушки мерцали, филинъ, выпь, козодой жалобно перекликались въ дремучемъ лѣсу.

Перелетѣли черезъ вершины Альпъ, сверкавшія на лунѣ прозрачными глыбами льда, и опустились къ поверхности моря. Кассандра, зачерпнувъ воды рукою, подбрасывала ее вверхъ и любовалась сапфирными брызгами.

Съ каждымъ мигомъ полетъ становился быстрѣе. Попадались все чаще попутчики: сѣдой, косматый колдунъ въ ушатѣ, веселый каноникъ, толстобрюхій, румянорожій, какъ Силенъ, на кочергѣ, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти, съ невиннымъ лицомъ, съ голубыми глазами, на вѣникѣ, молодая, голая, рыжая вѣдьма-людоѣдка на хрюкающемъ борова, и множество другихъ.

— Откуда, сестрицы?—крикнула тетка Сидонія.

— Изъ Эллады, съ острова Кандіи!

Другіе голоса отвѣчали:

— Изъ Валенціи. Съ Брокена. Изъ Салагуцци подъ Мирандолой. Изъ Беневента. Изъ Норчии.

— Куда?

— Въ Битернъ! Въ Битернъ! Тамъ празднуетъ свадьбу Великій Козель—el Voch de Biterne. Летите, летите! Собирайтесь на вечерю!

Теперь уже цѣлою стайей, какъ вороны, неслись онѣ надъ печальной равниной.

Въ туманѣ луна казалась багровою. Вдали затеплился крестъ одинокаго сельскаго храма. Рыжая, та, что скакала верхомъ на свинѣ, съ визгомъ подлетѣла къ церкви, сорвала большой колоколъ, швырнула его со всего размаха въ болото и, когда онъ шлепнулся въ лужу съ жалобнымъ звономъ, захохотала, точно залаяла. Бѣлокурая дѣвочка на вѣникѣ захлопала въ ладоши съ шаловливою рѣзвостью.

VIII.

ЛУНА спряталась за тучи. При свѣтѣ крученыхъ изъ воска, зеленыхъ факеловъ, съ пламенемъ яркимъ и синимъ, какъ молнія, на бѣлоснѣжномъ, мѣловомъ плоскогоріи ползали, бѣгали, переплетались и расходились огромныя, черныя, какъ уголь, тѣни пляшущихъ вѣдьмъ.

— Гарръ! Гарръ! Шабашъ, шабашъ! Справа налѣво, справа налѣво!

Вокругъ Ночного Козла, *Nurgus Nocturnus*, возсѣдавшего на скалѣ, тысячи за тысячами проносились какъ черныя гнилыя листья осени—безъ конца, безъ начала.

— Гарръ! Гарръ! Славьте Ночного Козла! *El Boch de Biterne! El Boch de Biterne!* Кончились всѣ наши бѣдствія! Радуйтесь!

Тонко и сипло пищали волынки изъ выдолбленныхъ мертвыхъ костей; и барабанъ, натянутый кожею висѣльниковъ, ударяемый волчьимъ хвостомъ, мѣрно и глухо гудѣлъ, рокоталъ: «тупъ, тупъ, тупъ». Въ исполинскихъ котлахъ закипала ужасная снѣдь, несказанно-лакомая, хотя и не соленая, ибо здѣшній Хозяинъ ненавидѣлъ соль.

Въ укромныхъ мѣстечкахъ заводились любовныя шашни—дочерей съ отцами, братьевъ съ сестрами, чернаго кота-оборотня, жеманнаго, зеленоглазаго, съ маленькой, тонкой и блѣдной, какъ лилія, покорною дѣвочкой,—безликаго, сѣраго какъ паукъ, шарпаваго инкуба съ безстыдно скалившей зубы монахиней. Всюду копошились мерзостныя пары.

Бѣлѣлая, жирная вѣдьма великанша съ глухимъ и добрымъ лицомъ, съ материнской улыбкой кормила двухъ новорожденныхъ бѣсенятъ: прожорливые сосунки жадно припали къ ея отвислымъ грудямъ и, громко чмокая, глотали молоко.

Трехлѣтнія дѣти, еще не принимавшія участія въ шабашѣ, скромно пасли на окраинѣ поля стадо бугорчатыхъ жабъ съ колокольчиками, одѣтыхъ въ пышныя попонки изъ кардинальскаго пурпура, откормленныхъ святымъ Причастіемъ.

— Пойдемъ плясать!—нетерпѣливо тащила Кассандру тетка Сидонія.

— Лошадиный барышникъ увидитъ! — молвила дѣвушка, смѣясь.

— Песъ его заѣшь, лошадиного барышника! — отвѣчала старуха.

И обѣ пустились въ пляску, которая закружила, понесла ихъ, какъ буря, съ гуломъ, воемъ, визгомъ, ревомъ и хохотомъ:

— Гарръ! Гарръ! Справа налѣво! Справа налѣво!

Чьи-то длинныя, мокрыя, словно моржовыя, усы сзади кололи шею Кассандрѣ; чей-то тонкій, твердый хвостъ щекоталъ ее спереди; кто-то ущипнулъ больно и безстыдно; кто-то укусилъ, прошептавъ ей на ухо чудовищную ласку. Но она не противилась: чѣмъ хуже — тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣе—тѣмъ упоительнѣе.

Вдругъ всѣ мгновенно остановились, какъ вкопанные, окаменѣли и замерли.

Отъ чернаго престола, гдѣ возсѣдалъ Невѣдомый, окруженный ужасомъ, послышался глухой голосъ, подобный гулу землетрясенія:

— Примите дары мои,—кроткіе силу мою, смиренныя гордость мою, нищіе духомъ знаніе мое, скорбныя сердцемъ радость мою,—примите!

Благолѣпный сѣдобородый старикъ, одинъ изъ верховныхъ членовъ Святѣйшей Инквизиціи, патріархъ колдуновъ, служившій черную мессу, торжественно провозгласилъ:

— *Sanctificetur nomen tuum per universum mundum, et libera nos ab omni malo.*—Поклонитесь, поклонитесь, вѣрные!

Всѣ пали ницъ, и, подражая церковному пѣнію, грянулъ кощунственный хоръ:

— *Credo in Deum, patrem Luciferum, qui creavit coelum et terram. Et in filium ejus Belzebul.*

Когда послѣдніе звуки умолкли, и опять наступила тишина, раздался тотъ же глосъ, подобный гулу землетрясенія:

— Приведите невѣсту мою неневѣстную, голубицу мою непорочную!

Первосвященникъ спросилъ:

— Какъ имя невѣсты твоей, голубицы твоей непорочной?

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра!—прогудѣло въ отвѣтъ.

Услышавъ имя свое, вѣдьма почувствовала, какъ въ жилахъ ея леденѣть кровь, волосы встають дыбомъ на головѣ.

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра!—пронеслось надъ толпой.—Гдѣ она? Гдѣ владычица наша? Ave, archisponsa Cassandra.

Она закрыла лицо руками, хотѣла бѣжать — но костяные пальцы, когти, щупальцы, хоботы, шершавыя паучы лапы протянулись, схватили ее, сорвали рубашку, и голую, дрожащую повлекли къ престолу.

Козлинымъ смрадомъ и холодомъ смерти пахнуло ей въ лицо. Она потупила глаза, чтобы не видѣть.

Тогда сидѣвшій на престолѣ молвилъ:

— Приди!

Она еще ниже опустила голову и увидѣла у самыхъ ногъ своихъ огненный крестъ, сіявшій во мракѣ.

Она сдѣлала послѣднее усиліе, побѣдила омерзѣніе, ступила шагъ и подняла глаза свои на того, кто всталъ передъ нею.

И чудо совершилось.

Козлиная шкура упала съ него, какъ чешуя со змѣи, и древній олимпійскій богъ Діонисъ предсталъ передъ монной Кассандрой, съ улыбкой вѣчнаго веселья на устахъ, съ поднятымъ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградною кистью въ другой; пантера прыгала, стараясь лизнуть эту кисть языкомъ.

И въ то же мгновеніе дьявольскій шабашъ превратился въ божественную оргію Вакха: старыя вѣдьмы — въ юныхъ менадъ, чудовищные демоны — въ козлоногихъ сатировъ; и тамъ, гдѣ были мертвыя глыбы мѣловыхъ утесовъ, вознеслись колоннады изъ бѣлаго мрамора, освѣщеннаго солнцемъ; между ними вдали засверкало лазурное море, и Кассандра увидѣла въ облакахъ весь лучезарный сонмъ боговъ Эллады.

Сатиры, вакханки, ударяя въ тимпаны, поражая

себя ножами въ сосцы, выжимая алый сокъ винограда въ золотые кратеры и смѣшивая его съ собственной кровью, плясали, кружились и пѣли:

— Слава, слава Діонису! Воскресли великіе боги! Слава воскресшимъ богамъ!

Обнаженный юноша Вакхъ открылъ объятія Кассандрѣ, и голосъ его подобенъ былъ грому, потрясающему небо и землю:

— Приди, приди, невѣста моя, голубица моя непорочная!

Кассандра упала въ объятія бога.

IX.

ПОСЛЫШАЛСЯ утренній крикъ пѣтуха. Запахло туманомъ и фдою, дымною сыростью. Откуда-то, изъ безконечной дали, донесся благовѣстъ колокола. Отъ этого звука на горѣ произошло великое смѣтеніе; вакханки опять превратились въ чудовищныхъ вѣдьмъ, козлоногіе фавны въ уродливыхъ дьяволовъ и богъ Діонисъ въ Ночного Козла — въ смраднаго Нугсис Nocturnus.

— Домой, домой! Бѣгите, спасайтесь!

— Кочергу мою украли! — съ отчаяніемъ вопилъ толстобрюхій каноникъ Силенъ и метался, какъ угорѣлый.

— Боровъ, боровъ, ко мнѣ! — кликала рыжая голая, пожимаясь отъ утренней сырости, кашляя.

Заходящій мѣсяцъ выплылъ изъ-за тучъ, и въ его багровомъ отблескѣ, взвиваясь рой за роемъ, перетрусившія вѣдьмы, какъ черныя мухи, разлетались съ Мѣловой Горы.

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Спасайтесь, бѣгите!

Ночной Козель заблеялъ жалобно и провалился сквозь землю, распространяя зловоніе удушливой сѣры.

Гудѣлъ церковный благовѣстъ.

Х.

КАССАНДРА очнулась на полу темной горницы въ домикѣ у Верчельскихъ воротъ.

Ее тошнило, какъ съ похмѣлья. Голова была точно свинцомъ налита. Тѣло разбито усталостью.

Колоколъ св. Редегонды звенѣлъ уныло. Сквозь этотъ звонъ раздавался упорный, должно быть, уже давній стукъ въ наружную дверь. Кассандра прислушалась и узнала голосъ жениха своего, лошадинаго барышника изъ Абiateграссо.

— Отоприте! Отоприте! Монна Сидонія! Монна Кассандра! Оглохли вы, что ли? Какъ собака промокъ. Не возвращаться же назадъ по этой чортовой слякоти!

Дѣвушка встала съ усиленіемъ, подошла къ окну, наглухо закрытому ставнями, вынула паклю, которою тетка Сидонія тщательно заткнула щели. Свѣтъ печальнаго утра упалъ синеватой полоской, озаряя голую старую вѣдьму, спавшую мертвымъ сномъ на полу рядомъ съ опрокинутой квашнею. Кассандра заглянула въ щель.

День былъ ненастный. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Передъ дверями дома за мутною сѣткой дождя видѣлся влюбленный барышникъ; рядомъ стоялъ, низко понуривъ голову, вислоухій крошечный осликъ, запряженный въ повозку. Изъ нея выставилъ морду теленокъ со связанными ногами, издавая мычаніе.

Барышникъ, не унимаясь, стучалъ въ дверь.

Кассандра ждала, чѣмъ это кончится.

Наконецъ, ставня наверху, въ одномъ изъ оконъ лабораторіи стукнула. Выглянулъ старый алхимикъ, не выспавшійся, съ взъерошенными волосами, съ угрюмымъ и злымъ лицомъ, какое бывало у него въ тѣ мгновенія, когда, пробуждаясь отъ грезъ, начиналъ онъ сознать, что свинецъ не можетъ превратиться въ золото.

— Кто стучитъ? — молвилъ онъ, высовываясь изъ окна. — Чего тебѣ нужно? Рехнулся ты, что ли, старый хрычъ? Да пошлетъ тебѣ Господь безвременія! Развѣ не видишь—всѣ въ домѣ спятъ. Убирайся!

— Мессэръ Галеотто! Помилуйте, за что же вы ру-

гаетесь? Я по важному дѣлу, насчетъ племянницы вашей. Вотъ и теленокъ молочнаго въ подарочекъ...

— Къ чорту! — закричалъ Галеотто съ яростью. — Убирайся, негодяй, со своимъ теленкомъ къ чорту подъ хвостъ!

И ставня захлопнулась. Озадаченный барышникъ на минуту притихъ. Но тотчасъ, опомнившись, съ удвоенной силой принялся стучать кулаками, какъ будто хотѣлъ выломать дверь.

Осликъ еще ниже понурилъ голову. Дождевыя струйки медленно стекали по его безнадежно-висѣвшимъ мокрымъ ушамъ.

— Господи, какая скука! — прошептала монна Кассандра и закрыла глаза.

Ей припомнилось веселіе шабаша, превращеніе Ночного Козла въ Діониса, воскресеніе великихъ боговъ и она подумала:

— Во снѣ это было или наяву? Должно быть, во снѣ. А вотъ то, что теперь, — наяву. Послѣ воскресенья — понедѣльникъ...

— Отоприте! Отоприте! — вопилъ барышникъ уже осипшимъ, отчаяннымъ голосомъ.

Тяжелыя капли изъ водосточной трубы однозвучно шлепались въ грязную лужу. Теленокъ жалобно мычалъ. Монастырскій колоколъ звенѣлъ уныло.

ПЯТАЯ КНИГА.

Д а б у д е т ь в о л я т в о я .

I.

МИЛАНСКИЙ гражданинъ башмачникъ Кѣрболо, вернувшись ночью домой навеселѣ, получилъ отъ жены, по собственному выраженію, больше ударовъ, чѣмъ нужно для того, чтобы лѣнивый оселъ дошелъ отъ Милана до Рима. Поутру, когда отправилась она къ сосѣдкѣ своей, лоскутницѣ, отвѣдать мильяччи—студня изъ свиной крови, Кѣрболо ощупалъ въ кошнѣ нѣсколько утаенныхъ отъ супруги монетъ, оставилъ лавчонку на попеченіе подмастерья и пошелъ опохмѣлиться.

Засунувъ руки въ карманы истертыхъ штановъ, выступалъ онъ лѣнивой походкой по извилистому темному переулку, такому тѣсному, что всадникъ, встрѣтившись съ пѣшимъ, долженъ былъ задѣть его носкомъ или шпорой. Пахло чадомъ оливковаго масла, тухлыми яйцами, кислымъ виномъ и плѣсенью погребовъ.

Насвистывая пѣсенку, поглядывая вверхъ на узкую полосу темно-синяго неба между высокими домами, на пронизанныя утреннимъ солнцемъ пестрыя лохмотья, развѣшанныя хозяйками на веревкахъ черезъ улицу, Кѣрболо утѣшалъ себя мудрою пословицей, которой, впрочемъ, самъ никогда не приводилъ въ исполненіе:

«Всякая женщина, злая и добрая, въ палкѣ нуждается».

Для сокращенія пути прошелъ онъ черезъ соборъ.

Здѣсь была вѣчная суета, какъ на рынкѣ. Изъ одной двери въ другую, несмотря на пеню, проходило множество людей, даже съ мулами и лошадьми.

Патеры служили молебны гнусливыми голосами; слышался шопотъ въ исповѣдальняхъ; горѣли лампы на алтаряхъ. А рядомъ уличные мальчишки играли въ чехарду, собаки обнюхивались, толкались ободранные нищіе.

Кѣрболо остановился на минуту въ толпѣ ротозѣевъ, съ лукавымъ и добродушнымъ удовольствіемъ прислушиваясь къ перебранкѣ двухъ монаховъ.

Братъ Чипполо, босоногій францисканецъ, низенькій, рыжій, съ веселымъ лицомъ, круглымъ и маслянымъ, какъ пышка, доказывалъ противнику своему, доминиканцу, брату Тимотео, что Францискъ, будучи подобенъ Христу въ сорока отношеніяхъ, занялъ мѣсто, оставшееся на небѣ свободнымъ послѣ паденія Люцифера, и что сама Божья Матерь не могла отличить его стигматовъ отъ крестныхъ ранъ Иисусовыхъ.

Угрюмый, высокій и блѣднолицый братъ Тимотео противопоставлялъ язвамъ Серафимскаго угодника язвы Св. Катерины, у которой на лбу былъ кровавый слѣдъ терноваго вѣнца, чего у св. Франциска не было.

Кѣрболо долженъ былъ прищурить глаза отъ солнца, выйдя изъ тѣни собора на площадь Аренго, самое бойкое мѣсто въ Миланѣ, загроможденное лавками мелкихъ торговцевъ, рыбниковъ, лоскутниковъ и зеленщицъ, такимъ множествомъ ящиковъ, навѣсовъ и лотковъ, что между ними едва оставался узкій проходъ. Съ незапамятныхъ временъ угнѣздились они на этой площади передъ соборомъ, и никакіе законы и пени не могли прогнать ихъ отсюда.

«Салатъ изъ Валтеллины, лимоны, померанцы, артишоки, спаржа, спаржа хорошая!»—зазывали покупателей зеленщицы. Лоскутницы торговались и кудахтали, какъ насѣдки.

Маленькій упрямый осликъ, исчезавшій подъ горою

желтаго и синяго винограда, апельсиновъ, баклажановъ, свеклы, цвѣтной капусты, фенноки и лука, ревѣль раздрающимъ голосомъ: іо, іо, іо! Сзади погонщикъ звонко хлопалъ его дубиною по облѣзлымъ бокамъ и понукалъ отрывистымъ гортаннымъ крикомъ: арри! арри!

Вереница слѣпыхъ съ посохами и поводыремъ пѣла жалобную «Intemerata».

Уличный шарлатанъ-зубодеръ, съ ожерельемъ зубовъ на выдровой шапкѣ, съ быстрыми и ловкими движеніями фокусника, стоя позади человѣка, сидѣвшаго на землѣ, и сжимая ему голову колѣнами, выдергивалъ зубъ громадными щипцами.

Мальчишки показывали жиду свиное ухо и пускали траттолу-волчокъ подъ ноги прохожихъ. Самый отчаянный изъ шалуновъ, черномазый, курносый Фарфаниккіо, принесъ мышеловку, выпустилъ мышъ и началъ охотиться за нею съ метлою въ рукахъ, съ пронзительнымъ гикомъ и свистомъ: «Вотъ она, вотъ она!» Убѣгая отъ погони, мышъ бросилась подъ широчайшія юбки мирно вязавшей чулокъ толстогрудой, дебелой зеленщицы, Барбаччин. Она вскочила, завизжала, какъ опшаренная, и, при общемъ хохотѣ, подняла платье, стараясь вытряхнуть мышъ.

— Погоди, возьму булыжникъ, разобью тебѣ обезьянью башку, негодяй!—кричала въ бѣшенствѣ.

Фарфаниккіо издали показывалъ языкъ и прыгалъ отъ восторга.

На шумъ обернулся носильщикъ съ громадною свиною тушей на головѣ. Лошадь доктора, мессэра Габбадео, испугалась, шарахнулась, понесла, задѣла и уронила цѣлую грудку кухонной посуды въ лавчонкѣ торговца старымъ желѣзомъ. Уполовники, сковороды, кастрюли, терки, котлы посыпались съ оглушительнымъ грохотомъ. Перетрусившій мессэръ Габбадео скакалъ, отпустивъ поводья, и вопилъ: «Стой, стой, чертова перевица!»

Собаки лаяли. Любопытная лица высовывались изъ оконъ.

Хохоть, ругань, визгъ, свистъ, человѣческій крикъ и ослиный ревъ стояли надъ площадью.

Любуясь на это зрѣлище, башмачникъ думалъ съ кроткой улыбкой:

«А славно было бы жить на свѣтѣ, если бы не жены, которыя ѣдятъ мужей своихъ, какъ ржавчина ѣстъ желѣзо!»

Заслонивъ глаза отъ солнца ладонью, взглянулъ онъ вверхъ на исполинское неоконченное строеніе, окруженное плотничьими лѣсами. То былъ соборъ, воздвигаемый народомъ во славу Рождества Богородицы.

Малые и великіе принимали участіе въ созиданіи храма. Королева Кипрская прислала драгоценные воздухи, тканые золотомъ; бѣдная старушка-лоскутница Катерина положила на главный алтарь, какъ приношеніе Дѣвѣ Маріи, не думая о холодѣ предстоящей зимы, ветхую единственную шубенку свою, цѣною въ двадцать сольдовъ.

Кѣрболо, съ дѣтства привыкшій слѣдить за постройкой, въ это утро замѣтилъ новую башню и обрадовался ей.

Каменщики стучали молотками. Съ выгрузной пристани въ Лагетто у Санъ-Стефано, неподалеку отъ Оспедале Маджіоре, гдѣ причаливали барки, подвозились огромныя искрящаяся глыбы блага мрамора изъ Лагомаджіорскихъ каменоломенъ. Лебедки скрипѣли и скрежетали цѣпами. Желѣзные пилы визжали, распиливая мраморъ. Рабочіе ползали по лѣсамъ, какъ муравьи.

И великое зданіе росло, выросло безчисленнымъ множествомъ сталактитоподобныхъ стрѣльчатыхъ иглъ, колоколенъ и башенъ изъ чистаго блага мрамора, въ голубыхъ небесахъ,—вѣчная хвала народа Дѣвѣ Маріи Рождающей.

II.

КОРБОЛО спустился по крутымъ ступенямъ въ прохладный, сводчатый, установленный винными бочками, погребъ нѣмца-харчевника Тибальдо.

Вѣжливо поздоровался съ гостями, подсѣлъ къ знакомому лудильщику Скарабулло, спросилъ себѣ кружку

вина и горячихъ миланскихъ пирожковъ съ тминомъ—офэлэттъ, не спѣша отхлебнуль, закусилъ и сказалъ:

— Если хочешь быть умнымъ, Скарабулло, никогда не женись!

— Почему?

— Видишь ли, другъ,—продолжалъ банмачникъ глубокомысленно,—жениться все равно, что запустить руку въ мѣшокъ со змѣями, чтобы вынуть угря. Лучше имѣть подагру, чѣмъ жену, Скарабулло!

За столикомъ рядомъ, краснобай и балагуръ, златошвей Маскарелло рассказывалъ голоднымъ оборванцамъ чудеса о невѣдомой землѣ Берлинцонѣ, блаженномъ краѣ, именуемомъ Живи-Лакомо, гдѣ виноградныя лозы подвизываются сосисками, гусь идетъ за грошъ да еще съ гусенкомъ въ придачу. Есть тамъ гора изъ тертаго сыру, на которой живутъ люди и ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ только готовятъ макароны и клецки, варятъ ихъ въ отварѣ изъ капуновъ и бросаютъ внизъ. Кто больше поймаешь, у того больше бываетъ. А по близости течетъ рѣка изъ верначчіо—лучшаго вина никто не пивалъ, и нѣтъ въ немъ ни капли воды.

Въ погребѣ вѣжалъ маленькій человѣкъ, золотушный, съ глазами подслѣповатыми, какъ у щенка, не совсѣмъ прозрѣвшаго,—Горгольо, выдувальщикъ стекла, большой сплетникъ и любитель новостей.

— Синьоры, — приподымая запыленную, дырявую шляпу и вытирая потъ съ лица, объявилъ онъ торжественно,—синьоры, я только что отъ французовъ!

— Что ты говоришь, Горгольо? Развѣ они уже здѣсь?

— Какъ же,—въ Павіи... Фу, дайте духъ перевести, запыхался. Бѣжалъ, сломя голову. Что, думаю, если кто-нибудь раньше меня поспѣетъ...

— Вотъ тебѣ кружка, пей и рассказывай: что за народъ французы?

— Бѣдовый, братцы, народъ, не клади имъ пальца въ ротъ. Люди буйные, дикіе, иноплеменные, богопротивные, звѣроподобные—одно слово, варвары! Пищали и аркебузы восьмилуктевые, ужевицы мѣдныя, бомбарды чугунныя съ ядрами каменными, кони, какъ чудища морскія,—лютые, съ ушами, съ хвостами обрѣзанными.

— А много ли ихъ?—спросилъ Мазо.

— Тьмы темъ! Какъ саранча, всю равнину кругомъ обложили, конца краю не видать. Послалъ намъ Господь за грѣхи черную немочь, сѣверныхъ дьяволовъ!

— Что же ты бранишь ихъ, Горгольо — замѣтилъ Маскарелло—вѣдь они намъ друзья и союзники?

— Союзники! Держи карманъ! Этакій другъ хуже врага,—купить рога, а съѣсть быка.

— Ну, ну, не растарабарывай, говори толкомъ: чѣмъ французы намъ враги?—допрашивалъ Мазо.

— А тѣмъ и враги, что нивы наши топчутъ, деревья рубятъ, скотину уводятъ, поселянъ грабятъ, женщинъ насилуютъ. Король-то французскій плюгавый—въ чемъ душа держится,—а на женщинъ лихъ. Есть у него книга съ портретами голыхъ итальянскихъ красавицъ. Ежели, говорятъ они, Богъ намъ поможетъ,—отъ Милана до Неаполя ни одной дѣвушки невинной не оставимъ.

— Негодяи!—воскликнулъ Скарабулло, со всего размаха ударяя кулакомъ по столу такъ, что бутылки и стаканы зазвенѣли.

— Моро-то нашъ на заднихъ лапкахъ подъ французскую дудку пляшетъ,—продолжалъ Горгольо.—Они насъ и за людей не считаютъ.—Всѣ вы, говорятъ, воры и убійцы. Собственного законнаго герцога ядомъ извели, отрока невиннаго уморили. Богъ васъ за это наказываетъ и землю вашу намъ передастъ.—Мы-то ихъ, братцы, отъ добраго сердца потчуетъ, а они угощеніе наше лошадямъ отвѣдать даютъ: нѣтъ ли, молъ, въ пиццѣ того яда, которымъ герцога отравили?

— Врешь, Горгольо!

— Лопни глаза мои, отсохни языкъ! И послушайте-ка, мессэры, какъ они еще похваляются: завоюемъ, говорятъ, сначала всѣ народы Италіи, всѣ моря и земли покоримъ, великаго Турку полонимъ, Константинополь возьмемъ, на Масличной Горѣ въ Іерусалимѣ крестъ водрузимъ, а потомъ опять къ вамъ вернемся. И тогда судъ Божій совершимъ надъ вами. И если вы намъ не покоритесь, самое имя ваше сотремъ съ лица земли.

— Плохо, братцы,—молвилъ златошвей Маскарелло,—ой, плохо! Такого еще никогда не бывало...

Всѣ притихли.

Братъ Тимотео, тотъ самый монахъ, что спорилъ въ соборѣ съ братомъ Чипполо, воскликнулъ торжественно, воздѣвая руки къ небу:

— Слово великаго пророка Божьяго, Джироламо Савонароллы: се грядетъ мужъ, который завоюетъ Италію, не вынимая меча изъ ноженъ. О, Флоренція! о, Римъ! о, Миланъ!—время пѣсенъ и праздниковъ миновало. Покайтесь! Покайтесь! Кровь герцога Джіанъ Галеаццо, кровь Авеля, убитаго Каиномъ, вопіетъ о мщеніи къ Господу!

III.

— **Ф**РАНЦУЗЫ! Французы! Смотрите! — указывалъ Горгольо на двухъ солдатъ, входившихъ въ погребъ.

Одинъ — гасконецъ, стройный молодой человекъ съ рыжими усами, съ красивымъ и наглымъ лицомъ, былъ сержантъ французской конницы, по имени Бониваръ. Товарищъ его — пикардіецъ, пушкаръ Гро-Гильонъ, толстый, приземистый старикъ съ бычачьей шеей, съ лицомъ, налитымъ кровью, съ выпуклыми рачьими глазами и мѣдною серьгой въ ухѣ. Оба навеселѣ.

— Найдёмъ ли мы, наконецъ, въ этомъ анаѳемскомъ городѣ кружку добраго вина? — хлопая по плечу Гро-Гильона, молвилъ сержантъ. — Отъ ломбардской кислятины горло деретъ, какъ отъ уксуса!

Бониваръ съ брезгливымъ, скучающимъ видомъ развалился за однимъ изъ столиковъ, высокомерно поглядывая на прочихъ посѣтителей, постучалъ оловянною кружкою и крикнулъ на ломаномъ итальянскомъ языкѣ:

— Бѣлаго, сухого, самаго стараго! Соленой червелаты на закуску.

— Да, братецъ, — вздохнулъ Гро-Гильонъ, — какъ вспомнишь родное бургонское или драгонѣнное бомъ, золотистое, точно волосы моей Лизонъ, — сердце отъ тоски защемишь! И то сказать: каковъ народъ, таково вино. Выпьемъ-ка, дружище, за милую Францію!

Du grand Dieu soit maudit à outrance,
Qui mal voudroit au royaume de France!

— О чемъ они? — шепнулъ Скарабулло на ухо Горгольо.

— Привередничаютъ, наши вина бранятъ, свои похваляютъ.

— Вишь, хорохорятся пѣтухи французскіе! — проворчалъ, нахмурившись, лудильщикъ. — Зудитъ у меня рука, ой, зудитъ проучить ихъ, какъ слѣдуетъ!

Тибальдо, хозяинъ-нѣмецъ, съ толстымъ брюхомъ, на тонкихъ ножкахъ, съ громадной связкой ключей за широкимъ кожанымъ поясомъ, нацѣдилъ изъ бочки полбренды и подаль французамъ въ запотѣвшемъ отъ холода, глиняномъ кувшинѣ, недовѣрчиво посматривая на чужеземныхъ гостей.

Бониваръ однимъ духомъ выпилъ кружку вина, которое показалось ему превосходнымъ, плюнулъ и выразилъ на лицѣ своемъ отвращеніе.

Мимо него прошла дочь хозяина, Лотта, миловидная бѣлокурая дѣвушка, съ такими же добрыми голубыми глазами, какъ у Тибальдо.

Гасконецъ лукаво подмигнулъ товарищу и съ ухарствомъ закрутилъ свой рыжій усъ; потомъ, выпивъ еще, затулилъ солдатскую пѣсенку о Карлѣ VIII:

Charles fera si grandes batailles,
Qu'il conquerra les Itailles,
En Jerusalem entrera
Et mont Olivet montera.

Гро-Гильонъ подпѣвалъ сильнымъ голосомъ.

Когда Лотта, возвращаясь, опять проходила мимо нихъ, скромно потупивъ глаза, сержантъ обнялъ ея станъ, желая посадить дѣвушку къ себѣ на колѣни.

Она оттолкнула его, вырвалась и убѣжала. Онъ вскочилъ, поймалъ ее и поцѣловалъ въ щеку губами, мокрыми отъ вина.

Дѣвушка вскрикнула, уронила на полъ глиняный кувшинъ, который разбился вдребезги, и, обернувшись, со

всего размаха ударила француза по лицу такъ, что тотъ на мгновеніе опѣшилъ.

Гости захохотали.

— Ай, да дѣвка!—воскликнулъ златошвей,—клянусь святымъ Джервазіемъ, отъ роду не видывалъ я такой здоровенной пощечины! Вотъ такъ утѣшила!

— Ну ее, брось, не связывайся!—удерживалъ Гро-Гильошъ Бонивара.

Гасконецъ не слушалъ. Хмѣль сразу ударилъ ему въ голову. Онъ засмѣялся насильственнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— Подожди же, красавица,—теперь ужъ я не въ щеку, а прямо въ губы!

Бросился за нею, опрокинулъ столъ, догналъ и хотѣлъ поцѣловать. Но могучая рука лудильщика Скарабулло схватила его сзади за шиворотъ.

— Ахъ ты, собачій сынъ, французская твоя рожа безстыкая!—кричалъ Скарабулло, встряхивая Бонивара и сдавливая ему шею все крѣпче.—Погоди, намну я тебѣ бока, будешь помнить, какъ оскорблять миланскихъ дѣвушекъ!..

— Прочь, негодяй! Да здравствуетъ Франція!—завопилъ въ свою очередь разсвирѣпѣвшій Гро-Гильошъ.

Онъ замахнулся шпагой и вонзилъ бы ее въ спину лудильщику, если бы Маскарелло, Горгольо, Мазо и другіе собутельники не подскочили и не удержали его за руки.

Между опрокинутыми столами, скамейками, боченками, черепками разбитыхъ кувшиновъ и лужами вина произошла свалка.

Увидѣвъ кровь, оголенные шпаги и ножи, испуганный Тибальдо выскочилъ изъ погреба и закричалъ на всю площадь:

— Смертоубійство! Французы грабятъ!

Ударили въ рыночный колоколь. Ему отвѣтилъ другой, на Бролетто. Осторожные купцы запирали лавки. Лоскутницы и овощницы уносили лотки съ товарами.

— Святые угодники, заступники наши, Протазій, Джервазіи!—голосила Барбаччіа.

— Что тамъ такое? Пожаръ, что ли?

— Бейте, бейте французовъ!..

Маленькій Фарфаниккіо прыгалъ отъ восторга, свистѣлъ и визжалъ пронзительно:

— Бейте, бейте французовъ!

Появились городскіе стражники—берровьеры съ аркебузами и алебардами.

Они подоспѣли во-время, чтобы предупредить убійство и вырвать изъ рукъ черни Бонивара и Гро-Гильоша. Забирая кого попало, схватили и башмачника Кѳрболо.

Жена, прибѣжавшая на шумъ, всплеснула руками и завывала:

— Смидитесь, отпустите муженька моего, отдайте его мнѣ! Я ужъ съ нимъ расправлюсь по-свойски, впередъ въ уличную свалку не полѣзеть! Право же, синьоры, этотъ дуракъ и веревки не стоитъ, на которой его повѣсятъ!

Кѳрболо печально и стыдливо потупилъ глаза, притворяясь, что не слышитъ угрозъ жены, и спрятался отъ нея за спину городскихъ стражниковъ.

IV.

НАДЪ лѣсами неоконченнаго собора, по узкой веревочной лѣстницѣ влѣзалъ на одну изъ тонкихъ колоколенъ, недалеко отъ главнаго купола, молодой каменщикъ съ маленькимъ изваяніемъ св. великомученицы Екатерины, которое надо было прикрѣпить на самомъ концѣ стрѣльчатой башни.

Кругомъ подымались, какъ будто рѣяли сталактитоподобныя, остроконечныя башни, иглы, ползучія арки, каменное кружево изъ небывалыхъ цвѣтовъ, побѣговъ и листьевъ, безчисленные пророки, мученики, ангелы, смѣющіяся рожи дьяволовъ, чудовищныя птицы, сирены, гарпіи, драконы съ колючими крыльями, съ разинутыми пастьями, на концахъ водосточныхъ трубъ. Все это—изъ чистаго мрамора, ослѣпительно бѣлаго, съ тѣнями голубыми, какъ дымъ,—походило на громадный зимній лѣсъ, покрытый сверкающимъ инеемъ.

Было тихо. Только ласточки съ крикомъ проносились надъ головой каменщика. Шумъ толпы на площади долеталъ къ нему, какъ слабый шелестъ муравейника. На краю безконечной зеленой Ломбардіи сіяли снѣжныя громады Альпъ, такія же острыя, бѣлыя, какъ вершины собора. Порою снизу чудились отзвуки органа, какъ бы молитвенные вздохи изъ внутренности храма, изъ глубины еіо каменнаго сердца—и тогда казалось, что все великое зданіе живетъ, дышитъ, растетъ и возносится къ небу, какъ вѣчная хвала Маріи Рождающейся, какъ радостный гимнъ всѣхъ вѣковъ и народовъ Дѣвѣ Пречистой, Женѣ, облеченной въ солнце.

Вдругъ шумъ на площади усилился. Послышался набатъ.

Каменщикъ остановился, посмотрѣлъ внизъ, и голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло: ему казалось, что исполинское зданіе шатается подъ нимъ, тонкая башня, на которую онъ взлѣзалъ, гнется, какъ тростникъ.

— Кончено, падаю!—подумалъ онъ съ ужасомъ.— Господи, прими душу мою!

Съ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ уцѣпился за веревочную ступень, закрылъ глаза и прошепталъ:

— Ave, dolce Maria, di grazia piena!

Ему стало легче.

Съ высоты повѣяло прохладнымъ дуновеніемъ.

Онъ перевелъ дыханіе, собралъ силы и продолжалъ путь, не слушая болѣе земныхъ голосовъ, подымаясь все выше и выше къ тихому, чистому небу, повторяя съ великою радостью:

— Ave, dolce Maria, di grazia piena.

Въ это время по мраморной широкой почти плоской крышѣ собора проходили члены строительнаго совѣта, зодчіе итальянскіе и чужеземные, приглашенные герцогомъ для совѣщанія о тибуріо—главной башнѣ надъ куполомъ храма.

Среди нихъ былъ Леонардо да-Винчи. Онъ предложилъ свой замыселъ, но члены совѣта отвергли его, какъ слишкомъ смѣлый, необычайный и вольнодумный, противорѣчившій преданіямъ церковнаго зодчества.

Спорили и не могли придти къ соглашенію. Одни доказывали, что внутренніе столбы недостаточны прочны. «Если бы,—говорили они,—тибуріо и башни были окончены, то скоро зданіе рухнуло бы, такъ какъ постройка начата людьми невѣжественными». По мнѣнію другихъ, соборъ проститъ вѣчность.

Леонардо по обыкновенію, не принимая участія въ спорѣ, стоялъ, одинокій и молчаливый, въ сторонѣ.

Одинъ изъ рабочихъ подошелъ къ нему и подаль письмо.

— Мессэре, внизу на площади ожидаетъ вашей милости верховой изъ Павіи.

Художникъ распечаталъ письмо и прочелъ:

«Леонардо, пріѣзжай поскорѣе. Мнѣ нужно тебя видѣть. Герцогъ Джіанъ-Галеаццо. 14 октября».

Онъ извинился передъ членами совѣта, сошелъ на площадь, сѣлъ на коня и отправился въ Кастелло ди Павія, замокъ, который былъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Милана.

V.

КАШТАНЫ, вязы и клены громаднаго парка сіяли на солнцѣ золотомъ, и пурпуромъ осени. Порхая какъ бабочки, падали мертвые листья. Въ заросшихъ травю фонтанахъ не била вода. Въ запущенныхъ цвѣтникахъ увядали астры.

Подходя къ замку, Леонардо увидѣлъ карлика. Это былъ старый шутъ Джіанъ-Галеаццо, оставшійся вѣрнымъ своему господину, когда всѣ прочіе слуги покинули умирающаго герцога.

Узнавъ Леонардо, ковыляя и подпрыгивая, карликъ побѣждалъ ему навстрѣчу.

— Какъ здоровье герцога?—спросилъ художникъ.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только безнадежно махнулъ рукою.

Леонардо пошелъ было главной аллеей.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сюда!—остановилъ его карликъ.— Тутъ могутъ увидѣть. Ихъ свѣтлость просили, чтобы

тайно... А то, если герцогиня Изабелла узнаетъ,—пожалуй не пустятъ. Мы лучше обходимъ, боковою дорожкой...

Войдя въ угловую башню, поднялись по лѣстницѣ и миновали нѣсколько мрачныхъ покоевъ, должно быть, нѣкогда великолѣпныхъ, теперь необитаемыхъ. Обои изъ кордуанской златотисненой кожи содраны были со стѣнъ; герцогское сѣдалище подъ шелковымъ навѣсомъ заткано паутиною. Сквозь окна съ разбитыми стеклами вѣтеръ осеннихъ ночей занесъ изъ парка желтые листья.

— Злодѣи, грабители!—ворчалъ себѣ подъ носъ карликъ, указывая спутнику на слѣды запустѣнія.—Вѣрите ли, глаза бы не смотрѣли на то, что здѣсь творится! Убѣжалъ бы на край свѣта, если бы не герцогъ, за которымъ и ухаживать-то некому, кромѣ меня, стараго уроды... Сюда, сюда пожалуйте.

Приотворивъ дверь, онъ впустилъ Леонардо въ пропитанную запахомъ лѣкарствъ душную темную комнату.

VI.

КРОВОПУСКАНИЕ, согласно съ правилами врачебнаго искусства, дѣлали при свѣчахъ и закрытыхъ ставняхъ. Помощникъ цырульника держалъ мѣдный тазъ, въ который стекала кровь. Самъ брадобрей, скромный старичокъ, засучивъ рукава, производилъ надрѣзы вены. Врачъ, «мастеръ физики», съ глубокомысленнымъ лицомъ, въ очкахъ, въ докторскомъ наплечникѣ изъ темно-лиловаго бархата на бѣлицемъ мѣху, не принимая участія въ работѣ цырульника,—прикосновение къ хирургическимъ орудіямъ считалось унижительнымъ для достоинства врача,—только наблюдалъ.

— Передъ ночью снова извольте пустить кровь,—сказалъ онъ повелительно, когда рука была перевязана, и больного уложили на подушки.

— Domine magister,—произнесъ брадобрей учтиво и робко,—не лучше ли подождать? Какъ бы чрезмѣрная потеря крови...

Врачъ посмотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкой:

— Постыдитесь, любезнѣйшій! Пора бы вамъ знать, что изъ двадцати четырехъ фунтовъ крови, находящихся въ человѣческомъ тѣлѣ, можно выпустить двадцать, безъ всякой опасности для жизни и здоровья. Чѣмъ больше берете испортившейся воды изъ колодца, тѣмъ больше остается свѣжей. Я пускалъ кровь груднымъ младенцамъ, не жалѣя, и, благодаря Бога, всегда помогало.

Леонардо, слушавшій этотъ разговоръ внимательно, хотѣлъ возразить, но подумалъ, что спорить съ врачами столь же бесполезно, какъ съ алхимиками.

Докторъ и цырульникъ удалились. Карликъ поправилъ подушки и укуталъ ноги больного одѣяломъ.

Леонардо оглянулъ комнату. Надъ постелью висѣла клѣтка съ маленькимъ зеленымъ попугаемъ. На кругломъ столикѣ валялись карты, игральные кости, стоялъ стеклянный сосудъ, наполненный водою, съ золотыми рыбками. Въ ногахъ у герцога спала, свернувшись, бѣлая собачка. Все это были послѣднія забавы, которыя вѣрный слуга придумывалъ для развлечения своего господина.

— Отправилъ письмо?—проговорилъ герцогъ, не отрывая глазъ.

— Ахъ, ваша свѣтлость,—заторопился карликъ,—мы-то ждемъ, думаемъ, вы спите. Вѣдь мессэръ Леонардо здѣсь...

— Здѣсь?

Больной съ радостной улыбкой сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться.

— Учитель, наконецъ-то! Я боялся, что ты не придешь...

Онъ взялъ художника за руку, и прекрасное, совсѣмъ молодое лицо Джіанъ-Галеаццо,—ему было двадцать четыре года,—оживилось блѣднымъ румянцемъ.

Карликъ вышелъ изъ комнаты, чтобы сторожить у двери.

— Другъ мой,—продолжалъ больной,—ты конечно слышалъ?..

— О чемъ, ваша свѣтлость?

— Не знаешь? Ну, если такъ, то и вспоминать не надо. А впрочемъ, все равно, скажу: вмѣстѣ посмѣемся. Они говорятъ...

Онъ остановился, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и закончилъ съ тихою усмѣшкою:

— Они говорятъ, что ты—мой убійца.

Леонардо подумалъ, что больной бредитъ.

— Да, да, неправда ли, какое безуміе? Ты мой убійца!..—повторилъ герцогъ.—Недѣли три назадъ, мой дядя Моро и Беатриче прислали мнѣ въ подарокъ корзину персиковъ. Мадонна Изабелла увѣрена, что съ тѣхъ поръ какъ я отвѣдалъ этихъ плодовъ, мнѣ сдѣлалось хуже, что я умираю отъ медленнаго яда, и будто бы въ саду твоёмъ есть такое дерево...

— Правда,—молвилъ Леонардо,—у меня есть такое дерево.

— Что ты говоришь?... Неужели?..

— Нѣтъ, Богъ спасъ меня, если только плоды, въ самомъ дѣлѣ, изъ моего сада. Теперь я понимаю, откуда эти слухи: изучая дѣйствіе ядовъ, я хотѣлъ отравить персиковое дерево. Я сказалъ моему ученику Зорастро да-Перетолла, что персики отравлены. Но опытъ не удался. Плоды безвредны. Должно быть, ученикъ поторопился и сообщилъ кому-нибудь...

— Я такъ и зналъ,—воскликнулъ герцогъ радостно,—никто не виноватъ въ моей смерти! А между тѣмъ, всѣ они другъ друга подозреваютъ, ненавидятъ, боятся... О, если бы можно было сказать имъ все, какъ мы съ тобой теперь говоримъ! Дядя считаетъ себя моимъ убійцей, а я знаю, что онъ добрый, только слабый и робкій. Да и зачѣмъ бы ему убивать меня? Я самъ готовъ отдать ему власть. Ничего мнѣ не нужно... Я ушелъ бы отъ нихъ, жилъ бы на свободѣ, въ уединеніи, съ друзьями. Сдѣлался бы монахомъ или твоимъ ученикомъ, Леонардо. Но никто не хотѣлъ повѣрить, что я въ самомъ дѣлѣ не жалѣю власти... И зачѣмъ, Боже мой, зачѣмъ они теперь это сдѣлали? Не меня, себя они отравили невинными плодами твоего невиннаго дерева, бѣдные, слѣпые... Я прежде думалъ, что я несчастенъ, потому что долженъ умереть. Но теперь я понялъ все, учитель. Я

больше ничего не хочу, ничего не боюсь. Мнѣ хорошо, спокойно и такъ отрадно, какъ будто въ знойный день я сбросилъ съ себя пыльную одежду и вхожу въ чистую, холодную воду. О, другъ мой, я не умѣю сказать, но ты понимаешь, о чемъ я говорю? Ты вѣдь самъ такой...

Леонардо молча, съ тихою улыбкою, пожалъ ему руку.

— Я зналъ,—продолжалъ больной еще радостнѣе,—я зналъ, что ты поймешь меня... Помнишь, ты сказалъ мнѣ однажды, что созерцаніе вѣчныхъ законовъ механики, естественной необходимости учить людей великому смиренію и спокойствію? Тогда я не понималъ. Но теперь, въ болѣзни, въ одиночествѣ, въ бреду, какъ часто вспоминалъ я тебя, твое лицо, твой голосъ, каждое слово твое, учитель! Знаешь ли, мнѣ иногда кажется: разными путями мы пришли съ тобой къ одному, ты—въ жизни, я—въ смерти...

Двери открылись, вбѣжалъ карликъ съ испуганнымъ видомъ и объявилъ:

— Монна Друда!

Леонардо хотѣлъ уйти, но герцогъ его удержалъ.

Въ комнату вошла старая няня Джіанъ-Галеаццо, держа въ рукахъ небольшую стеклянку съ желтоватою мутною жидкостью—скорпионовою мазью.

Въ срединѣ лѣта, когда солнце—въ созвѣздіи Пса, ловили скорпионовъ, опускали ихъ живыми въ столѣтнее оливковое масло съ крестовикомъ, матридатомъ и змѣвикомъ, отстаивали на солнцѣ въ теченіе пятидесяти дней и каждый вечеръ мазали больному подъ мышками, виски, животъ и грудь около сердца. Знахарки утверждали, что нѣтъ лучшаго лѣкарства не только противъ всѣхъ ядовъ, но и противъ колдовства, навожденія и порчи.

Старуха, увидѣвъ Леонардо, сидѣвшаго на краю постели, остановилась, поблѣднѣла, и руки ея такъ затряслись, что она едва не выронила стеклянки.

— Съ нами сила Господня! Матерь пресвятая Богородица!..

Крестясь, бормоча молитвы, пятилась она къ двери

и, выйдя изъ комнаты, побѣжала такъ поспѣшно, какъ только позволяли ей старыя ноги, къ своей госпожѣ, мадоннѣ Изабеллѣ, сообщить страшную вѣсть.

Монна Друда была увѣрена, что злодѣй Моро и его приспѣшникъ Леонардо извели герцога, если не ядомъ, то глазомъ, порчею, вынутымъ слѣдомъ, или какими-либо другими бѣсовскими чарами.

Герцогиня молилась въ часовнѣ, стоя на колѣняхъ предъ образомъ.

Когда монна Друда доложила ей, что у герцога—Леонардо, она вскочила и воскликнула:

— Не можетъ быть! Кто его пустил?..

— Кто пустил?—пробормотала старуха, покачавъ головой.—Вѣрите ли, ваша свѣтлость, и ума не приложу, откуда онъ взялся, окаянный! Точно изъ земли выросъ или въ трубу влетѣлъ, прости Господи! Дѣло, видно, нечистое. Я уже давно докладывала вашей свѣтлости...

Въ часовню вошелъ пажъ и почтительно преклонилъ колѣно:

— Свѣтлѣйшая мадонна, угодно ли будетъ вамъ и вашему супругу принять его величество, христіаннѣйшаго короля Франціи?

VII.

КАРЛЬ VIII остановился въ нижнихъ покояхъ Павійскаго замка, роскошно убранныхъ для него герцогомъ Лодовико Моро.

Отдыхая послѣ обѣда, король слушалъ чтеніе только что по его заказу переведенной съ латинскаго на французскій языкъ, довольно безграмотной книги: «Чудеса Города Рима—*Mirabilia Urbis Romae*».

Одинокій, запуганный отцомъ своимъ, болѣзненный ребенокъ, Карль, проведя печальные годы въ пустынномъ замкѣ Амбуазѣ, воспитывался на рыцарскихъ романахъ, которые окончательно вскружили ему и безъ того уже слабую голову. Очутившись на престолѣ Франціи и вообразивъ себя героемъ сказочныхъ подвиговъ, во вкусѣ

тѣхъ, какіе повѣствуются о странствующихъ рыцаряхъ Круглаго Стола, Ланчелотъ и Тристанъ, двадцатилѣтній мальчакъ, неопытный и застѣнчивый, добрый и взыскательный, задумалъ исполнить на дѣлѣ то, что вычиталъ изъ книгъ. «Сынъ бога Марса, потомокъ Юлія Цезаря», по выраженію придворныхъ лѣтописцевъ, спустился онъ въ Ломбардію, во главѣ громаднаго войска, для завоеванія Неаполя, Сициліи, Константинополя, Іерусалима, для низверженія Великаго Турка, совершеннаго искорененія ереси Магометовой и освобожденія Гроба Господня отъ ига невѣрныхъ.

Слушая «Чудеса Рима» съ простодушнымъ довѣріемъ, король предвкушалъ славу, которую приобрѣтетъ завоеваніемъ столь великаго города.

Мысли его путались. Онъ чувствовалъ боль подъ ложечкой и тяжесть въ головѣ отъ вчерашняго, слишкомъ веселаго ужина съ миланскими дамами. Лицо одной изъ нихъ, Лукреціи Кривелли, всю ночь снилось ему.

Карль VIII ростомъ былъ малъ и лицомъ уродливъ. Ноги имѣлъ кривыя, тонкія, какъ спицы, плечи узкія, одно выше другого, впалую грудь, непомѣрно большой крючковатый носъ, волосы рѣдкіе, блѣдно-рыжіе, странный желтоватый пухъ вмѣсто усовъ и бороды. Въ рукахъ и въ лицѣ судорожное подергиваніе. Вѣчно открытыя, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыя губы, вздернутыя брови, громадные блѣсоватые и близорукіе глаза на выкатѣ придавали ему выраженіе унылое, разсѣянное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженное, какое бываетъ у людей слабыхъ умомъ. Рѣчь была невнятной и отрывочной. Разсказывали, будто бы король родился шестипалымъ, и для того, чтобы это скрыть, ввелъ при дворѣ безобразную моду широкихъ, закругленныхъ, наподобіе лошадиныхъ копытъ, мягкихъ туфель изъ чернаго бархата.

— Тибо, а, Тибо,—обратился онъ къ придворному валѣ-де-шамбру, прерывая чтеніе, со своимъ обычнымъ разсѣяннымъ видомъ, заикаясь и не находя нужныхъ словъ,—мнѣ, братецъ, того... какъ будто пить хочется. А?. Изжога, что ли?. Принеси-ка вина, Тибо...

Вошелъ кардиналъ Бриссонэ и доложилъ, что герцогъ ожидаетъ короля.

— А? А? Что такое? Герцогъ?... Ну, сейчасъ. Только выпью...

Карль взялъ кубокъ, поданный придворнымъ.

Бриссонэ остановилъ короля и спросилъ Тибо.

— Наше?

— Нѣтъ, монсиньоръ,—изъ здѣшняго погреба. У насъ все вышло.

Кардиналь выплеснулъ вино.

— Простите, ваше величество. Здѣшнія вина могутъ быть вредными для вашего здоровья. Тибо, вели кравчему сбѣгать въ лагерь и принести боченокъ изъ походнаго погреба.

— Почему? А? Что, что такое?...—бормоталъ король въ недоумѣніи.

Кардиналь шепнулъ ему на ухо, что опасается отравы, ибо отъ людей, которые уморили законнаго государя своего, можно ожидать всякаго предательства, и, хотя нѣтъ явныхъ уликъ, осторожность не мѣшаетъ.

— Э, вздоръ! Зачѣмъ? Хочется пить,—молвилъ Карль, подергивая плечомъ съ досадою, но покорился.

Герольды побѣждали впередъ.

Четыре пажы подняли надъ королемъ великолѣпный балдахинъ изъ голубого шелка, затканый серебряными французскими лиліями, сенешаль накиннулъ ему на плечи мантию съ горностаевой оторочкой, съ вышитыми по красному бархату, золотыми пчелами и рыцарскимъ девизомъ: «Король пчелъ не имѣетъ жала—*Le roi des abeilles n'a pas d'aiguillon*»,—и по мрачнымъ, запустѣлымъ покоемъ Павійскаго замка направилось шествіе въ комнаты умирающаго.

Проходя мимо часовни, Карль увидѣлъ герцогиню Изабеллу. Почтительно снялъ беретъ, хотѣлъ подойти и, по старозавѣтному обычаю Франціи, поцѣловать даму въ уста, назвавъ ее «милой сестрицей».

Но герцогиня подошла къ нему сама и бросилась къ его ногамъ.

— Государь,—начала она заранѣе приготовленную рѣчь,—сжался надъ нами! Богъ тебя наградить. Защити невинныхъ, рыцарь великодушный! Моро отнялъ у насъ все, похитилъ престолъ, отравилъ супруга моего, закон-

наго герцога миланскаго, Джіанъ-Галеаццо. Въ собственномъ домѣ своемъ окружены мы убійцами...

Карль плохо понималъ и почти не слушалъ того, что она говорила.

— А? А? Что такое?—лепеталъ онъ, точно спротонокъ, судорожно подергивая плечомъ и заикаясь.—Ну, ну, не надо... Прошу васъ... не надо же, сестрица... Встаньте, встаньте!

Но она не вставала, ловила его руки, цѣловала ихъ, хотѣла обнять его колѣни и, наконецъ, заплакавъ, воскликнула съ непритворнымъ отчаяніемъ:

— Если и вы меня покинете, государь, я наложу на себя руки!..

Король окончательно смутился, и лицо его болѣзненно сморщилось, какъ будто онъ самъ готовъ былъ заплакать.

— Ну, вотъ, вотъ!... Боже мой... я не могу... Бриссонэ... пожалуйста... я не знаю... скажи ей...

Ему хотѣлось убѣжать; она не пробуждала въ немъ никакого состраданія, ибо въ самомъ униженіи, въ отчаяніи была слишкомъ горда и прекрасна, похожа на величавую героиню трагедіи.

— Яснѣйшая мадонна, успокойтесь. Его величество сдѣлаетъ все, что можно, для васъ и для вашего супруга, мессира Жанъ-Галеасса,—молвилъ кардиналь вѣжливо и холодно, съ отѣнкомъ покровительства, произнося имя герцога по-французски.

Герцогиня оглянулась на Бриссонэ, внимательно посмотрѣла въ лицо королю и вдругъ, какъ будто теперь только поняла, съ кѣмъ говорить, умолкла.

Уродливый, смѣшной и жалкій, стоялъ онъ передъ нею съ открытыми, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыми губами, съ бессмысленной, напряженной и растерянной улыбкой, выкативъ огромные блѣсоватыя глаза.

«Я—у ногъ этого заморыша, слабоумца, я—внучка Фердинанда Арагонскаго!»

Встала; блѣдныя щеки ея вспыхнули. Король чувствовалъ, что необходимо сказать что-то, какъ-нибудь выйти изъ молчанія. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, задергалъ плечомъ, заморгалъ глазами и, пролепетавъ только свое

обычное: «А? А? Что такое?»—закнул, безнадежно махнул рукой и умолк.

Герцогиня смѣрила его глазами съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Карлъ опустилъ голову, уничтоженный.

— Бриссонэ, пойдемъ, пойдемъ... что ли... А?..

Пажи распахнули двери. Карлъ вошелъ въ комнату герцога.

Ставни были открыты. Тихій свѣтъ осенняго вечера падалъ въ окно сквозь высокія золотыя вершины парка.

Король подошелъ къ постели больного, назвалъ его двоюроднымъ братцемъ—mon cousin и спросилъ о здоровьѣ.

Джіанъ-Галеаццо отвѣтилъ съ такою привѣтливою улыбкою, что Карлу тотчасъ сдѣлалось легче, смущеніе прошло и онъ мало-по-малу успокоился.

— Господь да пошлетъ побѣду вашему величеству, государь!—сказалъ, между прочимъ, герцогъ.—Когда вы будете въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, помолитесь и за мою бѣдную душу, ибо къ тому времени я...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, какъ можно, что вы это? зачѣмъ?—перебилъ его король.—Богъ милостивъ. Вы поправитесь... Мы еще вмѣстѣ въ походъ пойдемъ, съ нечестивыми турками повоюемъ, вотъ помяните слово мое! А? Что?..

Джіанъ-Галеаццо покачалъ головою:

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ!

И, посмотрѣвъ прямо въ глаза королю глубокимъ испытующимъ взоромъ, прибавилъ:

— Когда я умру, государь, не покиньте моего мальчика, Франческо, а также Изабеллу: она несчастная,—нѣтъ у нея никого на свѣтѣ...

— Ахъ ты, Господи, Господи!—воскликнулъ Карлъ въ неожиданномъ, сильномъ волненіи; толстыя губы его дрогнули, углы ихъ опустились и, словно внезапнымъ внутреннимъ свѣтомъ, лицо озарилось необычайной доброю.

Онъ быстро наклонился къ больному и, обнявъ его съ порывистою нѣжностью, пролепеталъ:

— Братецъ мой, миленькій!.. Бѣдный ты мой, бѣдненькій!..

Оба улыбнулись другъ другу, какъ жалкія больныя дѣти,—и губы ихъ соединились въ братскомъ поцѣлуѣ.

Выйдя изъ комнаты герцога, король подозвалъ кардинала:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... знаешь, надо какъ-нибудь... того... а?... заступиться... Нельзя такъ, нельзя... Я—рыцарь... Надо защитить... слышишь?

— Ваше величество,—отвѣтилъ кардиналъ уклончиво,—онъ все равно умретъ. Да и чѣмъ могли бы мы помочь? Только себя повредимъ: герцогъ Моро—нашъ союзникъ...

— Герцогъ Моро—злѣйшій, вотъ что—да, человѣкоубійца!—воскликнулъ король, и глаза его сверкнули разумнымъ гнѣвомъ.

— Что же дѣлать?—молвилъ Бриссонэ, пожимая плечами, съ тонкой, снисходительною усмѣшкой.—Герцогъ Моро не хуже, не лучше другихъ. Политика, государь! Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

Кравчій поднесъ королю кубокъ французскаго вина. Карлъ выпилъ его съ жадностью. Вино оживило его и разсѣяло мрачныя мысли.

Вмѣстѣ съ кравчимъ вошелъ вельможа отъ герцога съ приглашеніемъ на ужинъ. Король отказался. Посланный умолялъ; но, видя, что просьбы не дѣйствуютъ, подошелъ къ Тибо и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и, въ свою очередь, шепнулъ королю:

— Ваше величество, мадонна Лукреція...

— А? Что?.. Что такое?.. Какая Лукреція?

— Та, съ которой вы изволили танцевать на вчерашнемъ балу.

— Ахъ, да, какъ же, какъ же... Помню... Мадонна Лукреція... Прехорошенькая!.. Ты говоришь, будетъ на ужинѣ?

— Будетъ непременно и умоляетъ ваше величество...

— Умоляетъ... Вотъ какъ! Ну что же, Тибо? А? Какъ ты полагаешь? Я, пожалуй... Все равно... Куда ни шло!.. Завтра въ походъ... Въ послѣдній разъ...

Поблагодарите герцога, мессиръ,—обратился онъ къ посланному,—и скажите, что я того... а?... пожалуй...

Король отвелъ Тибо въ сторону:

— Послушай, кто такая эта мадонна Лукреція?

— Любовница Моро, ваше величество.

— Любовница Моро, вотъ какъ! Жаль...

— Сиръ, только словечко,—и все мигомъ устроимъ.

Если угодно, сегодня же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно?... Я гость...

— Моро будетъ польщенъ, государь. Вы здѣшнихъ людишекъ не знаете...

— Ну, все равно, все равно. Какъ хочешь. Твое дѣло...

— Да ужъ будьте спокойны, ваше величество. Только словечко.

— Не спрашивай... Не люблю... Сказалъ — твое дѣло... Ничего не знаю... Какъ хочешь...

Тибо молча и низко поклонился.

Сходя съ лѣстницы, король опять нахмурился и съ безпомощнымъ усиліемъ мысли потеръ себѣ лобъ:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... Какъ ты думаешь?... Что бишь я хотѣлъ сказать?... Ахъ, да, да... Заступиться.. Невинный... Обида... Такъ нельзя. Я—рыцарь!..

— Сиръ, оставьте эту заботу, право же: намъ теперь не до того. Лучше потомъ, когда мы вернемся изъ похода, побѣдивъ турокъ, завоевавъ Иерусалимъ.

— Да, да, Иерусалимъ!—пробормоталъ король, и глаза его расширились, на губахъ выступила блѣдная и неясная мечтательная улыбка.

— Рука Господня ведетъ ваше величество къ побѣдамъ,—продолжалъ Бриссонэ, — перстъ Божій указываетъ путь крестоносному воинству.

— Перстъ Божій! Перстъ Божій!—повторилъ Карль VIII торжественно, подымая глаза къ небу.

VIII.

В ОСЕМЬ дней спустя, молодой герцогъ скончался. Передъ смертью онъ молилъ жену о свиданіи съ Леонардо. Она отказала ему: монна Друда увѣрила Изабеллу, что порченые всегда испытываютъ неодолимое и пагубное для нихъ желаніе видѣть того, кто навелъ на нихъ порчу. Старуха усердно мазала больного скорпіоновою мазью, врачи до конца мучили его кровопусканіями.

Онъ умеръ тихо.

— Да будетъ воля Твоя!—было послѣдними словами его.

Моро велѣлъ перенести изъ Павіи въ Миланъ и выставить въ соборѣ тѣло усопшаго.

Вельможи собрались въ Миланскій замокъ. Лодовико, увѣряя, что безвременная кончина племянника причиняетъ ему неимовѣрную скорбь, предложилъ объявить герцогомъ маленькаго Франческо, сына Джіанъ-Галеаццо, законнаго наслѣдника. Всѣ воспротивились и, утверждая, что не слѣдуетъ довѣрять несовершеннолѣтнему столь великой власти, отъ имени народа упрасивали Моро принять герцогскій жезлъ.

Онъ лицемѣрно отказывался; наконецъ, какъ бы по неволѣ уступилъ мольбамъ.

Принесли пышное одѣяніе изъ золотой парчи; новый герцогъ облекся въ него, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ церковь Сантъ-Амброджіо, окруженный толпою приверженцевъ, оглашавшихъ воздухъ криками: «да здравствуетъ Моро, да здравствуетъ герцогъ!»—при звукѣ трубъ, пущенныхъ выстрѣлахъ, звонѣ колоколовъ и безмолвіи народа.

На Торговой площади съ лоджии дельи-Озії, на южной сторонѣ дворца Ратуши, въ присутствіи старѣйшинъ, консуловъ, именитыхъ гражданъ и синдиковъ, прочитана была герольдомъ «привилегія», дарованная герцогу Моро вѣчнымъ Августомъ Священной Римской Имперіи, Максимилианомъ:

«Maximilianus divina favente clementia Romanorum Rex

semper Augustus — всѣ области, земли, города, селенія, замки и крѣпости, горы, пастбища и равнины, лѣса, луга, пустоши, рѣки, озера, охоты, рыбныя ловли, солончаки, руды, владѣнія вассаловъ, маркизовъ, графовъ, бароновъ, монастыри, церкви, приходы — всѣхъ и все даруемъ тебѣ, Лодовико Сфорца, и наслѣдникамъ твоимъ, утверждаемъ, назначаемъ, возвышаемъ, избираемъ тебя и сыновей твоихъ и внуковъ, и правнуковъ въ самодержавныя власти Ломбардіи до скончанія вѣковъ».

Черезъ нѣсколько дней объявлено было торжественное перенесеніе въ соборъ величайшей святыни Милана, одного изъ тѣхъ гвоздей, коими распятъ былъ Господь на крестѣ.

Моро надѣялся угодить народу и укрѣпить свою власть этимъ празднествомъ.

IX.

НОЧЬЮ, на площади Аренго, передъ виннымъ погребомъ Тибальдо, собралась толпа. Здѣсь былъ Скарабулло лудильщикъ, златошвей Маскарелло, скорнякъ Мазо, башмачникъ Кѳрболо и выдувальщикъ стекла Горгольо.

Посрединѣ толпы, стоя на боченкѣ, доминиканецъ фра Тимотео проповѣдывалъ:

— Братья, когда св. Елена подъ капищемъ богини Венеры обрѣла живоносное Древо Креста и прочія орудія страстей Господнихъ, зарытыя въ землю язычниками, — императоръ Константинъ, взявъ единый отъ святѣйшихъ и страшныхъ гвоздей сихъ, велѣлъ кузнецамъ задѣлать его въ удила боевого коня своего, да исполнится слово пророка Захаріи: «будетъ сущее надъ конскою уздою святыня Господу». И сія неизреченная святыня даровала ему побѣду надъ врагами и супостатами Римской Имперіи. По смерти кесаря гвоздь былъ утраченъ и черезъ долгое время найденъ великимъ святителемъ, Амвросіемъ Медиоланскимъ въ городѣ Римѣ, въ лавкѣ нѣкоего Паолино, торговца старымъ желѣзомъ, перевезенъ въ Миланъ, и съ той поры нашъ городъ обладаетъ самымъ

драгоценнымъ и святѣйшимъ изъ гвоздей — тѣмъ, коимъ пронзена правая длань всемогущаго Бога на Древѣ Спасенія. Точная мѣра длины его — пять онцій съ половиной. Будучи длиннѣе и толще римскаго, имѣетъ онъ и остріе, тогда какъ римскій притупленъ. Въ теченіе трехъ часовъ находился нашъ гвоздь во длани Спасителя, какъ это доказываетъ ученый падре Алессіо многими тончайшими силлогизмами.

Фра Тимотео остановился на мгновеніе, потомъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, воздѣвая руки къ небу:

— Нынѣ же, возлюбленные мои, совершается великое непотребство: Моро, злодѣй, челоуѣкоубійца, похититель престола, соблазняя народъ нечестивыми праздниками, святѣйшимъ гвоздемъ укрѣпляетъ свой шаткій престолъ!

Толпа зашумѣла.

— И знаете ли вы, братья мои, — продолжалъ монахъ, — кому поручилъ онъ устройство машины для вознесенія гвоздя въ главномъ куполѣ собора надъ алтаремъ?

— Кому?

— Флорентинцу Леонардо да-Винчи!

— Леонардо? Кто такой? — спрашивали одни.

— Знаемъ, — отвѣчали другіе, — тотъ самый, что молодого герцога плодами отравилъ...

— Колдунъ, еретикъ, безбожникъ!

— А какъ же слышалъ я, братцы, — робко заступился Кѳрболо, — будто бы этотъ мессеръ Леонардо челоуѣкъ добрый? Зла никому не дѣлаетъ, не только людей, но и всякую тварь милуетъ...

— Молчи, Кѳрболо! Чего вздоръ мелешь?

— Развѣ можетъ быть добрымъ колдунъ?

— О, чада мои, — объяснилъ фра Тимотео, — нѣкогда скажутъ люди и о великомъ Обольстителѣ, о Грядущемъ во тьмѣ: «онъ добръ, онъ благъ, онъ совершененъ», — ибо ликъ его подобенъ лику Христа, и данъ ему будетъ голосъ увѣтливый, сладостный, какъ звукъ цѣвницы. И многихъ соблазнитъ милосердіемъ лукавымъ. И созоветъ съ четырехъ вѣтровъ неба племена и народы, какъ созываетъ куропатка обманчивымъ крикомъ въ гнѣздо свое чужой выводокъ. Бодрствуйте же, братья мои! Се ангелъ

мрака князь міра сего, именуемый Антихристомъ, придетъ въ образѣ человѣческомъ: флорентинецъ Леонардо—слуга и предтеча Антихриста!

Выдувальщикъ стекла Горгольо, который ничего не слыхивалъ о Леонардо, молвилъ съ увѣренностью:

— Истинно такъ! Онъ душу дьяволу продалъ и собственной кровью договоръ подписалъ.

— Заступись, Матерь Пречистая, и помилуй!—верещала торговка Барбаччіа. — Намедни сказывала дѣвка Стамма—въ судомойкахъ она у палача тюремнаго—будто бы мертвыя тѣла этотъ самый Леонардо, не къ ночи будь помянуть, съ висѣлицъ воруетъ, ножами рѣжетъ, потрошитъ, кишки выматываетъ...

— Ну, это не твоего ума дѣла, Барбаччіа, — замѣтилъ съ важностью Кѳрболо,—это наука, именуемая анатоміей...

— Машину, говорятъ, изобрѣлъ, чтобы по воздуху летать на птичьихъ крыльяхъ, — сообщилъ златошвей Маскарелло.

— Древній крылатый змій Веліаръ возстаетъ на Бога,—пояснилъ опять фра Тимотео. — Симонъ Волхвъ тоже поднялся на воздухъ, но былъ низверженъ апостоломъ Павломъ.

— По морю ходитъ, какъ по суху, — объявилъ Скарабулло:—«Господь, молъ, ходилъ по водѣ, и я пойду»,—вотъ какъ богохульствуетъ!

— Въ стеклянномъ колоколѣ на дно моря опускается,—добавилъ скорнякъ Мазо.

— И, братцы, не вѣрьте! На что ему колоколъ? Обернется рыбой и плаваетъ, обернется птицей и летаетъ!—рѣшилъ Горгольо.

— Вишь ты, оборотень окаанный, чтобы ему издохнуть!

— И чего отцы инквизиторы смотреть? На костеръ бы!

— Коль ему осиновый въ горло!

— Увы, увy! Горе намъ, возлюбленные! — возопилъ фра Тимотео.—Святѣйшій гвоздь, святѣйшій гвоздь — у Леонардо!

— Не быть тому! — закричалъ Скарабулло, сжимая

кулаки, — умремъ, а не дадимъ святыни на поруганіе. Отнимемъ гвоздь у безбожника!

— Отомстимъ за гвоздь! Отомстимъ за убитаго герцога!

— Куда вы, братцы? — всплеснулъ руками башмачникъ.—Сейчасъ, обходи ночной стражи. Капитанъ Джустиціи...

— Къ чорту капитана Джустиціи! Ступай подъ юбку къ женѣ своей, Кѳрболо, ежели трусишь!

Вооруженная палками, кольями, бердышами, камнями, съ крикомъ и бранью, двинулась толпа по улицамъ.

Впереди шель монахъ, держа распятіе въ рукахъ, и пѣлъ псаломъ:

«Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его, и да бѣгутъ отъ лица Его ненавидящіе Его».

«Какъ исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ, какъ воскъ отъ огня, такъ нечестивые да погибнуть отъ лица Господня».

Смоляные факелы дымились и трещали. Въ ихъ багровомъ отблескѣ блѣднѣлъ опрокинутый серпъ одинокаго мѣсяца. Меркли тихія звѣзды.

Х.

ЛЕОНАРДО работалъ въ своей мастерской надъ машиной для подъема святѣйшаго гвоздя. Зороастро дѣлалъ круглый ящикъ со стеклами и золотыми лучами, въ которомъ должна была храниться святыня. Въ темномъ углу мастерской сидѣлъ Джіованни Бельтраффіо, изрѣдка поглядывая на учителя.

Погруженный въ изслѣдованіе вопроса о передачѣ силы посредствомъ блоковъ и рычаговъ, Леонардо забылъ машину.

Только что кончилъ онъ сложное вычисленіе. Внутренняя необходимость разума—законъ математики оправдывалъ выѣшнюю необходимость природы—законъ механики: двѣ великія тайны сливались въ одну, еще болѣе шую.

— Никогда не избобрѣтутъ люди,—думалъ онъ съ тихой улыбкой,—ничего столь простого и прекраснаго, какъ явленіе природы. Божественная необходимость принуждаетъ законами своими вытекать изъ причины слѣдствіе кратчайшимъ путемъ.

Въ душѣ его было знакомое чувство благоговѣйнаго изумленія передъ бездною, въ которую онъ заглядывалъ,—чувство, не похожее ни на одно изъ другихъ доступныхъ людямъ чувствъ.

На поляхъ, рядомъ съ чертежомъ подъемной машины для святѣйшаго гвоздя, рядомъ съ цифрами и вычислениями, написалъ онъ слова, которыя въ сердцѣ его звучали, какъ молитва:

«О дивная справедливость Твоя, первый Двигатель! Ты не пожелалъ лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій, ибо, ежели должно ей подвинуть тѣло на сто локтей, и на пути встрѣчается преграда, Ты повелѣлъ, чтобы сила удара произвела новое движеніе, получая замѣну непройденнаго пути, различными толчками и сотрясеніями,—о, божественная необходимость Твоя, первый Двигатель!»

Раздался громкій стукъ въ наружную дверь дома, пѣніе псалмовъ, брань и вопль разъяренной толпы.

Джіованни и Зороастро побѣжали узнать, что случилось.

Стряпуха Матурина, только что вскочившая съ постели, полуодѣтая, растрепанная, бросилась въ комнату съ крикомъ:

— Разбойники! Разбойники! Помогите! Матерь Пресвятая, помилуй насъ!..

Вошелъ Марко д'Оджіоне съ аркебузомъ въ рукахъ и поспѣшно заперъ ставни на окнахъ.

— Что это, Марко?—спросилъ Леонардо.

— Не знаю. Какіе-то негодяи ломаются въ домъ. Должно быть, монахи взбунтовали чернь.

— Чего они хотятъ?

— Чортъ ихъ разберетъ, сволочь полоумную! Святѣйшаго гвоздя требуютъ.

— У меня его нѣтъ: онъ въ ризницѣ у архіепископа Арчимбольдо.

— Я и то говорилъ. Не слушаютъ, бѣснуются. Вашу милость отравителемъ герцога Джіанъ-Галеаццо называютъ, колдуномъ и безбожникомъ.

Крики на улицѣ усиливались:

— Отоприте! Отоприте! Или гнѣздо ваше проклятое спалимъ! Подождите, доберемся до шкуры твоей, Леонардо, Антихристъ окаанный!

— Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги его!—возглашалъ фра Тимотео, и съ пѣніемъ его сливался пронзительный свистъ шалуна Фарфаниккіо.

Въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джьякопо, вскочилъ на подоконникъ, отворилъ ставню и хотѣлъ выпрыгнуть на дворъ, но Леонардо удержалъ его за край платья.

— Куда ты?

— За боровьеррами: стража капитана Джустиціи въ этотъ часъ неподалеку проходитъ.

— Что ты? Богъ съ тобою, Джьякопо, тебя поймаютъ и убьютъ.

— Не поймаютъ! Я черезъ стѣну къ теткѣ Труллѣ въ огородъ, потомъ въ канаву съ лопухомъ, и задворками... А если и убьютъ, лучше пусть меня, чѣмъ васъ!

Оглянувшись на Леонардо съ нѣжной и храброй улыбкой, мальчикъ вырвался изъ рукъ его, выскочилъ въ окно, крикнувъ со двора: «выручу, не бойтесь!»—и хлопнулъ ставню.

— Шалунъ, бѣсенокъ,—покачала головой Матурина,—а вотъ въ бѣдѣ-то пригодился. И вправду, пожалуй, выручить...

Зазвенѣли разбитыя стекла въ одномъ изъ верхнихъ оконъ.

Стряпуха жалобно вскрикнула, всплеснула руками, выбѣжала изъ комнаты, нащупала въ темнотѣ крутую лѣстницу погреба, скатилась по ней и, какъ потомъ сама рассказывала, залѣзла въ пустую винную бочку, гдѣ и просидѣла бы до утра, если бы ее не вытащили.

Марко побѣжалъ наверхъ запирать ставни.

Джіованни вернулся въ мастерскую, хотѣлъ опять сѣсть въ свой уголъ, съ блѣднымъ, убитымъ и ко всему

равнодушнымъ лицомъ, но посмотрѣлъ на Леонардо, подошелъ и вдругъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Что съ тобой? О чемъ ты, Джіованни?

— Они говорятъ, учитель... Я знаю, это неправда... Я не вѣрю... Но скажите... ради Бога, скажите мнѣ сами!..

И не кончилъ, задыхаясь отъ волненія.

— Ты сомнѣваешься,—молвилъ Леонардо съ печальной усмѣшкой,—правду ли они говорятъ, что я убійца?

— Одно слово, только слово, учитель, изъ вашихъ устъ!..

— Что я могу тебѣ сказать, другъ мой? И зачѣмъ? Все равно ты не повѣришь, если могъ усомниться...

— О, мессэръ Леонардо!—воскликнулъ Джіованни.—Я такъ измучился, я не знаю, что со мной... я съ ума схожу, учитель... Помогите! Сжальтесь! Я больше не могу... Скажите, что это неправда!..

Леонардо молчалъ.

Потомъ, отвернувшись, молвилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— И ты съ ними, и ты противъ меня!..

Послышались такіе удары, что весь домъ задрожалъ: лудильщикъ Скарабулло рубилъ дверь топоромъ.

Леонардо прислушался къ воплямъ черни, и сердце его сжалось отъ знакомой тихой грусти, отъ чувства безпредѣльнаго одиночества.

Онъ опустилъ голову; глаза его упали на строки, только что имъ написанныя:

«О дивная справедливость твоя, первый Двигатель!»

«Такъ,—подумалъ онъ,—все благо, все отъ Тебя!»

Онъ улыбнулся и съ великой покорностью повторилъ слова умирающаго герцога Джіанъ-Галеаццо:

«Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ».

ШЕСТАЯ КНИГА.

Дневникъ Джіованни Бельтраффіо.

Я поступилъ въ ученики къ флорентинскому мастеру Леонардо да-Винчи 25 Марта 1494 года.

Вотъ порядокъ ученія: перспектива, размѣры и пропорціи человѣческаго тѣла, по образцамъ хорошихъ мастеровъ, рисованіе съ натуры.

* * *

Сегодня товарищъ мой Марко д'Оджіоне далъ мнѣ книгу о перспективѣ, записанную со словъ учителя. Начинается такъ:

«Наибольшую радость тѣлу даетъ свѣтъ солнца; наибольшую радость духу—ясность математической истины. Вотъ почему науку о перспективѣ, въ которой созерцаніе свѣтлой линіи—величайшая отрада глазъ—соединяется съ ясностью математики—величайшею отрадой ума,—должно предпочитать всѣмъ остальнымъ человѣческимъ изслѣдованіямъ и наукамъ. Да просвѣтитъ же меня сказавшій о Себѣ: «Я есмь Свѣтъ истинный», и да поможетъ изложить науку о перспективѣ, науку о Свѣтѣ. И я раздѣляю эту книгу на три части: первая—уменьшеніе вдали объема предметовъ, вторая—уменьшеніе ясности цвѣта, третья—уменьшеніе ясности очертаній».

* * *

Мастеръ заботится обо мнѣ, какъ о родномъ: узнавъ, что я бѣденъ, не захотѣлъ принять условленной ежемѣсячной платы.

* * *

Учитель сказалъ:

— Когда ты овладѣешь перспективой и будешь знать наизусть пропорціи человѣческаго тѣла, наблюдай усердно во время прогулокъ движенія людей—какъ стоятъ они, ходятъ, разговариваютъ и спорятъ, хохочутъ и дерутся, какія при этомъ лица у нихъ и у тѣхъ зрителей, которые желаютъ разнять ихъ, и тѣхъ, которые молча наблюдаютъ; все это отмѣчай и зарисовывай карандашомъ, какъ можно скорѣе, въ маленькую книжку изъ цвѣтной бумаги, которую неотлучно имѣй при себѣ, когда же наполнится она, замѣняй другою, а старую откладывай и береги. Помни, что не слѣдуетъ уничтожать и стирать эти рисунки, но хранить, ибо движенія тѣлъ такъ безконечны въ природѣ, что никакая человѣческая память не можетъ ихъ удержать. Вотъ почему смотри на эти наброски, какъ на своихъ лучшихъ наставниковъ и учителей.

Я завелъ себѣ такую книжку и каждый вечеръ записываю слышанныя въ теченіе дня достопамятныя слова учителя.

* * *

Сегодня встрѣтилъ въ переулкѣ лоскутницъ, недалеко отъ собора, дядю моего, стекольнаго мастера Освальда Ингрима. Онъ сказалъ мнѣ, что отрекается отъ меня, что я погубилъ душу свою, поселившись въ домѣ безбожника и еретика Леонардо. Теперь я совсѣмъ одинъ: нѣтъ у меня никого на свѣтѣ—ни родныхъ, ни друзей—кромя учителя. Я повторяю прекрасную молитву Леонардо: «да просвѣтитъ меня Господь, Свѣтъ міра, и да поможетъ изучить перспективу, науку о свѣтѣ Его». Неужели это слова безбожника?

* * *

Какъ бы ни было мнѣ тяжело, стоитъ взглянуть на лицо его, чтобы на душѣ сдѣлалось легче и радостнѣе.

Какіе у него глаза—ясные, блѣдно-голубые и холодные, точно ледъ; какой тихій, пріятный голосъ, какая улыбка! Самые злые, упрямые люди не могутъ противиться вкрадчивымъ словамъ его, если онъ желаетъ склонить ихъ на «да» или «нѣтъ». Я часто подолгу смотрю на него, какъ онъ сидитъ за рабочимъ столомъ, погруженный въ задумчивость, и привычнымъ медленнымъ движеніемъ тонкихъ пальцевъ перебираетъ, разглаживаетъ длинную, выющую и мягкую, какъ шелкъ дѣвичьихъ кудрей, золотистую бороду. Ежели съ кѣмъ-нибудь говорить, то обыкновенно прищуриваетъ одинъ глазъ съ немного лукавымъ, насмѣшливымъ и добрымъ выраженіемъ: кажется тогда, взоръ его изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проникаетъ въ самую душу.

* * *

Одѣвается просто; не терпитъ пестроты въ нарядахъ и новыхъ модъ. Не любитъ никакихъ духовъ. Но бѣлье у него изъ тонкаго реннского полотна, всегда бѣлое, какъ снѣгъ. Черный бархатный беретъ безъ всякихъ украшеній, медалей и перьевъ. Поверхъ чернаго камзола—длинный до колѣнъ темно-красный плащъ съ прямыми складками, стариннаго покроя. Движенія плавны и спокойны. Несмотря на скромное платье, всегда, гдѣ бы ни былъ онъ, среди вельможъ или въ толпѣ народа, у него такой видъ, что нельзя не замѣтить его: не похожъ ни на кого.

* * *

Все умѣетъ, знаетъ все: отличный стрѣлокъ изъ лука и арбалета, наѣздникъ, пловецъ, мастеръ фехтованія. Однажды видѣлъ я его въ состязаніи съ первыми силачами народа: игра состояла въ томъ, что подбрасывали въ церкви маленькую монету такъ, чтобы она коснулась самой середины купола. Мессеръ Леонардо побѣдилъ всѣхъ ловкостью и силой.

Онъ лѣвшинъ. Но лѣвою рукою, съ виду нѣжной и тонкой, какъ у молодой женщины, сгибаетъ желѣзныя подковы, перекручиваетъ языкъ мѣднаго колокола и ею же, рисуя лицо прекрасной дѣвушки, наводитъ прозрачныя

тѣни прикосновеніями угля или карандаша, легкими, какъ трепетанія крыльевъ бабочки.

* * *

Сегодня послѣ обѣда кончалъ при мнѣ рисунокъ, который изображаетъ склоненную голову Дѣвы Маріи, внимающей благовѣстію Архангела. Изъ-подъ головной повязки, украшенной жемчугомъ и двумя голубиными крыльями, стыдливо играя съ вѣяніемъ ангельскихъ крылъ, выбиваются пряди волосъ, заплетенныхъ, какъ у флорентинскихъ дѣвушекъ, въ прическу, по виду небрежную, на самомъ дѣлѣ,—искусную. Красота этихъ вьющихся кудрей плѣняетъ, какъ странная музыка. И тайна глазъ ея, которая какъ будто просвѣчиваетъ сквозь опущенныя вѣки съ густою тѣнью рѣсницъ, похожа на тайну подводныхъ цвѣтовъ, видимыхъ сквозь прозрачныя волны, но недостигаемыхъ.

Вдругъ въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джьякопо и, прыгая, хлопая въ ладоши, закричалъ:

— Уроды! Уроды! Мессэръ Леонардо, ступайте скорѣе на кухню! Я привелъ вамъ такихъ красавчиковъ, что останетесь довольны!

— Откуда?—спросилъ учитель.

— Съ паперти у Сантъ-Амброджіо. Ниціе изъ Бергамо. Я сказалъ, что вы угостите ихъ ужиномъ, если они позволятъ снять съ себя портреты.

— Пусть подождутъ. Я сейчасъ кончу рисунокъ.

— Нѣтъ, мастеръ, они ждать не будутъ: назадъ въ Бергамо до ночи торопятся. Да вы только взгляните—не пожалѣете! Стоитъ, право же, стоитъ! Вы себя представить не можете, что за чудовища!

Покинувъ неоконченный рисунокъ Дѣвы Маріи, учитель пошелъ въ кухню. Я за нимъ.

Мы увидѣли двухъ чинно сидѣвшихъ на лавкѣ братьевъ-стариковъ, толстыхъ, точно водяною раздутыхъ, съ отвратительными, отвислыми опухолями громадныхъ зобовъ на шеѣ—болѣзнию, обычною среди обитателей Бергамскихъ горъ,—и жену одного изъ нихъ, сморщенную,

худенькую старушонку, по имени Паучиха, вполне достойную этого имени.

Лицо Джьякопо сіяло гордостью:

— Ну, вотъ, видите,—шепталъ онъ,—я же говорилъ, что вамъ понравится! Я ужъ знаю, что нужно...

Леонардо подсѣлъ къ уродамъ, велѣлъ подать вина, сталъ ихъ потчевать, любезно разспрашивать, смѣшнить глупыми побасенками. Сперва они дичились, поглядывали недовѣрчиво, должно быть, не понимая, зачѣмъ ихъ сюда привели. Но когда онъ рассказалъ имъ площадную новеллу о мертвомъ жидѣ, изрѣзанномъ на мелкіе куски своимъ соотечественникомъ, чтобы избѣжать закона, воспрещавшаго погребеніе жидовъ на землѣ города Болоньи, замаринованномъ въ бочку съ медомъ и ароматами, отправленномъ въ Венецію съ товарами на кораблѣ и нечаянно съѣденномъ однимъ флорентинскимъ путешественникомъ-христіаниномъ,—Паучиху сталъ разбирать смѣхъ. Скоро всѣ трое, опьянѣвъ, захохотали съ отвратительными ужимками. Я въ смущеніи потупилъ глаза и отвернулся, чтобы не видѣть. Но Леонардо смотрѣлъ на нихъ съ глубокимъ, жаднымъ любопытствомъ, какъ ученый, который дѣлаетъ опытъ. Когда уродство ихъ достигло высшей степени, взялъ бумагу и началъ рисовать эти мерзостныя рожи тѣмъ самымъ карандашомъ, съ тою же любовью, съ которой только что рисовалъ божественную улыбку Дѣвы Маріи.

Вечеромъ показывалъ мнѣ множество каррикатуръ не только людей, но и животныхъ—страшныя лица, похожія на тѣ, что преслѣдуютъ больныхъ въ бреду. Въ звѣрскомъ мелькаетъ человѣческое, въ человѣческомъ звѣрское, одно переходитъ въ другое легко и естественно, до ужаса. Я запомнилъ морду дикобраза съ колючими ошестинившимися иглами, съ отвислою нижнею губою, болтающеюся, мягкой и тонкою, какъ тряпка, обнажившею въ гнусной человѣческой улыбкѣ продолговатые, какъ миндалины, бѣлые зубы. Я также никогда не забуду лица старухи съ волосами, вздернутыми кверху въ дикую, безумную прическу, съ жидкою косичкою сзади, съ гигантскимъ лысымъ лбомъ, расплюснутымъ носомъ, крохотнымъ, какъ бородавка, и чудовищно-

толстыми губами, напоминавшими тѣ дряблые, осклизлые грибы, которые растутъ на гнилыхъ пняхъ. И всего ужаснѣе то, что эти уроды кажутся знакомыми, какъ будто гдѣ-то уже видѣлъ ихъ, и что-то есть въ нихъ соблазнительное, что отталкиваетъ и въ то же время притягиваетъ, какъ бездна. Смотришь, ужасаешься—и нельзя оторвать отъ нихъ глазъ такъ же, какъ отъ божественной улыбки Дѣвы Маріи.

И тамъ, и здѣсь—удивленіе, какъ передъ чудомъ.

* * *

Чезаре да-Сесто рассказываетъ, что Леонардо, встрѣтивъ гдѣ-нибудь въ толпѣ на улицѣ любопытнаго урода, въ теченіе цѣлаго дня можетъ слѣдовать за нимъ и наблюдать, стараясь запомнить лицо его. Великое уродство въ людяхъ, говоритъ учитель, такъ же рѣдко и необычайно, какъ великая прелесть: только среднее—обычно.

* * *

Онъ изобрѣлъ странный способъ запоминать чело-вѣческія лица. Полагаетъ, что носы у людей бываютъ трехъ родовъ: или прямые, или съ горбиной, или съ выемкой. Прямые могутъ быть или короткими, или длинными, съ концами тупыми или острыми. Горбина находится или вверху носа, или внизу, или посерединѣ—и такъ далѣе для каждой части лица. Всѣ эти безчисленныя подраздѣленія, роды и виды, отмѣченные цифрами, заносятся въ особую разграфленную книжку. Когда художникъ гдѣ-нибудь на прогулкѣ встрѣчаетъ лицо, которое желаетъ запомнить, ему стоитъ лишь отмѣтить значкомъ соотвѣтствующій родъ носа, лба, глазъ, подбородка и, такимъ образомъ, посредствомъ ряда цифръ закрѣпляется въ памяти какъ бы мгновенный снимокъ съ живого лица. На свободѣ, вернувшись домой, соединяетъ эти части въ одинъ образъ.

Придумалъ также маленькую ложечку для безукоризненно-точного, математическаго измѣренія количества краски при изображеніи постепенныхъ, глазомъ едва

уловимыхъ, переходовъ свѣта въ тѣнь и тѣни въ свѣтъ. Если, напримѣръ, для того, чтобы получить опредѣленную степень густоты тѣни, нужно взять десять ложечекъ черной краски, то для полученія слѣдующей степени должно взять одиннадцать, потомъ двѣнадцать, тринадцать и такъ далѣе. Каждый разъ, зачерпнувъ краски, срѣзываютъ горку, сравниваютъ ее стекляннымъ наугольникомъ: такъ на рынкѣ равняютъ мѣру, насыпанную зерномъ.

* * *

Марко д'Оджіоне—самый прилежный и добросовѣстный изъ учениковъ Леонардо. Работаетъ, какъ волкъ, выполняетъ съ точностью всѣ правила учителя; но, повидимому, чѣмъ больше старается, тѣмъ меньше успѣваетъ. Марко упрямъ: что забралъ себѣ въ голову, и гвоздемъ не вышибешь. Убѣжденъ, что «терпѣніе и трудъ все перетрутъ»,—и не теряетъ надежды сдѣлаться великимъ художникомъ. Больше всѣхъ насъ радуется изобрѣтеніямъ учителя, которыя сводятъ искусство къ механикѣ. Намедни, захвативъ съ собою книжечку съ цифрами для запоминанія лицъ, отправился на площадь Бролетто, выбралъ лица въ толпѣ и отмѣтилъ ихъ значками въ таблицѣ. Но когда вернулся домой, сколько ни бился, никакъ не могъ соединить отдѣльныя части въ живое лицо. Такое же горе вышло у него съ ложечкой для измѣренія черной краски: несмотря на то, что онъ въ своей работѣ соблюдаетъ математическую точность, тѣни остаются непрозрачными и неестественными, такъ же, какъ лица деревянными и лишенными всякой прелести. Марко объясняетъ это тѣмъ, что не выполнилъ всѣхъ правилъ учителя, и удваиваетъ усердіе. А Чезаре да-Сесто злорадствуетъ.

— Добрѣйшій Марко,—говоритъ онъ,—истинный мученикъ искусства! Примѣръ его доказываетъ, что всѣ эти хваленныя правила, и ложечки, и таблицы для носовъ ни къ чорту не годятся. Мало знать, какъ рождаются дѣти, для того, чтобы родить. Леонардо только себя и другихъ обманываетъ: говоритъ одно, дѣлаетъ другое. Когда пишетъ, не думаетъ ни о какихъ правилахъ, а

только слѣдуетъ вдохновенію. Но ему недостаточно быть великимъ художникомъ, онъ хочетъ быть и великимъ ученымъ, хочетъ примирить искусство и науку, вдохновение и математику. Я, впрочемъ, боюсь, что, погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаетъ!

Быть можетъ, въ словахъ Чезаре есть доля правды. Но за что онъ такъ не любитъ учителя? Леонардо прощаетъ ему все, охотно выслушиваетъ его злыя, насмѣшливыя рѣчи, цѣнитъ умъ его и никогда не сердится.

* * *

Я наблюдаю, какъ онъ работаетъ надъ Тайной Вечерей. Рано поутру, только что солнце встанетъ, уходитъ изъ дому, отправляется въ монастырскую трапезную и въ теченіе цѣлаго дня, пока не стемнѣетъ, пишетъ, не выпуская кисти изъ рукъ, забывая о пищѣ и питьѣ. А то проходитъ недѣля, другая—не дотрагивается до кистей; но каждый день простаиваетъ два, три часа на подмосткахъ передъ картиной, разсматривая и обсуждая то, что сдѣлано; иногда въ полдень, въ самую жару, бросая начатое дѣло, по опустѣвшимъ улицамъ, не выбирая тѣневой стороны, какъ будто увлекаемый невидимой силой, бѣжитъ въ монастырь, взлѣзаетъ на подмости, дѣлаетъ два, три мазка и тотчасъ уходитъ.

* * *

Всѣ эти дни работалъ надъ головой апостола Іоанна. Сегодня долженъ былъ кончить. Но, къ удивленію моему, остался дома и съ утра, вмѣстѣ съ маленькимъ Джьякопо, занялся наблюденіемъ надъ полетомъ шмелей, осъ и мухъ. Такъ погруженъ въ изученіе устройства ихъ тѣла и крыльевъ, словно отъ этого зависятъ судьбы міра. Обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему, когда нашелъ, что заднія лапки служатъ мухамъ вмѣсто руля. По мнѣнію учителя это чрезвычайно полезно и важно для изобрѣтенія летательной машины. Можетъ быть. Но все же обидно, что голова апостола Іоанна покинута для изслѣдованія мушиныхъ лапокъ.

* * *

Сегодня новое горе. Мухи забыты, какъ и Тайная Вечеря. Сочиняетъ сложный, тонкій узоръ для герба несуществующей, но предполагаемой герцогомъ, миланской академіи живописи—четыреугольникъ изъ переплетенныхъ, безъ конца, безъ начала, свивающихся веревочныхъ узловъ, которые окружаютъ латинскую надпись: *Leonardi Vinci Achademia*. Такъ поглощенъ отдѣлкой узора, какъ будто ничего болѣе въ мірѣ не существуетъ, кромѣ этой трудной и бесполезной игры. Кажется, никакія силы не могли бы его оторвать отъ нея. Я не вытерпѣлъ и рѣшился напомнить о неоконченной головѣ апостола Іоанна. Онъ пожалъ плечами и, не подымая глазъ отъ веревочныхъ узловъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Не уйдетъ, успѣемъ.

Я иногда понимаю злобу Чезаре.

* * *

Герцогъ Моро поручилъ ему устройство во дворцѣ слуховыхъ трубъ, скрытыхъ въ толщѣ стѣнъ, такъ называемаго Діонисіева уха, которое позволяетъ государю подслушивать изъ одного покоя то, что говорится въ другомъ. Сначала мастеръ съ большимъ увлеченіемъ принялся за проведеніе трубъ. Но скоро, по обыкновенію, охладѣлъ и сталъ откладывать подъ разными предлогами. Герцогъ торопитъ и сердится. Сегодня поутру нѣсколько разъ присылали изъ дворца. Но учитель занять новымъ дѣломъ, которое кажется ему не менѣе важнымъ, чѣмъ устройство Діонисіева уха,—опытами надъ растениями: обрѣзавъ корни у тыквы и оставивъ одинъ маленький корешокъ, обильно питаетъ его водою. Къ немалой радости его, тыква не засохла, и мать, какъ онъ выражается, благополучно выкормила всѣхъ своихъ дѣтей—около шестидесяти длинныхъ тыквъ. Съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью слѣдилъ онъ за жизнью этого растенія! Сегодня до зари просидѣлъ на огородной грядкѣ, наблюдая, какъ широкіе листья пьютъ ночную росу. «Земля,—говоритъ онъ,—поить растенія влагою, небо росой, а солнце даетъ

имъ душу», ибо онъ полагаетъ, что не только у человека, но и у животныхъ, даже у растений есть душа—мнѣніе, которое фра Бенедетто считаетъ весьма еретическимъ.

* * *

Любить всѣхъ животныхъ. Иногда цѣлыми днями наблюдаетъ и рисуетъ кошекъ, изучаетъ ихъ нравы и привычки: какъ онѣ играютъ, дерутся, спятъ, умываютъ морду лапками, ловятъ мышей, выгибаютъ спину и ерошатся на собакъ. Или съ такимъ же любопытствомъ смотритъ сквозь стѣнки большого стекляннаго сосуда на рыбъ, слизняковъ, волосатиковъ, каракатицъ и всякихъ другихъ водяныхъ животныхъ. Лицо его выражаетъ глубокое, тихое удовлетвореніе, когда они дерутся и пожираютъ другъ друга.

* * *

Сразу тысячи дѣлъ. Не кончивъ одного, беретъ за другое. Впрочемъ, каждое изъ дѣлъ похоже на игру, каждая игра—на дѣло. Разнообразенъ и непостояненъ. Чезаре говоритъ, что скорѣе потекутъ рѣки вспять, чѣмъ Леонардо сосредоточится на одномъ какомъ-нибудь замыслѣ и доведетъ его до конца. Называетъ учителя самымъ великимъ изъ безпутныхъ людей, увѣряя, что изъ всѣхъ необъятныхъ трудовъ его не выйдетъ ни какого толку. Леонардо, будто бы, написалъ сто двадцать книгъ «О природѣ—Delle Cose Naturali». Но все это случайные отрывки, отдѣльныя замѣтки, разрозненные клочки бумаги—болѣе пяти тысячъ листовъ въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, что самъ онъ иногда не можетъ разобраться, ищетъ какой-нибудь нужной замѣтки и не находитъ.

* * *

Какое у него неутолимое любопытство, какой добрый, вѣщій глазъ для природы! Какъ онъ умѣетъ замѣчать незамѣтное! Всюду удивляется радостно и жадно, какъ дѣти, какъ первые люди въ раю.

Иногда о самомъ будничномъ такое слово скажетъ,

что потомъ, хоть сто лѣтъ живи, не забудешь—прилипнетъ къ памяти и не отвяжется.

Намедни, войдя въ мою келью, учитель сказалъ: «Джіованни, обратишь ли ты вниманіе на то, что маленькія комнаты сосредоточиваютъ умъ, а большія—возбуждаютъ его къ дѣятельности?»

Или еще: «Въ тѣнистомъ дождѣ очертанія предметовъ кажутся яснѣе, чѣмъ въ солнечномъ».

А вотъ изъ вчерашняго дѣловаго разговора съ литейнымъ мастеромъ о какихъ-то заказанныхъ ему герцогомъ военныхъ орудіяхъ: «Взрывъ пороха, сжатого между тарелью бомбарды и ядромъ, дѣйствуетъ, какъ человекъ, который, упершись задомъ въ стѣну, изо всей силы толкалъ бы передъ собою руками тяжесть».

Говоря однажды объ отвлеченной механикѣ, сказалъ: «Сила всегда желаетъ побѣдить свою причину и, побѣдивъ, умереть. Ударъ—сынъ Движенія, внукъ Силы, а общій прадѣдъ—Вѣсь».

Въ спорѣ съ однимъ архитекторомъ воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: «Какъ же вы не понимаете, мессаре? Это ясно, какъ день. Ну, что такое арка? Арка не что иное, какъ сила, рождаемая двумя соединенными и противоположными слабостями». Архитекторъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія. А для меня все въ ихъ разговорѣ сразу сдѣлалось яснымъ, какъ будто въ темную комнату свѣчку внесли.

* * *

Опять два дня работы надъ головою апостола Іоанна.

Но, увы, что-то потеряно въ безконечной вознѣ съ мушинными крыльями, тыквою, кошками, Діонисіевымъ ухомъ, узоромъ изъ веревочныхъ узловъ и тому подобными важными дѣлами. Опять не кончилъ, бросилъ и, по выраженію Чезаре, весь ушелъ въ геометрію, какъ улитка въ свою раковину, полный отвращенія къ живописи. Говоритъ, будто бы самый запахъ красокъ, видъ кистей и полотна ему противны.

Вотъ такъ мы и живемъ, по прихоти случая, изо дня въ день, предавшись волѣ Божьей. Сидимъ у моря

и ждемъ погоды. Хорошо, что еще до летательной машины не дошло, а то пиши пропало—такъ зароется въ механику, что только мы его и видали!

* * *

Я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ послѣ долгихъ отговорокъ, сомнѣній и колебаній онъ приступаетъ, наконецъ, къ работѣ, беретъ кисть въ руки,—чувство, подобное страху, овладѣваетъ имъ. Всегда недоволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ. Въ созданіяхъ, которыя кажутся другимъ предѣломъ совершенства, замѣчаетъ опіибки. Стремится все къ высшему, къ недостижаемому, къ тому, чего рука человѣческая, какъ бы ни было искусство ея безконечно, выразить не можетъ. Вотъ почему почти никогда не кончаетъ.

* * *

Приходилъ сегодня жидъ-барышникъ продавать лошадей. Мастеръ хотѣлъ купить гнѣдого жеребца. Жидъ началъ его уговаривать, чтобы купилъ вмѣстѣ съ жеребцомъ кобылу, и такъ умолялъ, настаивалъ, егозилъ и божился, что Леонардо, который любитъ лошадей и знаетъ въ нихъ толкъ, наконецъ, разсѣялся, махнулъ рукою, взялъ кобылу и позволилъ себя обмануть, чтобы только отъ жида отдѣлаться. Я смотрѣлъ, слушалъ и недоумѣвалъ.

— Чему ты удивляешься?—объяснилъ мнѣ потомъ Чезаре.—Такъ всегда: первый встрѣчный можетъ сѣсть ему на шею. Ни въ чемъ нельзя на него положиться. Ничего твердо рѣшить не умѣетъ. Все на-двое—и нашимъ, и вашимъ, и да, и нѣтъ. Куда вѣтеръ подуеъ. Никакой крѣпости, никакого мужества. Весь мягкій, зыбкій, податливый, точно безъ костей, точно разслабленный, несмотря на всю свою силу. Играя желѣзные подковы гнетъ, рычаги придумываетъ, чтобы крестильницу Санъ-Джованни на воздухъ поднять, какъ воробьиное гнѣздо, а для настоящаго дѣла, гдѣ воля

нужна,—соломенки не подыметъ, божьей коровки обидѣтъ не посмѣетъ!..

Чезаре еще долго бранился, явно преувеличивалъ и даже клеветалъ. Но я чувствовалъ, что въ словахъ его съ ложью смѣшана правда.

* * *

Заболѣлъ Андрѣа Салаинно. Учитель ухаживаетъ за нимъ, ночей не спитъ, просиживая у изголовья. Но о лѣкарствахъ слышать не хочетъ. Марко д'Оджіоне тайно принесъ больному какихъ-то пилюль. Леонардо нашелъ ихъ и выбросилъ въ окно.

Когда же самъ Андрѣа заикнулся, что хорошо бы пустить кровь,—онъ знаетъ одного цирульника, который отлично открываетъ жилы,—учитель не на шутку разсердился, обругалъ всѣхъ докторовъ нехорошими словами и, между прочимъ, сказалъ:

— Совѣтую тебѣ думать не о томъ какъ лѣчиться, а какъ сохранить здоровье, чего ты достигнешь тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе будешь остерегаться врачей, лѣкарства которыхъ подобны нелѣпнымъ составамъ алхимиковъ.

И прибавилъ съ веселой, простодушно-лукавой усмѣшкой:

— Еще бы имъ, обманщикамъ, не богатѣть, когда всякій только для того и старается накопить побольше денегъ, чтобы отдать ихъ врачамъ, разрушителямъ человеческой жизни!

* * *

Учитель забавляетъ больного смѣшными рассказами, баснями, загадками, до которыхъ Салаинно большой охотникъ. Я смотрю, слушаю и дивлюсь на учителя. Какой онъ веселый!

Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ:

«Люди будутъ жестоко бить то, что есть причина ихъ жизни.—Молотьба хлѣба.

«Льса произведутъ на свѣтъ дѣтей, которымъ суждено истреблять своихъ родителей.—Ручки топоровъ.

«Шкуры звѣриныя заставятъ людей выйти изъ молчанія, клясться и кричать.—Игра въ кожаные мячики».

Послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ изобрѣтеніи военныхъ орудій, въ математическихъ выкладкахъ или работѣ надъ Тайною Вечерей, утѣшается этими загадками, какъ ребенокъ. Записываетъ ихъ въ рабочихъ тетрадяхъ рядомъ съ набросками великихъ будущихъ произведеній или только что открытыми законами природы.

* * *

Сочинилъ и нарисовалъ въ прославленіе щедрости герцога странную, сложную аллегорію, на которую потратилъ не мало труда: въ образѣ Фортуны, Моро принимаетъ подъ свою защиту отрока, убѣгающаго отъ страшной Парки Бѣдности, съ лицомъ Паучихи, покрываетъ его мантией и золотымъ скипетромъ грозитъ чудовищной богинѣ. Герцогъ доволенъ рисункомъ и хочетъ, чтобы Леонардо исполнилъ его красками на одной изъ стѣнъ дворца. Эти аллегоріи вошли въ моду при дворѣ. Кажется, онѣ имѣютъ болѣе успѣхъ, чѣмъ всѣ остальные произведенія учителя. Дамы, рыцари, вельможи пристають къ нему, добиваются какой-нибудь замысловатой аллегорической картинки.

Для одной изъ двухъ главныхъ наложницъ герцога, графини Цециліи Бергамини, сочинилъ аллегорію Зависти: дряхлая старуха съ отвислыми сосцами, покрытая леопардовой шкурой, съ колчаномъ ядовитыхъ языковъ за плечами, ѣдетъ верхомъ на человѣческомъ остовѣ, держа въ рукѣ кубокъ, наполненный змѣями.

Пришлось ему сочинить и другую аллегорію, тоже Зависти, для другой наложницы, Лукреціи Кривелли, чтобы она не обидѣлась: вѣтъ орѣшника бьютъ палками и потрясаютъ тогда именно, какъ доводитъ она плоды свои до совершенной зрѣлости. Рядомъ надпись: за благодаренія.

Наконецъ, и для супруги герцога, свѣтлѣйшей мадон-

ны Беатриче, надо было выдумать аллегорію Неблагодарности: человѣкъ при восходящемъ солнцѣ гаситъ свѣчу, которая служила ему ночью.

Теперь бѣдному мастеру ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя: заказы, просьбы, записочки дамъ сыплются на него; не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Чезаре злится: «Всѣ эти глупые рыцарскіе девизы, слащавыя аллегоріи пристали развѣ какому-нибудь придворному блюдолизу, а не такому художнику, какъ Леонардо. Срамъ!» Я думаю, что онъ неправъ. Учитель вовсе не помышляетъ о чести. Аллегоріями забавляется онъ точно такъ же, какъ игрою въ загадки и математическими истинами, божественной улыбкою Маріи Дѣвы и узоромъ изъ веревочныхъ узловъ.

* * *

Онъ задумалъ и давно уже началъ, но, по своему обыкновенію, не кончилъ и Богъ вѣсть когда кончитъ «*Книгу о живописи*», — *Trattato della Pittura*.—Въ послѣднее время много занимаюсь со мною воздушною и линейной перспективою, свѣтомъ и тѣнью, приводилъ изъ книги выдержки и отдѣльныя мысли объ искусствѣ. Я записываю здѣсь то, что запомнилъ.

Господь да наградитъ учителя за любовь и мудрость, съ коими руководствуетъ онъ меня на всѣхъ высокихъ путяхъ этой благороднѣйшей науки! Пусть же тѣ, кому попадутся въ руки эти листки, помянутъ въ молитвѣ душу смиреннаго раба Божьяго, недостойнаго ученика, Джіованни Бельтраффіо, и душу великаго мастера, флорентинца Леонардо да Винчи.

* * *

Учитель говоритъ: «все прекрасное умираетъ въ человѣкѣ, но не въ искусствѣ».

* * *

«Тотъ, кто презираетъ живопись, презираетъ философское и утонченное созерцаніе міра, ибо живопись

есть законная дочь или, лучше сказать, внука природы. Все, что есть, родилось отъ природы, и родило въ свою очередь науку о живописи. Вотъ почему говорю я, что живопись внука природы и родственница Бога. Кто хулитъ живопись, тотъ хулитъ природу».

* * *

«Живописецъ долженъ быть всеобъемлющъ. О, художникъ, твое разнообразіе да будетъ столь же безобразно, какъ явленія природы. Продолжая то, что началъ Богъ, стремись умножить не дѣла рукъ человѣческихъ, но вѣчныя созданія Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будетъ каждое твое произведеніе какъ бы новымъ явленіемъ природы».

* * *

«Для того, кто владѣетъ первыми, общими законами естественныхъ явленій, для того, кто *знаетъ*, — легко быть всеобъемлющимъ, ибо, по строенію своему, всѣ тѣла, какъ человѣка, такъ и животныхъ, сходятся».

* * *

«Берегись, чтобы алчность къ пріобрѣтенію золота не заглушила въ тебѣ любви къ искусству. Помни, что пріобрѣтеніе славы есть нѣчто большее, чѣмъ слава пріобрѣтенія. Память о богатыхъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними; память о мудрыхъ никогда не исчезнетъ, ибо мудрость и наука суть законныя дѣти своихъ родителей, а не побочныя, какъ деньги. Люби славу и не бойся бѣдности. Подумай, какъ много великихъ философовъ, рожденных въ богатствѣ, обрекали себя на добровольную нищету, дабы не осквернить души своей богатствомъ».

* * *

«Наука молодитъ душу, уменьшаетъ горечь старости. Собирай же мудрость, собирай сладкую пищу для старости».

* * *

«Я знаю такихъ живописцевъ, которые безстыдно, на потѣху черни, размалевываютъ картины свои золотомъ и лазурью, утверждая съ высокомерною наглостью, что могли бы работать не хуже другихъ мастеровъ, если бы имъ больше платили. О, глупцы! Кто же мѣшаетъ имъ сдѣлать что-нибудь прекрасное и объявить: вотъ эта картина въ такую-то цѣну, эта дешевле, а эта совсѣмъ рыночная, — доказавъ такимъ образомъ, что они умѣютъ работать на всякую цѣну».

* * *

«Нерѣдко алчность къ деньгамъ унижаетъ и хорошихъ мастеровъ до ремесла. Такъ, мой землякъ и товарищъ, флорентинецъ Перуджино дошелъ до такой поспѣшности въ исполненіи заказовъ, что однажды отвѣтилъ съ подмостокъ женѣ своей, которая звала его обѣдать: «подавай супъ, а я пока напишу еще одного святого».

* * *

«Малаго достигаетъ художникъ, не сомнѣвающейся. Благо тебѣ, если твое произведеніе выше, плохо, если оно наравнѣ, но величайшее бѣдствіе, если оно ниже, чѣмъ ты его цѣнишь, что бываетъ съ тѣми, кто удивляется, какъ это Богъ имъ помогъ сдѣлать такъ хорошо».

* * *

«Терпѣливо выслушивай мнѣнія всѣхъ о твоей картинѣ, взвѣшивай и разсуждай, правы ли тѣ, кто укоряютъ тебя и находятъ ошибки; если да — исправь, если нѣтъ — сдѣлай видъ, что не слышалъ, и только людямъ, достойнымъ вниманія, доказывай, что они ошибаются».

Сужденіе врага нерѣдко правдивѣе и полезнѣе, чѣмъ сужденіе друга. Ненависть въ людяхъ почти всегда глубже любви. Взоръ ненавидящаго проникательнѣе взора любящаго. Истинный другъ все равно, что ты самъ. Врагъ не похожъ на тебя, — вотъ, въ чемъ сила его.

Ненависть освѣщаетъ многое, скрытое отъ любви. Помни это и не презирай хулы враговъ».

* * *

«Яркія краски плѣняютъ толпу. Но истинный художникъ не толпѣ угождаетъ, а избраннымъ. Гордость и цѣль его не въ блистающихъ краскахъ, а въ томъ, чтобы совершилось въ картинѣ подобное чуду: чтобы тѣнь и свѣтъ сдѣлали въ ней плоское выпуклымъ. Кто, презирая тѣнь, жертвуетъ ею для красокъ,—похожъ на болтуна, который жертвуетъ смысломъ рѣчи для пустыхъ и громкихъ словъ».

* * *

«Больше всего берегись грубыхъ очертаній. Да будутъ края твоихъ тѣней на молодомъ и нѣжномъ тѣлѣ не мертвыми, не каменными, но легкими, неуловимыми и прозрачными, какъ воздухъ, ибо само тѣло человѣческое прозрачно, въ чемъ можешь убѣдиться, если черезъ пальцы посмотришь на солнце. Слишкомъ яркій свѣтъ не даетъ прекрасныхъ тѣней. Бойся яркаго свѣта. Въ сумерки, или въ туманные дни, когда солнце въ облакахъ, замѣть, какая нѣжность и прелесть на лицахъ мужчинъ и женщинъ, проходящихъ по тѣнистымъ улицамъ между темными стѣнами домовъ. Это самый совершенный свѣтъ. Пусть же тѣнь твоя, мало-по-малу исчезающая въ свѣтъ, таетъ, какъ дымъ, какъ звуки тихой музыки. Помни: между свѣтомъ и мракомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное и тому, и другому, какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ. Ищи его, художникъ: въ немъ тайна плѣнительной прелести!»

Такъ онъ сказалъ и, поднявъ руку, какъ бы желая запечатлѣть эти слова въ нашей памяти, повторилъ съ неизяснимымъ выраженіемъ:

— Берегитесь грубаго и рѣзкаго. Пусть тѣни ваши таютъ, какъ дымъ, какъ звуки дальней музыки!

Чезаре, внимательно слушавшій, усмѣхнулся, под-

нялъ глаза на Леонардо и что-то хотѣлъ возразить, но промолчалъ.

* * *

Спустя немного, говоря уже о другомъ, учитель сказалъ:

— Ложь такъ презрѣнна, что, превознося величіе Бога, унижаетъ Его; истина такъ прекрасна, что, восхваляя самыя малыя вещи, облагораживаетъ ихъ. Между истиной и ложью такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ.

Чезаре, что-то вспомнивъ, посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ.

— Такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ?—повторилъ онъ.—Но не вы ли сами, учитель, только что утверждали, что между мракомъ и свѣтомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное и тому, и другому, какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ? Значить,—и между истиной и ложью?... но, нѣтъ, этого быть не можетъ... Право же, мастеръ, ваше сравненіе порождаетъ въ умѣ моемъ великій соблазнъ, ибо художникъ, ищущій тайны плѣнительной прелести въ слияніи тѣни и свѣта, чего добраго, спросить, не сливается ли истина съ ложью такъ же, какъ свѣтъ съ тѣнью...

Леонардо сперва нахмурился, какъ будто былъ удивленъ, даже разгнѣванъ словами ученика, но потомъ рассмѣялся и отвѣтилъ:

— Не искушай меня. Отыди, сатана!

Я ожидалъ другого отвѣта, и думаю, что слова Чезаре достойны были большаго, чѣмъ легкомысленная шутка. По крайней мѣрѣ, во мнѣ возбудили они много мучительныхъ мыслей.

* * *

Сегодня вечеромъ я видѣлъ, какъ, стоя подъ дождемъ въ тѣсномъ, грязномъ и вонючемъ переулкѣ, внимательно разсматривалъ онъ каменную, повидимому, ничѣмъ не любопытную стѣну съ пятнами сырости. Это продолжалось долго. Мальчишки указывали на него паль-

пами и смѣялись. Я спросилъ, что онъ нашелъ въ этой стѣнѣ.

— Посмотри, Джіованни, какое великолѣпное чудовище — химера съ разинутой пастью; а вотъ рядомъ — ангелъ съ нѣжнымъ лицомъ и развѣвающимися локонами, который убѣгаетъ отъ чудовища. Прихоть случая создала здѣсь образы, достойные великаго мастера.

Онъ обвелъ пальцемъ очертанія пятенъ, и въ самомъ дѣлѣ, къ изумленію моему, я увидѣлъ въ нихъ то, о чемъ онъ говорилъ.

— Можетъ быть, многіе сочтутъ это изображеніе нелѣпнымъ, — продолжалъ учитель, — но я, по собственному опыту, знаю, какъ оно полезно для возбужденія ума къ открытіямъ и замысламъ. Нерѣдко на стѣнахъ, въ смѣшеніи разныхъ камней, въ трещинахъ, въ узорахъ плѣсени на стоячей водѣ, въ потухающихъ угляхъ, подернутыхъ пепломъ, въ очертаніяхъ облаковъ случалось мнѣ находить подобіе прекраснѣйшихъ мѣстностей съ горами, скалами, рѣками, долинами и деревьями, также чудесныя битвы, странныя лица, полныя неизъяснимой прелести, любопытныхъ дьяволовъ, чудовищъ и многіе другіе удивительные образы. Я выбиралъ изъ нихъ то, что нужно, и доканчивалъ. Такъ, вслушиваясь въ дальній звонъ колоколовъ, ты можешь въ ихъ смѣшанномъ гулѣ найти по желанію всякое имя и слово, о которомъ думаешь.

* * *

Сравниваетъ морщины, образуемыя мускулами лица, во время плача и смѣха. Въ глазахъ, во рту, въ щекахъ нѣтъ никакого различія. Только брови, плачущій, подымаетъ вверхъ и соединяетъ, лобъ собирается въ складки, и углы рта опускаются; между тѣмъ, какъ смѣющийся широко раздвигаетъ брови и подымаетъ углы рта.

Въ заключеніе сказалъ:

— Старайся быть спокойнымъ зрителемъ того, какъ люди смѣются и плачутъ, ненавидятъ и любятъ, блѣднѣютъ отъ ужаса и кричатъ отъ боли; смотри, учись, из-

слѣдуй, наблюдай, чтобы познать выраженіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ.

Чезаре сказывалъ мнѣ, что мастеръ любитъ провожати осужденныхъ на смертную казнь, наблюдая въ ихъ лицахъ всѣ степени муки и ужаса, возбуждая въ самихъ палачахъ удивленіе своимъ любопытствомъ, слѣдя за послѣдними содроганіями мускуловъ, когда несчастные умираютъ.

— Ты и представить себѣ не можешь, Джіованни, что это за человѣкъ! — прибавилъ Чезаре съ горькой усмѣшкой. — Червяка подыметъ съ дороги и посадитъ на листокъ, чтобы не раздавить ногой, — а когда найдетъ на него такой стихъ, — кажется, если бы родная мать плакала, онъ только наблюдалъ бы, какъ сдвигаются брови, морщится кожа на лбу и опускаются углы рта.

* * *

Учитель сказалъ: «учись у глухонѣмыхъ выразительнымъ движеніямъ».

* * *

«Когда ты наблюдаешь людей, старайся, чтобы они не замѣчали, что ты смотришь на нихъ: тогда ихъ движенія, ихъ смѣхъ и плачъ естественнѣе».

* * *

«Разнообразіе человѣческихъ движеній такъ же непредѣльно, какъ разнообразіе человѣческихъ чувствъ. Высшая цѣль художника заключается въ томъ, чтобы выразить въ лицѣ и въ движеніяхъ тѣла страсть души.

«Помни, — въ лицахъ, тобою изображенныхъ, должна быть такая сила чувства, чтобы зрителю казалось, что картина твоя можетъ заставить мертвыхъ смѣяться и плакать.

Когда художникъ изображаетъ что-нибудь страшное, скорбное или смѣшное, — чувство, испытываемое зрителемъ, должно побуждать его къ такимъ тѣлодви-

женіямъ, чтобы казалось, будто бы онъ самъ принимаетъ участіе въ изображенныхъ дѣйствіяхъ; если же это не достигнуто, — знай, художникъ, что всѣ твои усилія тщетны».

* * *

«Мастеръ, у котораго руки узловатыя, костлявыя, охотно изображаетъ людей съ такими же узловатыми, костлявыми руками, и это повторяется для каждой части тѣла, ибо всякому человѣку нравятся лица и тѣла, сходныя съ его собственнымъ лицомъ и тѣломъ. Вотъ почему, если художникъ некрасивъ, онъ выбираетъ для своихъ изображеній лица тоже некрасивыя, и наоборотъ. Берегись, чтобы женщины и мужчины, тобой изображаемые, не казались сестрами и братьями-близнецами, ни по красотѣ, ни по уродству—недостатокъ, свойственный многимъ итальянскимъ художникамъ. Ибо въ живописи нѣтъ болѣе опасной и предательской ошибки, какъ подражаніе собственному тѣлу. Я думаю, что это происходитъ отъ того, что душа есть художница своего тѣла: нѣкогда создала она и вылѣпила его, по образу и подобию своему; и теперь, когда опять ей нужно, при помощи кисти и красокъ, создать новое тѣло, всего охотнѣе повторяетъ образъ, въ который уже разъ воплотилась».

* * *

«Заботиться о томъ, чтобы произведеніе твое не отталкивало зрителя, какъ человѣка, только-что вставшаго съ постели, холодный зимній воздухъ, а привлекало бы и плѣняло душу его, подобно тому, какъ спящаго изъ постели выманиваетъ пріятная свѣжесть лѣтняго утра».

* * *

Вотъ исторія живописи, рассказанная учителемъ въ немногихъ словахъ:

«Послѣ римлянъ, когда живописцы стали подражать другъ другу, искусство пришло въ упадокъ, длившійся много вѣковъ. Но явился Джіотто флорентинецъ, который,

не довольствуясь подражаніемъ учителю своему, Чимбуэ, рожденный въ горахъ и пустыняхъ, обитаемыхъ лишь козами и другими подобными животными, и будучи побуждаемъ къ искусству природою, началъ рисовать на камняхъ движенія козъ, которыхъ пасъ, и всѣхъ животныхъ, которыя обитали въ странѣ его, и, наконецъ, посредствомъ долгой науки, превзошелъ не только всѣхъ учителей своего времени, но и прошлыхъ вѣковъ. Послѣ Джіотто, искусство живописи снова пришло въ упадокъ, потому что каждый сталъ подражать готовымъ образцамъ. Это продолжалось цѣлыя столѣтія, пока Томазо флорентинецъ, по прозвищу Мазаччіо, не доказалъ своими совершенными созданіями, до какой степени даромъ тратятъ силы тѣ, кто берутъ за образецъ что бы то ни было, кромѣ самой природы—учительницы всѣхъ учителей».

* * *

«Первымъ произведеніемъ живописи была черта, обведенная вокругъ тѣни человѣка, брошенной солнцемъ на стѣну».

* * *

Говоря о томъ, какъ слѣдуетъ художнику сочинять замыслы картинъ, учитель разсказалъ намъ для примѣра задуманное имъ изображеніе потопа.

«Пучины и водовороты, озаренные молніями. Вѣтви громадныхъ дубовъ, съ людьми, прицѣпившимися къ нимъ, уносимыя смерчемъ. Воды, усѣянные обломками домашней утвари, на которыхъ спасаются люди. Стада четвероногихъ, окруженные водою, на высокихъ плоскогоріяхъ, одни кладутъ ноги на спины другимъ, давятъ и топчутъ другъ друга. Въ толпѣ людей, защищающихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, послѣдній клочекъ земли отъ хищныхъ звѣрей, одни ломаютъ руки, грызутъ ихъ, такъ что кровь течетъ, другіе затыкаютъ уши, чтобы не слышать грохота громовъ, или же, не довольствуясь тѣмъ, что закрыли глаза, кладутъ еще руку на руку, прижимая ихъ къ вѣкамъ, чтобы не видѣть грозящей смерти. Иные убиваютъ себя, удушаясь, закалываясь

мечами, бросаясь въ пучину съ утесовъ, и матери, проклиная Бога, хватають дѣтей, чтобы разможить имъ голову о камни. Разложившіеся трупы всплываютъ на поверхность, сталкиваясь и ударяя другъ друга, какъ мячики, надутые воздухомъ, отскакиваютъ. Птицы садятся на нихъ или, въ изнеможеніи падая, опускаются на живыхъ людей и звѣрей, не находя другого мѣста для отдыха».

Отъ Салаино и Марко узналъ я, что Леонардо въ теченіе многихъ лѣтъ разспрашивалъ путешественниковъ и всѣхъ, кто когда-либо видѣлъ смерчи, наводненія, ураганы, обвалы, землетрясенія,—узнавая точныя подробности и терпѣливо, какъ ученый, собирая черту за чертой, наблюденіе за наблюденіемъ, чтобы составить замысль картины, которой, быть можетъ, никогда не исполнить. Помню, слушая рассказъ о потопахъ, я испытывалъ то же, что бывало при видѣ дьявольскихъ рожей и чудовищъ въ рисункахъ его,—ужасъ, который притягиваетъ.

И вотъ еще что меня удивило: рассказывая страшный замысль, художникъ казался спокойнымъ и безучастнымъ.

Говоря о блескахъ молній, отражаемыхъ водою, замѣтилъ: «ихъ должно быть больше на дальнихъ, меньше—на ближнихъ къ зрителю волнахъ, какъ того требуетъ законъ отраженія свѣта на гладкихъ поверхностяхъ».

Говоря о мертвыхъ тѣлахъ, которыя сталкиваются въ водоворотахъ, прибавилъ: «изображая эти удары и столкновенія, не забывай закона механики, по которому уголъ паденія равенъ углу отраженія».

Я невольно улыбнулся и подумалъ: «вотъ онъ весь—въ этомъ напояніи!»

* * *

Учитель сказалъ:

— Не опыть, отецъ всѣхъ искусствъ и наукъ, обманываетъ людей, а воображеніе, которое общаетъ имъ то, чего опыть дать не можетъ. Невиненъ опыть, но

наши суетныя и безумныя желанія преступны. Отличая ложь отъ истины, опыть учить стремиться къ возможному и не надѣяться, по незнанію, на то, чего достигнуть нельзя, чтобы не пришлось, обманувшись въ надеждѣ, предаться отчаянію.

Когда мы остались наединѣ, Чезаре напомнилъ мнѣ эти слова и сказалъ, брезгливо поморщившись:

— Опять ложь и притворство!

— Въ чемъ же теперь-то солгалъ онъ, Чезаре?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Мнѣ кажется, что учитель...

— Не стремиться къ невозможному, не желать недостижимаго!—продолжалъ онъ, не слушая меня.—Чего добраго, кто-нибудь повѣритъ ему на-слово. Только, нѣтъ, не на такихъ дураковъ напалъ: не ему бы говорить, не мнѣ бы слушать! Я его насквозь вижу...

— Что же ты видишь, Чезаре?

— А то, что самъ онъ всю жизнь только и стремился къ невозможному, только и желалъ недостижимаго. Ну, скажи на милость: избобрѣтать такія машины, чтобы люди какъ птицы летали по воздуху, какъ рыбы подъ водою плавали,—развѣ это не значитъ стремиться къ невозможному? А ужасъ потопа, а небывалыя чудовища въ пятнахъ сырости, въ облакахъ, небывалая прелесть божественныхъ лицъ, подобныхъ ангельскимъ видѣніямъ,—откуда онъ все это беретъ,—ужели изъ опыта, изъ математической таблички носовъ и ложечки для измѣренія красокъ?.. Зачѣмъ же обманываетъ себя и другихъ, зачѣмъ лжетъ? Механика нужна ему для чуда,—чтобы на крыльяхъ взлетѣть къ небесамъ, чтобы, владея силами естественными, устремить ихъ къ тому, что сверхъ и противъ естества человѣческаго, сверхъ и противъ закона природы—все равно къ Богу или къ дьяволу, только бы къ неиспытанному, къ невозможному! Ибо вѣрить-то онъ, пожалуй, не вѣритъ, но любопытствуетъ,—чѣмъ меньше вѣритъ, тѣмъ больше любопытствуетъ: это въ немъ, какъ похоть неугасимая, какъ уголь раскаленный, котораго нельзя ничѣмъ залить—никакимъ знаніемъ, никакимъ опытомъ!..

Слова Чезаре наполнили душу мою смятеніемъ и

страхомъ. Всѣ эти послѣдніе дни думаю о нихъ, хочу и не могу забыть.

Сегодня, какъ будто отвѣчая на мои сомнѣнія, учитель сказалъ:

— Малое знаніе даетъ людямъ гордыню, великое—даетъ смиреніе: такъ пустые колосья поднимаютъ къ небу надменные головы, а полные зерномъ склоняютъ ихъ долу, къ землѣ, своей матери.

— Какъ же, учитель, — возразилъ Чезаре со своей обыкновенной язвительно-испытующей усмѣшкой, — какъ же говорятъ, будто бы великое знаніе, которымъ обладалъ свѣтлѣйшій изъ херувимовъ, Люциферъ, внушило ему не смиреніе, а гордыню, за которую онъ и былъ низвергнутъ въ преисподнюю?

Леонардо ничего не отвѣтилъ, но, немного помолчавъ, рассказалъ намъ басню:

«Однажды капля водяная задумала подняться къ небу. При помощи огня взлетѣла она тонкимъ паромъ. Но, достигнувъ высоты, встрѣтила разрѣженный, холодный воздухъ, сжалась, отяжелѣла — и гордость ея превратилась въ ужасъ. Капля упала дождемъ. Сухая земля выпила ее. И долго вода, заключенная въ подземной темницѣ, должна была каяться въ грѣхѣ своемъ».

* * *

Кажется, чѣмъ больше съ нимъ живешь, тѣмъ меньше знаешь его.

Сегодня опять забавлялся, какъ мальчикъ. И что за шутки! Сидѣлъ я вечеромъ у себя на верху, читалъ передъ сномъ любимую свою книгу — «Цвѣточки св. Франциска». Вдругъ по всему дому раздался вопль нашей стряпухи Матурины:

— Пожаръ! Пожаръ! Помогите! Горимъ!..

Я бросился внизъ и перетрусилъ, увидѣвъ густой дымъ, наполнявшій мастерскую. Озаряемый отблескомъ синяго пламени, подобнаго молніи, учитель стоялъ въ облакахъ дыма, какъ нѣкій древній магъ, и съ веселой улыбкой смотрѣлъ на Матурину, блѣдную отъ ужаса, махавшую руками, и на Марко, который приближалъ

съ двумя ведрами воды и вылилъ бы ихъ на столъ, не щадя ни рисунковъ, ни рукописей, если бы учитель не остановилъ его, крикнувъ, что все это шутка. Тогда мы увидѣли, что дымъ и пламя поднимаются отъ бѣлаго порошка съ ладаномъ и колофоніемъ на раскаленной мѣдной сковородкѣ, — состава, изобрѣтеннаго имъ для устройства увеселительныхъ пожаровъ. Не знаю, кто былъ въ большемъ восторгѣ отъ шалости — неизмѣнный товарищъ всѣхъ его игръ, маленькій плутъ Джьякопо, или самъ Леонардо. Какъ онъ смѣялся надъ страхомъ Матурины и надъ спасительными ведрами Марко! Видитъ Богъ, кто такъ смѣется, не можетъ быть злымъ человекомъ.

Но, среди веселья и хохота, не преминулъ записать сдѣланное имъ на лицѣ Матурины наблюденіе надъ складками кожи и морщинами, которыя производятъ ужасъ въ человѣческихъ лицахъ.

* * *

Почти никогда не говоритъ о женщинахъ. Только разъ сказалъ, что люди поступаютъ съ ними такъ же беззаконно, какъ съ животными. Впрочемъ, надъ модною платоническою любовью смѣется. Одному влюбленному юношѣ, который читалъ слезливый сонетъ во вкусѣ Петрарки, — отвѣтилъ тремя, должно быть, единственными, сочиненными имъ, стихами, ибо онъ весьма плохой стихотворецъ:

S'el Petrarcha amò si forte il lauro, —
E perchè gli è bon fralla salsiccia e tordo.
P'non posso di lor ciancie far tesauo.

«Ежели Петрарка такъ сильно любилъ лавръ — Лауру, это, вѣроятно, потому, что лавровый листъ хорошая приправа къ сосискамъ и жаренымъ дроздамъ. Я же не могу благоговѣть передъ такими глупостями».

Чезаре увѣряетъ, будто бы въ теченіе всей своей жизни Леонардо такъ занятъ былъ механикой и геометріей, что не имѣлъ времени любить, но, впрочемъ, онъ едва ли совершенный дѣвственникъ, ибо, ужъ конечно, дол-

женъ былъ, хотя бы разъ, соединиться съ женщиной, не для наслажденія, какъ обыкновенные смертные, а изъ любопытства, для научныхъ наблюденій по анатоміи, изслѣдуя таинство любви такъ же безстрастно, съ математической точностью, какъ всѣ другія явленія природы

* * *

Мнѣ кажется порою, что не слѣдовало бы мнѣ никогда говорить о немъ съ Чезаре. Мы точно подслушиваемъ, подсматриваемъ, какъ шпионы. Чезаре каждый разъ испытываетъ злую радость, когда удастся ему бросить новую тѣнь на учителя. И что ему нужно отъ меня, зачѣмъ отравляетъ онъ душу мою? Мы теперь часто ходимъ въ маленький скверный кабачокъ у рѣчной Катаранской таможни, за Верчельскою заставою. Цѣлыми часами, за полбрентой дешеваго кислаго вина бесѣдуемъ подъ ругань лодочниковъ, играющихъ въ засаленныя карты, и совѣщаемся, какъ предатели.

Сегодня Чезаре спросилъ меня, знаю ли я, что во Флоренціи Леонардо былъ обвиненъ въ содоміи. Я ушамъ своимъ не повѣрилъ, подумалъ, что Чезаре пьянъ или бредитъ. Но онъ мнѣ подробно и точно объяснилъ.

Въ 1476 году,—Леонардо было въ то время 24 года, а его учителю, знаменитому флорентинскому мастеру, Андрѣа Вероккіо. 40 лѣтъ,—безымянный доносъ на Леонардо и Вероккіо съ обвиненіемъ въ мужеложствѣ опущенъ былъ въ одинъ изъ тѣхъ круглыхъ деревянныхъ ящиковъ, называемыхъ «барабанами»—*tamburi*, которые вывѣшиваются на колоннахъ въ главныхъ флорентинскихъ церквахъ, преимущественно въ соборѣ Маріи дель-Фіоре. 9-го апрѣля того же года ночные и монастырскіе надзиратели—*Ufficiali di notte e monasteri*—разобрали дѣло и оправдали обвиненныхъ, но подъ условіемъ, чтобы доносъ повторился—*assoluti cum conditione, ut retamburentur*; а послѣ новаго обвиненія, 9-го іюня Леонардо и Вероккіо были окончательно оправданы. Болѣе никому ничего неизвѣстно. Вскорѣ послѣ того Леонардо, навсегда покинувъ мастерскую Вероккіо и Флоренцію, переселился въ Миланъ.

— О, конечно, гнусная клевета!—прибавилъ Чезаре

съ насмѣшливой искрой въ глазахъ.—Хотя ты еще не знаешь, другъ мой Джіованни, какими противорѣчіями полно его сердце. Это, видишь ли, лабиринтъ, въ которомъ самъ чортъ ногу сломить. Загадокъ и тайнъ не оберешься! Съ одной стороны, пожалуй, какъ будто бы и дѣвственникъ, ну, а съ другой...

Я вдругъ почувствовалъ, какъ вся кровь прилила къ моему сердцу...—вскочилъ и крикнулъ:

— Какъ ты смѣешь, подлый человѣкъ?!

— Что ты? Помилуй... Ну, ну, не буду! Успокойся. Я, право, не думалъ, что ты этому придаешь такое значеніе...

— Чему придаю значеніе? Чему? Говори, говори все! Не лукавь, не вилай!..

— Э, вздоръ! Зачѣмъ горячишься? Стоитъ ли такимъ друзьямъ, какъ мы, ссориться изъ-за пустяковъ? Выпьемъ-ка за твое здоровье! *in vino veritas*...

И мы пили, и продолжали разговоръ.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно! Забыть скорѣе! Кончено! Не буду больше никогда говорить съ нимъ объ учителѣ. Онъ врагъ не только ему, но и мнѣ. Онъ злой человѣкъ.

Гадко мнѣ—не знаю, отъ вина ли, выпитаго въ проклятомъ кабачкѣ, или оттого, что мы тамъ говорили. Стыдно подумать, какую подлую радость могутъ находить люди, унижая великаго.

* * *

Учитель сказалъ:

— Художникъ, сила твоя въ одиночествѣ. Когда ты одинъ, ты весь принадлежишь себѣ; когда же ты хотя бы съ однимъ товарищемъ, ты себѣ принадлежишь только наполовину или еще менѣе, сообразно съ нескромностью друга. Имѣя нѣсколько друзей, ты еще глубже впадаешь въ то же бѣдствіе. А если ты скажешь: я отойду отъ васъ и буду одинъ, чтобы свободнѣе предаваться созерцанію природы,—я говорю тебѣ: это едва ли удастся, потому что ты не будешь въ силахъ не развлекаться и не прислушиваться къ болтовнѣ. Ты будешь плохимъ товарищемъ и еще худшимъ работникомъ, ибо никто не можетъ служить

двумъ господамъ. И если ты возразишь: я отойду такъ далеко, чтобы вовсе не слышать ихъ разговора,—я скажу тебѣ: они сочтутъ тебя за сумасшедшаго—и все-таки ты останешься одинъ. Но, если непременно хочешь имѣть друзей, пусть это будутъ живописцы и ученики твоей мастерской. Всякая иная дружба опасна. Помни, художникъ, сила твоя—въ одиночествѣ.

* * *

Теперь я понимаю, почему Леонардо удаляется отъ женщинъ: для великаго созерцанія нужна ему великая свобода.

* * *

Андреа Салаино иногда горько жалуется на скуку, и нашу однообразную и уединенную жизнь, увѣряя, будто бы ученики другихъ мастеровъ живутъ куда веселѣе. Какъ молодая дѣвушка, любитъ онъ обновки и горюетъ, что показывать ихъ некому. Ему хотѣлось бы праздниковъ, шума, блеска, толпы и влюбленныхъ взоровъ.

Сегодня учитель, выслушавъ упреки и жалобы своего балоуна, обычнымъ движеніемъ руки началъ гладить его длинныя, мягкія кудри и отвѣтилъ ему съ доброй усмѣшкой:

— Не горюй, мальчикъ: я обѣщаю тебя взять на слѣдующій праздникъ въ замокъ. А теперь, хочешь, расскажу басенку?

— Расскажите, учитель!—обрадовался Андреа и сѣлъ у ногъ Леонардо.

— На высокомъ мѣстѣ, надъ большою дорогою, тамъ, гдѣ кончался оградой садъ, лежалъ камень, окруженный деревьями, мохомъ, цвѣтами и травами. Однажды, когда онъ увидѣлъ множество камней внизу, на большой дорогѣ, захотѣлось ему къ нимъ, и онъ сказалъ себѣ: «какая мнѣ радость въ этихъ изнѣженныхъ недолговѣчныхъ цвѣтахъ и травахъ? Я желалъ бы жить среди ближнихъ и братьевъ моихъ, среди себѣ подобныхъ камней!»—и скатился на большую дорогу къ тѣмъ, кого называлъ своими ближними и братьями. Но здѣсь колеса тяжелыхъ пово-

зокъ стали давить его, копыта ословъ, муловъ и гвоздями подкованные сапоги прохожихъ топтать. Когда же порою удавалось ему немного подняться, и онъ мечталъ вздохнуть свободнѣе, липкая грязь или калъ животныхъ покрывали его. Печально смотрѣлъ онъ на прежнее мѣсто свое, уединенное убѣжище въ саду, и оно казалось ему раемъ.—Такъ бываетъ съ тѣми, Андреа, кто покидаетъ тихое созерцаніе и погружается въ страсти толпы, полныя вѣчнаго зла.

* * *

Учитель не позволяетъ, чтобы причинялся какой-либо вредъ животнымъ тварямъ, даже растеніямъ. Механикъ Зораостро да-Перетолла рассказывалъ мнѣ, что Леонардо съ юныхъ лѣтъ не ѣстъ мяса и говоритъ, что придетъ время, когда всѣ люди, подобно ему, будутъ довольствоваться растительною пищею, полагая убійство животныхъ столь же преступнымъ, какъ убійство человѣка.

Проходя однажды мимо мясной лавки на Мэркато-Ново и съ отвращеніемъ указывая на туши телятъ, овецъ, быковъ и свиней на распоркахъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Да, воистину человѣкъ есть царь животныхъ, или, лучше сказать, царь звѣрей, потому что звѣрство его величайшее.

И помолчавъ, прибавилъ съ тихою грустью:

— Мы дѣлаемъ нашу жизнь изъ чужихъ смертей! Люди и звѣри суть вѣчныя пристанища мертвецовъ, могилы одинъ для другого...

— Таковъ законъ природы, чью благость и мудрость вы же сами, учитель, такъ прославляете,—возразилъ Чезаре.—Я удивляюсь, зачѣмъ воздержаніемъ отъ мяса нарушаете вы этотъ естественный законъ, повелѣвающий всѣмъ тварямъ пожирать другъ друга.

Леонардо посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ спокойно:

— Природа, находя безконечную радость въ изобрѣтеніи новыхъ формъ, въ созиданіи новыхъ жизней и производя ихъ съ большею скоростью, чѣмъ время можетъ истребить, устроила такъ, чтобы однѣ твари, питаясь другими, очищали мѣсто для грядущихъ поколѣній. Вотъ почему нерѣдко посылаетъ она заразы и повѣтрія туда,

гдѣ чрезмѣрно размножились твари, въ особенности люди, у которыхъ избытокъ рожденій не уравновѣшенъ смертями, ибо остальные звѣри не пожираютъ ихъ.

Такъ Леонардо, хотя съ великимъ спокойствіемъ разума объясняетъ естественные законы, не возмущаясь и не сѣтуя, но самъ поступаетъ по иному закону, воздерживаясь отъ употребленія въ пищу всего, что имѣетъ въ себѣ жизнь.

* * *

Вчера ночью долго читалъ я книгу, съ которой никогда не расстаюсь — «Цвѣточки св. Франциска». Францискъ, такъ же какъ Леонардо, миловалъ тварей. Иногда, вмѣсто молитвы, прославляя мудрость Божью, цѣлыми часами на пчельникѣ, среди ульевъ, наблюдалъ, какъ пчелы лѣпигъ восковыя кельи и наполняютъ ихъ медомъ. Однажды, на пустынной горѣ, проповѣдывалъ птицамъ слово Господне; онѣ сидѣли у ногъ его рядами и слушали; когда же онъ кончилъ, вострепетали, захлопали крыльями и, открывая клювы, начали ласкаться головками о ризы Франциска, какъ бы желая сказать ему, что поняли проповѣдь; онъ благословилъ ихъ, и онѣ улетѣли съ радостными криками.

Долго читалъ я. Потомъ уснулъ. Казалось, этотъ сонъ былъ полонъ тихимъ вѣяніемъ голубиныхъ крылъ.

Проснулся рано. Солнце только что встало. Всѣ въ домѣ еще спали. Я пошелъ на дворъ, чтобы умыться студеной водою изъ колодца. Было тихо. Звукъ дальнихъ колоколовъ походилъ на жужжаніе пчелъ. Пахло дымной свѣжестью. Вдругъ услышалъ я, какъ бы изъ сна моего, трепетаніе безчисленныхъ крылъ. Поднялъ глаза и увидѣлъ мессера Леонардо на лѣстницѣ высокой голубятни.

Съ волосами, пронизанными солнцемъ, окружавшими голову его, какъ сіяніе, стоялъ онъ въ небесахъ, одинокій и радостный. Стоя бѣлыхъ голубей, воркуя, тѣснилась у ногъ его. Порхали вокругъ него, доверчиво садясь ему на плечи, на руки, на голову. Онъ ласкалъ ихъ и кормилъ изъ рта. Потомъ взмахнулъ руками, точно благословилъ, — и голуби взвились, зашелестѣли шелко-

вымъ шелестомъ крыльевъ, полетѣли, какъ бѣлые хлопья снѣга, тая въ лазури небесъ. Онъ проводилъ ихъ нѣжной улыбкой.

И я подумалъ, что Леонардо похожъ на св. Франциска, друга всѣхъ животныхъ тварей, который называлъ вѣтеръ братомъ своимъ, воду — сестрою, землю — матерью.

* * *

Да простить мнѣ Богъ, опять я не вытерпѣлъ: опять пошли мы съ Чезаре въ проклятый кабачокъ. Я заговорилъ о милосердіи учителя.

— Ужъ не о томъ ли ты, Джіованни, что мессеръ Леонардо мяса не вкушаетъ, Божьими травками питается?

— А если бы и о томъ, Чезаре? Я знаю...

— Ничего ты не знаешь! Мессеръ Леонардо дѣлаетъ это вовсе не отъ доброты, а только забавляется, какъ и всѣмъ остальнымъ, — юродствуетъ...

— Какъ юродствуетъ? Что ты говоришь?..

Онъ засмѣялся съ притворною веселостью:

— Ну, ну, хорошо! Спорить не будемъ. А лучше погоди, вотъ ужъ, какъ придемъ домой, я покажу тебѣ нѣкоторые любопытные рисуночки нашего мастера.

Вернувшись, мы потихоньку, точно воры, прокрались въ мастерскую учителя. Его тамъ не было. Чезаре пошарилъ, вынулъ тетрадь изъ-подъ груды книгъ на рабочемъ столѣ и началъ мнѣ показывать рисунки. Я зналъ, что дѣлаю нехорошо, но не имѣлъ силы противиться и смотрѣлъ съ любопытствомъ.

Это были изображенія огромныхъ бомбардъ, разрывныхъ ядеръ, многоствольныхъ пушекъ и другихъ военныхъ машинъ, исполненные съ такою же воздушною нѣжностью тѣней и свѣта, какъ лица самыхъ прекрасныхъ изъ его Мадоннъ. Помню одну бомбу величиною въ половину локтя, называемую фрагиликою, устройство которой объяснилъ мнѣ Чезаре: вылита она изъ бронзы, внутренняя полость набита пенькою съ гипсомъ и рыбьимъ клеемъ, шерстяными пострижками, дегтемъ, сѣрою, и, наподобіе лабиринта, переплетаются въ ней мѣдныя трубы, обмотанныя крѣпчайшими воловьими жилами, на-

чиненные порохомъ и пулями. Устья трубъ расположены винтообразно на поверхности бомбы. Черезъ нихъ вылетаетъ огонь при взрывѣ, и фантики вертятся, прыгаютъ съ неимоверной скоростью, какъ исполинскій волчокъ, выхаркивая огненные снопы. Рядомъ, на поляхъ, рукою Леонардо было написано: «это—бомба самаго прекраснаго и полезнаго устройства. Зажигается черезъ столько времени послѣ пушечнаго выстрѣла, сколько нужно, чтобы прочесть «Ave Maria».

— «Ave Maria»...—повторилъ Чезаре.—Какъ тебѣ это нравится, другъ? Неожиданное употребленіе христіанской молитвы. И затѣйникъ же мессэръ Леонардо! «Ave Maria»—рядомъ съ такимъ чудовищемъ! Чего только не придумаетъ... А кстати, знаешь ли, какъ онъ войну называетъ?

— Какъ?

— «Pazzia bestialissima—самая звѣрская глупость». Неправда ли, недурное словечко въ устахъ изобрѣтателя такихъ машинъ?

Онъ перевернулъ листъ и показалъ мнѣ изображеніе боевой колесницы съ громадными желѣзными косами. На всемъ скаку врѣзается она во вражье войско. Огромныя стальные серпообразныя острия какъ бритвы лезвія, подобны лапамъ исполинскаго паука, вращаясь въ воздухѣ, должно быть, съ пронзительнымъ свистомъ, визгомъ и скрипомъ зубчатыхъ колесъ, разбрасывая клочья мяса и брызги крови, разсѣкаютъ людей пополамъ. Кругомъ валяются отрубанныя ноги, руки, головы, разрубленныя туловища.

Помню также другой рисунокъ: на дворѣ арсенала рои нагихъ работниковъ, похожихъ на демоновъ, поднимаютъ громадную пушку съ грозно-зіяющимъ жерломъ, напрягая могучія мышцы въ неимоверномъ усилии, цѣпляясь, упираясь ногами и руками въ рычаги исполинскаго ворота, соединеннаго канатами съ подъемной машиной. Другіе подкатываютъ ось на двухъ колесахъ. Ужасомъ вѣяло на меня отъ этихъ гроздй голыхъ тѣлъ, висящихъ въ воздухѣ. Это казалось оружейною палатою дьяволовъ, кузницею ада.

— Ну, что? Правду я тебѣ говорилъ, Джіованни, —

молвилъ Чезаре,—прелюбопытные рисуночки? Вотъ онъ, блаженный мужъ, который тварей милуетъ, отъ мяса не вкушаетъ, червяка съ дороги подымаетъ, чтобы прохожіе ногой не растоптали! И то, и другое вмѣстѣ. Сегодня кромѣшникъ, завтра угодникъ. Янусъ двуликій: одно лицо къ Христу, другое къ Антихристу. Поди, разбери, какое истинное, какое ложное?!. Или оба истинныя?.. И вѣдь все это — съ легкимъ сердцемъ, съ тайной плѣнительной прелести, какъ будто шутя да играя!

Я слушалъ молча; холодъ, подобный холоду смерти, пробѣгалъ у меня по сердцу.

— Что съ тобой, Джіованни? — замѣтилъ Чезаре. — Лица на тебѣ нѣтъ, бѣдненькій! Слишкомъ ты все это къ сердцу принимаешь, другъ мой... Погоди, стерпится, слюбится. Привыкнешь,—ничему удивляться не будешь, какъ я.—А теперь вернемся-ка въ погребъ Золотой Черпахи да выпьемъ снова.

Dum vivum, potamus.
Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

Я ничего не отвѣтилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ отъ него.

* * *

Какъ? Одинъ человекъ — и тотъ, кто благословляетъ голубей съ невинной улыбкой, подобно св. Франциску, — и тотъ, въ кузницѣ ада, изобрѣтатель желѣзнаго чудовища съ окровавленными паучьими лапами,—одинъ человекъ? Нѣтъ, быть этого не можетъ, нельзя этого вынести! Лучше все, только не это! Лучше — безбожникъ, чѣмъ слуга Бога и дьявола вмѣстѣ, ликъ Христа и Сфорцы Насильника вмѣстѣ!

* * *

Сегодня Марко д'Оджіоне сказалъ:

— Мессэръ Леонардо, многіе обвиняютъ тебя и насъ, учениковъ твоихъ, въ томъ, что мы слишкомъ рѣдко хо-

димъ въ церковь и въ праздники работаемъ, какъ въ будни.

— Пусть ханжи говорятъ, что угодно, — отвѣчалъ Леонардо. — Да не смущается сердце ваше, друзья мои! Изучать явленія природы есть Господу удобное дѣло. Это все равно, что молиться. Познавая законы естественные, мы тѣмъ самымъ прославляемъ перваго Изобрѣтателя, Художника вселенной и учимся любить Его, ибо великая любовь къ Богу проистекаетъ изъ великаго познанія. Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Если же ты любишь Творца за временныя милости, которыхъ ждешь отъ Него, а не за вѣчную благодать и силу Его, — ты подобенъ псу, который виляетъ хвостомъ и лижетъ хозяину руку въ надеждѣ лакомой подачки. Подумай, насколько бы сильнѣе любилъ песь господина своего, постигнувъ душу и разумъ его. Помните же, дѣти мои: любовь есть дочь познанія; любовь тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ познаніе точнѣе. И въ Евангеліи сказано: будьте мудры какъ змѣи и просты какъ голуби.

— Можно ли соединить мудрость змѣи съ простотою голубя? — возразилъ Чезаре. — Мнѣ кажется, надо выбрать одно изъ двухъ...

— Нѣтъ, вмѣстѣ! — молвилъ Леонардо. — Вмѣстѣ, — одно безъ другого невозможно: совершенное знаніе и совершенная любовь — одно и то же.

* * *

Сегодня, читая апостола Павла, я нашелъ въ восьмой главѣ «Перваго Посланія къ Коринѣянамъ» слѣдующія слова: «Знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ. Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ, какъ должно знать. Но кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него».

Апостоль утверждаетъ: познаніе изъ любви; а Леонардо — любовь изъ познанія. Кто правъ? Я этого не могу рѣшить и не могу жить, не рѣшивъ.

* * *

Кажется мнѣ, что я заблудился въ извилинахъ страшнаго лабиринта. Кричу, зываю — и нѣтъ мнѣ отклика. Чѣмъ дальше иду, тѣмъ больше путаюсь. Гдѣ я? Что со мною будетъ, ежели и ты меня покинешь, Господи?

* * *

О, фра Бенедетто, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ тихую келью твою, рассказать тебѣ всю мою муку, припасть къ твоей груди, чтобы ты пожалѣлъ меня, снялъ съ души моей эту тяжесть, отче возлюбленный овечка моя смиренная, исполнившая Христову заповѣдь: блаженны нищіе духомъ.

Сегодня новое несчастье.

Придворный лѣтописецъ, мессэръ Джіорджіо Мэрула, и старый другъ его, поэтъ Бернардо Беллинчioni, вели бесѣду наединѣ въ пустынной залѣ дворца. Дѣло происходило послѣ ужина. Мэрула былъ навеселѣн и, по своему обыкновенію, хвастая вольнолюбивыми мечтами, презрѣніемъ къ ничтожнымъ государямъ нашего вѣка, непочтительно отозвался о герцогѣ Моро и, разбирая одинъ изъ сонетовъ Беллинчioni, въ которомъ прославляются благодѣянія, будто бы оказанныя герцогомъ Джіанъ-Галеаццо, назвалъ Моро убійцей, отравителемъ законнаго герцога. Благодаря искусству, съ которымъ устроены были трубы Діонисіева уха, герцогъ изъ дальняго покоя услышалъ разговоръ, велѣлъ схватить Мэрулу и посадить въ тюремный подвалъ подъ главнымъ крѣпостнымъ рвомъ Редифоссо, окружающимъ замокъ.

Что-то думаетъ объ этомъ Леонардо, который устраивалъ Діонисіево ухо, не помышляя о злѣ и добрѣ, изучая любопытные законы, «шутя да играя», по выраженію Чезаре, — такъ же, какъ онъ дѣлаетъ все: изобрѣтаетъ чудовищныя военныя машины, разрывныя бомбы, желѣзныхъ пауковъ, разсѣкающихъ однимъ взмахомъ громадныхъ лапъ съ полсотни людей?

* * *

Апостоль говоритъ: «отъ знанія твоего погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ».

Изъ такого ли знанія проистекаетъ любовь? Или знаніе и любовь не одно и то же?

* * *

Порою лицо учителя такъ ясно и невинно, полно такой голубиной чистотою, что я все готовъ простить, всему повѣрить,—и снова отдать ему душу мою. Но вдругъ въ непонятныхъ изгибахъ тонкихъ губъ мелькаетъ выраженіе, отъ котораго мнѣ становится страшно, какъ будто я заглядываю сквозь прозрачную глубину въ подводныя пропасти. И опять мнѣ кажется, что есть въ душѣ его тайна, и я вспоминаю одну изъ его загадокъ:

«Величайшія рѣки текутъ подъ землею».

* * *

Умеръ герцогъ Джіанъ-Галеаццо.

Говорятъ,—о, видитъ Богъ, рука едва подымается написать это слово, и я ему не вѣрю!—говорятъ, Леонардо—убійца: онъ, будто бы, отравилъ герцога плодами ядовитого дерева.

Помню, какъ механикъ Зороастро да-Перетолла показывалъ мнѣ Кассандрѣ это проклятое дерево. Лучше бы мнѣ никогда не видать его! Вотъ и теперь—оно чудится мнѣ, какимъ было въ ту ночь, въ мутно-зеленомъ лунномъ туманѣ, съ каплями яда на мокрыхъ листьяхъ, съ тихо-зрѣющими плодами, окруженное смертью и ужасомъ. И опять звучать въ ушахъ моихъ слова Писанія: «отъ Древа Познанія добра и зла, не ѣшь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь».

О, горе, горе мнѣ, окаянному! Нѣкогда въ сладостной кельѣ отца моего Бенедетто, въ невинной простотѣ я былъ, какъ первый человѣкъ въ раю. Но согрѣшилъ, предалъ душу мою искушеніямъ мудраго Змія, вкусилъ отъ Древа Познанія — и се открылись глаза мои, и увидѣлъ я добро и зло, свѣтъ и тѣнь, Бога и дьявола; и еще увидѣлъ я, что есмь нагъ и сиръ, и нищъ — и смертью душа моя умираетъ.

* * *

Изъ преисподней вопію къ Тебѣ, Господи, внемли гласу моленія моего, услышь и помилуй меня! Какъ разбойникъ на крестѣ исповѣдую имя Твое: помани меня, Господи, когда придешь во Царствіе Твое!

* * *

Леонардо снова началъ ликъ Христа.

* * *

Герцогъ поручилъ ему устройство машины для подъема Святѣйшаго Гвоздя.

Съ математической точностью онъ взвѣситъ на вѣсахъ орудіе Страстей Господнихъ, какъ обломокъ стараго желѣза—столько-то унцій, столько-то гранъ—и святыня для него только цифра между цифрами, только часть между частями подъемной машины—веревками, колесами, рычагами и блоками!

* * *

Апостолъ говоритъ: «дѣти, наступаетъ послѣднее время. И какъ вы слышали, что придетъ Антихристъ, и теперь появилось много Антихристовъ, то мы познаемъ изъ того, что наступаетъ послѣднее время».

* * *

Ночью толпа народа, окруживъ нашъ домъ, требовала Святѣйшаго Гвоздя и кричала: «колдунъ, безбожникъ, отравитель герцога, Антихристъ!»

Леонардо слушалъ вопли черни безъ гнѣва. Когда Марко хотѣлъ стрѣлять изъ аркебуза, запретилъ ему. Лицо учителя было спокойно и непроницаемо, какъ всегда.

Я упалъ къ ногамъ его и молилъ сказать мнѣ хотя бы одно слово, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ—я повѣрилъ бы! Но онъ не хотѣлъ, или не могъ мнѣ сказать ничего.

Маленькій Джьякопо, выскользнувъ изъ дома, обѣжалъ

толпу, черезъ нѣсколько улицъ встрѣтилъ обходъ стражи, всадниковъ капитана Джустиции, привелъ ихъ къ дому— и въ то самое мгновеніе, когда сломанныя двери уже валились подъ напоромъ толпы, солдаты ударили на нее съ тылу. Бунтовщики разбѣжались. Джьякопо раненъ камнемъ въ голову, едва не убитъ.

* * *

Сегодня я былъ въ соборѣ на праздникъ Святѣйшаго Гвоздя.

Подняли его въ мгновеніе, опредѣленное астрологами. Машина Леонардо дѣйствовала какъ нельзя лучше. Ни веревокъ, ни блоковъ не было видно. Казалось, что круглый сосудъ съ хрустальными стѣнками и золотыми лучами, въ который заключенъ Гвоздь, возносится самъ собою, въ облакахъ ениміама, подобно восходящему солнцу. Это было чудо механики. Грянулъ хоръ:

Confixa Clavis viscera,
Tendens manus vestigia,
Redemptionis gratia
Hic immolata est Hostia:

И ковчегъ остановился въ темной аркѣ надъ главнымъ алтаремъ собора, окруженный пятью неугасимыми лампадами.

Архіепископъ возгласилъ:

— O, Cruх benedicta, quae sola fuisti digna portare Regem coelorum et Dominum. Alleluia!

Народъ упалъ на колѣни, повторяя за нимъ: Аллилуйя!

И похититель престола, убійца Моро со слезами подъялъ руки къ Святѣйшему Гвоздю.

Потомъ угощали народъ виномъ, тушами быковъ, пятью тысячами мѣръ гороха и двумястами пудовъ сала. Чернь, забывъ убитаго герцога, объѣдаясь и пьянствуя, вопила: «да здравствуетъ Моро! Да здравствуетъ Гвоздь!»

Беллинчioni сочинилъ гексаметры, въ которыхъ говорится, что подъ кроткимъ владычествомъ Августа, бо-

гами любимаго Моро, возсіяетъ міру изъ древняго желѣзнаго Гвоздя новый Вѣкъ Золотой.

Выходя изъ собора, герцогъ подошелъ къ Леонардо, обнялъ его, поцѣловалъ, называя своимъ Архимедомъ, поблагодарилъ за дивное устройство подъемной машины и общалъ ему пожаловать чистокровную берберійскую кобылу изъ собственнаго коннаго завода на виллѣ Сфорцескѣ, съ двумя тысячами имперскихъ дукатовъ; потомъ снисходительно потрепавъ по плечу, сказалъ, что теперь мастеръ можетъ кончать на свободѣ ликъ Христа въ Тайной Вечери.

* * *

Я понялъ слово Писанія: «человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ».

Не могу я больше терпѣть! Погибаю, съ ума схожу отъ этихъ двоящихся мыслей, отъ лика Антихриста сквозь ликъ Христа. Зачѣмъ ты покинулъ меня, Господи?

* * *

Надо бѣжать, пока еще не поздно.

* * *

Я всталъ ночью, связалъ платье, бѣлье и книги въ походный узелъ, взялъ дорожную палку, въ темнотѣ ощупью спустился внизъ, въ мастерскую, положилъ на столъ тридцать флориновъ, плату за послѣдніе шесть мѣсяцевъ ученія—чтобы выручить ихъ, я продалъ кольцо съ изумрудомъ, подарокъ матери,—и ни съ кѣмъ не простившись—все еще спали—ушелъ изъ дома Леонардо навѣки.

* * *

Фра Бенедетто сказалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ его, онъ каждую ночь молится обо мнѣ, и было ему видѣніе о томъ, что Богъ возвратитъ меня на путь спасенія.

Фра Бенедетто идетъ во Флоренцію для свиданія съ

больнымъ своимъ братомъ, доминиканцемъ въ монастырѣ Санъ-Марко, гдѣ настоятелемъ Джироламо Савонаролла.

* * *

Хвала и благодареніе Тебѣ, Господи! Ты извлекъ меня изъ тѣни смертной, изъ пасти адовой.

Нынѣ отрекаюсь отъ мудрости вѣка сего, запечатлѣнной печатью Змія Седмглаваго, Звѣря, грядущаго во тьмѣ, именуемаго Антихристомъ.

Отрекаюсь отъ плодовъ ядовитаго Древа Познанія, отъ гордыни суетнаго разума, отъ богопротивной науки, коей отецъ есть Дьяволъ.

Отрекаюсь отъ всякаго соблазна языческой прелести.

Отрекаюсь отъ всего, что не воля Твоя, не слава Твоя, не мудрость Твоя, Христе Боже мой!

Просвѣти душу мою свѣтомъ единымъ Твоимъ, избавь отъ проклятыхъ двоящихся мыслей, утверди шаги мои на путяхъ Твоихъ, да не колеблются стопы мои, укрой меня подъ сѣнью крылъ Твоихъ!

Хвали, душа моя, Господа! Буду восхвалять Господа, доколѣ живъ, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь!

* * *

Черезъ два дня мы съ фра Бенедетто идемъ во Флоренцію. Съ благословенія отца моего хочу быть послушникомъ въ обители Санъ-Марко у великаго избранника Господня, фра Джироламо Савонароллы. — Богъ спасъ меня!..

Этими словами кончался дневникъ Джіованни Бельтраффіо.

СЕДЬМАЯ КНИГА.

Сожженіе суетъ.

I.

ПРОШЛО болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ Бельтраффіо поступилъ послушникомъ въ обитель Санъ-Марко.

Однажды, послѣ полудня, въ концѣ карнавала тысяча четыреста девяносто шестого года, Джироламо Савонаролла, сидя за рабочимъ столомъ въ своей кельѣ, записывалъ недавно бывшее ему отъ Бога видѣніе Двухъ Крестовъ надъ городомъ Римомъ: чернаго въ смертоносномъ вихрѣ, съ надписью: Крестъ Гнѣва Господня, и сіяющаго въ лазури, съ надписью: Крестъ Милосердія Господня.

Онъ чувствовалъ усталость и лихорадочный ознобъ. Отложивъ перо, опустилъ голову на руки, закрылъ глаза и сталъ припоминать то, что слышалъ въ это утро о жизни папы Александра VI Борджіа отъ смиреннаго фра Паголо, монаха, посланнаго въ Римъ для развѣдокъ и только что вернувшагося во Флоренцію.

Какъ видѣнія Апокалипсиса, проносились передъ нимъ чудовищные образы: багряный Быкъ изъ родового щита Борджіа, подобіе древняго египетскаго

Аписа, Золотой Телець, предносимый римскому первосвященнику, вмѣсто кроткаго Агнца Господня; безстыдныя игрища ночью, послѣ пира въ залахъ Ватикана, передъ Святѣйшимъ Отцемъ, его родною дочерью и толпой кардиналовъ; прекрасная Джулія Фарнезе, юная наложница шестидесятилѣтняго папы, изображаемая на иконахъ въ образѣ Матери Божьей; двое старшихъ сыновей Александра, Донъ-Цезарь, кардиналъ Валенцы, и Донъ-Жуанъ, знаменосецъ римской церкви, ненавидящіе другъ друга до каинова братоубійства изъ-за нечистой похоти къ сестрѣ своей Лукреціи.

И Джироламо содрогнулся, вспомнивъ то, о чемъ фра Паголо едва осмѣлился шепнуть ему на ухо—кровосмѣнительную похоть отца къ дочери, стараго папы къ мадоннѣ Лукреціи.

— Нѣтъ, нѣтъ, видитъ Богъ, не вѣрю—клевета... этого быть не можетъ!—повторялъ онъ и втайнѣ чувствовалъ, что все можетъ быть въ страшномъ гнѣздѣ Борджіа.

Холодный потъ выступилъ на лбу монаха. Онъ бросился на колѣни предъ Распятіемъ.

Раздался тихій стукъ въ дверь кельи.

— Кто тамъ?

— Я, отче!

Джироламо узналъ по голосу помощника и вѣрнаго друга своего, брата Доминико Буонвичини.

— Достопочтенный Ричіардо Бекки, довѣренный папы, испрашиваетъ позволенія говорить съ тобою.

— Хорошо, пусть подождетъ. Пошли ко мнѣ брата Сильвестро.

Сильвестро Маруффи былъ слабоумный монахъ, страдавшій надучею. Джироламо считалъ его избраннымъ сосудомъ благодати Божьей, любилъ и боялся, толкуя видѣнія Сильвестро, по всѣмъ правиламъ утонченной схоластики великаго Ангела Школы, Томы Аквината, при помощи хитроумныхъ доводовъ, логическихъ посылокъ, энтимемъ, апофтемъ и силлогизмовъ и находя пророческій смыслъ въ томъ, что казалось другимъ бессмысленнымъ лепетаніемъ юродиваго. Маруффи не выказывалъ уваженія къ своему настоятелю: нерѣдко по-

носилъ его, ругалъ при всѣхъ, даже билъ. Джироламо принималъ обиды эти со смиреніемъ и слушался его во всемъ. Если народъ флорентинскій былъ во власти Джироламо, то онъ въ свою очередь былъ въ рукахъ слабоумнаго Маруффи.

Войдя въ келью, братъ Сильвестро усѣлся на полъ въ углу, и, почесывая красныя голыя ноги, замурлыкалъ однообразную пѣсенку. Выраженіе тупое и унылое было на веснущатомъ лицѣ его съ острымъ, какъ шило, носикомъ, отвислою нижнею губою и слезающимися глазами мутно-зеленаго бутылочнаго цвѣта.

— Братъ, — молвилъ Джироламо, — изъ Рима отъ папы пріѣхалъ посоль. Скажи, принять ли его и что ему отвѣтить? Не было ли тебѣ какого видѣнія или гласа?

Маруффи состроилъ шутовскую рожу, залаялъ собакою и захрюкалъ свиньею: онъ имѣлъ даръ подражать въ совершенствѣ голосамъ животныхъ.

— Братецъ милый, — упрашивалъ его Савонаролла, — будь добрымъ, молви словечко! Душа моя тоскуетъ смертельно. Помолись Богу, да ниспослетъ Онъ тебѣ духа пророческаго...

Юродивый высунулъ языкъ; лицо его исказилось.

— Ну, чего ты, чего лѣзешь ко мнѣ, свистунъ окаянный, перепелъ безмозглый, баранья твоя голова! У, чтобъ тебѣ крысы носъ отъѣли!—крикнулъ онъ съ неожиданною злобою.—Самъ заварилъ, самъ и расхлебывай. Я тебѣ не пророкъ, не совѣтчикъ!

Потомъ взглянулъ на Савонароллу исподлобья, вздохнулъ и продолжалъ другимъ, болѣе тихимъ, ласковымъ голосомъ.

— Жалко мнѣ тебя, братецъ, ой, жалко глупенькаго!.. И почему ты знаешь, что видѣнія мои отъ Бога, а не отъ дьявола?

Умолкъ, смежилъ вѣки, и лицо его сдѣлалось неподвижнымъ, какъ бы мертвымъ. Савонаролла, думая, что это видѣніе, — замеръ въ благоговѣйномъ ожиданіи. Но Маруффи открылъ глаза, медленно повернулъ голову, точно прислушиваясь, посмотрѣлъ въ окно и съ доброй, свѣтлой, почти разумной улыбкой проговорилъ:

— Птички, слышишь, птички! Небось теперь и травка въ полѣ, и желтые цвѣтики. Эхъ, братъ Джироламо, довольно ты здѣсь намутилъ, гордыню свою потѣшилъ, бѣса порадовалъ,—будетъ! Надо же и о Богѣ подумать. Пойдемъ-ка мы съ тобой отъ міра окаяннаго въ пустыню любезную!

И запѣлъ пріятнымъ тихимъ голосомъ, покачиваясь:

Въ лѣса пойдемъ зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ быють ключи студеные,
Да иволги поють.

Вдругъ вскочилъ—желѣзные вериги звякнули—подбѣжалъ къ Савонаролѣ, схватилъ его за руку и прошепталъ, какъ-будто задыхаясь отъ ярости:

— Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ!.. У, чортовъ сынъ, ослиная твоя голова, чтобъ тебѣ крысы носъ отбѣли,—видѣлъ!..

— Говори, братецъ, говори же скорѣй...

— Огонь! огонь!—произнесъ Маруффи.

— Ну, ну, что же далѣе?

— Огонь костра,—продолжалъ Сильвестро,—и въ немъ человѣка!..

— Кого?—спросилъ Джироламо.

Маруффи кивнулъ головою, но отвѣтилъ не вдругъ: сначала вперилъ въ Савонароллу свои пронзительные зеленые глазки и засмѣялся тихимъ смѣхомъ, какъ сумасшедшій, потомъ наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— Тебя!

Джироламо вздрогнулъ и отшатнулся.

Маруффи всталъ, вышелъ изъ кельи и удалился, позвякивая веригами, напѣвая пѣсенку:

Пойдемъ въ лѣса зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ быють ключи студеные,
Да иволги поють.

Опомнившись, Джироламо велѣлъ позвать довѣреннаго папы, Ричіардо Бѣкки.

II.

ШУРША длиннымъ, похожимъ на рясу, шелковымъ платьемъ моднаго цвѣта мартовской фіалки, съ откидными венеціанскими рукавами, съ опушкою изъ чернобураго лисьего мѣха, распространяя вѣяніе мускусной амбры,—въ келью Савонароллы вошелъ скрипторъ святѣйшей апостолической канцеляріи. Мессэръ Ричіардо Бѣкки обладалъ тою елейностью въ движеніяхъ, въ умной и величаво-ласковой улыбкѣ, въ ясныхъ, почти простодушныхъ глазахъ, въ любезныхъ смѣющихся ямочкахъ свѣжихъ гладко-выбритыхъ щекъ, которая свойственна вельможамъ римскаго двора.

Онъ попросилъ благословенія, выгибая спину съ полупридворною ловкостью, поцѣловалъ исхудалую руку пріора Санъ-Марко, и заговорилъ по-латыни, съ изящными цидероновскими оборотами рѣчи, съ длинными, плавно развивающимися предложеніями.

Начавъ издалека, тѣмъ, что въ правилахъ ораторскаго искусства называется исканіемъ благоволенія, упомянулъ о славѣ флорентинскаго проповѣдника; затѣмъ перешелъ къ дѣлу: святѣйшій отецъ, справедливо разгнѣванный упорными отказами брата Джироламо явиться въ Римъ, но пылая ревностью ко благу церкви, къ совершенному единенію вѣрныхъ во Христѣ, къ миру всего міра и желая не смерти, а спасенія грѣшника, изъявляетъ отеческую готовность, въ случаѣ раскаянія Савонароллы, вернуть ему свою милость.

Монахъ поднялъ глаза и тихо сказалъ:

— Мессэре, какъ вы полагаете, святѣйшій отецъ вѣруетъ въ Бога?

Ричіардо не отвѣтилъ, какъ будто не разслышалъ или нарочно пропустилъ мимо ушей неприличный вопросъ, и, опять заговоривъ о дѣлѣ, намекнулъ, что высшій чинъ духовной іерархіи—красная кардинальная шапка—ожидаетъ брата Джироламо въ случаѣ покорности, и, быстро наклонившись къ монаху, дотронувшись пальцемъ до руки его, прибавилъ съ вкрадчивой улыбкой:

— Словечко, отецъ Джироламо, только словечко—и красная шапка за вами!

Савонаролла устремилъ на собесѣдника неподвижные глаза и проговорилъ:

— А что, ежели я, мессэре, не покорюсь—не замолчу? Что, ежели безразсудный монахъ отвергнетъ честь римскаго пурпура, не польстится на красную шапку, не перестанетъ лаять, охраняя домъ Господа своего, какъ вѣрный пёсъ, которому рта не заткнешь никакою подачкою?

Ричіардо съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, слегка поморщился, поднялъ брови, задумчиво полюбывался на свои ногти, гладкіе и продолговатые какъ миндалины, и поправилъ перстни. Потомъ неторопливо вынулъ изъ кармана, развернулъ и подалъ пріору готовое къ подписи и приложенію великой печати Рыбара отлученіе отъ церкви брата Джироламо Савонаролы, гдѣ, между прочимъ, папа называлъ его сыномъ погибели и презрѣннѣйшимъ насѣкомымъ—*nequissimus omnipedo*.

— Ждете отвѣта?—молвилъ монахъ, прочитавъ.

Скрипторъ молча склонилъ голову.

Савонаролла поднялся во весь ростъ и швырнулъ папскую буллу къ ногамъ посла.

— Вотъ мой отвѣтъ! Ступайте въ Римъ и скажите, что я принимаю вызовъ на поединокъ съ папой Антихристомъ. Посмотримъ—онъ меня или я его отлучу отъ церкви!

Дверь кельи тихонько отворилась, и братъ Доминико заглянулъ въ нее. Услышавъ громкій голосъ пріора, онъ прибѣжалъ узнать, что случилось. У входа столпились монахи.

Ричіардо уже нѣсколько разъ оглядывался на дверь и, наконецъ, замѣтилъ вѣжливо:

— Смѣю напомнить, братъ Джироламо: я уполномоченъ лишь къ тайному свиданію...

Савонаролла подошелъ къ двери и открылъ ее настежь.

— Слушайте!—воскликнулъ онъ.—Слушайте всѣ, ибо не вамъ однимъ, братья, но всему народу Флоренціи объ-

являю я объ этомъ гнусномъ торгѣ—о выборѣ между отлученіемъ отъ церкви и кардинальскимъ пурпуромъ!

Впалые глаза его подъ низкимъ лбомъ горѣли, какъ уголья; безобразная нижняя челюсть, дрожа, выступала впередъ.

— Се, время настало! Пойду я на васъ, кардиналы и прелаты римскіе, какъ на язычниковъ! Поверну ключъ въ замкъ, отопру мерзостный ларчикъ—и выйдетъ такое зловоніе изъ вашего Рима, что люди задохнутся. Скажу такія слова, отъ которыхъ вы поблѣднѣете, и міръ содрогнется въ своихъ основаніяхъ, и церковь Божія, убитая вами, услышитъ мой голосъ. Лазарь изыде!—и встанетъ и выйдетъ изъ гроба... Ни вашихъ митръ, ни кардинальскихъ шапокъ не надо мнѣ! Единую красную шапку смерти, кровавый вѣнецъ твоихъ мучениковъ даруй мнѣ, Господи!

Онъ упалъ на колѣни, рыдая, протягивая блѣдныя руки къ Распятію.

Ричіардо, пользуясь минутой смятенія, ловко выскользнулъ изъ кельи и поспѣшно удалился.

III.

Въ толпѣ монаховъ, внимавшихъ брату Джироламо, былъ послушникъ Джіованни Бельтраффіо.

Когда братья стали расходиться, сошелъ и онъ по лѣстницѣ на главный монастырскій дворъ и сѣлъ на свое любимое мѣсто, въ длинномъ крытомъ ходѣ, гдѣ всегда въ это время бывало тихо и пустынно.

Между бѣлыми стѣнами обители росли лавры, кипарисы и кустъ дамасскихъ розъ, подъ тѣнью котораго братъ Джироламо любилъ проповѣдывать: преданіе гласило, что ангелы ночью поливаютъ эти розы.

Послушникъ открылъ «Посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ» и прочелъ:

«Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской».

Всталъ и началъ ходить по галлерей, припоминая всѣ

свои мысли и чувства за послѣдній годъ, проведенный въ обители Санъ-Марко

Въ первое время вкушала онъ великую сладость духовную среди учениковъ Савонаролла. Иногда поутру уводилъ ихъ отецъ Джироламо за стѣны города. Крутою тропинкою, которая вела какъ будто прямо въ небо, подымались они на высоты Фіэзоле, откуда между холмами, въ долинѣ Арно, видна была Флоренція. На зеленой лужайкѣ, гдѣ было много фіалокъ, ландышей, ирисовъ и, разогрѣтые солнцемъ, стволы молодыхъ кипарисовъ точили смолу,—садился пріоръ. Монахи ложились у ногъ его на траву, плели вѣнки, вели бесѣды, плясали, рѣзвились, какъ дѣти, пока другіе играли на скрипкахъ, альтахъ и виолахъ, похожихъ на тѣ, съ которыми фра Беато изображаетъ хоры ангеловъ.

Савонаролла не училъ ихъ, не проповѣдывалъ, только говорилъ имъ ласковыя рѣчи, самъ игралъ и смѣялся, какъ дитя. Джіованни смотрѣлъ на улыбку, озаряющую лицо его,—и ему казалось, что въ пустынной роццѣ, полной музыки и пѣнія, на вершинѣ Фіэзоле, окруженной голубыми небесами, подобны они Божьимъ ангеламъ въ раю.

Савонаролла подходилъ къ обрыву и съ любовью смотрѣлъ на Флоренцію, окутанную дымкой утра, какъ мать на спящаго младенца. Снизу доносился первый звонъ колоколовъ, точно сонный дѣтскій лепетъ.

А въ лѣтнія ночи, когда свѣтляки летали, какъ тихія свѣчи невидимыхъ ангеловъ, подъ благовонною кущей дамасскихъ розъ на дворѣ Санъ-Марко, рассказывалъ онъ братьямъ о кровавыхъ стигматахъ, язвахъ небесной любви на тѣлѣ св. Катерины Сиенской, подобныхъ ранамъ Господа, благоуханныхъ, какъ розы.

Дай мнѣ болью ранъ упиться,
Крестной мукой насладиться—
Мукой Сына Твоего!

Пѣли монахи, и Джіованни хотѣлось, чтобы съ нимъ повторилось чудо, о которомъ говорилъ Савонаролла,—чтобы огненные лучи, выйдя изъ чаши со Святыми Дарами,

выжгли въ тѣлѣ его, какъ раскаленное желѣзо, крестныя раны.

Gesù, Gesù, amore!

вздыхалъ онъ, изнемогая отъ нѣги.

Однажды Савонаролла послалъ его, такъ же какъ онъ дѣлалъ это съ другими послушниками, ухаживать за тяжело больнымъ, на виллѣ Карреджи, находившейся въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, на полуденномъ склонѣ холмовъ Учелатойо,—той самой виллѣ, гдѣ подолгу жилъ и умеръ Лоренцо Медичи. Въ одномъ изъ покоевъ дворца, пустынныхъ и безмолвныхъ, освѣщенныхъ слабымъ, какъ бы могильнымъ, свѣтомъ сквозь щели запертыхъ ставень, увидѣлъ Джіованни картину Сандро Боттичелли—рожденіе богини Венеры. Вся голая, бѣлая, словно водяная лилія—влажная, какъ будто пахнущая соленою свѣжестью моря, скользила она по волнамъ, стоя на жемчужной раковинѣ. Золотыя тяжелыя пряди волосъ вились, какъ змѣи. Стыдливомъ движеніемъ руки прижимала ихъ къ чресламъ, закрывая наготу свою, и прекрасное тѣло дышало соблазномъ грѣха, между тѣмъ какъ невинныя губы, дѣтскія очи полны были святою грустью.

Лицо богини казалось Джіованни знакомымъ. Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ вспомнилъ, что такое же точно лицо, такія же дѣтскія очи, какъ будто заплаканныя, такія же невинныя губы, съ выраженіемъ неземной печали, онъ видѣлъ на другой картинѣ того же Сандро Боттичелли—у Матери Господа. Невыразимое смущеніе наполнило душу его. Онъ потупилъ глаза и ушелъ изъ виллы.

Спускаясь во Флоренцію по узкому переулку, замѣтилъ въ углубленіи стѣны ветхое Распятіе, всталъ передъ нимъ на колѣни и началъ молиться, чтобы отогнать искушеніе. За стѣною въ саду, должно быть, подъ сѣнью тѣхъ же розъ, прозвучала мандолина; кто-то вскрикнулъ, чей-то голосъ произнесъ пугливымъ шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь...

— Милая,—отвѣтилъ другой голосомъ,—любовь, любовь моя! Аморе!

Лютня упала, струны зазвенѣли, и послышался звукъ поцѣлуя.

Джіованни вскочилъ, повторяя: *Gesù! Gesù!*—и не смѣя прибавить—*Amore*.

— И здѣсь,—подумалъ онъ,—здѣсь—она. Въ лицѣ Мадонны, въ словахъ святого гимна, въ благоуханіи розъ, осѣняющихъ. Распятіе!..

Закрывъ лицо руками и сталъ уходить, какъ будто убѣгая отъ невидимой погони.

Вернувшись въ обитель, пошелъ къ Савонароллі и рассказалъ ему все. Пріоръ далъ обычный совѣтъ бороться съ дьяволомъ оружіемъ поста и молитвы. Когда же послушникъ хотѣлъ объяснить, что не дьяволъ любострастія плотскаго искушаетъ его, а демонъ духовной языческой прелести,—монахъ не понялъ, сперва удивился, потомъ замѣтилъ строго, что въ ложныхъ богахъ нѣтъ ничего, кромѣ нечистой похоти и гордыни, которыя всегда безобразны, ибо красота заключается только въ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Джіованни ушелъ отъ него, не утѣшенный. Съ того дня приступилъ къ нему бѣсъ унынія и возмущенія.

Однажды случилось ему слушать, какъ братъ Джироламо, говоря о живописи, требовалъ, чтобы всякая картина приносила пользу, поучала и назидала людей въ душевнотельныхъ помыслахъ: истребивъ рукой палача соблазнительныя изображенія, флорентинцы совершили бы дѣло, угодное Богу.

Такъ же монахъ судилъ о наукѣ. «Глупецъ тотъ, — говорилъ онъ,—кто воображаетъ, будто бы логика и философія подтверждаютъ истины вѣры. Развѣ сильный свѣтъ нуждается въ слабомъ, мудрость Господня — въ мудрости человѣческой? Развѣ апостолы и мученики знали логику и философію? Неграмотная старуха, усердно молящаяся передъ иконою,—ближе къ познанію Бога, чѣмъ всѣ мудрецы и ученые. Не спасетъ ихъ логика и философія въ день Страшнаго Суда! Гомеръ и Виргилій, Платонъ и Аристотель, — всѣ идутъ въ жилище сатаны! Подобно сиренамъ—

Плѣняя коварными пѣснями уши,
Ведутъ они къ вѣчной гибели души:

Наука даетъ людямъ вмѣсто хлѣба камень. Посмотрите на тѣхъ, кои слѣдуютъ ученіямъ міра сего: сердца у нихъ каменные».

«Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Великая любовь есть дочь великаго познанія», — только теперь чувствовалъ Джіованни всю глубину этихъ словъ и, слушая проклятія монаха соблазнамъ искусства и науки, вспоминалъ разумныя бесѣды Леонардо, спокойное лицо его, холодные какъ небо глаза, улыбку, полную плѣнительной мудрости. Онъ не забылъ о страшныхъ плодахъ ядовитаго дерева, о желѣзномъ паукѣ, о Діонисіевомъ ухѣ, о подъемной машинѣ для Святыяго Гвоздя, о ликѣ Антихриста подъ ликомъ Христа. Но ему казалось, что не понималъ онъ учителя до конца, не разгадалъ послѣдней тайны сердца его, не распуталъ того первоначальнаго узла, въ которомъ сходятся всѣ нити, разрѣшаются всѣ противорѣчія.

Такъ вспоминалъ Джіованни послѣдній годъ своей жизни въ обители Санъ-Марко. И между тѣмъ какъ въ глубокомъ раздумьи ходилъ взадъ и впередъ по стемнѣвшей галлерей, — наступилъ вечеръ, раздался тихій звонъ «*Ave Maria*», и черной вереницей прошли монахи въ церковь.

Джіованни не послѣдовалъ за ними, сѣлъ на прежнее мѣсто, снова открылъ книгу «Посланій» апостола Павла и, помраченный лукавыми наущеніями дьявола, великаго логика, передѣлалъ въ умѣ своемъ слова Писанія такъ:

«Не можете *не* пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской. Не можете *не* быть участниками въ трапезѣ Господней и трапезѣ бѣсовской».

Горько усмѣхнувшись, поднялъ глаза къ небу, гдѣ увидѣлъ вечернюю звѣзду, подобную свѣтильнику прекраснѣйшаго изъ ангеловъ тьмы, Люцифера—Свѣтоносащаго.

И пришло ему на память преданіе, слышанное имъ отъ одного ученаго монаха, принятое великимъ Оригеномъ, возобновленное флорентинцемъ Маттео Пальмьери въ поэмѣ «Городъ Жизни»,—будто бы въ тѣ времена, когда дьяволъ боролся съ Богомъ, среди небожителей были такіе, которые, не желая примкнуть ни къ воинству

Бога, ни къ воинству дьявола, остались чуждыми Тому и другому, одинокими зрителями поединка,—о нихъ же Данте сказалъ:

Angeli che non furon ribell,
Ne pur fideli a Dio, ma per sé foro.
Ангелы, кои не были ни мятежными,
Ни покорными Богу,—но были сами за себя.

Свободные и печальные духи — ни злые, ни добрые, ни темные, ни свѣтлые, причастные злу и добру, тѣни и свѣту — изгнаны были Верховнымъ Правосудіемъ въ долину земную, среднюю между небомъ и адомъ, въ долину сумерекъ, подобныхъ имъ самимъ, гдѣ стали челоуѣками.

— И какъ знать, — продолжалъ Джіованни вслухъ свои грѣшныя мысли, — какъ знать, — можетъ быть, въ этомъ нѣтъ зла, можетъ быть, слѣдуетъ пить во славу Единого изъ обѣихъ чашъ вмѣстѣ?

И почудилось ему, что это не онъ сказалъ, а кто-то другой, наклонившись и сзади дыша на него холоднымъ ласковымъ дыханіемъ, шепнулъ ему на ухо: «вмѣстѣ, вмѣстѣ!»

Онъ вскочилъ въ ужасѣ, оглянулся и, хотя никого не было въ пустынной галлерей, затканной паутиною сумерекъ, началъ креститься, дрожа и блѣднѣя; потомъ бросился бѣжать вонъ изъ крытаго хода черезъ дворъ, и только въ церкви, гдѣ горѣли свѣчи и монахи пѣли вечерню, остановился перевелъ дыханіе, усталъ на каменные плиты и сталъ молиться:

— Господи, спаси меня, избавь отъ этихъ двоящихся мыслей! Не хочу я двухъ чашъ! Единой чаши Твоей, единой истины Твоей жаждетъ душа моя, Господи!

Но Божья благодать, подобная росѣ, освѣжающей пыльные травы, не смягчила ему сердца.

Вернувшись въ келью, онъ легъ.

Къ утру приснился ему сонъ: будто бы съ монной Кассандрой, сидя верхомъ на черномъ козлѣ, летятъ они по воздуху. «На шабашъ! На шабашъ!» — шепчетъ вѣдьма, обернувъ къ нему лицо свое, блѣдное, какъ мраморъ, съ губами, алыми, какъ кровь, глазами, прозрачными,

какъ янтарь. И онъ узнаетъ богиню земной любви съ неземною печалью въ глазахъ — Бѣлую Дьяволицу. Полный мѣсяцъ озаряетъ голое тѣло, отъ котораго пахнетъ такъ сладко и страшно, что зубы стучатъ у него: онъ обнимаетъ ее, прижимается къ ней. «Аmore! amore!» — лепечетъ она и смѣется, — и черный мѣхъ козла углубляется подъ ними, какъ мягкое знойное ложе. И кажется ему, что это — смерть.

IV.

Джіованни проснулся отъ солнца, колокольнаго звона и дѣтскихъ голосовъ. Сошелъ на дворъ и увидѣлъ толпу людей въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ масличными вѣтками и маленькими алыми крестами. То было Священное Воинство дѣтей-инквизиторовъ, учрежденное Савонароллою для наблюденія за чистотою нравовъ во Флоренціи.

Джіованни вошелъ въ толпу и прислушался къ разговорамъ.

— Доносъ, что ли? — съ начальнической важностью спрашивалъ «капитанъ», худенькій четырнадцатилѣтній мальчикъ другого, плутоватаго, шустрого, рыжаго и косяглазаго, съ оттопыренными ушами.

— Такъ точно, мессэръ Федериджи, — доносъ! — отвѣчалъ тотъ, вытягиваясь въ струнку, какъ солдатъ, и почтительно поглядывая на капитана.

— Знаю. Тетка въ кости играла?

— Никакъ нѣтъ, ваша милость, — не тетка, а мачиха, и не въ кости...

— Ахъ, да, — поправился Федериджи, — это Липпина тетка въ прошлую субботу кости метала и богохульствовала. Что же у тебя?

— У меня, мессэре, мачиха... накажи ее Богъ...

— Не мямли, любезный! Некогда.хлопотъ полонъ ротъ...

— Слушаю, мессэре. Такъ вотъ, изволите ли видѣть, — мачиха съ дружкой своимъ, монахомъ, заповѣд-ный боченокъ красного вина изъ отцовскаго погреба вы-

пили, когда отецъ на ярмарку въ Мариньолу уѣзжалъ. И посовѣтовалъ ей монахъ сходить къ Мадоннѣ, что на мосту Рубаконте, свѣчку поставить да помолиться, чтобы отецъ не вспомнилъ о заповѣдномъ боченкѣ. Она такъ и сдѣлала, и когда отецъ, вернувшись ничего не замѣтилъ,—на радостяхъ подвѣсила къ изваянію Дѣвы Маріи боченокъ изъ воска, точь въ точь такой, какимъ монаха учествовала,—въ благодарность за то, что Матерь Божья помогла ей мужа обмануть.

— Грѣхъ, большой грѣхъ!—объявилъ Федериджи, нахмурившись. — А какъ же ты объ этомъ узналъ, Пиппо?

— У конюха выведалъ, а конюху рассказала мачихина дѣвка татарка, а дѣвка татаркѣ...

— Мѣстожителство?—перебилъ капитанъ строго.

— У Святой Аннунціаты шорная лавка Лоронцетто.

— Хорошо, — заключилъ Федериджи. — Сегодня же слѣдствіе нарядимъ.

Хорошенькій мальчикъ, совсѣмъ крошечный, лѣтъ шести, прислонившись къ стѣнѣ въ углу двора, горько плакалъ.

— О чемъ ты?—спросилъ его другой, постарше.

— Остригли!.. Остригли!.. Я бы не пошелъ, кабы зналъ, что стригутъ!..

Онъ провелъ рукою по своимъ бѣлокурымъ волосамъ, изуродованнымъ ножницами монастырскаго цырульника, который стригъ въ скобку всѣхъ новобранцевъ, поступавшихъ въ Священное Воинство.

— Ахъ, Лука, Лука,—укоризненно покачалъ головой старшій мальчикъ,—какія у тебя грѣшныя мысли! Хоть бы о святыхъ мученикахъ вспомнилъ: когда язычники отсѣкали имъ руки и ноги, они славили Бога. А ты и волосъ пожалѣлъ.

Лука пересталъ плакать, пораженный примѣромъ святыхъ мучениковъ. Но вдругъ лицо его исказилось отъ ужаса, и онъ завылъ еще громче, должно быть, вообразивъ, что и ему во славу Божью монахи обрѣжутъ ноги и руки.

— Послушайте, — обратилась къ Джіованни старая, толстая, красная отъ волненія, горожанка, — не можете

ли вы мнѣ указать, гдѣ тутъ мальчикъ одинъ, черненькій съ голубыми глазками?

— Какъ его зовутъ?

— Дино, Дино дель-Гарбо...

— Въ какомъ отрядѣ?

— Ахъ, Боже мой, я право не знаю!.. Цѣлый день ищу, бѣгаю, спрашиваю, толку не добыюсь. Голова кругомъ идетъ...

— Сынъ вашъ?

— Племянникъ. Мальчикъ тихій, скромный, прекрасно учился... И вдругъ какіе-то сорванцы сманили въ это ужасное Воинство. Подумайте только,—ребенокъ нѣжный, слабенькій, а здѣсь, говорятъ, камнями дерутся...

И тетка опять заохала, застонала.

— Сами виноваты! — обратился къ ней пожилой почтенный гражданинъ въ одеждѣ стариннаго покроя. — Драли бы ребятишекъ, какъ слѣдуетъ,—дурь въ головы не полѣзла бы! А то—виданное ли дѣло? — монахи да дѣти государствомъ править вздумали. Яйца курицу учать. Воистину никогда еще на свѣтѣ не бывало такой глупости!

— Именно, именно, яйца курицу учать!—подхватила тетка.—Монахи говорятъ—будетъ рай на землѣ. Я не знаю, что будетъ, но пока—адъ кромѣшный. Въ каждомъ домѣ—слезы, ссоры, крики...

— Слышали? — продолжала она, съ таинственнымъ видомъ наклоняясь къ уху собесѣдника:—намедни въ соборѣ передъ всѣмъ народомъ братъ Джироламо,—отцы и матери, говорить, отсылайте вашихъ сыновей и дочерей хоть на край свѣта, они ко мнѣ отовсюду вернутся, они—мои...

Старый гражданинъ кинулся въ толпу дѣтей.

— А, дьяволенокъ, попался!—крикнулъ онъ, схвативъ одного мальчика за ухо. — Ну, погоди же, покажу я тебѣ, какъ изъ дому бѣгать, со сволочью связываться, отца не слушаться!..

— Отца небеснаго должны мы слушаться болѣе, чѣмъ земного,—произнесъ мальчикъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

— Ой, берегись, Доффо! Лучше не выводи меня изъ терпѣнія... Ступай, ступай домой—чего уперся!

— Оставьте меня, батюшка. Я не пойду...

— Не пойдешь?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ же тебѣ!

Отецъ ударилъ его по лицу.

Доффо не двинулся—даже поблѣднѣвшія губы его не дрогнули. Онъ только поднялъ глаза къ небу.

— Тише, тише, мессэре! Дѣтей обижать не дозволено,—подоспѣли городскіе стражи, назначенные Синьоріей для охраны Священнаго Воинства.

— Прочь, негодяи!—кричалъ старикъ въ ярости.

Солдаты отнимали у него сына; отецъ ругался и не пускалъ его.

— Дино! Дино! — взвизгнула тетка, увидавъ вдали своего племянника, и устремилась къ нему. Но стражи удержали ее.

— Пустите, пустите! Господи, да что же это такое!—вопила она.—Дино! Мальчикъ мой! Дино!

Въ это мгновеніе ряды Священнаго Воинства заколыхались. Безчисленныя маленькія руки замахали алыми крестами, оливковыми вѣтками, и, привѣтствуя выходившаго на дворъ Савонароллу, запѣли звонкіе дѣтскіе голоса:

«Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis Israel».

«Свѣтъ къ просвѣщенію языковъ, ко славѣ народа Израилева».

Дѣвочки обступили монаха, бросали въ него желтыми весенними цвѣтами, розовыми подсыжниками и темными фіалками; становясь на колѣни, обнимали и цѣловали ему ноги.

Облитый лучами солнца, молча, съ нѣжной улыбкой, благословилъ онъ дѣтей.

— Да здравствуетъ Христосъ, король Флоренціи! Да здравствуетъ Марія Дѣва, наша королева! — кричали дѣти.

— Стройся! Впередъ!—отдавали приказаніе маленькіе военачальники.

Грянула музыка, зашелестѣли знамена, и полки сдвинулись.

На площади Синьоріи, передъ Палаццо Веккіо, назначено было Сожженіе суетъ, Bruciamento delle vanità. Священное Воинство должно было въ послѣдній разъ обойти дозоромъ Флоренцію для сбора «суетъ и анаеетъ».

V.

К ОГДА дворъ опустѣлъ, Джіованни увидѣлъ мессэра Чипріано Буонакорзи, консула искусства Калималы, владѣльца товарныхъ фондаковъ близъ Орь-Санъ-Микеле, любителя древностей, въ землѣ котораго у Санъ-Джервазіо, на Мельничномъ Холмѣ, найдено было древнее изваяніе богини Венеры.

Джіованни подошелъ къ нему. Они разговорились. Мессэръ Чипріано разсказалъ, что на-дняхъ во Флоренцію пріѣхалъ изъ Милана Леонардо да-Винчи съ порученіемъ отъ герцога скупать произведенія художествъ изъ дворцовъ, опустошаемыхъ Священнымъ Воинствомъ. Съ этою же цѣлью прибылъ Джіорджіо Мэрула, просидѣвшій въ тюрьмѣ два мѣсяца, освобожденный и помилованный герцогомъ, отчасти по ходатайству Леонардо.

Купецъ попросилъ Джіованни проводить его къ настоятелю, и они вмѣстѣ направились въ келью Савонароллы.

Стоя въ дверяхъ, Бельтраффіо слышалъ бесѣду консула Калималы съ пріоромъ Санъ-Марко.

Мессэръ Чипріано предложилъ купить за двадцать двѣ тысячи флориновъ всѣ книги, картины, статуи и прочія сокровища искусствъ, которыя въ этотъ день должны были погибнуть на кострѣ.

Пріоръ отказалъ.

Купецъ подумалъ, подумалъ и накиннулъ еще восемь тысячъ.

Монахъ на этотъ разъ даже не отвѣтилъ; лицо его было сурово и неподвижно.

Тогда Чипріано пожевалъ ввалившимся беззубымъ ртомъ, запахнулъ полы истертой лисей шубейки на

зѣбкихъ колѣняхъ, вдохнулъ, прищурилъ слабые глаза и молвилъ своимъ пріятнымъ, всегда ровнымъ и тихимъ голосомъ:

— Отецъ Джироламо, я разорю себя, отдамъ вамъ все, что есть у меня—сорокъ тысячъ флориновъ.

Савонаролла поднялъ на него глаза и спросилъ:

— Ежели вы себя разоряете и нѣтъ вамъ корысти въ этомъ дѣлѣ, о чемъ вы хлопочете?

— Я родился во Флоренціи и люблю эту землю,—отвѣчалъ купецъ съ простотою,—не хотѣлось бы мнѣ, чтобы чужеземцы могли сказать, что мы, подобно варварамъ, сжигаемъ невинныя произведенія мудрецовъ и художниковъ.

Монахъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и молвилъ:

— О, сынъ мой, если бы любилъ ты свое отечество небесное такъ же, какъ земное!.. Но утѣшся: на кострѣ погибнетъ достойное гибели, ибо злое и порочное не можетъ быть прекраснымъ, по свидѣтельству вашихъ же хваленныхъ мудрецовъ.

— Увѣрены ли вы, отецъ,—сказалъ Чиприано,—что дѣти всегда безъ ошибки могутъ отличить доброе отъ злого въ произведеніяхъ искусства и науки?

— Изъ устъ младенцевъ правда исходитъ,—возразилъ монахъ.—Ежели не обратитесь и не станете какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное. Погублю мудрость мудрецовъ, разумъ разумныхъ отвергну, говорить Господь. Денно и ночью молюсь я о малыхъ сихъ, дабы то, чего умомъ не поймутъ они въ суетахъ искусства и науки, открылось имъ свыше, благодатью Духа Святого.

— Умоляю васъ, подумайте, — заключилъ консулъ, вставая.—Быть можетъ, нѣкоторая часть...

— Не тратьте даромъ словъ, мессѣре!—остановилъ его братъ Джироламо.—Рѣшеніе мое неизмѣнно.

Чиприано снова, пожевавъ своими блѣдными старушечьими губами, пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Савонаролла услышалъ только послѣднее слово:

— Безуміе...

— Безуміе!—подхватилъ онъ, и глаза его вспых-

нули.—Ну, а развѣ Золотой Телецъ Борджіа, предносимый въ кощунственныхъ празднествахъ папѣ,—не безуміе? Развѣ Святѣйшій Гвоздь, поднятый во славу Господа на дьявольской машинѣ похитителемъ престола, убійцею Моро,—не безуміе? Вы плясаете вокругъ Золотого Тельца, безумствуете во славу бога вашего Маммона. Дайте же и намъ, худоумнымъ, побезумствовать, поюродствовать во славу нашего Бога, Христа Распятаго! Вы издѣваетесь надъ монахами, плясавшими предъ Крестомъ на площади. Погодите, то ли еще будетъ! Посмотримъ, что скажете вы, разумники, когда заставлю я не только монаховъ, но весь народъ флорентинскій, дѣтей и взрослыхъ, стариковъ и женщинъ, въ ярости Богу угодной, плясать вокругъ таинственного Древа Спасенія, какъ нѣкогда Давидъ плясалъ передъ Ковчегомъ Завета въ древней Скинии Бога Всевышняго!

VI.

ДЖИОВАННИ, выйдя изъ кельи Савонароллы, отправился на площадь Синьоріи.

На Віа-Ларга встрѣтилъ онъ Священное Воинство. Дѣти остановили двухъ черныхъ невольниковъ съ паланкиномъ, въ которомъ лежала роскошно одѣтая женщина. Бѣлая собачка спала у нея на колѣняхъ. Зеленый попугай и мартышка сидѣли на жердочкѣ. За носилками слѣдовали слуги и тѣлохранители.

То была кортезана, недавно пріѣхавшая изъ Венеціи, Лена Гриффа, изъ разряда тѣхъ, которыхъ правители Яснѣйшей республики называли съ почтительною вѣжливостью «puttana onesta», «meretrix onesta», «благородная, честная блудница», или съ ласковою шутливостью—«mammola», «душка». Въ знаменитомъ, изданномъ для удобства путешественниковъ «Catalogo di tutte le puttane dell' bordello con il lor prezzo», «Каталогъ всѣхъ блудницъ въ домахъ терпимости съ ихъ цѣнами»,—противъ имени Лены Гриффы, напечатаннаго крупными буквами, отдѣльно отъ другихъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, стояла

цѣна—четыре дуката, а за святые ночи, кануны праздниковъ, цѣна двойная—«изъ почтения къ Матери Господа».

Развалившись на подушкахъ, съ видомъ Клеопатры или царицы Савской, монна Лена читала записку влюбленнаго въ нее молодого епископа, съ приложеннымъ сонетомъ, который кончался такими стихами:

Когда плѣнительнымъ рѣчамъ твоимъ я внемлю,
О, Лена дивная, то, покидая землю,
Возносится мой духъ къ божественнымъ красамъ
Платоновыхъ идей и къ вѣчнымъ небесамъ.

Кортезана обдумывала отвѣтный сонетъ. Ріомами владѣла она въ совершенствѣ и недаромъ говаривала, что если бы это зависѣло отъ нея, она, конечно, проводила бы все свое время «въ академіяхъ добродѣтельныхъ мужей».

Священное Воинство окружило носилки. Предводитель одного изъ отрядовъ, Доффо, выступилъ, поднявъ надъ головою алый крестъ и воскликнулъ торжественно:

— Именемъ Иисуса, короля Флоренціи, и Маріи Дѣвы, нашей королевы, повелѣваемъ тебѣ снять сѣн грѣховныя украшенія, суеты и анаэемы. Ежели ты этого не сдѣлаешь, да поразить тебя болѣзнь!

Собачка проснулась и залаяла; мартышка зашипѣла; попугай захлопалъ крыльями, выкрикивая стихъ, которому научила его хозяйка:

Amore a nullo amato amar perdona.

Лена собиралась сдѣлать знакъ тѣлохранителямъ, чтобы разогнали они толпу,—когда взоръ ея упалъ на Доффо. Она поманила его пальцемъ.

Мальчикъ подошелъ, потупивъ глаза.

— Долой, долой наряды!—кричали дѣти.—Долой суеты и анаэемы!

— Какой хорошенькій!—тихо произнесла Лена, не обращая вниманія на крики толпы.—Послушайте, мой маленький Адонисъ, я, конечно, съ радостью отдала бы всѣ эти тряпки, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе,—но вотъ, въ чемъ бѣда: онѣ не мои, а взяты напрокатъ у

жида. Имущество такой невѣрной собаки едва ли можетъ быть приношеніемъ угоднымъ Иисусу и Дѣвѣ Маріи.

Доффо поднялъ на нее глаза. Монна Лена, съ едва замѣтной усмѣшкой кивнувъ головой, какъ будто подтверждая его тайную мысль, проговорила другимъ голосомъ, съ пѣвучимъ и нѣжнымъ венеціанскимъ говоромъ:

— Въ переулкѣ Бочаровъ у Санта Тринито. Спроси кортезану Лену изъ Венеціи. Буду ждать...

Доффо оглянулся и увидѣлъ, что товарищи, увлеченные бросаніемъ камней и перебранкой съ вышедшей изъ-за угла шайкой противниковъ Савонароллы, такъ называемыхъ «бѣшеныхъ» — «аррабіати», не обращали болѣе вниманія на кортезану. Онъ хотѣлъ имъ крикнуть, чтобы они напали на нее, но вдругъ смутился и покраснѣлъ.

Лена засмѣялась, показывая между красными губами острые бѣлые зубы. Сквозь образъ Клеопатры и царицы Савской мелькнула въ ней венеціанская «маммола», — шаловливая и задорная уличная дѣвочка.

Негры подняли носилки, и кортезана продолжала путь безмятежно. Собачка опять уснула на ея колѣняхъ, попугай нахохлился, и только неугомонная мартышка, строя уморительныя рожи, старалась лапкою поймать карандашъ, которымъ вельможная блудница выводила первый стихъ отвѣтнаго сонета епископу:

Любовь моя чиста, какъ вздохи серафимовъ.

Доффо, уже безъ прежней удали, во главѣ своего отряда, всходилъ по лѣстницѣ чертоговъ Медичи.

VII.

Въ темныхъ покояхъ, гдѣ все дышало величіемъ прошлаго, дѣти охвачены были робостью.

Но открыли ставни. Загремѣли трубы. Застучали барабаны. И съ радостнымъ крикомъ, смѣхомъ и пѣніемъ псалмовъ разсыпались маленькіе инквизиторы по заламъ, творя судъ Божій надъ соблазнами искусства и

науки, отыскивая и хватая «суеты и анаемы», по наитию Духа Святого.

Джіованни слѣдилъ за ихъ работой.

Наморщивъ лобъ, заложивъ руки за спину, съ медлительною важностью, какъ судьи, расхаживали дѣти среди изваяній великихъ мужей, философовъ и героев языческой древности.

— Пифагоръ, Анаксименъ, Гераклитъ, Платонъ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ,—читалъ по складамъ одинъ изъ мальчиковъ латинскія надписи на подножіяхъ мраморныхъ и мѣдныхъ изваяній.

— Эпиктетъ!—остановилъ его Федериджи, насупивъ брови съ видомъ знатока.—Это и есть тотъ самый еретикъ, который утверждалъ, что всѣ наслажденія позволены, и что Бога нѣтъ. Вотъ кого бы сжечь! Жаль, мраморный...

— Ничего,—молвилъ бойкій, косоглазый Пиппо,—мы его все-таки попотчуетъ!

— Это не тотъ!—воскликнулъ Джіованни.—Вы смѣшали Эпиктета съ Эпикуромъ...

Но было поздно: Пиппо размахнулся, ударилъ молоткомъ и такъ ловко отбилъ носъ мудрецу, что мальчики захохотали.

— Э, все равно, Эпиктетъ, Эпикуръ—два сапога пара: «всѣ пойдутъ въ жилище дьявола!»—повторилъ онъ любимую поговорку Савонароллы.

Передъ картиной Боттичелли заспорили: Доффо увѣрялъ, будто бы она соблазнительная, такъ какъ изображаетъ голаго юношу Вакха, пронзеннаго стрѣлами бога любви; но Федериджи, соперничавшій съ Доффо въ умѣніи отличать «суеты и анаемы», подошелъ, взглянулъ и объявилъ, что это вовсе не Вакхъ.

— А кто же, по-твоему?—спросилъ Доффо.

— Кто! Еще спрашиваетъ! Какъ же вы, братцы, не видите? Св. Первомученикъ Стефанъ!

Дѣти въ недоумѣніи стояли передъ загадочною картиною: если это былъ, въ самомъ дѣлѣ, святой, почему же голое тѣло его дышало такою языческою прелестью, почему выраженіе муки въ лицѣ было похоже на сладострастную нѣгу?

— Не слушайте, братцы,—закричалъ Доффо,—это мерзостный Вакхъ!

— Врешь, богохульникъ!—воскликнулъ Федериджи, поднимая крестъ, какъ оружіе.

Мальчики бросились другъ на друга; товарищи едва успѣли ихъ разнять. Картина осталась подъ сомнѣніемъ.

Въ это время неугомонный Пиппо, вмѣстѣ съ Лука, который давно уже утѣшился и пересталъ хныкать о своихъ остриженныхъ кудряхъ,—ибо никогда еще, казалось ему, не участвовалъ онъ въ такихъ веселыхъ шалостяхъ,—забрались въ маленькій темный покой. Здѣсь, у окна, на высокой подставкѣ, стояла одна изъ тѣхъ вазъ, которыя изготовляются венеціанскими стекольными заводами Муррано. Задѣтая лучомъ сквозь щель закрытыхъ ставень, вся она искрилась въ темнотѣ огнями разноцвѣтныхъ стеколъ, какъ драгоценными камнями, подобная волшебному огромному цвѣтку.

Пиппо взобрался на столъ, тихонько, на цыпочкахъ,—точно ваза была живая и могла убѣжать,—подкрался, плутовато высунулъ кончикъ языка, поднялъ брови надъ косыми глазами и толкнулъ ее пальцемъ. Ваза качнулась, какъ нѣжный цвѣтокъ, упала, засверкала, звенѣла жалобнымъ звономъ, разбилась—и потухла. Пиппо прыгалъ, какъ бѣсенокъ, ловко подкидывая вверхъ и подхватывая налету алый крестъ. Лука, съ широко-открытыми глазами, горѣвшими восторгомъ разрушенія, тоже скакалъ, визжалъ и хлопалъ въ ладоши.

Услышавъ издали радостные крики товарищей, вернулись они въ большую залу.

Здѣсь Федериджи нашелъ чуланъ со множествомъ ящиковъ, наполненныхъ такими «суетами», какихъ даже самые опытные изъ дѣтей никогда не видывали. То были маски и наряды для тѣхъ карнавальныхъ шествій, аллегорическихъ триумфовъ, которые любилъ устраивать Лоренцо Медичи Великолѣпный. Дѣти столпились у входа въ чуланъ. При свѣтѣ салнаго огарка, выходили передъ ними картонныя чудовищныя морды фавновъ, стеклянный виноградъ вакханокъ, колчанъ и крылья Амура, кадуцей Меркурія, трезубецъ Нептуна и, наконецъ, при взрывѣ общаго хохота, появились деревянные, позолоченныя, по-

крытая паутиною, молнии Громовержца и жалкое, изъѣденное молью, чучело олимпійскаго орла, съ общипаннымъ хвостомъ, съ клочками войлока, торчавшаго изъ продырявленнаго брюха.

Вдругъ изъ пышнаго бѣлокураго парика, вѣроятно, служившаго Венерѣ, выскочила крыса. Дѣвочки завизжали. Самая маленькая, вспрыгнувъ на стулъ, брезгливо подняла платице выше колѣнъ.

Надъ толпой повѣяло холодомъ ужаса и отвращенія къ этой языческой рухляди, къ могильному праху умершихъ боговъ. Тѣни летучихъ мышей, испуганныхъ шумомъ и свѣтомъ, бившихъ о потолокъ, казались нечистыми духами.

Прибѣжалъ Доффо и объявилъ, что наверху есть еще одна запертая комната: у дверей сторожить маленький, сердитый, красноносый и плѣшивый старичокъ, ругается и никого не пускаетъ.

Отправились на развѣдки. Въ старичкѣ, охранявшемъ двери таинственной комнаты, Джіованни узналъ своего друга, мессэра Джіорджіо Мэрулу, великаго книголюбца.

— Давай ключъ!—крикнулъ ему Доффо.

— А кто вамъ сказалъ, что ключъ у меня?

— Дворцовый сторожъ сказалъ.

— Ступайте, ступайте съ Богомъ!

— Ой, старикъ, берегись! Повыдержаемъ мы тебѣ послѣдніе волосы!

Доффо подаль знакъ. Мессэръ Джіорджіо сталъ передъ дверями, собираясь защитить ихъ грудью. Дѣти напали на него, повалили, избили крестами, обшарили ему карманы, отыскиали ключъ и отперли дверь. Это была маленькая рабочая комната съ драгоценнымъ книгохранилищемъ.

— Вотъ здѣсь, здѣсь,—указывалъ Мэрула,—въ этомъ углу все, что вамъ надо. На верхнія полки не лазайте: тамъ ничего нѣтъ.

Но инквизиторы не слушали его. Все, что попадалось имъ подъ руку—особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ—швыряли они въ кучу. Потомъ открыли настежъ окна, чтобы выбрасывать толстые фоліанты прямо на улицу, гдѣ стояла повозка, нагруженная «суетами и

анаеемами». Тибуллъ, Горацій, Овидій, Апулей, Аристофанъ—рѣдкіе списки, единственныя изданія—мелкали передъ глазами Мэрулы.

Джіованни замѣтилъ, что старикъ успѣлъ выудить изъ кучи и ловко спряталъ за пазуху маленькій томикъ: это была книга Марцеллина, съ повѣствованіемъ о жизни императора Юліана Отступника.

Увидѣвъ на полу списокъ трагедій Софокла на шелковистомъ пергаментѣ, съ тончайшими заглавными рисунками, онъ бросился къ ней съ жадностью, схватилъ ее и взмолился жалобно:

— Дѣточки! Милые! Поцадите Софокла! Это самый невинный изъ поэтовъ! Не троньте, не троньте!..

Съ отчаяніемъ прижималъ онъ книгу къ груди; но, чувствуя, какъ рвутся нѣжныя, словно живые, листы, заплакалъ, застоналъ, точно отъ боли,—отпустилъ ее и закричалъ въ безсильной ярости:

— Да знаете-ли, подлые щенки, что каждый стихъ этого поэта бѣлая свѣтыня передъ Богомъ, чѣмъ всѣ пророчества вашего полоумнаго Джироламо!..

— Молчи, старикъ, ежели не хочешь, чтобы мы и тебя вмѣстѣ съ твоими поэтами за окно выбросили!

И снова напавъ на старика, взяшей вытолкали его изъ книгохранилища.

Мэрула упалъ на грудь Джіованни.

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда скорѣе! Не хочу я видѣть этого злодѣйства!..

Они вышли изъ дворца и мимо Маріи дель-Фиоре направились на площадь Синьоріи.

VIII.

ПЕРЕДЪ темнок, стройною башнею Палаццо Веккіо, рядомъ съ лоджіей Оркани, готовъ былъ костеръ, въ тридцать локтей вышины, сто двадцать ширины—восьмигранная пирамида, сколоченная изъ досокъ, съ пятнадцатью ступенями.

На первой нижней ступени собраны были шутовскія маски, наряды, парики, искусственныя бороды и множе-

ство другихъ принадлежностей карнавала; на слѣдующихъ трехъ—вольнодумныя книги, начиная отъ Анакреона и Овидія, кончая Декамерономъ Боккачіо и Морганте Пульчи; надъ книгами—женскіе уборы: мазни, духи, зеркала, пуховики, напилки для ногтей, щипцы для подвиванія, щипчики для выдергиванія волосъ; еще выше—ноты, лютни, мандолины, карты, шахматы, кегли, мячики—всѣ игры, которыми люди радуютъ бѣса; потомъ—соблазнительныя картины, рисунки, портреты красивыхъ женщинъ; наконецъ на самомъ верху пирамиды—лики языческихъ боговъ, героевъ и философовъ изъ крашеного воска и дерева. Надо всѣмъ возвышалось громадное чучело—изображеніе дьявола, родоначальника «суесть и анаемъ», начиненное сѣрой и порохомъ, чудовищно размалеванное, мохнатое, козлоное, похожее на древняго бога Пана.

Вечерѣло. Воздухъ былъ холоденъ, звонокъ и чистъ. Въ небѣ затеплились первыя звѣзды. Толпа на площади шелестѣла и двигалась съ благоговѣйнымъ шопотомъ, какъ въ церкви. Раздавались духовные гимны—*laudi spirituali*—учениковъ Савонароллы, такъ называемыхъ «плаксъ». Ріемы, напѣвъ и размѣръ остались прежними, карнавальными; но слова передѣланы были на новый ладъ. Джіованни прислушивался, и дикимъ казалось ему противорѣчіе унылаго смысла съ веселымъ напѣвомъ.

To tre once almen di speme,
Tre di fede e sei d'amore...
Взявъ три унціи любви,
Вѣры—три и шесть—надежды,
Двѣ—раскаянья, смѣшай
И поставь въ огонь молитвы;
Три часа держи въ огнѣ,
Прибавляй духовной скорби,
Сокрушенія, смиренія,
Сколько нужно, для того,
Чтобы вышла мудрость Божья.

Подъ Кровлею Пизанцевъ, человѣкъ въ желѣзныхъ очкахъ, съ кожанымъ передникомъ, съ ремешкомъ на жидкихъ, прямыхъ, смазанныхъ масломъ, косицахъ во-

лосъ, съ корявыми, мозолистыми руками, преповѣдывалъ передъ толпою ремесленниковъ, повидимому, такихъ же «плаксъ», какъ и онъ.

— Я—Руберто, ни сэръ, ни мессэръ, а попросту портной флорентинскій,—говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ,—объявляю вамъ братья мои, что Иисусъ, король Флоренціи, во многихъ видѣніяхъ изъяснилъ мнѣ съ точностью новое, угодное Богу, правленіе и законодательство. Желаете ли вы, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни малыхъ, ни великихъ,—чтобы всѣ были равны?

— Желаемъ, желаемъ! Говори, Руберто, какъ это сдѣлать?

— Если имѣете вѣру, сдѣлать легко. Разъ, два—и готово! Первое,—онъ загнулъ большой палецъ лѣвой руки указательнымъ правой,—подходный налогъ, именуемый лѣстничною десятиною. Второе,—онъ загнулъ еще одинъ палецъ,—всенародный боговдохновенный Парламѣнто...

Потомъ остановился, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ, неторопливо откашлялся и однообразнымъ шепелявымъ голосомъ, съ упрямымъ и смиреннымъ самодовольствомъ на тупомъ лицѣ, началъ изъяснять, въ чемъ заключается лѣстничная десятина и боговдохновенный Парламѣнто.

Джіованни слушалъ, слушалъ—и тоска взяла его. Онъ отошелъ на другой конецъ площади.

Здѣсь, въ вечернихъ сумеркахъ, монахи двигались, какъ тѣни, занятые послѣдними приготовленіями. Къ брату Доминико Буонвичини, главному распорядителю, подошелъ человѣкъ на костыляхъ, еще не старый, но, должно быть, разбитый параличемъ, съ дрожащими руками и ногами, съ неподымавшимися вѣками; по лицу его пробѣгала судорога, подобная трепетанію крыльевъ подстрѣленной птицы. Онъ подаль монаху большой свертокъ.

— Что это?—спросилъ Доминика.—Опять рисунки?

— Анатомія. Я и забылъ о нихъ. Да вчера во снѣ слышу голосъ: у тебя надъ мастерскою, Сандро, на чердакѣ, въ сундукахъ, есть еще суеты и анаемъ —

Всталъ, пошелъ и отыскалъ вотъ эти рисунки голыхъ тѣлъ.

Монахъ взялъ свертокъ и молвилъ съ веселой, почти игривой улыбкой:

— А славный мы огонекъ запалимъ, мессэръ Филиппи!

Тотъ посмотрѣлъ на пирамиду суетъ и анаѳемъ.

— О, Господи, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—вдохнуть онъ. — Если бы не братъ Джироламо, такъ бы и померли безъ покаянія, не очистившись. Да и теперь еще кто знаетъ, спасемся ли, успѣемъ ли от-молить?..

Онъ перекрестился и забормоталъ молитвы, перебирая четки.

— Кто это?—спросилъ Джіованни стоявшаго рядомъ монаха.

— Сандро Ботичелли, сынъ дубильщика Маріано Филиппи,—отвѣтилъ тотъ.

IX.

КОГДА совсѣмъ стемнѣло, надъ толпою пронесся шопоть: «идуть, идуть!»

Въ молчаніи, въ сумракѣ, безъ гимновъ, безъ факеловъ, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, дѣти-инквизиторы шли, неся на рукахъ изваяніе Младенца Иисуса; одною рукою онъ указывалъ на терновый вѣнецъ на своей головѣ, другою—благословлялъ народъ. За ними шли монахи, клиръ, гонфалоньеры, члены Совѣта Восьмидесяти, каноники, доктора и магистры богословія, рыцари Капитана Барджелло, трубачи и булавоносцы.

На площади сдѣлалось тихо, какъ передъ смертною казною.

На Рингьеру — каменный помостъ передъ Старымъ Дворцомъ—взошелъ Савонаролла, высоко поднявъ Распятие и произнесъ торжественнымъ громкимъ голосомъ:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго — зажигайте!

Четыре монаха подошли къ пирамидѣ, съ горящими смоляными факелами, и подожгли ее съ четырехъ концовъ.

Пламя затрещало; повалилъ сперва сѣрый, потомъ черный дымъ. Трубачи затрубили. Монахи грянули: «Тебя Бога хвалимъ». Дѣти звонкими голосами подхватили:

«Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis Israiël».

На башнѣ Старого Дворца ударили въ колоколъ, и могучему мѣдному гулу его отвѣтили колокола на всѣхъ церквахъ Флоренціи.

Пламя разгоралось все ярче. Нѣжные, словно живые, листы древнихъ пергаментныхъ книгъ коробились и тѣли. Съ нижней ступени, гдѣ лежали карнавальные маски, взвилась и полетѣла пылающимъ клубомъ накладная борода. Толпа радостно ухнула и загоготала.

Одни молились, другіе плакали; иные смѣялись, прыгая, махая руками и шапками; иные пророчествовали.

— Пойте, пойте Господу новую пѣснь!—выкрикивалъ хромой сапожникъ, съ полоумными глазами.—Рухнетъ все, братья мои, сгоритъ, сгоритъ до тла, какъ эти суеты и анаѳемы въ огнѣ очистительномъ,—все, все, все—церковь, законы, правленія, власти, искусства, науки,—не останется камня на камнѣ—и будетъ новое небо, новая земля! И отреть Богъ всякую слезу съ очей нашихъ, и смерти не будетъ,—ни плача, ни скорби, ни болѣзни! Ей, гряди, Господи Иисусе!

Молодая беременная женщина, съ худымъ страдальческимъ лицомъ, должно быть, жена бѣднаго ремесленника, упала на колѣни и, протягивая руки къ пламени костра,—какъ будто видѣла въ немъ самаго Христа,—надрываясь, всхлипывая, подобно кликушѣ, вопила:

— Ей, гряди, Господи Иисусе! Аминь! Аминь! Гряди!

X.

ДЖІОВАННИ смотрѣлъ на озаренную, но еще не-тронуемую пламенемъ картину; то было созданіе Леонардо да-Винчи.

Надъ вечерними водами горныхъ озеръ стояла голая бѣлая Леда; исполинскій лебедь крыломъ охватилъ

ея станъ, выгибая длинную шею, наполняя пустынное небо и землю крикомъ торжествующей любви; въ ногахъ ея, среди водяныхъ растений, животныхъ и насѣкомыхъ, среди прозябающихъ сѣмянъ, личинокъ и зародышей, въ тепломъ сумракѣ, въ душной сырости, копошились новорожденные близнецы—полубоги-полузвѣри—Касторъ и Поллуксъ, только что вылупившись изъ разбитой скорлупы огромнаго яйца. И Леда, вся, до послѣднихъ сокровенныхъ складокъ тѣла, обнаженная, любовалась на дѣтей своихъ, обнимая шею лебедя съ цѣломудренной и сладострастной улыбкой.

Джіованни слѣдилъ, какъ пламя подходитъ къ ней все ближе и ближе,—и сердце его замирало отъ ужаса.

Въ это время монахи водрузили черный крестъ посерединѣ площади, потомъ, взявшись за руки, образовали три круга во славу Троицы и, знаменуя духовное веселіе вѣрныхъ о сожженіи суетъ и анаѣмъ, начали пляску, сперва медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе и, наконецъ, помчались вихремъ, съ пѣсней:

Ognun gridi, com'io grido,
Sempre pazzo, pazzo, pazzo!
Предъ Господомъ смирись,
Пляшите, не стыдитесь.
Какъ царь Давидъ плясалъ,
Подыметь наши ряски, —
Смотрите, чтобы въ пляскѣ
Никто не отставалъ.
Опьяненные любовью
Къ истекающему кровью
Сыну Бога на крестѣ.
Дики, радостны и шумны, —
Мы безумны, мы безумны,
Мы безумны во Христѣ!

У тѣхъ, кто смотрѣлъ, голова кружилась, ноги и руки сами собою подергивались—и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, дѣти, старики, женщины пускались въ пляску. Плѣшивый, угреватый и толстый монахъ, похожій на стараго фавна, сдѣлавъ неловкій прыжокъ, поскользнулся, упалъ и разбилъ себѣ голову до крови: едва успѣли его вытащить изъ толпы—а то растоптали бы до смерти.

Багровый мерцающій отблескъ огня озарялъ искаженные лица. Громадную тѣнь кидало Распятіе—неподвижное средоточіе вертящихся круговъ.

Мы крестиками машемъ
И пляшемъ, пляшемъ, пляшемъ,
Какъ царь Давидъ плясалъ.
Несемся другъ за другомъ
Все кругомъ, кругомъ, кругомъ,
Справляя карнавалъ.

Попирая мудрость вѣка
И гордыню человѣка,
Мы, какъ дѣти, въ простотѣ
Будемъ Божьими шутами,
Дурачками, дурачками,
Дурачками во Христѣ!

Пламя, охватывая Леду, лизало краснымъ языкомъ голое бѣлое тѣло, которое сдѣлалось розовымъ, точно живымъ—еще болѣе таинственнымъ и прекраснымъ.

Джіованни смотрѣлъ на нее, дрожа и блѣднѣя.

Леда улыбнулась ему послѣдней улыбкой, вспыхнула, растаяла въ огнѣ, какъ облако въ лучахъ зари,—и скрылась навѣки.

Громадное чучело бѣса на вершинѣ костра запылало. Брюхо его, начиненное порохомъ, лопнуло съ оглушительнымъ трескомъ. Огненный столбъ взвился до небесъ. Чудовище медленно покачнулось на пламенномъ тронѣ, поникло, рухнуло и разсыпалось тлѣющимъ жаромъ углей.

Снова грянули трубы и литавры. Ударили во всѣ колокола. И толпа завывала неистовымъ, побѣднымъ воемъ, какъ будто самъ дьяволъ погибъ въ огнѣ священнаго костра съ неправдой, мукой и зломъ всего міра.

Джіованни схватился за голову и хотѣлъ бѣжать. Чья-то рука опустилась на плечо его, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ спокойное лицо учителя.

Леонардо взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы.

XI.

Съ площади, покрытой клубами смраднаго дыма, освѣщенной заревомъ потухающаго костра, вышли они черезъ темный переулокъ на берегъ Арно.

Здѣсь было тихо и пустынно; только волны журчали. Лунный серпъ озарялъ спокойныя вершины холмовъ, посеребрённыхъ инеемъ. Звѣзды мерцали строгими и нѣжными лучами.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ меня, Джиованни?—произнесъ Леонардо.

Ученикъ поднялъ взоръ, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его пресѣкся, губы дрогнули, и онъ заплакалъ.

— Простите, учитель!..

— Ты предо мною ни въ чемъ не виновать,—возразилъ художникъ.

— Я самъ не зналъ, что дѣлаю,—продолжалъ Бельтраффио.—Какъ могъ я, о, Господи, какъ могъ уйти отъ васъ?..

Онъ хотѣлъ было рассказать свое безуміе, свою муку, свои страшныя двоящіяся мысли о чашѣ Господней и чашѣ бѣсовской, о Христѣ и Антихристѣ, но почувствовалъ опять, какъ тогда, передъ памятникомъ Сфорца, что Леонардо не пойметъ его,—и только съ безнадежною мольбою смотрѣлъ въ глаза его, ясные, тихіе и чуждые, какъ звѣзды.

Учитель не спрашивалъ его, словно все угадалъ, и съ улыбкой безконечной жалости, положивъ ему руку на голову, сказалъ:

— Господь тебѣ да поможетъ, мальчикъ мой бѣдный! Ты знаешь, что я всегда любилъ тебя, какъ сына. Если хочешь снова быть ученикомъ моимъ, я приму тебя съ радостью.

И какъ будто про себя, съ тою особою загадочною и стыдливою краткостью, съ которою обыкновенно выражалъ свои тайныя мысли,—прибавилъ чуть слышно:

— Чѣмъ больше чувства, тѣмъ больше муки. Великое мученичество!

Звонъ колоколовъ, пѣсни монаховъ, крики безумной толпы слышались издали—но уже не нарушали безмолвія, которое окружало учителя и ученика.

ВОСЬМАЯ КНИГА:

Золотой вѣкъ.

I.

Въ концѣ тысяча четыреста девяносто шестого года миланская герцогиня Беатриче писала сестрѣ своей Изабеллѣ, супругѣ маркиза Франческо Гонзаго, повелителя Мантуи:

«Яснѣйшая мадонна, сестрица наша возлюбленная, я и мой мужъ, синьоръ Лодовико, желаемъ здравствовать вамъ и знаменитѣйшему синьору Франческо.

Согласно просьбѣ вашей, посылаю портретъ сына моего Массимиліано. Только, пожалуйста, не думайте, что онъ такой маленькій. Хотѣли точную мѣрку снять, дабы послать вашей синьоринѣ, но побоялись: няня говорить, что это вредитъ росту. А растетъ онъ удивительно: ежели нѣсколько дней не вижу его, потомъ, какъ взгляну, кажется, такъ выросъ, что остаюсь чрезмѣрно довольной и утѣшенной.

А у насъ большое горе: умеръ дурачокъ Наннино. Вы его знали и тоже любили, а потому поймете, что, утративъ всякую иную вещь, я надѣялась бы замѣнить ее, но для замѣны нашего Наннино ничего бы не могла создать сама природа, которая истощила въ немъ всѣ силы, соединивъ въ одномъ существѣ для потѣхи госу-

дарей рѣдчайшую глупость съ прелестнѣйшимъ уродствомъ. Поэтъ Веллинчіони въ надгробныхъ стихахъ говоритъ, что ежели душа его на небѣ, то онъ смѣшитъ весь рай, если же въ аду, то Церберъ «молчитъ и радуется». Мы похоронили его въ нашемъ склепѣ въ Маріа делле-Граціе рядомъ съ моимъ любимымъ охотничьимъ ястребомъ и незабвенною сукою Путтиною, дабы и послѣ смерти нашей не разставаться съ такою пріятною вещью. Я плакала двѣ ночи, а синьоръ Лодовико, чтобы утѣшить меня, обѣщалъ мнѣ подарить къ Рождеству великолѣпное серебряное сѣдалище для облегченія желудка, съ изображеніемъ битвы Кентавровъ и Лапитовъ. Внутри сосудъ изъ чистаго золота, а балдахинъ изъ кармазиннаго бархата съ вышитыми герцогскими гербами, и все точъ въ точъ, какъ у великой герцогини Лорренской. Такого сѣдалища нѣтъ, говорятъ, не только ни у одной изъ итальянскихъ государынь, но даже у самого папы, императора и Великаго Турка. Оно прекраснѣе, чѣмъ знаменитое сѣдалище Базада, описанное въ эпиграммахъ Марціала. Мэрула сочинилъ гекзаметры, которые начинаются такъ:

Quis cameram hanc supero dignam neget esse tonante
Principe.

Тронъ сей достоинъ всевышняго, въ небѣ гремящаго бога.

«Синьоръ Лодовико хотѣлъ, чтобы флорентинскій художникъ Леонардо да-Винчи устроилъ въ этомъ сѣдалищѣ машину съ музыкой наподобіе маленькаго органа, но Леонардо отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что слишкомъ занять Колоссомъ и Тайной Вечерей.

«Вы просите, милая сестрица, чтобы я прислала вамъ на время этого мастера. Съ удовольствіемъ исполнила бы вашу просьбу и отослала бы его вамъ навсегда, не только на время. Но синьоръ Лодовико, не знаю почему, благоволитъ къ нему чрезмѣрно и ни за что не желаетъ разстаться съ нимъ. Впрочемъ, не особенно жалѣйте о немъ, ибо сей Леонардо преданъ алхиміи, магіи, механикѣ и тому подобнымъ бреднямъ гораздо болѣе, чѣмъ живописи, и отличается такою медленностью въ исполненіи заказовъ, что ангела можетъ вывести изъ

терпѣнія. Къ тому же, какъ я слышала, онъ еретикъ и безбожникъ.

Недавно мы охотились на волковъ. Бздить верхомъ не позволяютъ мнѣ, такъ какъ я уже пятый мѣсяцъ беременна. Я смотрѣла на охоту, стоя на высокихъ запяткахъ повозки, нарочно для меня устроенныхъ, похожихъ на церковную кафедру. Впрочемъ, это была не забава, а мука: когда волкъ въ лѣсъ убѣжалъ, я чуть не плакала. О, будь я сама на лошади, не упустила бы—шею сломала бы, а догнала бы звѣря!

Помните, сестрица, какъ мы съ вами скакали? Еще донзелла Пентезилая въ ровъ упала, чуть себѣ голову до смерти не расшибла. А охота на вепрей въ Куснаго, а мячикъ, а рыбная ловля... То-то было славное время!

Теперь утѣшаемся, какъ можемъ. Въ карты играемъ. Катаемся на конькахъ. Этому занятію выучилъ насъ молодой вельможа изъ Фландріи. Зима стоитъ лютая: не только всѣ пруды, даже рѣки замерзли. На каткѣ дворцоваго парка Леонардо вылѣпилъ прекраснѣйшую Леду съ лебедемъ изъ снѣга, бѣлаго и твердаго какъ мраморъ. Жаль, что растаетъ весною.

Ну, а какъ поживаете вы, любезная сестрица? Удалась ли порода кошекъ съ длинною шерстью? Если будетъ котенокъ рыжій съ голубыми глазами, пришлите вмѣстѣ съ обѣщанною арапкою. А я вамъ ценя въ подарю отъ Шелковинки.

Не забудьте, пожалуйста, не забудьте, мадонна, прислать выкройку голубой атласной душегрѣйки, что съ косымъ воротомъ на собольей опушкѣ. Я просила о ней въ прошломъ письмѣ. Отправьте какъ можно скорѣе, лучше всего завтра же на зарѣ съ верховымъ.

Пришлите также сткланку вашего превосходнаго умыванія отъ прыщиковъ и заморскаго дерева для полировки ногтей.

Что—памятникъ Виргилія, сего сладкозвучнаго лебедя Мантуанскихъ озеръ? Ежели бронзы не хватитъ, мы вамъ пришлемъ двѣ старыя бомбарды изъ отличной мѣди.

Астрологи наши предсказываютъ войну и жаркое лѣто: собаки будутъ бѣситься, а государи гнѣваться.

Что говоритъ вашъ астрологъ? Чужому всегда больше вѣришь, чѣмъ своему.

Посылаю для славнѣйшаго супруга вашего, синьора Франческо рецептъ отъ французской болѣзни, составленный нашимъ придворнымъ врачомъ Луиджи Марліани. Говорятъ, помогаетъ. Ртутныя втиранія должно дѣлать поутру, натошакъ, въ нечетные дни мѣсяца, послѣ поволунія. Я слышала, что приключается сія болѣзнь ни отъ чего другого, какъ отъ зловреднаго соединенія нѣкоторыхъ планетъ, особливо Меркурія съ Венерою.

Я и синьоръ Лодовико поручаемъ себя милостивому вниманію вашему, возлюбленная сестрица, и вашего супруга, знаменитѣйшаго маркиза Франческо.

Беатриче Сфорца».

II.

НЕСМОТЯ на видимое простодушіе, въ этомъ посланіи было притворство и политика. Герцогиня скрывала отъ сестры свои домашнія заботы. Мира и согласія, которые можно было предположить, судя по письму, не было между супругами. Леонардо ненавидѣла она не за ересь и безбожіе, а за то, что нѣкогда, по заказу герцога, написалъ онъ портретъ Цециліи Бергамини, ея злѣйшей соперницы, знаменитой наложницы Моро. Въ послѣднее время подозрѣвала еще другую любовную связь мужа—съ одной изъ ея придворныхъ дамиджеллъ—мадонною Лукреціей.

Въ тѣ дни герцогъ Миланскій достигъ высоты могущества. Сынъ Франческо Сфорца, отважнаго романьольскаго наемника, полусолдата, полуразбойника, мечталъ онъ сдѣлаться самодержавнымъ владыкою объединенной Италіи.

«Папа—мой духовникъ, императоръ — мой полководецъ, городъ Венеція — мой казначей, король французскій—мой гонецъ»,—хвасталъ Моро.

«Ludovicus Maria Sfortia, Anglus dux Mediolani»—подписывался онъ, производя свой родъ отъ славнаго героя Энеева спутника, Англа Троянскаго. Колоссъ, изваянный

Леонардо, памятникъ отца его, съ надписью: *Esse Deus! Se Deus!*—свидѣтельствовалъ также о божественномъ величїи Сфорца.

Но, вопреки наружному благополучію, тайная тревога и страхъ мучили герцога. Онъ зналъ, что народъ не любить его и считаетъ похитителемъ престола. Однажды, на площади Аренго, увидѣвъ издали вдову покойнаго герцога Джіанъ-Галеаццо съ ея первенцомъ Франческо, толпа закричала: «да здравствуетъ законный герцогъ Франческо!».

Ему было восемь лѣтъ. Онъ отличался умомъ и красотою. По словамъ венеціанскаго посла Марино Савуто, «народъ желалъ его себѣ въ государи, какъ Бога».

Беатриче и Моро видѣли, что смерть Джіанъ-Галеаццо обманула ихъ—не сдѣлала законными государами. И въ этомъ ребенкѣ вставала изъ гроба тѣнь умершаго герцога.

Въ Миланѣ говорили о таинственныхъ предзнаменованіяхъ. Рассказывали, будто бы ночью надъ башнями замка являются огни, подобные зареву пожара, и въ покояхъ дворца раздаются страшные стоны. Вспоминали, какъ у Джіанъ-Галеаццо, когда онъ лежалъ въ гробу, лѣвый глазъ не закрывался, что предвѣщало скорую кончину одного изъ его ближайшихъ родственниковъ. У мадонны дель-Альбере трепетали вѣки. Корова, принадлежавшая одной старушкѣ за Тичинскими воротами, отелась двухголовымъ телянкомъ. Герцогиня упала въ обморокъ въ пустынной залѣ Рокетты, испуганная привидѣніемъ, и потомъ не хотѣла объ этомъ говорить ни съ кѣмъ, даже съ мужемъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ почти совершенно утратила она шаловливую рѣзвость, которая такъ нравилась въ ней герцогу, и съ недобрыми предчувствіями ожидала родовъ.

III.

ОДНАЖДЫ, декабрьскимъ вечеромъ, когда снѣжныя хлопья устилали улицы города, углубляя безмолвіе сумерекъ, Моро сидѣлъ въ маленькомъ палаццо, который подарилъ своей новой любовницѣ, мадоннѣ Лукреціи Кривелли.

Огонь пылалъ въ очагѣ, озаряя створы лакированныхъ дверей съ мозаичнымъ наборомъ, изображавшимъ перспективы древнихъ римскихъ зданій,—лѣпной рѣшетчатый переплетъ потолка, украшенный золотомъ, стѣны, покрытыя кордуанскими кожаными златотисненными обоями, высокія кресла и рундуки изъ чернаго дерева, круглый столъ съ темно-зеленою бархатною скатертью, съ открытымъ романомъ Боярдо, свитками нотъ, перламутровою мандолиною и граненымъ кувшиномъ Бальнеа Апонитана—цѣлебной воды, входившей въ моду у знатныхъ дамъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Лукреціи, кисти Леонардо.

Надъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо порхающія птицы клевали виноградъ, и крылатые голыя дѣти—не то христіанскіе ангелы, не то языческіе амурь—плясали, играя святѣйшими орудіями страстей Господнихъ—гвоздями, копіемъ, тростью, губою и терніями; они казались живыми въ розовомъ отблескѣ пламени.

Вьюга выла въ трубѣ очага. Но въ изящномъ рабочемъ покоѣ—студіоло все дышало уютною нѣгою.

Мадонна Лукреція сидѣла на бархатной подушкѣ у ногъ Моро. Лицо ея было печально. Онъ ласково пенялъ ей за то, что она давно не посѣщаетъ герцогини Беатриче.

— Ваша свѣтлость, — молвила дѣвушка, потушивъ глаза,—умоляю васъ, не принуждайте меня: я не умѣю лгать...

— Помилуй, да развѣ это значить лгать?—удивился Моро. — Мы только скрываемъ. Не хранилъ ли самъ Громовержецъ любовныхъ тайнъ своихъ отъ ревливой супруги? А Тезей, а Федра и Медея — всѣ герои, всѣ боги древности? Можемъ ли мы, слабые смертные, противиться власти бога любви? Къ тому же тайное зло не лучше ли явнаго? Ибо, скрывая грѣхъ, мы избавляемъ ближнихъ отъ соблазна, какъ того требуетъ христіанское милосердіе. А если нѣтъ соблазна, и есть милосердіе, то нѣтъ зла, или почти нѣтъ...

Онъ усмѣхнулся своей хитрой усмѣшкой. Лукреція покачала головой и посмотрѣла ему прямо въ глаза, не много исподлобья—строгими, важными, какъ у дѣтей, и невинными глазами.

— Вы знаете, государь, какъ я счастлива вашею любовью. Но мнѣ иногда хотѣлось бы лучше умереть, чѣмъ обманывать мадонну Беатриче, которая любитъ меня, какъ родную...

— Полно, полно, дитя мое!—молвилъ герцогъ и привлекъ ее къ себѣ на колѣни, одною рукою обвивъ ея станъ, другою лаская черные блестящіе волосы съ гладкими начесами на уши, съ нитью фероньеры, на которой посерединѣ лба блестѣла алмазная искра. Опустивъ длинныя, пушистыя рѣсницы — безъ упоенія, безъ страсти, вся холодная и чистая—отдавалась она его ласкамъ.

— О, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, мою тихую, смиренную—тебя одну!—шепталъ онъ, съ жадностью вдыхая знакомый аромат фіалокъ и мускуса.

Дверь открылась, и прежде, чѣмъ герцогъ успѣлъ выпустить дѣвушку изъ объятій, въ комнату вбѣжала испуганная служанка.

— Мадонна, мадонна,—бормотала она, задыхаясь, — тамъ, внизу, у воротъ... о, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ...

— Да ну же, говори толкомъ,—произнесъ герцогъ, — кто у воротъ?

— Герцогиня Беатриче!

Моро поблѣднѣлъ.

— Ключъ! Ключъ отъ другихъ дверей! Я заднимъ ходомъ черезъ дворъ. Да гдѣ же ключъ? Скорѣе!..

— Кавальеры яснѣйшей мадонны стоятъ и у задняго хода!—въ отчаяннѣйшій всплеснула руками служанка.—Весь домъ окруженъ...

— Западнѣ!—произнесъ герцогъ, хватаясь за голову. — И откуда она узнала? Кто могъ ей сказать?

— Никто, какъ монна Сидонія! — подхватила служанка.—Не даромъ проклятая вѣдьма шляется къ намъ со своими снадобьями и притираніями. Говорила я вамъ синьора, берегитесь...

— Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать?—лепеталъ герцогъ, блѣднѣя.

Съ улицы слышался громкій стукъ въ наружныя двери дома. Служанка бросилась на лѣстницу.

— Спрячь, спрячь меня, Лукреція!

— Ваша свѣтлость,—возразила дѣвушка, — мадонна Беатриче, если подозрѣваетъ, велитъ весь домъ обыскать. Не лучше ли вамъ прямо выйти къ ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани, что ты говоришь, Лукреція! Выйти къ ней! Ты не знаешь, что это за женщина! О, Господи, страшно подумать, что изъ всего этого можетъ произойти... Вѣдь она беременна!.. Да спрячь же меня, спрячь!..

— Право, не знаю куда...

— Все равно, куда хочешь, только поскорѣе!

Герцогъ дрожалъ и въ это мгновеніе похожъ былъ скорѣе на пойманнаго вора, чѣмъ на потомка баснословнаго героя, Англа Троянскаго, Энеева спутника.

Лукреція провела его черезъ спальню въ уборную и спрятала въ одинъ изъ тѣхъ большихъ, вдѣланныхъ въ стѣну шкаповъ, бѣлыхъ, съ тонкими, золотыми узорами въ древнемъ вкусѣ, которые служили «твардаробами» — одеждохранилищами знатныхъ дамъ.

Онъ притаился въ углу между платьями.

— Какъ глупо!—думалъ.—Боже мой, какъ глупо! Точно въ смѣшныхъ побасенкахъ Франко Сакетти или Боккачіо.

Но ему было не до смѣха. Онъ вынулъ изъ-за пазухи маленькую ладонку, съ мощами св. Христофора, и другую, точно такую же, съ моднымъ въ тѣ времена талисманомъ — кусочкомъ египетской муміи. Ладонки были такъ похожи, что въ темнотѣ и второпяхъ не могъ онъ отличить одну отъ другой, и, на всякій случай, сталъ цѣловать обѣ вмѣстѣ, крестясь и творя молитву.

Вдругъ, услышавъ голоса жены и любовницы, входившихъ въ уборную, похолодѣлъ отъ ужаса. Онъ бесѣдовали дружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ догадался, что Лукреція показываетъ герцогинѣ свой новый домъ по ея настоянію. Должно быть, Беатриче не имѣла явныхъ уликъ и не хотѣла обнаружить подозрѣній.

То былъ поединокъ женской хитрости.

— Здѣсь тоже платья? — спросила Беатриче равнодушнымъ голосомъ, подходя къ шкапу, въ которомъ стоялъ Моро ни живъ, ни мертвъ.

— Домашнія, старыя. Угодно взглянуть вашей свѣтлости?—молвила Лукреція.

И пріотворила дверцы.

— Послушайте, душечка,—продолжала герцогиня,— а гдѣ же то, которое, помните, мнѣ такъ понравилось? Вы были въ немъ у Паллавичини на лѣтнемъ балу. Все такіе червячки, червячки, знаете—золотые по темно-синему морелло—блестять, какъ ночью свѣтляки.

— Не помню что-то,—произнесла Лукреція спокойно.— Ахъ, да, да, здѣсь,—спохватилась она,— должно быть, вотъ въ этомъ шкапу.

И, не притворивъ дверецъ шкапа, въ которомъ находился Моро, отошла съ герцогиней къ сосѣдней гвардаробѣ.

— А еще говорила, что лгать не умѣть!—подумалъ онъ съ восхищеніемъ. Какое присутствіе духа! Женщины — вотъ у кого бы намъ, государямъ, поучиться политикѣ!

Беатриче и Лукреція удалились изъ уборной.

Моро вздохнулъ свободнѣе, хотя все еще судорожно сжималъ въ рукѣ обѣ ладонки—съ мощами и муміей.

— Двѣсти имперскихъ дукатовъ въ обитель Маринделле-Граціе, Пречистой Заступницѣ—на елей и на свѣчи, ежели обойдется благополучно! — шепталъ онъ съ пламенною вѣрою.

Прибѣжала служанка, открыла шкапъ, съ почти-тельно-лукавымъ видомъ выпустила герцога и объявила, что опасность миновала — свѣтлѣйшая герцогиня изволила уѣхать, милостиво простившись съ мадонною Лукреціей.

Онъ перекрестился набожно, вернулся въ студіоло, выпилъ для подкрѣпленія стаканъ воды Бальнеа Апонитана, взглянулъ на Лукрецію, которая сидѣла, какъ прежде у камина, опустивъ голову, закрывъ лицо руками,—и улыбнулся.

Потомъ тихими, лисьими шагами подкрался къ ней сзади, наклонился и обнялъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Оставьте меня, оставьте, уйдите! О, какъ вы можете послѣ того, что было!..

Но герцогъ, не слушая, молча покрывалъ лицо ея, шею, волосы жадными поцѣлуями. Никогда еще не ка-

залась она ему такою прекрасною: какъ будто женская ложь, которую онъ только что видѣлъ въ ней, окружила ее новою прелестью.

Она боролась, но слабѣла и, наконецъ, закрывъ глаза, съ безпомощной улыбкой, медленно отдала ему свои губы.

Декабрьская вьюга выла въ трубѣ очага, между тѣмъ какъ въ розовомъ отблескѣ пламени вереница смѣющихся голыхъ дѣтей подъ виноградною кущею Вакха плясала, играя святѣйшими орудіями Страстей Господнихъ.

IV.

Въ первый день новаго тысяча четыреста девяносто седьмого года назначенъ былъ въ замкѣ балъ.

Три мѣсяца длились приготовленія, въ которыхъ участвовали Браманте, Карадоссо, Леонардо да Винчи.

Къ пяти часамъ послѣ полудня гости начали съѣзжаться во дворецъ. Приглашенныхъ было болѣе двухъ тысячъ.

Метель занесла всѣ дороги и улицы. На мрачномъ небѣ бѣлѣли подъ снѣжными сутробами зубчатые стѣны, бойницы, каменные выступы для пушечныхъ жерлъ. На дворѣ, у пылающихъ костровъ, грѣлись, весело гуторя, конюхи, скороходы, стремянные, вершники и носильщики паланкиновъ. У входа въ палаццо Дукале и далѣе, у желѣзныхъ опускаемыхъ воротъ во внутренній дворъ маленькаго замка Рокетты, раззолоченныя, неуклюжія повозки, рыдваны и колымаги, запряженныя цугомъ, тѣснились, высаживая синьоровъ и кавалеровъ, закутанныхъ въ драгоценныя московскіе мѣха. Обледенѣлыя окна сіяли праздничными огнями.

Вступая въ прихожую, гости слѣдовали между двумя длинными рядами герцогскихъ тѣлохранителей—турецкихъ мамелюковъ, греческихъ страдіотовъ, шотландскихъ арбалетчиковъ и швейцарскихъ ландскнехтовъ, закованныхъ въ латы съ тяжелыми алебардами. Впереди стояли стройные пажы, миловидные, какъ дѣвушки, въ одинако-

выхъ, отороченныхъ лебяжьимъ пухомъ, двуцвѣтныхъ ливреяхъ: правая половина—розоваго бархата, лѣвая—голубого атласа, съ вытканными на груди серебряными геральдическими знаками дома Сфорца Висконти; одежда прилежала къ тѣлу такъ плотно, что обозначала всѣ его изгибы, и только спереди изъ подъ пояса выступала короткими, тѣсными, трубчатыми складками. Въ рукахъ держали они зажженные свѣчи, длинныя, наподобіе церковныхъ, изъ краснаго и желтаго воска.

Когда гость входилъ въ пріемную, герольдъ съ двумя трубачами выкликалъ имя.

Открывался рядъ громаднхъ ослѣпительно освѣщенныхъ залъ: «зала бѣлыхъ голубокъ по красному полю», «зала золотая»—съ изображеніемъ герцогской охоты, «червчатая»—вся сверху до низу обтянутая атласомъ, съ вышитыми золотомъ пламенѣющими головнями и ведрами, обозначавшими самодержавную власть миланскихъ герцоговъ, которые, по своему желанію, могутъ раздувать огонь войны и гасить его водою мира. Въ изящной маленькой «черной залѣ», построенной Браманте, служившей дамскою уборной, на сводахъ и стѣнахъ видѣлись неоконченные фрески Леонардо.

Нарядная толпа гудѣла, подобно пчелиному рою. Одежды отличались многоцвѣтною яркостью и безмѣрною, нерѣдко безвкусною, роскошью. Въ этой пестротѣ, въ неуважительномъ къ обычаямъ предковъ, пороку шутовскомъ и уродливомъ, смѣшеніи разноязычныхъ модъ одинъ сатирикъ видѣлъ «предзнаменованіе нашествія иноплеменныхъ—грядущаго рабства Італіи».

Ткани женскихъ платьевъ, съ прямыми, тяжелыми складками, не гнуцимися, вслѣдствіе обилія золота и драгоценныхъ камней, напоминали церковныя ризы и были столь прочны, что передавались по наслѣдству отъ прабабушекъ правнучкамъ. Глубокіе вырѣзы обнажали плечи и грудь. Волосы, покрытые спереди золотою сѣткою, заплетались, по ломбардскому обычаю, у замужнихъ, такъ же какъ у дѣвушекъ, въ тугую косу, удлинненную до пола искусственными волосами и лентами. Мода требовала, чтобы брови были едва очерчены: женщины, обладавшія густыми бровями, выщипывали ихъ особыми стальными

щипчиками. Обходиться безъ румянъ и бѣлилъ считалось непристойностью. Духи употреблялись крѣпкіе, тяжелые—мускусъ, амбра, виверра, кипрскій порошокъ съ пронзительнымъ одуряющимъ запахомъ.

Въ толпѣ попадались молодыя дѣвушки и женщины съ особенною прелестью, которая нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Ломбардіи,—съ тѣми воздушными тѣнями, тающими, какъ дымъ, на блѣдной матовой кожѣ, на нѣжныхъ, мягкихъ округлостяхъ лица, которыя любилъ изображать Леонардо да-Винчи.

Мадонну Віоланту Борромео, черноокою, чернокудрую, съ понятною для всѣхъ побѣждающею красотою, называли царицею бала. Мотыльки, обжигающіе крылья о пламя свѣчи—предостереженіе влюбленнымъ—вытканы были золотомъ по темно-пунцовому бархату ея платья.

Но не мадонна Віоланта привлекала вниманіе избранныхъ, а донзелла Діана Паллавичини, съ глазами холодными и прозрачными, какъ ледъ, волосами сѣрыми, какъ пепель, съ равнодушною улыбкой и говоромъ медлительнымъ, какъ звукъ віолы. Ее облакала простая одежда изъ бѣлой струистой камки съ длинными шелковыми лентами, тускло-зелеными, какъ водоросли. Окруженная блескомъ и шумомъ, казалась она чуждой всему, одинокою и печальною, какъ блѣдныя водяные цвѣты, которые спятъ подъ луною въ заглохшихъ прудахъ.

Грянули трубы, литавры,—и гости направились въ большую «Залу для игры въ мячъ», находившуюся въ Рокеттѣ. Подъ голубымъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, сводомъ крестообразныя перекладины съ восковыми свѣчами горѣли огненными гроздьями. Съ балкона, служившаго хорами, свѣшивались шелковые ковры съ гирляндами лавровъ, плюща и можжевельника.

Въ часъ, минуту и секунду, назначенные астрологами,—ибо герцогъ шагу не дѣлалъ, по выраженію одного посла, рубашки не перемѣнялъ, жены не цѣловалъ, не сообразуясь съ положеніемъ звѣздъ,—въ залу вошли Моро и Беатриче, въ царственныхъ мантияхъ изъ золотой парчи, подбитыхъ горностаемъ, съ длинными шлейфами, которые несли бароны, камерьеры, спендиторы и чьямбелланы. На груди герцога въ пряжкѣ сиялъ ру-

бинъ неимовѣрной величины, похищенный имъ у Джіанъ-Галеаццо.

Беатриче похудѣла и подурнѣла. Странно было видѣть животъ беременной женщины у этой дѣвочки, казавшейся почти ребенкомъ,—съ плоскою грудью и рѣзкими мальчишескими движеніями.

Моро подаль знакъ. Главный сенешаль поднялъ жезль, на хорахъ заиграла музыка—и гости стали садиться за пиршественные столы.

V.

ПРОИЗОШЛО замѣшательство. Посоль великаго князя московскаго, Данило Мамыровъ, не пожелалъ сѣсть ниже посла Яснѣйшей республики Санъ-Марко. Мамырова стали уговаривать. Но упрямый старикъ, никого не слушая, стоялъ на своемъ: «не сяду—зазорно мнѣ сіе!»

Любопытные и насмѣшливые взгляды обращались на него отовсюду.

— Что такое? Опять съ москвитами неприятели? Дикій народъ! Лѣзутъ на первыя мѣста—знать ничего не хотятъ. Никуда ихъ приглашать нельзя. Варвары! А языкъ-то—слышите?—совсѣмъ турецкій. Звѣрское племя!..

Юркій и вертлявый мантуанецъ Бокалино, толмачъ, подскочилъ къ Мамырову:

— Мессэръ Даніеле, мессэръ Даніеле,—запенеталъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ подобострастными ужимками и поклонами,—не можно, не можно! Сѣсть надо. Обычай въ Миланѣ. Спорить не хорошо. Дука сердится.

Подошелъ къ старику и молодой спутникъ его, Никита Карачьяровъ, тоже дьякъ посольскаго приказа.

— Данило Кузьмичъ, батюшка, не изволь сердчать! Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять. Люди иноземные, обычаевъ нашихъ не вѣдаютъ. Долго ли до грѣха? Еще выведутъ! Сраму наживемъ...

— Молчи, Никита, молчи! Младъ ты учить меня, старика. Знаю, что дѣлаю. Не быть тому вовѣки! Не сяду ниже посла венеційскаго. Сіе для чести нашей по-

сольской поруха великая. Сказано: всякій посоль лицо носить и рѣчи говорить государя своего. А нашъ государъ православный, самодержавный, всея Руси...

— Мессэръ Даніеле, о, мессэръ Даніеле!—егозилъ толмачъ Бокалино.

— Отстанъ! Чего латошишь, обезьяня твоя рожа басурманская? Сказано, не сяду—и не сяду!

Подъ нахмуренными бровями маленькіе медвѣжьи глазки Мамырова сверкали гнѣвомъ, гордостью и непобѣдимымъ упрямствомъ. Усыпанный изумрудами набалдашникъ посоха дрожалъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ. Видно было, что никакія силы не принудятъ его уступить.

Моро подозвалъ къ себѣ посла Венеціи, съ обаятельною любезностью, на которую былъ мастеръ, извинился, обѣщалъ ему свое благоволеніе и попросилъ, какъ о личномъ для себя одолженіи, пересѣсть на другое мѣсто, во избѣжаніе споровъ и пререканій, увѣряя, что нелѣпому честолюбію этихъ варваровъ никто не придаетъ значенія. На самомъ дѣлѣ, герцогъ весьма дорожилъ милостью «великаго герцога Розійскаго»—«gran duca di Rosia», надѣясь при помощи его заключить выгодный договоръ съ турецкимъ султаномъ.

Венеціанецъ, взглянувъ на Мамырова съ тонкой усмѣшкой и презрительно пожавъ плечами, замѣтилъ, что его высочество правъ—подобные споры о мѣстахъ недостойны людей, просвѣщенныхъ свѣтомъ «человѣчности»—*humanaità*,—и сѣлъ на указанное мѣсто.

Данило Кузьмичъ не понялъ рѣчи соперника. Но, если бы и понялъ, не смутился бы и продолжалъ считать правымъ себя, ибо зналъ, что десять лѣтъ назадъ, въ 1487 году, на торжественномъ выходѣ папы Иннокентія VIII, московскіе послы Димитрій и Мануилъ Ралева, на ступеняхъ апостольскаго трона, заняли мѣста, болѣе почетныя послѣ римскихъ сенаторовъ, представителей древняго міродержавнаго города. Не даромъ, въ посланіи бывшаго кіевскаго митрополита Саввы Спиридона, великій князь московскій уже объявленъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ двуглаваго орла Византіи, объединившаго подъ сѣнью крылъ своихъ Востокъ и Западъ, такъ какъ Господь Вседержитель,—сказано было въ посланіи,—низвер-

гнувъ за ереси оба Рима, ветхій и новый, воздвигъ третій, таинственный Градъ, дабы излить на него всю славу, всю силу и благодать Свою, третій полунощный Римъ—православную Москву—а четвертаго Рима не будетъ во вѣки.

Не обращая вниманія на враждебные взоры, самодовольно поглаживая длинную сѣдую бороду, поправляя поясъ на толстомъ животѣ и соболѣю шубу пунцоваго бархата, грузно и важно кряхтя, опустился Данило Кузьмичъ на отвоеванное мѣсто. Чувство темное и пьяное, какъ хмель, наполняло ему душу.

Никита вмѣстѣ съ толмачемъ Бокалино сѣли на нижнемъ концѣ стола, рядомъ съ Леонардо да-Винчи.

Хвастливый мантуанецъ рассказывалъ о чудесахъ, видѣнныхъ имъ въ Московіи, смѣшивая былъ съ небылицею. Художникъ, надѣясь получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ самого Карачьярова, обратился къ нему черезъ переводчика и сталъ разспрашивать о далекой странѣ, которая возбуждала любопытство Леонардо, какъ все безмѣрное и загадочное,—о ея безконечныхъ равнинахъ, лютыхъ морозахъ, могучихъ рѣкахъ и лѣсахъ, о приливѣ въ Гиперборейскомъ океанѣ и Гирканійскомъ морѣ, о сѣверномъ сіяніи, такъ же какъ о друзьяхъ своихъ, поселившихся въ Москвѣ: ломбардскомъ художникѣ Пьетро Антоніо Солари, который участвовалъ въ постройкѣ Грановитой Палаты, и зодчемъ Аристотелѣ Фіоравенти изъ Болоньи, украсившемъ площадь Кремля великолѣпными зданіями.

— Мессэре,—обратился къ толмачу сидѣвшая рядомъ бойкая, любопытная и плутоватая донзелла Эрмеллина,—я слышала, будто бы эту удивительную страну потому называютъ Розіа, что тамъ растетъ много розъ. Правда ли это?

Бокалино разсмѣялся и увѣрилъ донзеллу, что это вздоръ, что въ Розіи, несмотря на ея имя, меньше розъ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ, и въ доказательство привелъ итальянскую новеллу о русскомъ холодѣ.

Нѣкоторые купцы изъ города Флоренціи пріѣхали въ Польшу. Далѣе въ Розію не пустили ихъ, потому что въ это время польскій король велъ войну съ великимъ гер-

цогомъ Московіи. Флорентинцы, желая купить соболей, пригласили русскихъ купцовъ на берегъ Борисоена, отдѣляющаго обѣ страны. Опасаясь быть взятыми въ плѣнъ, московиты стали на одномъ берегу, итальянцы на другомъ, и начали громко перекликаться черезъ рѣку, торгуясь. Но стужа была такъ сильна, что слова, не достигая противоположнаго берега, замерзали въ воздухѣ. Тогда находчивые ляхи разложили большой костеръ посрединѣ рѣки, въ томъ мѣстѣ, куда по расчету слова доходили еще не замерзшими. Ледъ, твердый, какъ мраморъ, могъ выдержать какое угодно пламя. И вотъ, когда зажгли огонь, слова, въ продолженіе цѣлаго часа остававшіяся въ воздухѣ неподвижными, обледенѣлыми, начали таять, струиться съ тихимъ журчаніемъ, подобно внешней каплѣ, и, наконецъ, были услышаны флорентинцами явственно, несмотря на то, что московиты давно удалились съ противоположнаго берега.

Разсказъ всѣмъ пришелся по вкусу. Взоры дамъ, полные сострадательнаго любопытства, обратились на Никиту Карачьярова, обитателя столь злополучной, Богомъ проклятой земли.

Въ это время самъ Никита, остолбенѣвъ отъ удивленія, смотрѣлъ на невиданное зрѣлище—громадное блюдо съ голою Андромедою, изъ нѣжныхъ кашлуныхъ груденокъ, прикованною къ скалѣ изъ творожнаго сыру, и освободителемъ ея, крылатымъ Персеємъ, изъ телятины.

Во время мясной части пира все было червленое, золотое, во время рыбной—стало серебрянымъ, соответственно водной стихіи. Подали посеребренные хлѣбы, посеребренные салатные лимоны въ чашкахъ, и, наконецъ, на блюдѣ между гигантскими осетрами, миногами и стерлядями появилась Амфитрита изъ бѣлаго мяса угрей въ перламутровой колесницѣ, влекомой дельфинами надъ голубовато-зеленымъ, какъ морскія волны, трепетнымъ студнемъ, изнутри освѣщеннымъ огнями.

Затѣмъ потянулись нескончаемыя сладости—изваянія изъ марципановъ, фисташекъ, кедровыхъ орѣховъ, миндаля и жженого сахара, исполненныя по рисункамъ Браманте, Карадоссо и Леонардо,—Геркулесъ, добывающій

золотыя яблоки Гесперидъ, басня Иннолита съ Федрою, Вакха съ Ариадною, Юпитера съ Данаею—весь Олимпъ воскресшихъ боговъ.

Никита съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ на эти чудеса, между тѣмъ какъ Данило Кузьмичъ, теряя охоту къ ѣдѣ при видѣ голыхъ безстыдныхъ богинь,—ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Антихристова мерзость! Погань языческая!

VI.

НАЧАЛСЯ балъ. Тогдашнія пляски—Венера и Завръ, Жестокая Участь, Купидонъ—отличались медлительностью, такъ какъ платья дамъ, длинныя и тяжелыя, не позволяли быстрыхъ движеній. Дамы и кавалеры сходились, расходились, съ неторопливою важностью, съ жеманными поклонами, томными вздохами и сладкими улыбками. Женщины должны были выступать, какъ павы, плыть, какъ лебедки. И музыка была тихая, нѣжная, почти унылая, полная страстнымъ томленіемъ, какъ пѣсни Петrarки.

Главный полководецъ Моро, молодой синьоръ Галеаццо Сансеварино, изысканный щеголь, весь въ бѣломъ, съ откидными рукавами на розовой подкладкѣ, съ алмазами на бѣлыхъ туфляхъ, съ красивымъ, вялымъ, испитымъ и женоподобнымъ лицомъ, очаровывалъ дамъ. Одобрительный шопоть пробѣгалъ въ толпѣ, когда во время танца Жестокая Участь, роняя, какъ будто печаянно, на самомъ дѣлѣ нарочно, туфлю съ ноги или накидку съ плеча, продолжалъ онъ скользить и кружиться по залѣ съ тою «скучающею небрежностью», которая считалась признакомъ высшаго изящества.

Данило Мамыровъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и плюнулъ:

— Ахъ, ты шутъ гороховый!

Герцогиня любила танцы. Но въ тотъ вечеръ на сердцѣ у нея было тяжело и смутно. Лишь давняя привычка къ лицемерію помогала ей разыгрывать роль гостепріимной хозяйки—отвѣчать на поздравленія съ по-

вымъ годомъ, на приторныя любезности вельможъ. Порою казалось ей, что она не вынесетъ—убѣжить или заплачетъ.

Не находя себѣ мѣста, блуждая по многолюднымъ заламъ, зашла она въ маленький дальній покой, гдѣ у весело пылавшаго камина разговаривали въ тѣсномъ кружкѣ молодыя дамы и синьоры.

Спросила, о чемъ они бесѣдуютъ.

— О платонической любви, ваша свѣтлость,—отвѣчала одна изъ дамъ.—Мессэръ Антонніотто Фрегосо доказываетъ, что женщина можетъ цѣловать въ губы мужчину, не нарушая цѣломудрія, если онъ любитъ ее небесною любовью.

— Какъ же вы это доказываете, мессэръ Антонніотто?—молвила герцогиня, разсѣянно щури глаза.

— Съ позволенія вашей свѣтлости я утверждаю, что уста—орудіе рѣчи—служатъ вратами души, и когда онѣ соединяются въ лобзаніи платоническомъ, души любовниковъ устремляются къ устамъ, какъ бы къ естественному выходу своему. Вотъ почему Платонъ не возбраняетъ поцѣлуя, а царь Соломонъ въ «Пѣсни Пѣсней», прообразуя таинственное сляніе души человѣческой съ Богомъ, говоритъ: лобзай меня лобзаніемъ устъ твоихъ.

— Извините, мессэре,—перебилъ его одинъ изъ слушателей, старый баронъ, сельскій рыцарь съ честнымъ и грубымъ лицомъ,—можетъ быть, я этихъ тонкостей не разумѣю, но неужели полагаете вы, что мужъ, заставъ жену свою въ объятіяхъ любовника, долженъ терпѣть?..

— Конечно,—возразилъ придворный философъ,—сообразно съ мудростью духовной любви...

— А какъ же бракъ?..

— Ахъ, Боже мой! Да мы о любви говоримъ, а не о бракѣ!—перебила хорошенькая мадонна Фіордализа, нетерпѣливо пожимая ослѣнительными голыми плечами.

— Но вѣдь и бракъ, мадонна, по всѣмъ законамъ человѣческимъ...—началъ было рыцарь.

— Законы!—презрительно сморщила Фіордализа свои алія губки.—Какъ можете вы, мессэре, въ такой возвышенной бесѣдѣ упоминать о законахъ человѣческихъ—

жалкихъ созданіяхъ черни, превращающихъ свѣтыя имена любовника и возлюбленной въ столь грубыя слова, какъ мужъ и жена?

Баронъ только руками развелъ.

А мессръ Фрегозо, не обращая на него вниманія, продолжалъ свою рѣчь о тайнахъ небесной любви.

Беатриче знала, что при дворѣ въ большой модѣ непристойнѣйшій сонетъ этого самаго мессэра Антонніотто Фрегозо, посвященный красивому отроку и начинавшійся такъ:

Ошибся царь боговъ, похитивъ Ганимеда...

Герцогинѣ сдѣлалось скучно.

Она потихоньку удалилась и перешла въ сосѣднюю залу.

Здѣсь читалъ стихи пріѣзжій изъ Рима знаменитый стихотворецъ Серафимо д'Аквила, по прозвищу Единственный—Unico, маленький, худенькій, тщательно вымытый, выбритый, завитой и надушенный человѣчекъ съ розовымъ младенческимъ личикомъ, томной улыбкой, скверными зубами и масляными глазками, въ которыхъ сквозь вѣчную слезу восторга мелькала порой плутоватая хитрость.

Увидѣвъ среди дамъ, окружавшихъ поэта, Лукрецію, Беатриче смутилась, чуть-чуть поблѣднѣла, но тотчасъ оправилась, подошла къ ней съ обычною ласкою и поцѣловала.

Въ это время появилась въ дверяхъ полная, пестро одѣтая, сильно нарумяненная, уже не молодая и некрасивая дама, державшая платокъ у носа.

— Что это, мадонна Діониджіа? Не ушиблись ли вы?—спросила ее донзелла Эрмеллина съ лукавымъ участіемъ.

Діониджіа объяснила, что во время танцевъ, должно быть отъ жары и усталости, кровь пошла у нея изъ носу.

— Вотъ случай, на который даже мессръ Унико едва ли сумѣлъ бы сочинить любовные стихи,—замѣтилъ одинъ изъ придворныхъ.

Унико вскочилъ, выставилъ одну ногу впередъ, за-

думчиво провелъ рукою по волосамъ, закинулъ голову и поднялъ глаза къ потолку.

— Тихе, тихе, — благоговѣнно зашумукали дамы, — мессръ Унико сочиняетъ! Ваше высочество, пожалуйста сюда, здѣсь лучше слышно.

Донзелла Эрмеллина, взявъ лютню, потихоньку перебирала струны, и подъ эти звуки поэтъ торжественно-глухимъ, замирающимъ голосомъ чревоущателя проговорилъ сонетъ.

Амуръ, тронутый мольбами влюбленного, направилъ стрѣлу въ сердце жестокой; но, такъ какъ на глазахъ бога повязка, — промахнулся; и вмѣсто сердца —

Стрѣла пронзила носикъ нѣжный —
И вотъ въ платочекъ блоснѣжный
Росою алой льется кровь.

Дамы захлопали въ ладоши.

— Прелестно, прелестно, неподражаемо! Какая быстрота! Какая легкость! О, это не чета нашему Беллинчioni, который цѣлыми днями потѣетъ надъ каждымъ сонетомъ. Ахъ, душечка, вѣрите ли, когда онъ поднималъ глаза къ небу, я почувствовала — точно вѣтеръ на лицѣ, что то сверхъестественное — даже страшно стало...

— Мессръ Унико, не хотите ли рейнского? — суется одна.

— Мессръ Унико, прохладительныя лепешечки съ мятою, — предлагала другая.

Его усаживали въ кресло, обмахивали вѣерами.

Онъ млѣлъ, таялъ и жмурился глаза, какъ сытый котъ.

Потомъ прочелъ другой сонетъ въ честь герцогини, въ которомъ говорилось, что снѣгъ, пристыженный бѣлизной ея кожи, задумалъ коварную месть, превратился въ ледъ, и потому-то недавно, выйдя прогуляться во дворъ замка, она поскользнулась и едва не упала.

Прочелъ также стихи, посвященные красавицѣ, у которой не хватало передняго зуба: то была хитрость Амура, который, обитая во рту ея, пользуется этой щелокою, какъ бойницею, чтобы метать свои стрѣлы.

— Геній!—взвизгнула одна изъ дамъ.—Имя Унико въ потомствѣ будетъ рядомъ съ именемъ Данте!

— Выше Данте!—подхватила другая.—Развѣ можно у Данте научиться такимъ любовнымъ тонкостямъ, какъ у нашего Унико?

— Мадонны,—возразилъ поэтъ со скромностью,—вы преувеличиваете. Есть и у Данте большія достоинства. Впрочемъ, каждому свое. Что касается меня, то за ваши рукоплесканія я отдалъ бы свою славу Данте.

— Унико! Унико!—вздыхали поклонницы, изнемогая отъ восторга.

Когда Серафино началъ новый сонетъ, гдѣ описывалось, какъ, во время пожара въ домѣ его возлюбленной, не могли потушить огонь, потому что собѣжавшіеся люди должны были заливать водою пламя собственныхъ сердецъ, зажженное взорами красавицы,—Беатриче, наконецъ, не вытерпѣла и ушла.

Она вернулась въ главные залы, велѣла своему пажу Ричьярдетто, преданному и даже, какъ порой казалось ей, влюбленному въ нее мальчику, идти наверхъ, ожидать съ факеломъ у дверей спальни, и, поспѣшно пройдя нѣсколько ярко-освѣщенныхъ многочелюдныхъ комнатъ, вступила въ пустынную, отдаленную галерею, гдѣ только стражи дремали, склонившись на копыя;—отперла желѣзную дверцу, поднялась по темной витой лѣстницѣ въ громадный сводчатый залъ, служившій герцогскою спальнею, находившійся въ четырехугольной сѣверной башнѣ замка; подошла со свѣчею къ небольшому, вдѣланному въ толщу каменной стѣны, дубовому ларцу, гдѣ хранились важныя бумаги и тайныя письма герцога, вложила ключъ, украденный у мужа, въ замочную скважину, хотѣла повернуть, но почувствовала, что замокъ сломанъ, распахнула мѣдные створы, увидѣла пустыя полки и догадалась, что Моро, замѣтивъ пропажу ключа, спряталъ письма въ другое мѣсто.

Остановилась въ недоумѣніи.

За окнами вѣяли снѣжныя хлопья, какъ бѣлые призраки. Вѣтеръ шумѣлъ—то вылъ, то плакалъ. И древнее, страшное, вѣчное, знакомое сердцу напоминали эти голоса ночного вѣтра.

Взоры герцогини упали на чугунную заслонку, закрывавшую круглое отверстіе Діонисіева уха—слуховой трубы, проведенной Леонардо въ герцогскую спальню изъ нижнихъ покоевъ дворца. Она подошла къ отверстію и, снявъ съ него тяжелую крышку, прислушалась: волны звуковъ долетѣли до нея подобныя шуму далекаго моря, который слышится въ раковинахъ; съ говоромъ, съ шелестомъ праздничной толпы, съ нѣжными вздохами музыки сливался вой и свистъ ночного вѣтра.

Вдругъ почудилось ей, что не тамъ, внизу, а надъ самымъ ухомъ ея кто то прошепталъ:

«Беллинчioni... Беллинчioni»...

Она вскрикнула и поблѣднѣла.

«Беллинчioni!.. Какъ же я сама не догадалась? Да, да, конечно! Вотъ отъ кого я узнаю все... Къ нему! Только какъ бы не замѣтили?... Будутъ искать... Все равно! Я хочу знать, я больше не могу терпѣть этой лжи!»

Она вспомнила, что Беллинчioni, отговорившись болѣзнию, не пріѣхалъ на балъ, сообразила, что въ этотъ часъ онъ почти навѣрное дома, одинъ, и кликнула пажа Ричьярдетто, который стоялъ у дверей.

— Вели двумъ скороходамъ съ носилками ждуть меня внизу, въ паркѣ, у потайныхъ воротъ замка. Только смотри, если хочешь угодить мнѣ, чтобы никто объ этомъ не зналъ—слышишь?—никто!

Дала ему поцѣловать свою руку. Мальчикъ бросился исполнять приказаніе.

Беатриче вернулась въ опочивальню, накинула на плечи шубу, надѣла черную шелковую маску и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣла въ носилкахъ, направлявшихся къ Тичинскимъ воротамъ, гдѣ жилъ Беллинчioni.

VII.

ПОЭТЪ называлъ свой ветхій, полуразвалившійся домикъ «лягушечьей норой». Онъ получалъ довольно много подарковъ, но вель безпутную жизнь, пропивалъ или проигрывалъ все, что имѣлъ,

и потому бѣдность, по собственному выраженію Бернардо, преслѣдовала его, «какъ нелюбимая, но вѣрная жена».

Лежа на сломанной трехногой кровати, съ полѣномъ вмѣсто четвертой ноги, съ дырявымъ и тонкимъ, какъ блинъ, тюфякомъ, допивая третій горшокъ дрянного кислаго вина, сочинялъ онъ надгробную надпись для любимой собаки мадонны Цециліи. Поэтъ наблюдалъ, какъ потухаютъ послѣдніе угли въ каминѣ, тщетно стараясь согрѣться, натягивалъ на свои тонкія журавлиныя ноги изъѣденную молью бѣличью шубенку, вмѣсто одѣяла, слушалъ завываніе вьюги и думалъ о холодѣ предстоявшей ночи.

На придворный балъ, гдѣ должны были представить сочиненную имъ въ честь герцогини аллегорію «Рай», не пошелъ онъ, вовсе не потому что былъ боленъ, — хотя, въ самомъ дѣлѣ, уже давно хворалъ и такъ былъ худъ, что, по словамъ его, «можно было, разсматривая тѣло его, изучать анатомію всѣхъ человѣческихъ мускуловъ, жилъ и костей». Но будь онъ даже при послѣднемъ издыханіи, все-таки потащился бы на праздникъ. Дѣйствительной причиной его отсутствія была зависть: лучше согласился бы онъ замерзнуть въ своей конурѣ, чѣмъ видѣть торжество соперника, наглаго плута и пройдохи, мессэра Унико, который нелѣпыми виршами успѣлъ вскружить головы свѣтскимъ дурамъ.

При одной мысли объ Унико вся желчь прилиwała къ сердцу Беллинчіони. Онъ сжималъ кулаки и вскакивалъ съ постели. Но въ комнатѣ было такъ холодно, что тотчасъ же снова благоразумно ложился въ постель, дрожалъ, кашлялъ и кутался.

— Негодяи! — ругался онъ. — Четыре сонета о дровахъ, да еще съ какими римами — и ни щепки!.. Пожалуй, чернила замерзнуть — нечѣмъ будетъ писать. Не затопить ли перилами отъ лѣстницы? Все равно, порядочные люди не ходятъ ко мнѣ, а если жидъ-ростовщикъ свихнетъ себѣ шею — не велика бѣда.

Но лѣстницы онъ пожалѣлъ. Взоры его обратились на толстое полѣно, служившее четвертою ногою хрому ложу. Остановился въ минутномъ раздумьи: что

лучше — дрожать всю ночь отъ холода, или спать на шатающемся ложѣ?

Вьюга завывала въ оконную щель, заплакала, захохотала, какъ вѣдьма, въ трубѣ очага. Съ отчаянной рѣшимостью выхватилъ Бернардо полѣно изъ-подъ кровати, разрубилъ на щепки и сталъ бросать въ каминъ. Пламя вспыхнуло, озаряя печальную келью. Онъ присѣлъ на корточки и протянулъ посинѣвшія руки къ огню, послѣднему другу одинокихъ поэтовъ.

— Собачья жизнь! — размышлялъ Беллинчіони. — А вѣдь чѣмъ я, подумаешь, хуже другихъ? Не о моемъ ли прапращурѣ, знаменитомъ флорентинцѣ, въ тѣ времена, какъ о домѣ Сфорца и помину еще не было, божественный Данте сложилъ этотъ стихъ:

Bellincion Berti vid'io andar cinto
Di cuojo e d'osso?

— Небось, въ Миланѣ, когда я пріѣхалъ, придворные лизоблюды страмботто отъ сонета отличить не умѣли. Кто, какъ не я, научилъ ихъ изыскамъ новой поэзіи? Не съ моей ли легкой руки ключъ Гиппоклены разлился въ цѣлое море и грозитъ наводненіемъ? Теперь, кажется, и въ Большомъ Каналѣ кастальскія воды текутъ... И вотъ награда! Подохну, какъ песъ въ конурѣ на соломѣ!.. Впавшаго въ бѣдность поэта никто не узнаетъ, точно лицо его скрыто подъ маскою, изуродовано оспою...

Онъ прочелъ стихи изъ своего посланія къ герцогу Моро:

Иного я всю жизнь не слыхивалъ отвѣта,
Какъ «съ Богомъ прочь ступай, всѣ заняты мѣста».
Что дѣлать? Пѣсенка моя, должно быть, спѣта.
Ужъ я и не прошу о колпакѣ шута, —
Но хоть на мельницу принять вели поэта,
О, щедрый государь, какъ вьючнаго скота.

И съ горькою усмѣшкой опустилъ свою лысую голову. Долговязый, тощій, съ краснымъ длиннымъ носомъ, на корточкахъ передъ огнемъ, онъ походилъ на больную зябнущую птицу.

Внизу въ двери дома послышался стукъ, потомъ сонная ругань сварливой, опухшей отъ водянки, старухи, его единственной прислужницы, и шлепаніе деревянныхъ башмаковъ ея по кирпичному полу.

— Кой чортъ?—удивился Бернардо.—Ужъ не жидь ли опять за процентами? У, нехристи оканные! И ночью не дадутъ покоя...

Скрипнули ступени лѣстницы. Дверь отворилась, и въ комнату вошла женщина въ собольей шубѣ, въ шелковой черной маскѣ.

Бернардо вскочилъ и уставился на нее.

Она молча приблизилась къ стулу.

— Осторожнѣе, мадонна,—предупредилъ хозяинъ,—спинка сломана.

И со свѣтскою любезностью прибавилъ:

— Какому доброму генію обязанъ я счастьемъ видѣть знаменитѣйшую синьору въ смиренномъ жилищѣ моемъ?

«Должно быть, заказчица. Какой-нибудь любовный мадригалишко,—подумалъ онъ.—Ну, что-жъ, и то хлѣбъ! Хоть на дрова. Только странно, какъ это одна, въ такой часъ?... А, впрочемъ, имя мое тоже, видно, что-нибудь да значить. Мало ли невѣдомыхъ поклонницъ!»

Оживился, подбѣжалъ къ очагу и великодушно бросилъ въ огонь послѣднюю щепку.

Дама сняла маску.

— Это я, Бернардо.

Онъ вскрикнулъ, отступилъ и, чтобы не упасть, долженъ былъ схватиться рукою за дверную притолку.

— Иисусе, Дѣва Пречистая!—пролепеталъ, выпучивъ глаза.—Ваша свѣтлость... яснѣйшая герцогиня...

— Бернардо, ты можешь сослужить мнѣ великую службу,—сказала Беатриче и потомъ спросила, оглядываясь:—никто не услышитъ?

— Будьте покойны, ваше высочество, никто,—кромѣ крысъ да мышей!

— Послушай,—продолжала Беатриче медленно, устремивъ на него пронизательный взоръ,—я знаю, ты писалъ для мадонны Лукреціи любовные стихи. У тебя должны быть письма герцога съ порученіями и заказами.

Онъ поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ на нее, расширивъ глаза, въ оцѣпенѣніи.

— Не бойся,—прибавила она,—никто не узнаетъ. Даю тебѣ слово, я сумѣю наградить тебя, если ты исполнишь просьбу мою. Я озолочу тебя, Бернардо!

— Ваше высочество,—съ усиленіемъ произнесъ онъ коснѣющимъ языкомъ,—не вѣрьте... это клевета... никакихъ писемъ... какъ передъ Богомъ...

Глаза ея сверкнули гнѣвомъ; тонкія брови сдвинулись. Она встала и, не отводя отъ него тяжелаго, пристальнаго взора, подошла къ нему.

— Не лги! Я знаю все. Отдай мнѣ письма герцога, если жизнь тебѣ дорога,—слышишь, отдай! Берегись, Бернардо! Люди мои ждутъ внизу. Я съ тобой не шутить пришла!..

Онъ упалъ передъ нею на колѣни:

— Воля ваша, синьора! Нѣтъ у меня никакихъ писемъ...

— Нѣтъ?—повторила она, наклоняясь и заглядывая ему въ глаза,—нѣтъ, говоришь ты?..

— Нѣтъ...

— погоди же, сводникъ проклятый, заставлю я тебя всю правду сказать. Собственными руками задушю, мерзавецъ!..—крикнула она въ бѣшенствѣ и, въ самомъ дѣлѣ, вцѣпилась ему въ горло своими нѣжными пальцами съ такою силою, что онъ задохся и жилы налились у него на лбу. Не сопротивляясь, опустивъ руки, только безпомощно моргая глазами, сдѣлался онъ еще болѣе похожимъ на жалкую, больную птицу.

«Убьетъ, какъ Богъ святъ, убьетъ,—думалъ Бернардо.—Ну, что же, пусть... А герцога я не выдамъ».

Беллинцони былъ всю жизнь придворнымъ шутомъ, безпутнымъ бродягою, продажнымъ стихокропателемъ, но никогда не былъ измѣнникомъ. Въ жилахъ его текла благородная кровь, болѣе чистая, чѣмъ у романьольскихъ наемниковъ, выскочекъ Сфорца, и теперь онъ готовъ былъ это доказать:

Bellincion Berti vid'io andar cinto

Di cuajo e d'osso —

Герцогиня опомнилась; съ отвращеніемъ выпустила изъ рукъ своихъ горло поэта, оттолкнула его, подошла къ столу и, схвативъ маленькую, съ продавленными боками, съ нагорѣвшею свѣтильнею, оловянную лампаду, направилась къ двери сосѣдней комнаты. Она уже раньше замѣтила ее и догадалась, что это студіоло—рабочая келья поэта.

Бернардо вскочилъ и, ставъ передъ дверью, хотѣлъ преградить ей путь. Но герцогиня молча смѣрила его такимъ взглядомъ, что онъ съежился, сгорбился и отступилъ.

Она вошла въ обитель нищенской музы. Здѣсь пахло плѣсенью книгъ. На голыхъ стѣнахъ съ облупленною штукатуркою темнѣли пятна сырости. Разбитое стекло заиндѣлаго окошка заткнуто было тряпьемъ. На письменномъ наклонномъ поставцѣ, забрызганномъ чернилами, съ гусиными перьями, обципанными и обглоданными во время исканія риемъ, валялись бумаги, должно быть, черновые наброски стиховъ.

Поставивъ лампаду на полку и не обращая вниманія на хозяйна, Беатриче стала рыться въ листахъ.

Здѣсь было множество сонетовъ придворнымъ казначеямъ, ключникамъ, стольникамъ, кравчимъ, съ шутовскими жалобами, съ мольбами о деньгахъ, дровахъ, винѣ, теплой одеждѣ, съѣстныхъ припасахъ. Въ одномъ изъ нихъ выпрашивалъ поэтъ у мессѣра Паллавичини къ празднику Всѣхъ Святыхъ жаренаго гуся, начиненнаго айвою. Въ другомъ, озаглавленномъ «Отъ Моро къ Цецилии», сравнивая герцога съ Юпитеромъ, герцогиню съ Юноною, рассказывалъ, какъ однажды Моро, отправившись на свиданіе съ любовницей и по дорогѣ застигнутый бурею, долженъ былъ вернуться домой, потому что «ревнивая Юнона, догадавшись объ измѣнѣ мужа, сорвала діадему съ головы своей и разсыпала жемчугъ съ небесъ, подобно бурному дождю и граду».

Вдругъ подъ кипюю бумагъ замѣтила она изящную шкатулку изъ чернаго дерева, открыла ее и увидѣла тщательно перевязанную пачку писемъ.

Бернардо, слѣдившій за нею, всплеснулъ руками въ ужасѣ. Герцогиня взглянула на него, потомъ на письма,

прочла имя Лукреціи, узнала почеркъ Моро и поняла, что это, наконецъ, то, чего она искала—письма герцога, черновые наброски любовныхъ стиховъ, заказанныхъ имъ для Лукреціи;—схватила пачку, сунула ее себѣ за платье на грудь и молча, бросивъ поэту, какъ подачку собакамъ, кошелекъ съ червонцами, вышла.

Онъ слышалъ, какъ она сходила по лѣстницѣ, какъ захлопнулась дверь, и долго стоялъ среди комнаты, точно громомъ пораженный. Полъ, казалось ему, шатается подъ нимъ, какъ палуба во время качки.

Наконецъ, въ изнеможеніи, повалился на свое трехногое хромающее ложе и заснулъ мертвымъ сномъ.

VIII.

ГЕРЦОГИНЯ вернулась въ замокъ.

Замѣтивъ ея отсутствіе, гости перешептывались, спрашивали, что случилось. Герцогъ тревожился.

Войдя въ залу, она приблизилась къ нему съ немного блѣднымъ лицомъ и сказала, что, почувствовавъ усталость послѣ пира, удалилась во внутренніе покои, чтобы отдохнуть.

— Биче,—молвилъ герцогъ, взявъ ея руку, холодную и чуть-чуть задрожавшую въ рукѣ его,—если тебѣ нездоровится, скажи, ради Бога! Не забывай, что ты беременна. Хочешь, отложимъ до завтра вторую часть праздника? Я вѣдь и затѣялъ-то все только для тебя, дорогая...

— Нѣтъ, не надо,—возразила герцогиня.—Пожалуйста, не безпокойся, Вико. Я давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ сегодня... такъ весело... Я хочу видѣть «Рай». Я и плясать еще буду!..

— Ну, слава Богу, милая, слава Богу!—успокоился Моро, цѣлуя съ почтительною нѣжностью руку жены.

Гости снова перешли въ большую «залу для игры въ мячъ», гдѣ для представленія «Рая» Беллинчioni воздвигнута была машина, изобрѣтенная придворнымъ механикомъ Леонардо да-Винчи.

Когда усьлились по мѣстамъ и потушили огни, раздался голосъ Леонардо:

— Готово!

Вспыхнула пороховая нить, и въ темнотѣ, какъ ледяныя прозрачныя солнца, засіяли хрустальные шары, расположенные кругообразно, наполненные водою и освѣщенные изнутри множествомъ яркихъ огней, переливавшихся радугой.

— Посмотрите,—указывала сосѣдкѣ на художника донзелла Эрмеллина,—посмотрите, какое лицо,—настоящій магъ! Чего добраго, весь замокъ подыметъ на воздухъ, какъ въ сказкѣ!

— Съ огнемъ играть не слѣдуетъ! Долго ли до пожара,—молвила сосѣдка.

Въ машинѣ за хрустальными шарами сірятаны были черныя круглыя ящики. Изъ одного ящика появился ангелъ съ бѣлыми крыльями, возвѣстивъ начало представленія и, произнося одинъ изъ стиховъ пролога—

Великій Царь Свои вращаетъ сферы,—

указалъ на герцога, давая понять, что Моро управляетъ подданными съ такою же мудростью, какъ Богъ небесными сферами.

И въ то же мгновеніе шары стали двигаться, вращаясь вокругъ оси машины подъ странные, тихіе, необычайно пріятные звуки, какъ будто хрустальные сферы, цѣпляясь одна за другую, звенѣли таинственной музыкой, о которой повѣствуютъ пифагорейцы. Особые, изобрѣтенные Леонардо, стеклянные колокола, ударяемые клавишами, производили эти звуки.

Планеты остановились, и надъ каждой изъ нихъ, по очереди, стали появляться соотвѣтственные боги—Юпитеръ, Аполлонъ, Меркурій, Марсъ, Діана, Венера, Сатурнъ, обращаясь съ привѣтствіемъ къ Беатриче.

Меркурій произнесъ:

О, ты, затмившая всѣ древнія свѣтила,
О, солнце для живыхъ, о, зеркало небесъ!
Ты красотой своей Отца боговъ плѣнила,
Лампада изъ лампадъ и чудо изъ чудесъ!

Венера склонила колѣни предъ герцогинею:

Всѣ прелести мои ты обратила въ прахъ,
Уже назвать себя Венерою не смѣю,
И, побѣжденная звѣзда въ твоихъ лучахъ,
О, солнце новое, отъ зависти блѣднѣю!

Діана просила Юпитера:

Отдай меня, отецъ, отдай меня въ рабыни
Богинѣ всѣхъ богинь, миланской герцогинѣ!

Сатурнъ, ломая смертоносную косу, восклицалъ:

И будетъ жизнь твоя блаженна и безбурна,
И Вѣкъ твой Золотой, какъ древній вѣкъ Сатурна.

Въ заключеніе Юпитеръ представилъ ея высочеству трехъ эллинскихъ Грацій, семь христіанскихъ Добродѣтелей, и весь этотъ Олимпъ или рай, подъ сѣнью бѣлыхъ ангельскихъ крылъ и креста, унизаннаго огнями зеленыхъ лампадъ, символами надежды, снова началъ вертѣться, при чемъ всѣ боги и богини запѣли гимнъ во славу Беатриче, подъ музыку хрустальныхъ сферъ и рукоплесканія зрителей.

— Послушайте,—сказала герцогиня сидѣвшему рядомъ вельможѣ Гаспаре Висконти,—отчего же нѣтъ здѣсь Юноны, ревливой супруги Юпитера, «срывающей головную повязку съ кудрей своихъ, чтобы разсыпать жемчугъ на землю, подобно дождю и граду?»

Услышавъ эти слова, герцогъ быстро обернулся и посмотрѣлъ на нее. Она засмѣялась такимъ страннымъ насильственнымъ смѣхомъ, что мгновенный холодъ пробѣжалъ по сердцу Моро. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, заговорила о другомъ, только крѣпче прижала подъ одеждою на груди своей пачку писемъ.

Предвкушаемая месть опыняла ее, дѣлала сильной, спокойной, почти веселой.

Гости перешли въ другую залу, гдѣ ожидало ихъ новое зрѣлище: запряженные неграми, леопардами, грифонами, кентаврами и драконами, триумфальныя колесницы

Нумы Помпилия, Цезаря, Августа, Траяна съ аллегорическими картинами и надписями, гласившими о томъ, что всѣ эти герои—предтечи Моро; въ заключеніе появилась колесница, влекомая единорогами, съ огромнымъ глобусомъ, подобіемъ звѣздной сферы, на которомъ лежалъ воинъ въ желѣзныхъ ржавыхъ латахъ. Золотое голое дитя съ вѣтвью шелковицы, по-итальянски *моро*, выходило изъ трещины въ латахъ воина, что означало смерть стараго Желѣзнаго, и рожденіе новаго, Золотого Вѣка, благодаря мудрому правленію Моро. Къ общему удивленію, золотое изваяніе оказалось живымъ ребенкомъ. Мальчикъ, вслѣдствіе густой позолоты, покрывавшей тѣло его, чувствовалъ себя нехорошо. Въ испуганныхъ глазахъ его блестѣли слезы.

Дрожащимъ, заунывнымъ голосомъ началъ онъ привѣтствіе герцогу съ постоянно возвращавшимся, однозвучнымъ, почти зловѣщимъ припѣвомъ:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Вокругъ колесницы Золотого Вѣка возобновился балъ.

Нескончаемое привѣтствіе надобно всѣмъ. Его перестали слушать. А мальчикъ, стоя на вышкѣ, все еще лепеталъ золотыми коснѣющими губами, съ безнадежнымъ и покорнымъ видомъ:

Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Беатриче танцевала съ Гаспаре Висконти. Порою судорога смѣха и рыданія сжимала ей горло. Съ нестерпимою болью стучала кровь въ виски. Въ глазахъ темнѣло. Но лицо казалось безпечнымъ. Она улыбалась.

Окончивъ пляску, вышла изъ праздничной толпы и вновь незамѣтно удалилась.

IX.

ГЕРЦОГИНЯ прошла въ уединенную башню Сокровищницы. Сюда никто не входилъ, кромѣ неж и герцога.

Взявъ свѣчу у пажы Ричьярдетто, велѣла ему ожидать у входа и вступила въ высокую залу, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, сѣла, вынула пачку писемъ, развязала, положила на столъ и уже хотѣла читать, какъ вдругъ, съ пронзительнымъ визгомъ, свистомъ и гуломъ, вѣтеръ ворвался въ трубу очага, пронесся по всей башнѣ, завылъ, зашуршалъ и едва не задулъ свѣчу. Потомъ сразу наступила тишина. И ей казалось, что она различаетъ звуки дальной бальной музыки и еще другіе, чуть слышные голоса, звонъ желѣзныхъ оковъ—внизу, въ подземельѣ, гдѣ была тюрьма.

И въ то же мгновеніе почувствовала, что за нею, въ темномъ углу, кто-то стоитъ. Знакомый ужасъ охватилъ ее. Она знала, что не надо смотрѣть, но не выдержала и оглянулась. Въ углу стоялъ тотъ, кого она видѣла уже разъ,—длинный, черный, чернѣе мрака, закутанный, съ поникшей головою, съ монашескимъ куколемъ, опущеннымъ такъ, что лица не было видно. Она хотѣла крикнуть, позвать Ричьярдетто, но голосъ ея замеръ. Вскочила, чтобы бѣжать,—ноги у нея подкосились. Упала на колѣни и прошептала:

— Ты... ты опять... зачѣмъ?...

Онъ медленно поднялъ голову.

И она увидѣла не мертвое, не страшное лицо покойнаго герцога Джіанъ-Галеаццо и услышала голосъ его:

— Прости... бѣдная, бѣдная...

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, и въ лицо ей пахнуло нездѣшнымъ холодомъ.

Она закричала пронзительнымъ, нечеловѣческимъ крикомъ и лишилась сознанія.

Ричьярдетто, услышавъ этотъ крикъ, прибѣжалъ и увидѣлъ ее, лежавшую на полу, безъ чувствъ.

Онъ бросился бѣжать по темнымъ галлереямъ, кое-гдѣ освѣщеннымъ тусклыми фонарями часовыхъ, затѣмъ

по яркимъ, многолюднымъ заламъ, отыскивая герцога, съ воплемъ безумнаго ужаса:

— Помогите! Помогите!

Была полночь. На балу царствовала увлекательная веселость. Только что начали модную пляску, во время которой кавалеры и дамы проходили вереницею подъ аркою «вѣрныхъ любовниковъ». Человѣкъ, изображавшій генія любви, съ длинною трубою, находился на вершинѣ арки; у подножія стояли судьи. Когда приближались «вѣрные любовники», геній привѣтствовалъ ихъ нѣжною музыкою, судьи принимали съ радостью. Невѣрные же тщетно старались пройти сквозь волшебную арку: труба оглушала ихъ страшными звуками; судьи встрѣчали бурею конфетти, и несчастные подъ градомъ насмѣшекъ должны были обращаться въ бѣгство.

Герцогъ только что прошелъ сквозь арку, сопровождаемый самыми тихими, сладостными звуками трубы, подобными пастушьей свирѣли или воркованію горлицъ,—какъ вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ любовниковъ.

Въ это мгновеніе толпа разступилась. Въ залу вбѣжалъ Ричьярдетто съ отчаяннымъ воплемъ:

— Помогите! Помогите!

Увидѣвъ герцога, онъ кинулся къ нему:

— Ваше высочество, герцогинѣ дурно... Скорѣе... Помогите!

— Дурно?... Опять!..

Герцогъ схватился за голову.

— Гдѣ? Гдѣ? Да говори же толкомъ!..

— Въ башнѣ Сокровищницы...

Моро пустился бѣжать такъ быстро, что золотая чешуйчатая цѣпь на груди его звякала, пышная гладкая цаццера—прическа, похожая на парикъ, странно подсакивала на головѣ.

Геній на аркѣ «вѣрныхъ любовниковъ», все еще продолжавшій трубить,—наконецъ замѣтилъ, что внизу неладно, и умолкъ.

Многіе побѣжали за герцогомъ, и вдругъ вся блестящая толпа всколыхнулась, ринулась къ дверямъ, какъ стадо барановъ, обуянное ужасомъ. Арку повалили и растоптали. Трубачъ, едва успѣвъ соскочить, вывихнулъ себѣ ногу.

Кто-то крикнулъ:

— Пожаръ!

— Ну, вотъ, говорила я, что съ огнемъ играть не слѣдуетъ!—всплеснувъ руками, воскликнула дама, не одобрявшая хрустальныхъ шаровъ Леонардо.

Другая взвизгнула, приготовляясь упасть въ обморокъ.

— Успокойтесь, пожара нѣтъ,—увѣряли одни.

— Что же такое?—спрашивали другіе.

— Герцогиня больна!..

— Умираетъ! Отравили!—рѣшили кто-то изъ придворныхъ по внезапному наитію и тотчасъ же самъ повѣрилъ своей выдумкѣ.

— Не можетъ быть! Герцогиня только что была здѣсь... танцевала...

— Развѣ вы не слышали? Вдова покойнаго герцога Джіанъ-Галеаццо, Изабелла Аррагонская, изъ мести за мужа... медленнымъ ядомъ...

— Съ нами сила Господня!

Изъ сосѣдней залы долетали звуки музыки.

Тамъ ничего не знали. Въ танцѣ Венера и Завръ дамы съ любезной улыбкой водили своихъ кавалеровъ на золотыхъ цѣпяхъ, какъ узниковъ, и когда они съ томными вздохами падали ницъ,—ставили имъ ногу на спину, какъ побѣдительницы.

Вбѣжалъ камерьеръ, замахалъ руками и крикнулъ музыкантамъ:

— Тише, тише! Герцогиня больна...

Всѣ обернулись на крикъ. Музыка стихла. Одна лишь віола, на которой игралъ тугой на ухо, подслѣповатый старичокъ, долго еще заливалась въ безмолвіи жалобно-трепетнымъ звукомъ.

Служители поспѣшно пронесли кровать, узкую, длинную, съ жесткимъ тюфякомъ, съ двумя поперечными брусьями для головы, двумя колками по обѣимъ сторонамъ для рукъ и перекладиною для ногъ родильницы, сохранявшуюся съ незапамятныхъ временъ въ гардеробныхъ покояхъ дворца и служившую для родовъ всѣмъ государынямъ дома Сфорца. Странной и зловѣщей казалась среди бала, въ блескѣ праздничныхъ огней, надъ толною разряженныхъ дамъ, эта родильная кровать.

Всѣ переглянулись и поняли.

— Ежели отъ испуга или паденія,—замѣтила пожилая дама,—слѣдовало бы немедленно проглотить бѣлокъ сырого яйца съ мелко нарэзанными кусочками алаго шелка.

Другая увѣряла, что красный шелкъ тутъ не при чемъ, а надо съѣсть зародыши семи куриныхъ яицъ въ желткѣ восьмого.

Въ это время Ричьярдетто, войдя въ одну изъ верхнихъ залъ, услышалъ за дверями сосѣдней комнаты такой страшный вопль, что остановился въ недоумѣннн и спросилъ, указывая на дверь, одну изъ женщинъ, проходившихъ съ корзинами бѣлья, грѣлками и сосудами горячей воды:

— Что это?

Она не отвѣтила.

Другая, старая, должно быть, повивальная бабка, посмотрѣла на него строго и проговорила:

— Ступай, ступай съ Богомъ! Чего торчишь на порогъ—только мѣшаешь. Не мѣсто здѣсь мальчишкамъ.

Дверь на мгновеніе пріотворилась, и Ричьярдетто увидѣлъ въ глубинѣ комнаты, среди безпорядка сорванныхъ одеждъ и бѣлья, лицо той, которую любилъ безнадежно дѣтскою любовью,—красное, потное, съ прядями волосъ, прилипшихъ ко лбу, съ раскрытымъ ртомъ, откуда вылеталъ нескончаемый вопль. Мальчикъ поблѣднѣлъ и закрылъ лицо руками.

Рядомъ съ нимъ разговаривали шопотомъ разныя кумушки, нянюшки, лѣкарки, знахарки, повитухи. У каждой было свое средство. Одна предлагала обернуть правую ногу родильницы змѣиною кожею; другая—посадить ее на чугунный котель съ кипяткомъ; третья—подвязать къ животу ея шапку супруга; четвертая—дать водки, настоенной на отросткахъ оленьихъ роговъ и кошенильномъ сѣмени.

— Орлиный камень подъ правую мышку, магнитный—подъ лѣвую,—шамкала древняя, сморщенная старушонка, хлопотавшая больше всѣхъ,—это, мать моя, первое дѣло! Орлиный камень, либо изумрудъ.

Изъ дверей выбѣжалъ герцогъ и упалъ на стулъ, сжимая голову руками, всхлипывая, какъ ребенокъ:

— Господи! Господи! Не могу больше... не могу... Биче, Биче... Изъ-за меня, окаяннаго!..

Онъ вспомнилъ, какъ только что, увидѣвъ его, герцогиня закричала съ неистовою злобою: «Прочь! прочь! Ступай къ своей Лукреціи!..»

Хлопотливая старушонка подошла къ нему съ оловянною тарелочкой:

— Откушать извольте, ваше высочество...

— Что это?

— Волчье мясо. Примѣта есть: какъ волчьяго мяса отвѣдаетъ мужъ, родильницѣ легче. Волчье мясо, отецъ ты мой, первое дѣло!

Герцогъ съ покорнымъ и бессмысленнымъ видомъ старался проглотить кусочекъ жесткаго, чернаго мяса, который застрялъ у него въ горлѣ.

Старуха, наклонившись надъ нимъ, бормотала:

Отче нашъ, иже еси.

Семь волковъ, одна волчиха.

На земли и небеси.

Взвейся вѣтеръ, наше лихо

Въ чисто поле унеси.

«Святъ, святъ, святъ—во имя Троицы единосущной и безначальной. Крѣпко слово наше. Аминь!»

Изъ комнаты больной вышелъ главный придворный медикъ Луиджи Марліани въ сопровожденіи другихъ врачей.

Герцогъ бросился къ нимъ.

— Ну, что? Какъ?..

Они молчали.

— Ваша свѣтлость,—произнесъ наконецъ Луиджи,—всѣ мѣры приняты. Будемъ надѣяться, что Господь въ своемъ милосердіи...

Герцогъ схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ... Есть же какое-нибудь средство... Такъ нельзя... Ради Бога... Ну, сдѣлайте же, сдѣлайте что-нибудь!..

Врачи переглянулись, какъ авгуры, чувствуя, что надо его успокоить.

Марліани, строго нахмутивъ брови, сказалъ по-латыни молодому врачу съ румяннымъ и наглымъ лицомъ:

— Три унціи отвара изъ рѣчныхъ улитокъ съ мушкатнымъ орѣхомъ и краснымъ толченымъ коралломъ.

— Можетъ быть, кровопусканіе?—замѣтилъ старичокъ съ робкимъ и добрымъ лицомъ.

— Кровопусканіе? Я уже думалъ,—продолжалъ Марліани:—къ несчастью, Марсъ—въ созвѣздіи Рака въ четвертомъ домѣ Солнца. Къ тому же вліяніе нечетнаго дня...

Старичокъ смиренно вздохнулъ и притихъ.

— Какъ полагаете вы, учитель,—обратился къ Марліани другой врачъ, краснощекій, развязный, съ непобѣдимо-веселыми и равнодушными глазами,—не прибавить ли къ отвару изъ улитокъ мартовскаго коровьяго помета?

— Да,—задумчиво согласился Луиджи, потирая себѣ переносицу,—коровьяго помета,—да, да, конечно!

— О, Господи! Господи!—простоналъ герцогъ.

— Ваше высочество,—обратился къ нему Марліани,—успокойтесь, могу васъ увѣрить, что все, предписываемое наукою...

— Къ чорту науку!—вдругъ, не выдержавъ, накинулся на него герцогъ, съ яростью сжимая кулаки.—Она умираетъ, умираетъ, слышите! А вы тутъ съ отваромъ изъ улитокъ, съ коровьимъ пометомъ!.. Негодяи!.. Вздернуть бы васъ всѣхъ на висѣлицу!..

И въ смертельной тоскѣ заметался онъ по комнатѣ, прислушиваясь къ неумолкавшему воплю.

Вдругъ взоръ его упалъ на Леонардо. Онъ отвелъ его въ сторону:

— Послушай,—забормоталъ герцогъ, точно въ бреду, видимо самъ едва помня, что говоритъ,—послушай, Леонардо, ты стоишь больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Я знаю, ты обладаешь великими тайнами... Нѣтъ, нѣтъ, не возражай... Я знаю... Ахъ, Боже, мой, Боже мой, этотъ крикъ!.. Что я хотѣлъ сказать? Да, да,—помоги мнѣ, другъ мой, помоги, сдѣлай что-нибудь!.. Я душу отдамъ, только бы помочь ей хоть ненадолго, только бы этого крика не слышать!..

Леонардо хотѣлъ отвѣтить; но герцогъ, уже забывъ о

немъ, кинулся навстрѣчу капелланамъ и монахамъ, входившимъ въ комнату.

— Наконецъ-то! Славу Богу! Что у васъ?

— Частицы мощей преподобнаго Амброжію, Поясъ родопомощницы св. Маргариты, честнѣйшій Зубъ св. Христофора, Волосъ Дѣвы Маріи.

— Хорошо, хорошо, ступайте, молитесь!

Моро хотѣлъ войти съ ними въ комнату больной, но въ это мгновеніе крикъ превратился въ такой ужасающій визгъ и ревъ, что, заткнувъ уши, онъ бросился бѣжать. Миновавъ нѣсколько темныхъ залъ, остановился въ часовнѣ, слабо освѣщенной лампадами, и упалъ на колѣни передъ иконою.

— Согрѣшилъ я, Матерь Божія, согрѣшилъ, окаянный, невиннаго отрока погубилъ, законнаго государя моего Джіанъ-Галеаццо! Но ты, Милосердная, Заступница единая, услышь молитву мою и помилуй! Все отдамъ, все отмолю, только спаси ее, возьми душу мою за нее!

Обрывки нелѣпыхъ мыслей тѣснились въ головѣ его, мѣшая молиться: онъ вспомнилъ разсказъ, надъ которымъ недавно смѣялся, — о томъ, какъ одинъ корабельщикъ, погибая во время бури, обѣщалъ Маріи Дѣвѣ свѣчу величиною съ мачту корабля; когда же товарищъ спросилъ его, откуда возьметъ онъ воска для такой свѣчи, тотъ отвѣтилъ: молчи, только бы спастись намъ теперь, а потомъ будетъ время подумать; къ тому же, я надѣюсь, что Мадонна удовольствуется меньшею свѣчою.

— О чемъ это я, Боже мой!—опомнился герцогъ, — съ ума схожу, что ли?..

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы собрать мысли, и началъ снова молиться.

Но яркіе хрустальные шары, похожіе на ледяныя прозрачныя солнца, поплыли, закружились передъ нимъ, слышалась тихая музыка, вмѣстѣ съ назойливымъ припѣвомъ золотого мальчика:

Скоро къ вамъ, о, люди, скоро
Я вернусь по волѣ Моро.

Потомъ все исчезло,

Когда онъ проснулся, ему казалось, что прошло не болѣе двухъ, трехъ минутъ; но, выйдя изъ часовни, увидѣлъ онъ въ окнахъ, занесенныхъ выюгою, сѣрый свѣтъ зимняго утра.

Х.

МОРО вернулся въ залы Рокетты. Здѣсь всюду была тишина. Навстрѣчу ему попала женщина, несшая корбъ съ пеленками. Она подошла и сказала:

— Разрѣшиться изволили.

— Жива?—пролепеталъ онъ, блѣднѣя.

— Слава Богу! Но ребеночекъ умеръ. Очень ослабѣли. Желаютъ васъ видѣть—пожалуйте.

Онъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ на подушкахъ крошечное, какъ у маленькой дѣвочки, съ громадными впадинами глазъ, точно затканными паутиною, спокойное, странно-знакомое и чужое лицо. Онъ подошелъ къ ней и наклонился.

— Пошли за Изабеллой... скорѣе, — произнесла она шопотомъ.

Герцогъ отдалъ приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ высокая стройная женщина съ печальнымъ суровымъ лицомъ, герцогиня Изабелла Аррагонская, вдова Джіанъ-Галеаццо, вошла въ комнату и приблизилась къ умирающей. Всѣ удалились, кромѣ духовника и Моро, ставшихъ поодаль.

Нѣкоторое время обѣ женщины разговаривали шопотомъ. Потомъ Изабелла поцѣловала Беатриче со словами послѣдняго прощанія и, опустившись на колѣни, закрывъ лицо руками, стала молиться.

Беатриче снова подозвала къ себѣ мужа.

— Вико, прости. Не плачь. Помни... я всегда съ тобою... Я знаю, что ты меня одну...

Она не договорила. Но онъ понялъ, что она хотѣла сказать: ты меня одну любишь.

Она посмотрѣла на него яснымъ, какъ будто безконечно-далекимъ взоромъ и прошептала:

— Поцѣлуй.

Моро коснулся губами лба ея. Она хотѣла что-то сказать, не могла и только вздохнула чуть слышно:

— Въ губы.

Монахъ сталъ читать отходную. Приближенные вернулись въ комнату.

Герцогъ, не отрывая своихъ губъ отъ прощальнаго поцѣлуя, чувствовалъ, какъ уста ея холодѣютъ,—и въ этомъ послѣднемъ поцѣлуѣ принялъ послѣдній вздохъ своей подруги.

— Скончалась,—молвилъ Марліани.

Всѣ перекрестились и стали на колѣни. Моро медленно приподнялся. Лицо его было неподвижно. Оно выражало не скорбь, а страшное, неимовѣрное напряженіе. Онъ дышалъ тяжело и часто, какъ будто черезъ силу подымался на гору. Вдругъ неестественно и странно взмахнулъ сразу обѣими руками, вскрикнулъ: «Биче!» — и упалъ на мертвое тѣло.

Изъ всѣхъ, кто тамъ былъ, одинъ Леонардо сохранилъ спокойствіе. Глубокимъ испытующимъ взоромъ слѣдилъ онъ за герцогомъ.

Въ такія минуты любопытство художника превозмогало въ немъ все. Выраженіе великаго страданія къ человѣческихъ лицамъ, въ движеніяхъ тѣла наблюдалъ онъ какъ рѣдкій необычайный опытъ, какъ новое прекрасное явленіе природы. Ни одна морщина, ни одинъ трепетъ мускула не ускользали отъ его безстрастнаго всевидящаго взора.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе зарисовать въ памятную книжку лицо Моро, искаженное отчаяніемъ. Онъ сошелъ въ пустынные нижніе покои дворца.

Здѣсь догорающія свѣчи коптели, роняя капли воска на полъ. Въ одной изъ залъ перешагнулъ онъ черезъ опрокинутую, измятую арку «вѣрныхъ любовниковъ» Въ холодномъ свѣтѣ утра зловѣщими и жалкими казались пышныя аллегоріи, прославлявшія Моро и Беатриче—тріумфальныя колесницы Нумы Помпилія, Августа, Траяна, Золотого Вѣка.

Онъ подошелъ къ потухшему камину, оглянулся и, удостоверившись, что въ залѣ нѣтъ никого, вынулъ записную книжку, карандашъ и началъ рисовать, какъ вдругъ замѣтилъ въ углу камина мальчика, служившаго изваяніемъ Золотого Вѣка. Онъ спалъ, окоченѣлый отъ холода, скорчившись, съжившись, охвативъ руками колѣни, опустивъ на нихъ голову. Последнее дыханіе стынущаго пепла не могло согрѣть его голаго золотого тѣла.

Леонардо тихонько дотронулся до плеча его. Ребенокъ не поднялъ головы, только жалобно и глухо простоналъ. Художникъ взялъ его на руки.

Мальчикъ открылъ большіе, черно-синіе какъ фіалки, испуганные глаза и заплакалъ:

— Домой, домой!..

— Гдѣ ты живешь? Какъ твое имя? — спросилъ Леонардо.

— Липпи, — отвѣтилъ мальчикъ. — Домой, домой! Ой, тошно мнѣ, холодно...

Вѣки его сомкнулись; онъ залепеталъ въ бреду:

Скоро къ вамъ, о, люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь по волю Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Снявъ съ плечъ своихъ накидку, Леонардо завернулъ въ нее ребенка, положилъ на кресло, вышелъ въ переднюю, растолкалъ храпѣвшихъ на полу, напившихся во время суматохи слугъ, и узналъ отъ одного изъ нихъ, что Липпи — сынъ бѣднаго стараго вдовца, пекаря на улицѣ Бролетто Ново, который за двадцать скуди отдалъ ребенка для представленія триумфа, хотя добрые люди предупреджали отца, что мальчикъ можетъ умереть отъ позолоты.

Художникъ отыскалъ свой теплый зимній плащъ, надѣлъ его, вернулся къ Липпи, бережно закуталъ его въ шубу и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь зайти въ аптеку купить нужныхъ снадобій, отмыть позолоту съ тѣла ребенка и отнести его домой.

Вдругъ вспомнилъ о начатомъ рисункѣ, о любопытномъ выраженіи отчаянія въ лицѣ Моро.

«Ничего, — подумалъ, — не забуду. Главное — морщины надъ высоко поднятыми бровями и странная, свѣтлая, какъ будто восторженная, улыбка, на губахъ, та самая, которая дѣлаетъ сходнымъ въ человѣческихъ лицахъ выраженія величайшаго страданія и величайшаго блаженства, — двухъ міровъ, по свидѣтельству Платона, раздѣленныхъ въ основаніяхъ, вершинами сросшихся».

Онъ почувствовалъ, что мальчикъ дрожитъ отъ озноба.

«Нашъ Вѣкъ Золотой», — подумалъ художникъ съ печальной усмѣшкой.

— Бѣдная ты моя птичка! — прошепталъ онъ съ безконечною жалостью и, закутавъ теплѣе, прижалъ къ своей груди такъ нѣжно и ласково, что больному ребенку приснилось, что покойная мать ласкаетъ его и баюкаетъ.

XI.

ГЕРЦОГИНЯ Беатриче умерла во вторникъ, 2 января 1497 года, въ 6 часовъ утра.

Болѣе сутокъ провелъ герцогъ у тѣла жены, не слушая никакихъ утѣшеній, отказываясь отъ сна и пищи. Приближенные опасались, что онъ сойдетъ съ ума.

Утромъ, въ четвергъ, потребовавъ бумаги и чернилъ, написалъ Изабеллѣ д'Эсте, сестрѣ покойной герцогини, письмо, въ которомъ, извѣщая о смерти Беатриче, говорилъ между прочимъ:

«Легче было бы намъ самимъ умереть. Просимъ васъ, не присылайте никого для утѣшенія, дабы не возобновлять нашей скорби».

Въ тотъ же день, около полудня, уступая мольбамъ приближенныхъ, согласился принять немного пищи; но сѣсть за столъ не хотѣлъ и ѣлъ съ голой доски, которую держалъ передъ нимъ Ричъардетто.

Сначала заботы о похоронахъ герцогъ предоставилъ главному секретарю, Бартоломео Калько. Но, назначая порядокъ шествія, чего никто не могъ сдѣлать, кромѣ него, мало-по-малу увлекся и съ такою же любовью.

какъ нѣкогда великолѣпный новогодній праздникъ Золотого Вѣка, началъ устраивать похороны. Хлопоталъ, входилъ во всѣ мелочи, съ точностью опредѣлялъ вѣсъ огромныхъ свѣчей изъ бѣлаго и желтаго воска, число локтей золотой парчи, чернаго и кармазиннаго бархата для каждаго изъ алтарныхъ покрововъ, количество мелкой монеты, гороху и сала для раздачи бѣднымъ на поминовѣніе усопшей. Выбирая сукно для траурныхъ одеждъ придворныхъ служителей, не преминулъ пощупать ткань и приблизить къ свѣту, дабы удостовѣриться въ ея добротности. Заказалъ и для себя изъ грубаго шерховатаго сукна особое торжественное облаченіе «великаго траура» съ нарочитыми прорѣхами, которое имѣло видъ одежды, разодранной въ порывѣ отчаянія.

Похороны назначены были въ пятницу, поздно вечеромъ. Во главѣ погребальнаго шествія выступали скороходы, булавоносцы, герольды, трубившіе въ длинныя серебряныя трубы съ подвѣшенными къ нимъ знаменами изъ чернаго шелка, барабанщики, бившіе дробь похороннаго марша, рыцари съ опущенными забралами съ траурными хоругвями, на коняхъ, облеченныхъ въ попоны изъ чернаго бархата съ бѣлыми крестами, монахи всѣхъ монастырей и каноникъ Милана съ горящими шестифунтовыми свѣчами, архіепископъ Милана съ причтомъ и клиромъ. За громадною колесницею съ катафалкомъ изъ серебряной парчи, съ четырьмя серебряными ангелами и герцогскою короною, шелъ Моро въ сопровожденіи брата своего, кардинала Асканіо, пословъ цезарскаго величества, Испаніи, Неаполя, Венеціи, Флоренціи; далѣе—члены тайнаго совѣта, придворные, докторы и магистры Павійскаго университета, именитые купцы, по двѣнадцати выборныхъ отъ каждаго изъ Воротъ Милана, и несмѣтная толпа народа.

Шествіе было такъ длинно, что хвостъ его еще не выходилъ изъ крѣпости, когда голова уже вступала въ церковь Маріи делье-Граціе.

Черезъ нѣсколько дней герцогъ украсилъ могилу мертворожденнаго младенца Леоне великолѣпною надписью. Онъ сочинилъ ее самъ по-итальянски, Мэрула перевелъ на латинскій языкъ:

«Несчастное дитя, я умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ свѣтъ, еще несчастіе тѣмъ, что, умирая, отнял жизнь у матери, у отца — супругу. Въ столь горькой судьбѣ мнѣ отрада лишь то, что произвели меня на свѣтъ родители богоподобные—Лудовикусъ и Беатриксъ, медіоланскіе герцоги. 1497 годъ, третьи ноны января».

Долго любовался Моро этою надписью, вырѣзанной золотыми буквами на плитѣ чернаго мрамора, надъ маленькою гробницею Леоне, находившеюся въ томъ же монастырѣ Маріи делье-Граціе, гдѣ покоилась Беатриче. Онъ раздѣлялъ простодушное восхищеніе каменщика, который, кончивъ работу, отошелъ, посмотрѣлъ издали, склонивъ голову на бокъ и, закрывъ одинъ глазъ, прищелкнулъ языкомъ отъ удовольствія:

— Не могила—игрушечка!

Было морозное солнечное утро. Снѣгъ на крышахъ домовъ сіялъ бѣлизной въ голубыхъ небесахъ. Въ хрустальномъ воздухѣ вѣяло тою свѣжестью, подобной запаху ландышей, которая кажется благоуханіемъ снѣга.

Прямо съ мороза и солнца, точно въ склепъ, вошелъ Леонардо въ темную душную комнату, обтянутую черною тафтою, съ закрытыми ставнями и погребальными свѣчами. Въ первые дни послѣ похоронъ герцогъ никуда не выходилъ изъ этой мрачной кельи.

Поговоривъ съ художникомъ о Тайной Вечери, которая должна была прославить мѣсто вѣчнаго упокоенія Беатриче, онъ сказалъ ему:

— Я слышалъ, Леонардо, что ты взялъ на свое воспитаніе мальчика, который представлялъ рожденіе Золотого Вѣка на этомъ злополучномъ праздникѣ. Какъ его здоровье?

— Ваше высочество, онъ умеръ въ самый день похоронъ ея свѣтлости.

— Умеръ!—удивился и въ то же время какъ бы обрадовался герцогъ.—Умеръ... Какъ это странно!..

Онъ опустилъ голову и тяжело вздохнулъ. Потомъ вдругъ обнялъ Леонардо:

— Да, да... Именно такъ и должно было случиться! Умеръ нашъ Вѣкъ Золотой, умеръ вмѣстѣ съ моею ненаглядною! Похоронили мы его вмѣстѣ съ Беатриче, ибо

не хотѣлъ и не могъ онъ ее пережить! Не правда ли, другъ мой, какое вѣщее совпаденіе, какая прекрасная аллегорія!

ХІІ.

ПЯТЫЙ годъ прошелъ въ глубокомъ траурѣ. Герцогъ не снималъ черной одежды съ нарочитыми прорѣхами и, не садясь за столъ, ѣлъ съ доски, которую передъ нимъ держали придворные.

«Послѣ смерти герцогини,—писалъ въ своихъ донесеніяхъ Марино Сануто, посолъ Венеціи,—Моро сдѣлался набожнымъ, присутствуетъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, постится, живетъ въ цѣломудріи,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ,—и въ помыслахъ своихъ имѣетъ страхъ Божій».

Днемъ въ государственныхъ дѣлахъ герцогъ забывался порою, хотя и въ этихъ занятіяхъ не доставало ему Беатриче. Зато ночью тоска грызла его. Часто видѣлъ онъ ее во снѣ шестнадцатилѣтнею дѣвочкою, какою вышла она замужъ—своенравною, рѣзвою, какъ школьница, худенькою, смуглою, похожею на мальчика, столь дикою, что, бывало, пряталась въ гвардаробные шкапы, чтобы не являться на торжественные выходы, столь дѣвственной, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы все еще оборонялась отъ его любовныхъ нападеній ногтями и зубами, какъ амазонка.

Въ ночь, за пять дней до первой годовщины смерти ея, Беатриче приснилась ему, какой онъ видѣлъ ее однажды во время рыбной ловли на берегу большого, тихаго пруда, въ ея любимомъ имѣніи Куснаго. Уловъ былъ счастливый; ведра наполнились рыбою до-верху. Она придумала забаву: засучивъ рукава, брала рыбу изъ влажныхъ сѣтей и бросала пригоршнями въ воду, смѣясь и любуясь радостью освобожденныхъ плѣнницъ, ихъ бѣглымъ чешуйчатымъ блескомъ въ прозрачной волнѣ. Скользкіе окуни, язи, лебди трепетали въ голыхъ рукахъ ея, брызги горѣли на солнцѣ алмазами, горѣли глаза и смуглыя щеки его милой дѣвочки.

Проснувшись, почувствовалъ, что подушка смочена слезами.

Утромъ пошелъ въ монастырь делле-Граціе, помолился надъ гробомъ жены, откушалъ съ пріоромъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о вопросѣ, который въ тѣ времена волновалъ богослововъ Италіи,—о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Когда стемнѣло, прямо изъ монастыря отправился къ мадоннѣ Лукреціи.

Несмотря на печаль о женѣ и на «страхъ Божій», не только не покинулъ онъ своихъ любовницъ, но привязался къ нимъ еще болѣе. Въ послѣднее время мадонна Лукреція и графиня Цецилія сблизились. Имѣя славу «ученой героини», «новой Сафо», Цецилія была простою и доброю женщиной, хотя нѣсколько восторженной. Послѣ смерти Беатриче представился ей удобный случай для одного изъ тѣхъ вычитанныхъ въ рыцарскихъ романахъ подвиговъ любви, о которыхъ она давно мечтала. Она рѣшила соединить любовь свою съ любовью молодой соперницы, чтобы утѣшить герцога. Лукреція сперва дичилась и ревновала герцога, но «ученая героиня» обезоружила ее своимъ великодушіемъ. Волей-неволей Лукреція должна была предаться этой странной женской дружбѣ.

Лѣтомъ 1497 года родился у нея сынъ отъ Моро. Графиня Цецилія пожелала быть крестною матерью и съ преувеличенною нѣжностью—хотя у нея были собственные дѣти отъ герцога—стала нянчиться съ ребенкомъ, «своимъ внучкомъ», какъ она его называла. Такъ исполнилась завѣтная мечта Моро: любовницы его подружились. Онъ заказалъ придворному стихотворцу сонетъ, гдѣ Цецилія и Лукреція сравнивались съ вечернею и утреннею зарею, а самъ онъ, неутѣшенный вдовецъ, между обѣими лучезарными богинями,—съ темною ночью, навѣки далекой отъ солнца,—съ Беатриче.

Войдя въ знакомый уютный покой палатки Кривелли, увидѣлъ онъ обѣихъ женщинъ, сидѣвшихъ рядомъ у очага. Такъ же какъ и всѣ придворныя дамы, онѣ были въ траурѣ.

— Какъ здоровье вашего высочества?—обратилась къ нему Цецилія—«вечерняя заря», непохожая на «утреннюю», хотя столь же прекрасная, съ матово-бѣлою ко-

жею, съ огненно-рыжимъ цвѣтомъ волосъ, съ нѣжными, зелеными глазами, прозрачными, какъ тихія воды горныхъ озеръ.

Въ послѣднее время герцогъ привыкъ жаловаться на свое здоровье. Въ тотъ вечеръ чувствовалъ себя не хуже, чѣмъ всегда. Но, по обыкновенію, принялъ томный видъ, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Сами посудите, мадонна, какое можетъ быть мое здоровье! Только объ одномъ и думаю, какъ бы поскорѣ лечь въ могилу рядомъ съ моею голубкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость, не говорите такъ!—воскликнула Цецилія, всплеснувъ руками.—Это большой грѣхъ. Какъ можно? Если бы мадонна Беатриче слышала васъ!.. Всякое горе отъ Бога, и мы должны принимать съ благодарностью...

— Конечно,—согласился Моро.—Я не ропщу. Боже меня сохрани! Я знаю, что Господь заботится о насъ болѣе, чѣмъ мы сами. Блаженны плачущіе, ибо утѣшатся.

И крѣпко пожимая обѣими руками руки своихъ любовницъ, онъ поднялъ глаза къ потолку.

— Да наградитъ васъ Господь, мои милыя, за то, что вы не покинули несчастнаго вдовца!

Вытеръ глаза платкомъ и вынулъ изъ кармана траурнаго платья двѣ бумаги. Одна изъ нихъ была дарственная запись, коей герцогъ жертвовалъ громадныя земли виллы Сфорцески у Виджевано Павійскому монастырю делле-Граціе.

— Ваше высочество,—изумилась графиня,—кажется, вы такъ любили эту землю?

— Землю!—горько усмѣхнулся Моро.—Увы, мадонна, я разлюбилъ не только эту землю. Да и много ли надо челоуѣку земли?..

Видя, что онъ опять хочетъ говорить о смерти, графиня съ ласковымъ укоромъ положила ему на губы свою розовую руку.

— А что же въ другой?—спросила она съ любопытствомъ.

Лицо его просвѣтлѣло; прежняя, веселая и лукавая улыбка заиграла на губахъ.

Онъ прочелъ имъ другую грамоту, тоже дарственную запись съ перечнемъ земель, луговъ, рощъ, селеній, охотъ, садковъ, хозяйственныхъ зданій и прочихъ угодій, коими жаловалъ герцогъ мадонну Лукрецію Кривелли и незаконнаго сына своего, Джьянъ-Паоло. Здѣсь была упомянута и любимая покойною Беатриче виλλα Куснаго, которая славилась рыбною ловлею.

Голосомъ, дрожавшимъ отъ умиленья, прочелъ Моро послѣднія слова грамоты:

«Женщина сія, въ дивныхъ и рѣдкихъ узахъ любви, явила намъ совершенную преданность и выказала столь возвышенныя чувства, что часто въ пріятномъ съ нею общеніи безмѣрную обрѣтали мы сладость и великое облегченіе отъ нашихъ заботъ».

Цецилія радостно захлопала въ ладоши и кинулась на шею подругѣ со слезами материнской нѣжности.

— Видишь, сестричка: говорила я тебѣ, что сердце у него золотое! Теперь мой маленькій внучекъ Паоло богатѣйшій изъ наслѣдниковъ Милана!

— Какое у насъ число?—спросилъ Моро.

— Двадцать восьмое декабря, ваша свѣтлость,—отвѣчала Цецилія.

— Двадцать восьмое!—повторилъ онъ задумчиво.

Это былъ тотъ самый день, тотъ самый часъ, въ который ровно годъ назадъ покойная герцогиня явилась въ палаццо Кривелли и чуть не застала врасплохъ мужа съ любовницей.

Онъ оглянулся. Все въ этой комнатѣ было попрежнему: такъ же свѣтло и уютно, такъ же зимній вѣтеръ вылъ въ трубы; такъ же пылалъ веселый огонь въ каминѣ, и надъ нимъ плясала вереница голыхъ глиняныхъ амуровъ, играя орудіями Страстей Господнихъ. И на кругломъ столикѣ, крытомъ зеленою скатертью, стоялъ тотъ же граненый кувшинъ Бальнеа Апонитана, лежали тѣ же ноты и мандолина. Двери были такъ же открыты въ спальню и далѣе, въ уборную, гдѣ виднѣлся тотъ самый гвардаробный шкафъ, въ которомъ герцогъ прятался отъ жены.

Чего бы, казалось ему, не далъ онъ въ это мгновеніе, чтобы вновь послышался внизу страшный стукъ

молотка въ двери дома, чтобы вбѣжала испуганная служанка съ крикомъ: «Мадонна Беатриче!»—чтобы хоть минутку постоять, какъ тогда, подрожать въ гварда-робномъ шкапу, словно пойманному вору, слыша вдали грозный голосъ своей ненаглядной дѣвочки. Увы, не быть, не быть тому вовѣки!

Моро опустил голову на грудь и слезы полились по щекамъ его.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ видишь, опять плачетъ,—засуетилась графиня Цецилія.—Да ну же, приласкайся ты къ нему, какъ слѣдуетъ, поцѣлуй его, утѣшь. Какъ тебѣ не стыдно!

Она тихонько толкала соперницу въ объятія своего любовника.

Лукреція давно уже испытывала отъ этой неестественной дружбы съ графинею чувство, подобное тошнотѣ, какъ отъ приторныхъ духовъ. Ей хотѣлось встать и уйти. Она потупила глаза и покраснѣла. Тѣмъ не менѣе должна была взять герцога за руку. Онъ улыбнулся ей сквозь слезы и приложилъ ей руку къ своему сердцу.

Цецилія взяла мандолину съ круглаго столика и, принявъ то самое положеніе, въ которомъ двѣнадцать лѣтъ назадъ изобразилъ ее Леонардо въ знаменитомъ портретѣ новою Сафо,—запѣла пѣсню Петрарки о небесномъ видѣніи Лауры:

Levommi il mio pensier in parte ov'era
Quella ch'io cerco e non ritrovo in terra.
Я устремляю мои мысли къ жилищу той,
Кого ищу и найти не могу на землѣ.
Среди блаженныхъ, въ третьемъ кругѣ неба,
Я увидалъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.
Взявъ за руку меня, она сказала: «въ этой сферѣ
Ты будешь вновь со мной уже навѣки.
Я—та, что на землѣ съ тобою враждовала
И раньше вечера окончила мой день».

Герцогъ вынулъ платокъ и съ мечтательною томностью закатилъ глаза. Нѣсколько разъ повторилъ онъ послѣднюю

строчку, всхлипывая и простирая руки, какъ бы къ пролетающему видѣнію:

И раньше вечера окончила мой день!

— Голубка моя!... Да, да, раньше вечера!.. Знаете ли, мадонны, мнѣ кажется, она смотритъ съ небесъ и благословляетъ насъ троихъ... О, Биче, Биче!..

Онъ тихо склонился на плечо Лукреціи, зарыдалъ и въ то же время обнялъ ее станъ и хотѣлъ привлечь къ себѣ. Она сопротивилась; ей было стыдно. Онъ поцѣловалъ ее украдкой въ шею. Замѣтивъ это зоркимъ материнскимъ окомъ, Цецилія встала, указывая Лукреціи на Моро, какъ сестра, поручающая подругѣ тяжело больного брата,—вышла на цыпочкахъ не въ спальню, а въ противоположный покой и заперла за собою дверь. «Вечерняя заря» не ревновала къ «утренней», ибо знала по давнему опыту, что очередь за нею, и что герцогу, послѣ черныхъ волосъ, покажутся еще прелестнѣе огненно-рыжіе.

Моро оглянулся, обнялъ Лукрецію сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Слезы о покойной женѣ еще не высохли на глазахъ его, и на тонкихъ, извилистыхъ губахъ уже бродила шаловливая, откровенная улыбка.

— Точно монашенка—вся въ черномъ!—смѣялся онъ, покрывая ее шею поцѣлуями.—Вѣдь вотъ простенькое платьице, а какъ тебѣ къ лицу. Это должно быть, отъ чернаго кажется шейка такую бѣлою?..

Онъ растегивалъ агатовыя пуговицы на ея груди, и вдругъ блеснула нагота между складками траурнаго платья еще болѣе ослѣпительная. Лукреція закрыла лицо руками.

А надъ весело пылавшимъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо голые амуры или ангелы продолжали свою вѣчную пляску, играя орудіями Страстей Господнихъ—гвоздями, молотомъ, клещами, копіемъ—и казалось, что въ мерцающемъ розовомъ отблескѣ пламени они лукаво перемигиваются, перешептываются, выглядывая изъ-подъ виноградной кущи Вакха на герцога

Моро съ мадонной Лукреціей, и что толстыя, круглыя щеки ихъ готовы лопнуть отъ смѣха.

А издалека доносились томные вздохи мандолины и пѣніе графини Цециліи:

Ivi fra lor, che il terzo cerchio serra,
La rividi, più bella e meno altera.

Тамъ, среди блаженныхъ, въ третьемъ кругѣ неба,
Я увидѣлъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.

И маленькіе древніе боги, слушая стихи Петрарки—пѣсню новой небесной любви—хохотали, какъ безумные.

ДЕВЯТАЯ КНИГА.

Двойники.

I.

— **И**ЗВОЛИТЕ ли видѣть, вотъ здѣсь, на картѣ, въ Индѣйскомъ океанѣ, къ западу отъ острова Тапробана,—надпись: *морскія чуда сирены*. Кристофоро Колумбо рассказывалъ мнѣ, что весьма удивился, доѣхавъ до этого мѣста и не найдя сиренъ... Чему вы улыбаетесь?

— Нѣтъ, ничего, Гвидо. Продолжайте, я слушаю.

— Да ужъ знаю, знаю... Вы полагаете, мессэръ Леонардо, что сиренъ вовсе нѣтъ. Ну, а что сказали бы вы о скіаподахъ, укрывающихся отъ солнца подъ тѣнью собственной ступни, какъ подъ зонтикомъ, или о пигмеехъ, съ такими громадными ушами, что одно служить имъ подстилкою, другое одѣяломъ? Или о деревѣ, приносящемъ вмѣсто плодовъ яйца, изъ которыхъ выходятъ птенцы въ желтомъ пуху, наподобіе утятъ—мясо ихъ имѣетъ рыбій вкусъ, такъ что и въ постные дни можетъ быть употребляемо? Или объ островѣ, на которомъ корабельщики, высадившись, разложили костеръ, сварили ужинъ, а потомъ увидѣли, что это не островъ, а китъ, о чемъ передавалъ мнѣ старый морякъ въ Лиссабонѣ, человѣкъ трезвый, клявшійся кровью и плотью Господнею въ истинѣ словъ своихъ?

Этотъ разговоръ происходилъ пять лѣтъ спустя послѣ открытія Новаго Свѣта, на Вербной недѣлѣ, 6 апрѣля 1498 года во Флоренціи, недалеко отъ Старого Рынка, на улицѣ Мѣховщиковъ, въ комнатѣ надъ кладовыми торговаго дома Помпео Берарди, который, имѣя товарные склады въ Севильѣ, завѣдывалъ постройкой кораблей, отправлявшихся въ земли, открытыя Колумбомъ. Мессеръ Гвидо Берарди, племянникъ Помпео, съ дѣтства питалъ великую страсть къ мореплаванію и намѣревался принять участіе въ путешествіи Васко да-Гама, когда заболѣлъ появившеюся въ тѣ времена страшною болѣзною, названною итальянцами французскою, французами—итальянскою, поляками—нѣмецкою, москвитянами—польскою, а турками—христіанскою. Тщетно лѣчился онъ у всѣхъ докторовъ и подвѣшивалъ восковые пріапы ко всѣмъ чудотворнымъ иконамъ. Разбитый параличемъ, осужденный на вѣчную неподвижность, онъ сохранялъ дѣятельную живость ума и, слушая рассказы моряковъ, просиживая ночи надъ книгами и картами, въ мечтахъ переплывалъ океаны, открывалъ невѣдомыя земли.

Мореходные снаряды—мѣдныя экваторіальныя круги, кадраны, секстанты, астролябии, компасы, звѣздныя сферы дѣлали комнату похожей на каюту корабля. Въ дверяхъ, открытыхъ на балконъ—флорентинскую лоджію, темнѣло прозрачное небо апрѣльскаго вечера. Пламя лампы порой колебалось отъ вѣтра. Снизу изъ товарныхъ складовъ поднимался запахъ чужеземныхъ пряностей—индѣйскаго перца, имбиря, корицы, мускатнаго орѣха и гвоздики.

— Такъ-то, мессеръ Леонардо!—заклучилъ Гвидо, потирая рукою больныя закутанныя ноги.—Недаромъ сказано: вѣра горами двигаетъ. Если бы Колумбо сомнѣвался, какъ вы, ничего бы онъ не сдѣлалъ. А согласитесь, стоитъ посѣдѣть въ тридцать лѣтъ отъ безмѣрныхъ страданій, чтобы совершить такое открытіе—мѣстополюженіе рая земного!

— Рая?—удивился Леонардо.—Что вы разумѣете, Гвидо?

— Какъ? Вы и этого не знаете? Неужели же вы не

слыхали о наблюденіяхъ мессера Колумбо надъ Полярной звѣздой у Азорскихъ острововъ, которыми доказалъ онъ, что земля имѣетъ видъ не шара, не яблока, какъ полагали донинѣ, а груши съ отросткомъ или припухlostью, наподобіе сосца женской груди? На этомъ-то сосцѣ—горѣ, столь высокой, что вершина ея упирается въ лунную сферу небесъ,—находится рай...

— Но, Гвидо, это противорѣчитъ всѣмъ выводамъ науки...

— Науки!—презрительно пожавъ плечами, перебилъ его собесѣдникъ.—Знаете ли, мессере, что говоритъ Колумбо о наукѣ? Я приведу вамъ собственныя слова его изъ «Книги пророчествъ»—«Libro de la profecias»: Отнюдь не математика, не карты географовъ, не доводы разума помогли мнѣ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, а единственно—пророчество Исаи о новомъ небѣ и новой землѣ».

Гвидо умолкъ. У него начиналась обычная боль въ суставахъ. По просьбѣ хозяина Леонардо кликнулъ слугъ, которые унесли больного въ спальню.

Оставшись одинъ, художникъ сталъ провѣрять математическія выкладки Колумба въ изслѣдованіяхъ движенія Полярной звѣзды у Азорскихъ острововъ и нашелъ въ нихъ столь грубыя ошибки, что глазамъ своимъ не повѣрилъ.

— Какое невѣжество!—удивлялся онъ.—Точно въ темнотѣ нечаянно наткнулся на новый міръ и самъ не видитъ, какъ слѣпой,—не знаетъ, что открылъ; думаетъ—Китай, Офиръ Соломона, рай земной. Такъ и умереть, не узнавъ.

Онъ перечиталъ то первое письмо, отъ 29 апрѣля 1493 года, въ которомъ Колумбъ возвѣщалъ Европѣ о своемъ открытіи: «Письмо Христофора Колумба, коему вѣкъ нашъ многимъ обязанъ, объ островахъ Индѣйскихъ надъ Гангомъ, недавно открытыхъ».

Всю ночь просидѣлъ Леонардо надъ вычисленіями и картами. Порой выходилъ на открытую лоджію, смотрѣлъ на звѣзды, и, думая о пророкѣ Новой Земли и Новаго Неба—этомъ странномъ мечтателѣ, съ умомъ и

сердцемъ ребенка, невольно сравнивалъ судьбу его со своею:

— Какъ мало онъ зналъ, какъ много сдѣлалъ! А я со всѣми знаніями моими—неподвиженъ, точно этотъ Берарди, разбитый параличемъ: всю жизнь стремлюсь къ невѣдомымъ мірамъ, и шагу къ нимъ не сдѣлалъ. Вѣра, говорятъ они. Но развѣ совершенная вѣра и совершенное знаніе не одно и то же? Развѣ глаза мои не дальше видятъ, чѣмъ глаза Колумба, слѣпного пророка?.. Или таковъ удѣлъ человѣческой: надо быть зрячимъ, чтобы знать, слѣпымъ, чтобы дѣлать?

II.

ЛЕОНАРДО не замѣтилъ, какъ ночь прошла. Звѣзды потухли. Розовый свѣтъ озарилъ черепичные выступы кровель и деревянные косыя перекладины въ стѣнахъ ветхихъ кирпичныхъ домовъ. На улицѣ слышался шелестъ и говоръ толпы.

Въ дверь постучались. Онъ отперъ. Вошелъ Джіованни и напомнилъ учителю, что въ этотъ день—Вербную Субботу—назначенъ «огненный поединокъ».

— Что за поединокъ?—спросилъ Леонардо.

— Фра Доминико за брата Джироламо Савонароллу и фра Джульиано Рондинели за враговъ его войдутъ въ огонь костра, и тотъ, кто останется невредимъ, докажетъ свою правоту передъ Богомъ,—объяснилъ Бельтраффіо.

— Ну, что же... Ступай, Джіованни. Желая тебѣ любопытнаго зрѣлища.

— А развѣ вы не пойдете?

— Нѣтъ,—видишь, я занятъ.

Ученикъ хотѣлъ проститься, но, сдѣлавъ надъ собой усилие, сказалъ:

— По дорогѣ сюда встрѣтилъ я мессэра Паоло Соменци. Онъ обѣщалъ зайти за нами и провести насъ на лучшее мѣсто, откуда видно все. Жаль, что вамъ некогда. А я думалъ... можетъ быть... Знаете, мастеръ?.. Поединокъ назначенъ въ полдень. Если бы вы къ тому времени кончили работу, мы еще успѣли бы?...

Леонардо улыбнулся.

— А тебѣ такъ хочется, чтобы и я увидѣлъ это чудо?

Джіованни потупилъ глаза.

— Ну, да ужъ нечего дѣлать—пойду. Богъ съ тобою!

Въ назначенное время вернулся Бельтраффіо къ учителю вмѣстѣ съ Паоло Соменци, подвижнымъ, вертлявымъ, точно ртутью налитымъ, человѣкомъ, главнымъ флорентинскимъ шпиономъ герцога Моро, злѣйшаго врага Савонароллы.

— Что это, мессэръ Леонардо? Правда ли, будто бы вы не желаете сопутствовать намъ?—заговорилъ Паоло неприятнымъ крикливымъ голосомъ, съ шутовскими ужимками и кривляніями.—Помилуйте! Кому же, какъ не вамъ, любителю естественныхъ наукъ, присутствовать при этомъ физическомъ опытѣ?

— Неужели позволять имъ войти въ огонь?—молвилъ Леонардо.

— Какъ вамъ сказать? Ежели дѣло дойдетъ до того,—конечно, фра Доминико и передъ огнемъ не отступитъ. Да и не онъ одинъ. Двѣ съ половиною тысячи гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ученыхъ и невѣждъ, женщинъ и дѣтей, объявили вчера въ обители Санъ-Марко, что желаютъ участвовать въ поединкѣ. Такая, доложу вамъ, бессмыслица, что и у разумныхъ людей голова идетъ кругомъ. Философы-то наши, вольнодумцы, и тѣ боятся: а ну, какъ одинъ изъ монаховъ возьметъ да и не сгоритъ? Нѣтъ, мессэре, вы только представьте себѣ лица благочестивыхъ «плаксъ», когда оба сгорятъ!

— Не можетъ быть, чтобы Савонаролла вѣрилъ,—произнесъ Леонардо въ раздумьи, какъ будто про себя.

— Онъ-то, пожалуй, и не вѣритъ,—возразилъ Соменци,—или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ вѣритъ. И радъ бы на попятный дворъ, да поздно. На свою голову разлакомилъ чернь. У нихъ, у всѣхъ теперь слюнки текутъ—подавай имъ чудо, и конецъ! Ибо тутъ, мессэре, тоже математика, и не менѣе любопытная, чѣмъ ваша: ежели есть Богъ, то отчего бы не сдѣлать Ему чуда,

такъ чтобы дважды два было не четыре, а пять, по молитвѣ вѣрныхъ, къ посрамленію безбожныхъ вольнодумцевъ—такихъ, какъ мы съ вами?

— Ну, что же, пойдѣмъ, кажется, пора?—сказалъ Леонардо, съ нескрываемымъ отвращеніемъ взглянувъ на Паоло.

— Пора, пора!—засуетился тотъ.—Еще одно только словечко. Механику-то съ чудомъ, думаете, кто подвелъ? Я! Вотъ мнѣ и хочется, мессэръ Леонардо, чтобы вы ее оцѣнили—ибо, если не вы, то кто же?..

— Почему именно я?—произнесъ художникъ съ безразличіемъ.

— Будто бы не понимаете? Я человѣкъ простой, сами видите, душа на распашку. Ну и вѣдь тоже отчасти философъ. Знаю, чего стоятъ бредни, которыми монахи насъ пугаютъ. Мы съ вами, мессэръ Леонардо, въ этомъ дѣлѣ сообщники. Вотъ почему, говорю я, на нашей улицѣ праздникъ. Да здравствуетъ разумъ, да здравствуетъ наука, ибо есть ли Богъ или нѣтъ Его,—дважды два все-таки четыре!

Они вышли втроемъ. По улицамъ двигалась толпа. Въ лицахъ было выраженіе праздничнаго ожиданія и любопытства, которое Леонардо уже замѣтилъ въ лицѣ Джіованни.

На улицѣ Чулочниковъ, передъ Оръ-Санъ-Микеле, тамъ, гдѣ стояло въ углубленіи стѣны бронзовое изваяніе Андрѣя Вероккіо—апостола Ѳома, влагающій персты свои въ язвы Господа,—была особенная давка. Одни читали по складамъ, другіе слушали и толковали вывѣшенные на стѣнѣ, отпечатанные большими красными буквами, восемь богословскихъ тезисовъ, истину коихъ долженъ былъ подтвердить или опровергнуть огненный поединокъ:

I. Церковь Господня обновится.

II. Богъ ее покараетъ.

III. Богъ ее обновитъ.

IV. Послѣ кары, Флоренція также обновится и возвѣститъ надъ всѣми народами.

V. Невѣрные обратятся.

VI. Все это исполнится немедленно.

VII. Отлученіе Савонароллы отъ Церкви папою Александромъ VI не дѣйствительно.

VIII. Не приѣмлющіе отлученія сего не согрѣшаютъ.

Тѣснимые толпою, Леонардо, Джіованни и Паоло остановились, прислушиваясь къ разговорамъ.

— Такъ-то оно такъ, а все же, братцы, страшно,—говорилъ старый ремесленникъ,—какъ бы грѣха не вышло?

— Какой же можетъ быть грѣхъ, Филиппо?—возразилъ молодой подмастерье, съ легкомысленной и самонадѣянной усмѣшкой.—Я полагаю, никакого грѣха тутъ быть не можетъ...

— Соблазнъ, другъ ты мой,—настаивалъ Филиппо.—Чуда просимъ, а достойны ли мы чуда? Сказано: Господа Бога твоего не искушай.

— Молчи, старикъ. Чего каркаешь? Кто вѣру имѣетъ съ горчичное зерно и велитъ горѣ сдвинуться,—будетъ по слову его. Не можетъ Богъ не сдѣлать чуда, ежели вѣруемъ!

— Не можетъ! Не можетъ!—подхватили голоса въ толпѣ.

— А кто, братцы, первый въ огонь войдетъ, фра Доминико, или фра Джироламо?

— Вмѣстѣ.

— Нѣтъ, фра Джироламо только молиться будетъ, а самъ не войдетъ.

— Какъ не войдетъ? Кому же и входить, если не ему? Сперва Доминико, а потомъ и Джироламо, ну, а за ними и мы сподобимся, грѣшныя—всѣ, кто въ монастырѣ Санъ-Марко записались.

— А правда ли, будто отецъ Джироламо воскреситъ мертвеца?

— Правда! Сперва огненное чудо, а потомъ воскресеніе мертвца. Я самъ читалъ письмо его къ папѣ. Пусть, говоритъ, противника назначать: къ могилѣ оба подойдемъ и скажемъ по очереди: встань! По чьему велѣнію мертвый встанетъ изъ гроба, тотъ и есть пророкъ, а другой—обманщикъ.

— Погодите, братцы, то ли еще будетъ! Вѣру

имѣйте и Сына Человѣческаго узрите во плоти, грядущаго на облакахъ. Такія знаменія пойдутъ, такія чудеса, какихъ и древле не бывало!

— Аминь! Аминь!—раздавалось въ толпѣ, и лица блѣднѣли, глаза загорались безумнымъ огнемъ.

Толпа сдвинулась, увлекая ихъ. Въ послѣдній разъ оглянулся Джіованни на изваяніе Верокіо. И ему почудилось въ нѣжной, лукавой и безстрашно-любопытной улыбкѣ Оомы Невѣрнаго, влагающаго пальцы въ язвы Господа, сходство съ улыбкой Леонардо.

III.

ПОДХОДЯ къ площади Синьорин, попали они въ такую давку, что Паоло вынужденъ былъ обратиться съ просьбою къ пробѣжавшему всаднику городского ополченія, чтобы онъ провелъ ихъ къ Рингьеръ—каменному помосту передъ Ратушей, гдѣ были мѣста для пословъ и знатныхъ гражданъ.

Никогда, казалось Джіованни, не видѣлъ онъ такой толпы. Не только вся площадь, но и лоджии, башни, окна, кровли домовъ кишѣли народомъ. Цѣпляясь за вбитые въ стѣну желѣзные подсвѣчники факеловъ, за рѣшетки, кровельные выступы домовъ и водосточныя трубы, люди висѣли, точно рѣяли, въ головокружительной высотѣ. Дрались изъ-за мѣстъ. Кто-то упалъ и разбился до-смерти.

Улицы заставлены были рогатками съ цѣпами—кромѣ трехъ, гдѣ стояли городскіе стражники, пропускавшіе по одиночкѣ только мужчинъ, взрослыхъ и безоружныхъ.

Паоло, указавъ спутникамъ на костеръ, объяснилъ устройство «машины». Отъ подножья Рингьеры, гдѣ находился Марцокко—геральдическій бронзовый левъ города Флоренціи, по направленію къ черепичному навѣсу—Крышѣ Пизанцевъ, разложенъ былъ костеръ, узкій, длинный, съ проходомъ для испытуемыхъ—тропинкою, мощенною камнемъ, глиной и пескомъ, между двумя стѣнами дровъ, обмазанныхъ дегтемъ и обсыпанныхъ порохомъ.

Изъ улицы Векереккіа вышли францисканцы, враги

Савонароллы, потомъ—доминиканцы. Фра Джироламо въ бѣлой шелковой рясѣ съ блистающей на солнцѣ дароносецъ въ рукахъ и фра Доминико въ огненно-красной бархатной одеждѣ заключали шествіе.

«Воздайте славу Богу,—гѣли доминиканцы,—величіе Его надъ Израилемъ и могущество Его на облакахъ. Страшенъ Ты, Боже, во Святилищѣ Твоемъ».

И подхватывая пѣснь монаховъ, толпа отвѣтила имъ потрясающимъ крикомъ:

— Осанна! Осанна! Благословенъ Грядый во имя Господне!

Враги Савонароллы заняли сосѣднюю съ Ратушей, ученики его—другую половину лоджии Орканьи, раздѣленной для этого случая надвое дощатою перегородкою.

Все было готово; оставалось зажечь костеръ и войти въ него.

Каждый разъ, какъ изъ палатцо Веккіо выходили комиссары, устроители поединка, толпа замирала. Но, подбѣжавъ къ фра Доминико и о чемъ то съ нимъ пошептавшись, возвращались они во Дворецъ. Фра Джульяно Рондинелли скрылся.

Недоумѣніе, напряженіе становились невыносимыми. Иные приподымались на цыпочкахъ, вытягивали шею, чтобы лучше видѣть; иные, крестясь и перебирая четки, молились простодушною, дѣтскою молитвою, повторяя все одно и то же: «сдѣлай чудо, сдѣлай чудо, сдѣлай чудо, Господи!»

Было тихо и душно. Раскаты грома, слышныя съ утра, приближались. Солнце жгло.

На Рингьеру изъ палатцо Веккіо вышло нѣсколько знатныхъ гражданъ, членовъ Совѣта, въ длинныхъ одеждахъ изъ темно-краснаго сукна, похожихъ на древне-римскія тоги.

— Синьоры! Синьоры!—хлопоталъ старичокъ въ круглыхъ очкахъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, должно быть, секретарь Совѣта.—Засѣданіе не кончено. Пожалуйте, голоса собираютъ...

— Ну ихъ къ чорту, провались они со своими головами!—воскликнулъ одинъ изъ гражданъ.—Довольно съ меня! Уши вянутъ отъ глупостей.

— И чего ждуть?—замѣтилъ другой.—Если они такъ желаютъ сгорѣть, пустить ихъ въ огонь—и дѣло съ концомъ!

— Помилуйте, смертоубійство...

— Пустяки! Подумаешь, какое горе, что на свѣтѣ меньше будетъ двумя дураками!

— Вы говорите, сгорятъ. Но надо, чтобы по всѣмъ правиламъ Церкви, по канонамъ сгорѣли—вотъ въ чемъ суть! Это дѣло тонкое, богословское...

— А если богословское, отправить къ папѣ...

— При чемъ тутъ папа и не папа, монахи и не монахи? О народѣ, синьоры, должны мы подумать. Ежели бы можно было возстановить спокойствіе въ городѣ этою мѣрою, то, конечно, слѣдовало бы отправить не только въ огонь, но и въ воду, воздухъ, землю всѣхъ поповъ и монаховъ!

— Достаточно—въ воду. Мой совѣтъ: приготовить чанъ съ водою и окунуть въ него обоихъ монаховъ. Кто выйдетъ сухъ изъ воды, тотъ и правъ. По крайней мѣрѣ, безопасно!

— Слышали, синьоры?—подобострастно хихикая, вмѣшался Паоло.—Бѣдняга-то нашъ, фра Джульяно Рондинелли такъ перетрусилъ, что заболѣлъ разстройствомъ желудка. Кровь пустили, чтобы не умеръ отъ страха.

— Вы все шутите, мессэры,—молвилъ важный старикъ съ умнымъ и грустнымъ лицомъ,—а я, когда слышу такія рѣчи отъ первыхъ людей моего народа, не знаю, что лучше—жить или умереть. Ибо вѣистину руки опустились бы у предковъ нашихъ, основателей этого города, если бы могли они предвидѣть, что потомки ихъ дойдутъ до такого позора!..

Комиссары продолжали шмыгать изъ Ратуши въ лоджю, изъ лоджии въ Ратушу, и, казалось, переговорамъ конца не будетъ.

Францисканцы утверждали, что Савонаролла заколдовалъ рясу Доминико. Онъ снялъ ее. Но чары могли быть и въ нижнемъ платѣ. Тотъ пошелъ во дворецъ и, раздѣвшись до нага, облекся въ платье другого монаха. Ему запретили приближаться къ брату Джироламо, чтобы тотъ не заколдовалъ его снова. Потребовали также, чтобы онъ оставилъ крестъ, который держалъ въ рукахъ. Доминико

согласился, но сказалъ, что войдетъ въ костеръ не иначе, какъ со Св. Дарами. Тогда францисканцы объявили, что ученики Савонароллы хотятъ сжечь Плоть и Кровь Господню. Напрасно Доминико и Джироламо доказывали, что Св. Причастіе не можетъ сгорѣть, что въ огнѣ погибнетъ только преходящій *модусъ*, а не вѣчная *субстанція*. Начался схоластическій споръ.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

Въ то же время небо покрывалось тучами.

Вдругъ изъ-за палатцо Веккіо, изъ Львиной улицы—Віадэй-Леони, гдѣ содержались въ каменномъ логовѣ львы, геральдическіе звѣри Флоренціи, раздалось протяжное голодное рыканіе. Должно быть, въ тотъ день, въ суматохѣ приготовленій, забыли ихъ накормить.

Казалось, что мѣдный Марцокко, возмущенный позоромъ своего народа, рычитъ отъ ярости.

И на звѣриный ревъ толпа откликнулась еще болѣе страшнымъ голоднымъ человѣческимъ ревомъ:

— Скорѣе, скорѣе! Въ огонь! Фра Джироламо! Чуда! Чуда! Чуда!

Савонаролла, молившійся передъ Чашей съ Дарами, какъ будто очнулся, подошелъ къ самому краю лоджии и прежнимъ властнымъ движеніемъ поднялъ руки, повелѣвая народу молчать.

Но народъ не замолчалъ.

Въ заднихъ рядахъ, подъ Крышею Пизанцевъ, среди шайки «бѣшеныхъ», кто-то крикнулъ:

— Струсилъ!

И по всей толпѣ пронесся этотъ крикъ.

На задніе ряды напирала желѣзная конница «аррабіати». Они хотѣли, протѣснившись къ лоджии, напасть на Савонаролла и убить его въ свалкѣ.

— Бей, бей, бей проклятыхъ святошъ!—послышались неистовые вопли.

Передъ Джіованни замелькали звѣрскія лица. Онъ зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть, думая, что брата Джироламо сейчасъ схватятъ и растерзаютъ.

Но въ это мгновеніе грянулъ громъ, небо вспыхнуло молніей, и хлынулъ дождь, такой, какого давно не видали во Флоренціи.

Онъ длился не долго. Но когда стихъ, нечего было думать объ огненномъ поединкѣ: изъ прохода между двумя стѣнами дровъ, какъ изъ водосточнаго жолоба, струился бурный потокъ.

— Ай да монахи! — смѣялись въ толпѣ. — Шли въ огонь, попали въ воду. Вотъ такъ чудо!

Отрядъ воиновъ провожалъ Савонароллу сквозь разъяренную толпу.

Послѣ бури наступило тихое ненастье.

Сердце Бельтраффио сжалось, когда увидѣлъ онъ, какъ, подъ медленнымъ сѣрымъ дождемъ, братъ Джироламо шелъ торопливымъ, падающимъ шагомъ, сгорбившись, опустивъ куколь на глаза, въ бѣлой одеждѣ, забрызганной уличною грязью.

Леонардо взглянулъ на блѣдное лицо Джіованни и, взявъ его за руку, опять, какъ во время Сожженія Суетъ, вывелъ изъ толпы.

IV.

НА слѣдующій день, въ той же комнатѣ въ домѣ Берарди, похожей на каюту корабля, доказывалъ художникъ мессэру Гвидо нелѣпость мнѣнія Колумба о мѣстоположеніи Рая на сосѣдъ грушевидной земли.

Тотъ сначала слушалъ внимательно, возражалъ и спорилъ; потомъ вдругъ затихъ и опечалился, какъ будто обидѣлся на Леонардо за истину.

Немного погодя, жалуюсь на боль въ ногахъ, Гвидо велѣлъ унести себя въ спальню.

«Зачѣмъ я огорчилъ его? — подумалъ художникъ. — Не истина нужна ему, такъ же какъ ученикамъ Савонароллы, а чудо».

Въ одной изъ рабочихъ тетрадей, которыя онъ перелистывалъ, на глаза ему попались строки, писанныя въ памятный день, когда чернь ломилась въ домъ его, требуя Святѣйшаго Гвоздя:

«О, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель! Ты не пожелалъ лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій: ибо, если должно ей подвиг-

нуть тѣло на сто локтей, и на пути встрѣчается преграда, Ты повелѣлъ, чтобы сила удара произвела новое движеніе, получая замѣну непройденнаго пути различными толчками и сотрясеніями. О, божественная необходимость Твоя, Первый Двигатель, — такъ принуждаешь Ты своими законами всѣ послѣдствія вытекать кратчайшимъ путемъ изъ причины. Вотъ чудо!»

И вспомнивъ о Тайной Вечерѣ, о ликѣ Христа, котораго онъ все еще искалъ и не находилъ, художникъ почувствовалъ, что между этими словами о Первомъ Двигателѣ, о божественной необходимости и совершенной мудростью Того, Кто сказалъ: «одинъ изъ васъ предастъ Меня» — должна быть связь.

Вечеромъ пришелъ къ нему Джіованни и рассказалъ о событіяхъ дня.

Синьорія повелѣла брату Джироламо и Доминико покинуть городъ. Узнавъ, что они медлятъ, «бѣшеные», съ оружіемъ, съ пушками и несмѣтной толпою народа, окружили обитель Санъ-Марко и ворвались въ церковь, гдѣ монахи служили вечерню. Они защищались, нанося удары горячими свѣчами, подсвѣчниками, деревянными и мѣдными распятіями. Въ клубахъ порохового дыма, въ заревѣ пожара, казались они смѣшными, какъ разъяренные голуби, страшными, какъ дьяволы. Одинъ взобрался на крышу церкви и бросалъ оттуда камни. Другой вскопчилъ на алтарь, и стоя подъ Распятіемъ, стрѣлялъ изъ аркебузы, выкрикивая послѣ каждаго выстрѣла: «Слава Господу!»

Монастырь взяли приступомъ. Братья молили Савонароллу бѣжать. Но онъ предался въ руки враговъ вмѣстѣ съ Доминико. Ихъ повели въ тюрьму.

Стражи Синьории напрасно хотѣли или дѣлали видъ, что хотятъ охранить ихъ отъ оскорбленій толпы.

Одни ударили брата Джироламо сзади по щекамъ и гнули, подражая церковному пѣнію «плакъ»:

— Прореки, прореки, ну-ка, Божій человекъ, кто ударилъ, прореки!

Другіе ползали въ ногахъ его, на четверенькахъ, какъ будто искали чего-то въ грязи и хрюкали: «Ключика, ключика! Не видалъ ли кто Джироламова ключика?» —

намекая на часто упоминавшийся въ проповѣдяхъ его «ключикъ», которымъ грозилъ онъ отпереть тайники римскихъ мерзостей.

Дѣти, бывшіе солдаты Священнаго Воинства маленькихъ инквизиторовъ, кидали въ него гнилыми яблоками, тухлыми яйцами.

Тѣ, кому не удалось пробраться сквозь толпу, вопили издали, повторяя все одни и тѣ же бранныя слова, какъ будто не могли ими насытиться:

— Трусъ! Трусъ! Трусъ! Иуда Предатель! Содомитъ! Колдунъ! Антихристъ!

Джіованни проводилъ его до дверей тюрьмы въ палаццо Веккіо. На прощаніе, когда братъ Джироламо переступалъ порогъ темницы, изъ которой долженъ былъ выйти на смертную казнь, одинъ весельчакъ поддалъ ему колѣномъ въ задъ и крикнулъ:

— Вотъ откуда выходили у него пророчества!

На слѣдующее утро Леонардо съ Джіованни выѣхали изъ Флоренціи.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Миланъ, погрузился художникъ въ работу, которую откладывалъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ,—надъ ликомъ Господнимъ въ Тайной Вечери.

V.

Въ самый день неудавшагося огненнаго поединка, канунъ Вербнаго Воскресенія, 7-го апрѣля 1498 г. скоростийно умеръ король Франціи Карлъ VIII.

Вѣсть о его кончинѣ ужаснула Моро, ибо на престолъ долженъ былъ вступить подъ именемъ Людовика XII злѣйшій недругъ дома Сфорца, герцогъ Орлеанскій. Внукъ Валентины Висконти, дочери перваго миланскаго герцога, считалъ онъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Ломбардіи и намѣревался отвоевать ее, разоривъ до тла «разбойничье гнѣздо Сфорца».

Еще до смерти Карла VIII въ Миланъ при дворѣ Моро происходилъ «ученый поединокъ», который такъ понравился герцогу, что черезъ два мѣсяца назначенъ

былъ второй. Многіе полагали, что онъ отмѣнить это состязаніе въ виду предстоявшей войны, но ошиблись, ибо Моро, искушенный въ притворствѣ, счелъ для себя выгоднымъ показать врагамъ, что мало заботится о нихъ, что подъ кроткою державою Сфорца болѣе, чѣмъ когда-либо, процвѣтають въ Ломбардіи возрожденныя искусства и науки, «плоды золотого мира», что престолъ его охраняется не только оружіемъ, но и славою просвѣщеннѣйшаго изъ государей Италіи, покровителя музъ.

Въ Рокеттѣ, въ «большой залѣ для игры въ мячъ» собрались доктора, деканы, магистры Павійскаго университета, въ красныхъ четырехугольныхъ шапкахъ, въ шелковыхъ пунцовыхъ наплечникахъ, подбитыхъ горностаемъ, съ фиолетовыми замшевыми перчатками и шитыми золотомъ мошнами у пояса. Придворныя дамы—въ роскошныхъ бальныхъ нарядахъ. Въ ногахъ у Моро, по обѣимъ сторонамъ его трона, сидѣли мадонна Лукреція и графиня Цецилія.

Засѣданіе открылось рѣчью Джіорджіо Мэрулы, который, сравнивая герцога съ Перикломъ, Эпаминондомъ, Сципіономъ, Катонемъ, Августомъ, Мecenатомъ, Траяномъ, Титомъ и множествомъ другихъ великихъ людей, доказывалъ, что новыя Аѳины—Миланъ превзошли древнія.

Затѣмъ начался богословскій споръ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи; медицинскій—по вопросамъ:

«Красивыя женщины плодороднѣ ли некрасивыхъ? Естественное ли было исцѣленіе Товія рыбною желчью? Есть ли женщина несовершенное созданіе природы? Въ какой внутренней части тѣла образовалась вода, вытекшая изъ раны Господа, когда на крестѣ Онъ пронзенъ былъ копьемъ? Женщина сладострастнѣ ли мужчины?»

Слѣдовало состязаніе философское о томъ, многообразна ли первично-первая матерія или едина?

— Что значить сія апофегма?—спрашивалъ старичокъ съ ядовитой беззубой усмѣшкой, съ глазами мутными, какъ у грудныхъ дѣтей, великій докторъ схоластики, сбивая съ толку своихъ противниковъ и устанавливая такое тонкое отличіе *quidditas* отъ *habitus*, что никто не могъ его понять.

— Первично-первая матерія,—доказывалъ другой,—

не есть ни субстанція, ни акцидентъ. Но поколику подъ всякимъ актомъ разумѣется или акцидентъ, или субстанція, потолуку первично-первая матерія не есть актъ.

— Я утверждаю,—восклицалъ третій,—что всякая созданная субстанція, духовная или тѣлесная, причастна матеріи.

Старый докторъ схоластики только покачивалъ головою, точно заранѣе зная все, что возразить ему противники и могъ разрушить софизмы ихъ однимъ дуновеніемъ, какъ паутину.

— Скажемъ такъ,—объяснялъ четвертый,—міръ есть дерево: корни—первая матерія, листья—акциденты, вѣтви—субстанціи, цвѣтъ—разумная душа, плодъ—ангельская природа, Богъ—садовникъ.

— Первично-первая матерія едина,—выкрикивалъ пятый, никого не слушая,—вторично-первая двойственна, третично-первая множественна. И всѣ стремятся къ единству. Omnia unitatem appetunt.

Леонардо слушалъ, какъ всегда, молчаливый и одинокій; порою тонкая усмѣшка скользила по его губамъ.

Послѣ перерыва, математикъ, францисканскій монахъ фра Лука Пачіоли, показалъ хрустальныя изображенія многогранниковъ—полѣдровъ, излагая пифагорейское ученіе о пяти первозданныхъ правильныхъ тѣлахъ, изъ коихъ, будто бы, возникла вселенная, и прочелъ стихи, которыми эти тѣла сами себя прославляютъ:

Науки плодъ сладчайшій и прелестный
Всѣхъ побуждалъ издревле мудрецовъ
Искать причины нашей неизвѣстной.
Мы красотой сіяемъ безтѣлесной,
Мы—первое начало всѣхъ міровъ,
И нашею гармоніей чудесной
Платонъ плѣнялся, Пифагоръ, Евклидъ.
Предвѣчную мы наполняемъ Сферу,
Такой имѣя совершенный видъ,
Что всѣмъ тѣламъ даемъ законъ и мѣру.

VI.

ГРАФИНЯ Цецилія, указывая на Леонардо, шепнула что-то герцогу. Тотъ подозвалъ его и просилъ принять участіе въ поединкѣ.

— Мессэре,—приступила къ нему сама графиня,—будьте любезны...

— Видишь, дамы просятъ,—молвилъ герцогъ.—Не скромничай. Ну, что тебѣ стоитъ? Расскажи намъ что-нибудь позабавнѣе. Я вѣдь знаю, умъ у тебя всегда полонъ чудеснѣйшими химерами...

— Ваше высочество, увольте. Я бы радъ, мадонна Цецилія, но, право же, не могу, не умѣю...

Леонардо не притворялся. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не любилъ и не умѣлъ говорить передъ толпою. Между словомъ и мыслью его была вѣчная преграда. Ему казалось, что всякое слово преувеличиваетъ, или не договариваетъ, измѣняетъ и лжетъ. Отмѣчая свои наблюдения въ дневникахъ, онъ постоянно передѣлывалъ, перечеркивалъ и поправлялъ. Даже въ разговорѣ записался, путался, обрывалъ—искалъ и не находилъ словъ. Ораторовъ, писателей называлъ болтунами, шелкоперами, а между тѣмъ, втайнѣ, завидовалъ имъ. Округленная плавность рѣчи, иногда у самыхъ ничтожныхъ людей, внушала ему досаду, смѣшанную съ простодушнымъ восхищеніемъ: «даетъ же Богъ людямъ такое искусство!»—думалъ онъ.

Но чѣмъ усерднѣе отказывался Леонардо, тѣмъ болѣе настаивали дамы.

— Мессэре,—щебетали онѣ хоромъ, окруживъ его,—пожалуйста! Мы всѣ, видите, всѣ умоляемъ васъ. Ну скажите же, скажите намъ что-нибудь хорошенькое!..

— О томъ, какъ люди будутъ летать,—предложила донзелла Фіордализа.

— Лучше о магін,—подхватила донзелла Эрмеллина,—о черной магін. Это такъ любопытно! Некромантія—какъ мертвецовъ изъ могилъ вызываютъ...

— Помилуйте, мадонна, могу васъ увѣрить я никогда мертвецовъ не вызывалъ...

— Ну, все равно, о чемъ-нибудь другомъ. Только по страшнѣе—и безъ математики...

Леонардо не умѣлъ отказывать, кто и о чемъ бы его ни просилъ.

— Я право не знаю, мадонны...—проговорилъ онъ въ смущеніи.

— Согласенъ! Согласенъ! — захлопала въ ладоши Эрмеллина. — Мессэръ Леонардо будетъ говорить. Слушайте!

— Что такое? А? Кто?—спрашивалъ выжившій изъ ума отъ старости, тугой на ухо, деканъ богословскаго факультета.

— Леонардо!—крикнулъ ему сосѣдъ, молодой магистръ медицины.

— О Леонардо Пизано, математикъ, что ли?

— Нѣтъ, самъ Леонардо да-Винчи.

— Да-Винчи? Докторъ или магистръ?

— Не докторъ и не магистръ, даже не бакалавръ, а такъ, просто художникъ Леонардо, тотъ, что Тайную Вечерю написалъ.

— Художникъ? О живописи?

— Кажется, по естественнымъ наукамъ...

— По естественнымъ наукамъ? Да развѣ нынѣ художники учеными стали? Леонардо?.. Что-то не слыхалъ... Какія же у него сочиненія?

— Никакихъ. Онъ не издаетъ.

— Не издаетъ?

— Говорятъ, все лѣвою рукою пишетъ,—вмѣшался другой сосѣдъ,—тайнымъ письмомъ, такъ, чтобы нельзя было разобрать.

— Чтобы нельзя было разобрать? Лѣвою рукою?—съ возрастающимъ изумленіемъ повторялъ деканъ.—Да это, мессэры, должно быть, что-нибудь смѣшное. А? Для отдыха отъ занятій, я такъ полагаю, для развлечения герцога и прекраснѣйшихъ синьоровъ?

— Можетъ быть, и смѣшное. Вотъ посмотримъ...

— Ну, то-то. Вы бы такъ и сказали... Конечно, люди придворные: нельзя не повеселиться. Ну, да и забавный народъ эти художники—умѣютъ потѣшить! Вотъ Буффальмако, шутъ, говорятъ, былъ тоже и весельчакъ

хоть куда... Ну, послушаемъ, послушаемъ, какой такой Леонардо!

Онъ протеръ очки, чтобы лучше видѣть предстоявшее зрѣлище.

Съ послѣднею мольбою взглянулъ Леонардо на герцога. Тотъ, улыбаясь, хмурился. Графиня Цецилія грозила пальчикомъ.

— Пожалуй, разсердится, — подумалъ художникъ.— Скоро надо просить о выдачѣ бронзы для Коня... Э, все равно, куда ни шло—разкажу имъ первое, что въ голову взбредетъ,—только бы отвязаться!

Съ отчаянною рѣшимостью онъ взошелъ на кафедру и оглянулъ ученое собраніе.

— Я долженъ предупредить ваши милости, — началъ онъ, заикаясь и краснѣя, какъ школьникъ.—Для меня неожиданно... Только по настоянію герцога... То-есть, я хочу сказать... мнѣ кажется... ну, словомъ—я буду говорить о раковинахъ.

Онъ сталъ рассказывать объ окаменѣлыхъ морскихъ животныхъ, отпечаткахъ водорослей и коралловъ, находимыхъ въ пещерахъ и горахъ, вдали отъ моря,—свидѣтеляхъ того, какъ съ незапамятной древности лицо земли измѣнялось—тамъ, гдѣ нынѣ суша и горы, было дно океана. Вода, двигатель природы—ея *возница*—создаетъ и разрушаетъ горы. Приближаясь къ срединѣ морей, берега растутъ, и внутреннія, средиземныя моря постепенно обнажаютъ дно, оставляя лишь русло единой рѣки, впадающей въ океанъ. Такъ По, высушивъ Ломбардію, впослѣдствіи сдѣлаетъ то же со всей Адриатикой. Нилъ, превративъ Средиземное море въ песчаные холмы и равнины, подобные Египту и Ливіи, будетъ впадать въ океанъ за Гибралтаромъ.

— Я увѣренъ,—заклучилъ Леонардо,—что изслѣдованіе окаменѣлыхъ животныхъ и растений, которымъ донынѣ ученые пренебрегали, дастъ начало новой наукѣ о землѣ, объ ея прошломъ и будущемъ.

Мысли его были такъ ясны, точны, полны, несмотря на видимую скромность, непоколебимой вѣрою въ знаніе, такъ не похожи на туманныя пиеагорейскія бредни Пачіоли, на мертвую схоластику ученыхъ докторовъ, что

когда онъ умолкъ, на лицахъ выразилось недоумѣніе: какъ быть? что дѣлать? хвалить или смѣяться? новая ли это наука, или самонадѣянный лепетъ невѣжды?

— Мы очень бы желали, мой Леонардо, — сказали герцогъ со снисходительной улыбкой, какъ взрослые говорятъ съ дѣтьми, — мы очень бы желали, чтобы пророчество твое исполнилось, чтобы Адриатическое море высохло, и венеціанцы, наши враги, остались на лагунахъ своихъ, какъ раки на мели!

Всѣ почтительно и вмѣстѣ съ тѣмъ преувеличенно засмѣялись. Направленіе было дано — и придворные флюгера повернулись по вѣтру. Ректоръ Павійскаго университета, Габріеле Пировано, серебристо-сѣдой, благообразный старикъ, съ величественнымъ и ничтожнымъ лицомъ, произнесъ, отражая въ учтиво-осторожной, плоской улыбкѣ своей снисходительную шутливость герцога:

— Сообщенныя вами свѣдѣнія очень любопытны, мессэръ Леонардо. Но я позволю себѣ замѣтить: не проще ли объяснить происхожденіе этихъ маленькихъ ракушекъ — случайной, забавной, можно сказать, очаровательной, но совершенно невинной игры природы, на коей вы желаете основать цѣлую науку, — не проще ли, говорю я, объяснить ихъ происхожденіе, какъ и раньше это дѣлали, — всемірнымъ потопомъ?

— Да, да, потопъ, — подхватилъ Леонардо, уже безъ всякаго смущенія, съ непринужденностью, которая многимъ показалась черезчуръ вольной, даже дерзкой, — я знаю, всѣ говорятъ: потопъ. Только объясненіе это никуда не годится. Посудите сами: уровень воды во время потопа, по словамъ того, кто измѣрялъ его, былъ на десять локтей выше высочайшихъ горъ. Слѣдовательно, раковины, носимыя бурными волнами, должны были бы опуститься сверху, непременно сверху, мессэръ Габріеле, а не сбоку, не у подножія горъ, но внутри подземныхъ пещеръ, и притомъ — въ безпорядкѣ, по прихоти волнъ, а не на одномъ и томъ же уровнѣ, не послѣдовательными слоями, какъ мы это наблюдаемъ. И вѣдь замѣтите, — вотъ что любопытно! — тѣ животныя, которыя водятся стадами — слизняки, каракатицы, устрицы — такъ и

лежать вмѣстѣ; а живущія въ одиночку лежатъ порознь, точь въ точь, какъ мы это можемъ видѣть и нынѣ на морскихъ берегахъ. Я самъ много разъ наблюдалъ расположеніе окаменѣлыхъ раковинъ въ Тосканѣ, въ Ломбардіи, въ Пьемонтѣ. Если же вы скажете, что онѣ занесены не волнами потопа, а сами мало-по-малу поднялись за водою, по мѣрѣ того, какъ она прибывала, то и это возраженіе очень легко опровергнуть, ибо раковина — животное столь же или даже еще болѣе медлительное, чѣмъ улитка. Никогда не плаваетъ она, а только ползаетъ по песку и камнямъ посредствомъ движенія створъ, и самое большее, что можетъ сдѣлать въ день такого пути — три, четыре локтя. Какъ же, скажите на милость, какъ же вы хотите, мессэръ Габріеле, чтобы въ теченіе сорока дней, которые длился потопъ, по свѣдѣтельству Моисея, проползла она 250 миль, отдѣляющихъ холмы Монферато отъ береговъ Адриатики? Утверждать это посмѣетъ лишь тотъ, кто, пренебрегая опытомъ и наблюденіемъ, судить о природѣ по книгамъ, по измышленіямъ болтуновъ-словесниковъ и ни разу не полюбопытствовалъ собственными глазами взглянуть на то, о чемъ говорить!

Наступило неловкое молчаніе. Всѣ чувствовали, что возраженіе ректора слабо, и что не онъ на Леонардо, а скорѣе Леонардо на него имѣетъ право смотрѣть какъ учитель на ученика.

Наконецъ, придворный астрологъ, любимецъ Моро, мессэръ Амброджіо да-Розате, предложилъ, ссылаясь на Плинія Натуралиста, другое объясненіе: окаменѣлости, имѣющія только видъ морскихъ животныхъ, образовались въ нѣдрахъ земли магическимъ дѣйствіемъ звѣздъ.

При словѣ «магическій», покорная скучающая усмѣшка заиграла на губахъ Леонардо.

— Какъ же, мессэръ Амброджіо, — возразилъ онъ, — объясните вы то, что вліяніе однѣхъ и тѣхъ же звѣздъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ образовало животныхъ не только различныхъ породъ, но и различныхъ возрастовъ, ибо я открылъ, что по разрѣзу раковинъ, такъ же, какъ по рогамъ быковъ и овецъ, по разрубленнымъ стволамъ

деревьевъ, можно съ точностью опредѣлить число не только лѣтъ, но и мѣсяцевъ ихъ жизни? Какъ объясните вы, что однѣ изъ нихъ цѣльныя, другія сломанныя, третьи съ пескомъ, иломъ, клешнями крабовъ, съ рыбьими костями и зубами, съ крупнымъ щебнемъ, подобнымъ тому, какой встрѣчается на морскихъ берегахъ, изъ камешковъ, округленныхъ волнами? А нѣжные отпечатки листьевъ на скалахъ высочайшихъ горъ? А водоросли, прилипшія къ раковинамъ, окаменѣлыя, слитыя въ одинъ комокъ? Откуда все это? Отъ вліянія звѣздъ? Но вѣдь, ежели такъ разсуждать, мессэре, то, я полагаю, во всей природѣ не найдется ни одного явленія, котораго бы нельзя было объяснить магическимъ вліяніемъ звѣздъ—и тогда всѣ науки, кромѣ астрологіи, тщетны...

Старый докторъ схоластики попросилъ слова и, когда ему дали его, замѣтилъ, что споръ ведется неправильно, ибо одно изъ двухъ: или вопросъ объ ископаемыхъ животныхъ принадлежитъ низшему, «механическому» знанію, чуждому метафизики, и тогда говорить о немъ нечего, такъ какъ не затѣмъ они сюда собирались, чтобы состязаться о предметахъ нефилософскихъ; или же относится онъ къ истинному высшему знанію—къ діалектикѣ;—въ такомъ случаѣ и разсуждать о немъ должно по правиламъ діалектики, возвысивъ помыслы къ чистому умозрѣнію.

— Знаю,—проговорилъ Леонардо съ еще болѣе покорнымъ и скучающимъ видомъ,—знаю, что вы хотите сказать, мессэре. Я тоже много думалъ объ этомъ. Только все это не такъ!

— Не такъ?—усмѣхнулся старикъ и весь точно налился ядомъ.—А ежели не такъ, мессэре, просвѣтите насъ, будьте добрымъ, научите, что же, по-вашему, такъ?

— Ахъ нѣтъ, я вовсе не хотѣлъ... Увѣряю васъ... Я только о раковинахъ... Я, видите ли, думаю... Словомъ, нѣтъ высшихъ и низшихъ знаній, а есть одно, вытекающее изъ опыта...

— Изъ опыта? Вотъ какъ! Ну, а какъ же, позвольте васъ спросить, какъ же метафизика Аристотеля, Платона, Плотина—всѣхъ древнихъ философовъ, которые рассу-

ждали о Богѣ, о духѣ, о сущностяхъ,—неужели все это?..

— Да, все это не наука,—возразилъ Леонардо спокойно.—Я признаю величіе древнихъ, но не въ этомъ. Въ наукѣ пошли они ложнымъ путемъ. Хотѣли познать недоступное знанію, а доступное презрѣли. Запутали себя и другихъ на много вѣковъ. Ибо, разсуждая о предметахъ недоказуемыхъ, не могутъ люди придти къ соглашенію. Тамъ, гдѣ разумныхъ доводовъ нѣтъ, они замѣняются криками. Но кто знаетъ, тому кричать не нужно. Слово истины едино, и когда оно сказано, всѣ крики спорящихъ должны умолкнуть; если же они продолжаютъ, значитъ нѣтъ еще истины. Развѣ въ математикѣ спорятъ о томъ, дважды три—шесть или пять? Равна ли сумма угловъ въ треугольникѣ двумъ прямымъ или неравна? Не исчезаетъ ли здѣсь всякое противорѣчіе передъ истиной, такъ что служители ея могутъ наслаждаться ею въ мирѣ, чего никогда не бываетъ въ мнимыхъ, софистическихъ наукахъ?..

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но, взглянувъ на лицо противника, умолкъ.

— Ну, вотъ мы и договорились, мессэръ Леонардо!—еще язвительнѣе усмѣхнулся докторъ схоластики.—Я, впрочемъ, зналъ, что мы съ вами поймемъ другъ друга. Одного я въ толкъ не возьму,—вы ужъ меня старика извините. Какъ же такъ? Неужели всѣ наши познанія о душѣ, о Богѣ, о загробной жизни, естественному опыту не подлежащія, «недоказуемыя», какъ вы сами изволили выразиться, но подтверждаемыя непреложнымъ свидѣтельствомъ Священнаго Писанія?..

— Я этого не говорю,—остановилъ его Леонардо, нахмурившись.—Я оставляю внѣ спора книги боговдохновенныя, ибо онѣ суть высшая истина...

Ему не дали кончить. Произошло смятеніе. Одни кричали, другіе смѣялись, третьи, вскакивая съ мѣстъ, обращались къ нему съ гнѣвными лицами, четвертые, презрительно пожимая плечами, отвергивались.

— Довольно! Довольно!—Дайте возразить, мессэры!—Да что же тутъ возражать, помилуйте!—Безсмыслица!—Я прошу слова!—Платонъ и Аристотель!—Все-то дѣло

выѣденнаго яйца не стоитъ!—Какъ же позволяютъ? Истины святой нашей матери церкви!—Ересь, ересь! Безбожіе...

Леонардо молчалъ. Лицо его было тихо и грустно. Онъ видѣлъ свое одиночество среди этихъ людей, считавшихъ себя служителями знанія; видѣлъ непереступную бездну, отдѣлявшую его отъ нихъ, и чувствовалъ досаду не на противниковъ, а на себя за то, что не сумѣлъ замолчать во-время, уклониться отъ спора; за то, что еще разъ, наперекоръ безчисленнымъ опытамъ, соблазнился надеждою, будто бы достаточно открыть людямъ истину, чтобы они ее приняли.

Герцогъ, съ вельможами и придворными дамами, давно уже ничего не понимая, все же слѣдилъ за споромъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Славно!—радовался онъ, потирая руки.—Настоящее сраженіе! Смотрите, мадонна Цецилія, сейчасъ подерутся! Вонъ старичокъ изъ кожи лѣзетъ, весь трясется, кулаками грозитъ, шапку сорвалъ и махаетъ. А черненькій-то, черненькій за нимъ—пѣна у рта! И вѣдь изъ-за чего? Изъ-за какихъ-то окаменѣлыхъ раковинъ. Удивительный народъ эти ученые! Бѣда съ ними, право. А нашъ-то Леонардо, каковъ! Еще тихоней прикидывался...

И всѣ смѣялись, любуясь на поединокъ ученыхъ, какъ на бой пѣтуховъ.

— Пойду-ка я спасать моего Леонардо,—молвилъ герцогъ,—а то его красные колпаки совсѣмъ заклюютъ!..

Онъ вошелъ въ толпу ожесточенныхъ противниковъ, и они умолкли, разступились передъ нимъ, какъ будто успокоительный елей пролился въ бурное море: достаточно было одной улыбки Моро, чтобы примирить физику съ метафизикой.

Приглашая гостей ужинать, онъ прибавилъ съ любезностью:

— Ну, синьоры, поспорили, погорячились и довольно! Надо и силы подкрѣпить. Милости просимъ! Я полагаю, мои варенныя животныя изъ Адриатическаго моря,—благо оно еще не высохло,—возбуждаютъ меньше споровъ, чѣмъ окаменѣлыя животныя мессэра Леонардо.

VII.

ЗА ужиномъ Лука Пачіоли, сидѣвшій рядомъ съ Леонардо, шепнулъ ему на-ухо:

— Не сердитесь, другъ мой, что я промолчалъ, когда на васъ напали: они не такъ поняли; а въ сущности вы могли бы съ ними сговориться, ибо одно другому не мѣшаетъ—только крайностей не надо ни въ чемъ, и все можно примирить, все соединить...

— Я съ вами совершенно согласенъ, фра Лука,—сказалъ Леонардо.

— Ну, вотъ, вотъ. Такъ-то лучше! Въ мирѣ да въ согласіи. А то, помилуйте, говорю я, зачѣмъ же ссориться? Хороша метафизика, хороша и математика. Всѣмъ хватитъ мѣста. Вы намъ, а мы вамъ. Не такъ ли, дражайшій?

— Именно такъ, фра Лука.

— Ну и прекрасно, и прекрасно! Значить, никакихъ недоразумѣній быть не можетъ? Вы намъ, а мы вамъ...

«Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ»,—подумалъ художникъ, глядя на хитрое, съ мышиною юркостью въ глазахъ, умное лицо монаха-математика, умѣвшаго примирить Пифагора съ Ѳомой Аквинатомъ.

— За ваше здоровье, учитель!—поднимая кубокъ и наклоняясь къ нему, съ видомъ сообщника, молвилъ другой сосѣдъ, алхимикъ Галеотто Сакробоско.—Ловко же вы ихъ, чортъ побери, на удочку поддѣли! Тончайшая аллегорія!

— Какая аллегорія?

— Ну, вотъ опять! Нехорошо, мессэре! Со мною-то ужъ, кажется, нечего хитрить. Слава Богу—посвященные! Другъ друга не выдадимъ...

Старикъ лукаво подмигнулъ.

— Какая аллегорія, спрашиваете вы, а вотъ какая: суша—сѣра, солнце—соль, воды океана, покрывавшія нѣкогда вершины горъ,—ртуть, живая влага Меркурія. Что? Развѣ не такъ?

— Такъ, мессэръ Галеотто, именно такъ!—разсмѣялся Леонардо.—Вы удивительно вѣрно поняли мою аллегорію!

— Понялъ, видите? И мы, значить, кое-что разумѣемъ! А раковины окаменѣлыя—это и есть камень мудрецовъ, великая тайна алхимиковъ, образуемая соединеніемъ солнца—соли, суши—сѣры и влаги—Меркурія. Божественное превращеніе металловъ!

Поднявъ указательный палецъ и облѣзлыя брови, опаленныя огнемъ алхимическихъ горнъ, старикъ залился своимъ добрымъ, дѣтски-простодушнымъ смѣхомъ:

— А ученые-то наши, красные колпаки, такъ ничего и не поняли! Ну, выпьемте же за ваше здоровье, мессэръ Леонардо, и за процвѣтаніе матери нашей Алхиміи!

— Съ удовольствіемъ, мессэръ Галеотто! Я теперь вижу, что отъ васъ, въ самомъ дѣлѣ, не спрячешься, и даю слово, что впредь уже никогда не буду хитрить.

Послѣ ужина гости разошлись. Только маленькое, избранное общество герцога пригласилъ въ прохладный, уютный покой, куда принесли вина и плодовъ.

— Ахъ, прелестъ, прелестъ!—восхищалась донзелла Эрмеллина.—Я бы никогда не повѣрила, что это такъ забавно. Признаться, думала—скука. А вѣдь вотъ лучше всякихъ баловъ! Я съ удовольствіемъ каждый день присутствовала бы на такихъ ученыхъ поединкахъ. Какъ они разсердились на Леонардо, какъ закричали! Жаль, не дали ему кончить. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы онъ рассказалъ что-нибудь о своемъ колдовствѣ, о некромантіи...

— Не знаю, правда ли, можетъ быть такъ только болтають,—произнесъ одинъ старый вельможа,—будто бы Леонардо столь еретическія мнѣнія составилъ въ умѣ своемъ, что и въ Бога не вѣруеть. Предавшись наукамъ естественнымъ, полагаетъ онъ, что куда лучше быть философомъ, чѣмъ христіаниномъ...

— Вздоръ!—рѣшилъ герцогъ.—Я его знаю. Золотое сердце. Храбрится только на словахъ, а на дѣлѣ блохи не обидитъ. Говорятъ, опасный человѣкъ. Помилуйте, нашли кого бояться! Отцы-инквизиторы могутъ кричать, сколько душъ ихъ угодно, я никому моего Леонардо въ обиду не дамъ!

— И потомство,—съ почтительнымъ поклономъ молвилъ Бальтазаре Кастильоне, изящный вельможа Урбинскаго

двора, пріѣхавшій гостить въ Миланъ,—потомство будетъ благодарно вашему высочеству за то, что вы сохранили столь необычайнаго, можно сказать, единственнаго въ мірѣ художника. А все-таки жаль, что онъ пренебрегаетъ искусствомъ, наполняя свой умъ такими странными мечтаніями, такими чудовищными химерами...

— Ваша правда, мессэръ Бальтазаре, — согласился Моро.—Сколько разъ говорилъ я ему: брось ты свою философію! Ну, да вѣдь знаете, такой ужъ народъ художники. Ничего не подѣлаешь. Съ нихъ и требовать нельзя. Чудаки!

— Совершенно вѣрно изволили выразиться, ваша свѣтлость!—подхватилъ другой вельможа, главный комиссаръ соляныхъ налоговъ, которому давно уже хотѣлось что-то рассказать о Леонардо.—Именно чудаки! Такое, знаете ли, иной разъ подумаютъ, что только диву дашься. Прихожу я какъ-то намеренъ въ его мастерскую—рисуночекъ нуженъ былъ аллегорическій для свадебнаго ящика. Что, говорю, мастеръ дома?—Нѣтъ, ушелъ, очень занятъ и заказовъ не принимаетъ.—А чѣмъ же, спрашиваю, занятъ?—Измѣряетъ тяжесть воздуха.—Я тогда подумалъ: смѣются они надо мною. А потомъ встрѣчаю самого Леонардо.—Что, правда, мессэре, будто вы тяжесть воздуха измѣряете?—Правда, говоритъ,—и на меня же, какъ на дурака, посмотрѣлъ. Тяжесть воздуха! Какъ вамъ это нравится, мадонны? Сколько фунтовъ, сколько гранъ въ зефирѣ весеннемъ!

— Это еще что!—замѣтилъ молодой камеръере съ прилично тупымъ и самодовольнымъ лицомъ.—А вотъ я слышалъ, онъ лодку такую изобрѣлъ, что противъ теченія ходить безъ весель!

— Безъ весель? Сама собою?..

— Да, на колесахъ, силою пара.

— Лодка на колесахъ! Должно быть, вы это только что сами придумали...

— Честью могу васъ увѣрить, мадонна Цецилія, я слышалъ отъ фра Лука Пачіоли, который видѣлъ рисунокъ машины. Леонардо полагаетъ, что въ парѣ такая сила, что можно ею двигать не только лодки, но и цѣлыя корабли.

— Ну, вотъ, вотъ видите, говорила я—это и есть

черная магія, некромантія!—воскликнула донзелла Эрмеллина.

— Да ужъ чудакъ, чудакъ, нечего грѣха таить,—заключилъ герцогъ съ добродушною усмѣшкою.—А все-таки люблю я его: съ нимъ весело, никогда не соскучишься!

VIII.

В ОЗВРАЩАЯСЯ домой, Леонардо шелъ тихою улицей предмѣстья Верчельскихъ воротъ. По краямъ ея козы щипали траву. Загорѣлый мальчикъ въ лохмотьяхъ хворостиною гналъ стадо гусей. Вечеръ былъ ясный. Только на сѣверѣ, надъ невидимыми Альпами, громоздились тяжкія, точно каменные, тучи, окаймленные золотомъ, и между ними, въ блѣдномъ небѣ, горѣла одинокая звѣзда.

Вспоминая два поединка, которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ,—поединокъ чуда во Флоренціи, поединкъ знанія въ Миланѣ—Леонардо думалъ о томъ, какъ они различны и вмѣстѣ съ тѣмъ похожи—точно двойники.

На каменной лѣстницѣ, прилѣпленной снаружи къ ветхому домику, дѣвочка лѣтъ шести ѣла ржаную лепешку съ печеною луковицей.

Онъ остановился и поманилъ ее. Она посмотрѣла на него со страхомъ; потомъ, видимо довѣрившись улыбкѣ его, сама улыбнулась и сошла, тихонько ступая коричневыми босыми ножками по ступенямъ, облитымъ кухонными помоями съ яичными и раковыми скорлупами. Онъ вынулъ изъ кармана тщательно завернутый въ бумагу, обсахаренный и позолоченный померанецъ, одно изъ тѣхъ лакомствъ, какія подавались при дворѣ: часто бралъ онъ ихъ со стола и носилъ въ карманѣ, чтобы раздавать уличнымъ дѣтямъ во время прогулокъ.

— Золотой!—прошептала дѣвочка.—Золотой мячикъ!

— Не мячикъ, а яблоко. Вотъ попробуй: внутри сладкое.

Не рѣшаясь отвѣдать, она разглядывала невиданное лакомство съ безмолвнымъ восхищеніемъ

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Леонардо.

— Майя.

— А знаешь ли, Майя, какъ пѣтухъ, козель и осель пошли рыбу ловить?

— Не знаю.

— Хочешь расскажу?

Онъ гладилъ ее по спутаннымъ мягкимъ волосамъ своею нѣжною, точно у молодой дѣвушки, длинною и тонкою рукою.

— Ну, пойдемъ, сидемъ. Пойди-ка, были у меня еще анисовыя лепешки. А то, я вижу, Майя, ты золотого яблока не будешь ѣсть.

Онъ сталъ искать въ карманѣ.

На крыльцѣ показалась молодая женщина. Она посмотрѣла на Леонардо и Майю, кивнула привѣтливо головою и сѣла за прялку.

Вслѣдъ за нею вышла изъ дома сгорбленная старушка, съ такими же ясными глазами, какъ у Майи,—вѣрно, бабушка.

Она посмотрѣла тоже на Леонардо и вдругъ, какъ будто узнавъ его, всплеснула руками, наклонилась къ прялкѣ и что-то сказала ей на-ухо; та вскочила и крикнула:

— Майя, Майя! Иди скорѣе!..

Дѣвочка медлила.

— Да ступай же, негодница! Вотъ погоди, уже я тебя!..

Испуганная Майя взбѣжала по лѣстницѣ. Бабушка вырвала у нея золотое яблоко и швырнула его черезъ стѣну на сосѣдній дворъ, гдѣ хрюкали свиньи. Дѣвочка заплакала. Но старуха что-то шепнула ей, указывая на Леонардо. Майя тотчасъ притихла и посмотрѣла на него широко открытыми глазами, полными ужаса.

Леонардо отвернулся, опустил голову и молча быстро пошелъ прочь.

Онъ понялъ, что старуха знала его въ лицо, слышала, будто бы онъ колдунъ, и подумала, что онъ можетъ слазить Майю.

Онъ уходилъ отъ нихъ, точно убѣгалъ, въ такомъ смущеніи, что продолжалъ искать въ карманѣ уже не-

нужныхъ анисовыхъ лепешекъ, улыбаясь растерянной, виноватою улыбкою.

Передъ этими испуганными, невинными глазами ребенка онъ чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ передъ толпою народа, желавшаго убить его, какъ безбожника, чѣмъ передъ собраніемъ ученыхъ, смѣявшихся надъ истиной, какъ надъ лепетомъ безумца; онъ чувствовалъ себя такимъ же далекимъ отъ людей, какъ одинокая вечерняя звѣзда въ безнадежно-ясномъ небѣ.

Вернувшись домой, вошелъ въ рабочую комнату. Со своими пыльными книгами и научными приборами она показалась ему мрачною, какъ тюрьма. Онъ сѣлъ за столъ, зажегъ свѣчу, взялъ одну изъ тетрадей и погрузился въ недавно начатое изслѣдованіе законовъ движенія тѣлъ по наклоннымъ плоскостямъ.

Математика, такъ же какъ музыка, имѣла власть успокаивать его. И въ этотъ вечеръ дала она сердцу его знакомую отраду.

Окончивъ вычисленіе, вынулъ онъ дневникъ изъ потайнаго ящика въ столѣ и лѣвою рукою, обратнымъ письмомъ, которое можно было прочесть только въ зеркалѣ, записалъ мысли, внушенныя ему поединкомъ ученыхъ:

«Книжники и словесники, ученики Аристотеля, вороны въ павлиньихъ перьяхъ, глашатаи и повторители чужихъ дѣлъ, презираютъ меня, изобрѣтателя. Но я могъ бы имъ отвѣтить, какъ Марій римскимъ патриціямъ: украшаясь чужими дѣлами, не хотите вы оставить мнѣ плода моихъ собственныхъ.

Между испытателями природы и подражателями древнихъ такая же разница, какъ между предметомъ и его отраженіемъ въ зеркалѣ.

Они думаютъ, что, не будучи словесникомъ подобно имъ, я не имѣю права писать и говорить о наукѣ, ибо не могу выражать моихъ мыслей, какъ должно. Они не знаютъ, что сила моя не въ словахъ, а въ опытѣ, учитель всѣхъ, кто хорошо писалъ.

Не желая и не умѣя, какъ они, ссылаться на книги древнихъ, я сошлюсь на то, что правдивѣе книгъ, — на опытъ, учителя всѣхъ учителей».

Свѣча горѣла тускло. Единственный другъ безсонныхъ

ночей его, котъ, вскочивъ на столъ, равнодушно ласкался, мурлыкая. Одинокая звѣзда сквозь стекла пыльных оконъ казалась теперь еще дальше, еще безнадежнѣе. Онъ взглянулъ на нее и вспомнилъ глаза Майи, устремленные на него съ безконечнымъ ужасомъ, но не опечалился: онъ снова былъ ясенъ и твердъ въ своемъ одиночествѣ.

Только въ сокровенной глубинѣ его сердца, которой онъ самъ не зналъ, какъ теплый ключъ подъ корою льда на днѣ замерзшей рѣки, кипѣла непонятная горечь, подобная угрызенію, точно въ самомъ дѣлѣ онъ въ чемъ-то виноватъ былъ передъ Майей, — хотѣлъ себя простить и не могъ.

IX.

НА слѣдующее утро собирался Леонардо въ монастырь делле-Граціе для работы надъ ликомъ Господнимъ.

Механикъ Астро ждалъ на крыльцѣ съ тетрадами, кистями и ящиками красокъ. Выйдя на дворъ, художникъ увидѣлъ конюха Настаджіо, который, стоя подъ навѣсомъ, усердно чистилъ скребницею сѣрую въ яблокахъ кобылу.

— Что Джьяннино? — спросилъ Леонардо.

Джьяннино было имя одной изъ его любимыхъ лошадей.

— Ничего, — небрежно отвѣтилъ конюхъ. — Пѣгій хромаетъ.

— Пѣгій! — съ досадою произнесъ Леонардо. — Давно-ли?

— Четвертый день.

Не глядя на хозяина, молча и сердито продолжалъ Настаджіо тереть задъ лошади съ такою силою, что она переминалась съ ноги на ногу.

Леонардо пожелалъ видѣть пѣгаго. Настаджіо повелъ его въ конюшню.

Когда Джіованни Бельтраффіо вышелъ на дворъ, чтобы умыться свѣжею водою изъ колодца, онъ услышалъ пронзительный, визгливый, точно женскій, голосъ, какимъ

Леонардо кричалъ въ тѣхъ принадлежкахъ мгновеннаго, сильнаго, но никому не страшнаго гнѣва, которые иногда бывали у него.

— Кто, кто, говори, болванъ, пьяная твоя рожа, кто просилъ тебя лошадей лечить у коновала?

— Помилуйте, мессэре, развѣ можно больной лошади не лечить?

— Лечить! Ты думаешь, ослиная твоя голова, этимъ вонючимъ снадобьемъ?..

— Не снадобьемъ, а слово есть такое—заговоръ. Вы этого дѣла не разумѣете—отъ того и сердитесь...

— Убирайся ты къ чорту со своими заговорами! Ну куда ему, неучу, живодеру, лечить, когда онъ о строеніи тѣла, объ анатоміи не слыхивалъ?

Настаджіо поднялъ свои заплаканные лѣнивые глаза, посмотрѣлъ исподлобья на хозяина и молвилъ съ видомъ безконечнаго презрѣнія:

— Анатомія!

— Негодяй!.. Вонъ, вонъ изъ дому моего!..

Конюхъ и бровью не повелъ: по давнему опыту зналъ онъ, что, когда вспышка минутнаго гнѣва пройдетъ, хозяинъ будетъ заискивать въ немъ, только бы онъ остался, ибо цѣнилъ въ немъ великаго знатока и любителя лошадей.

— Я и то хотѣлъ просить расчета, — проговорилъ Настаджіо. — Три мѣсяца жалованья за вашею милостью. А что касается сѣна, вины моей нѣтъ. Марко на овесъ денегъ не выдаетъ.

— Это еще что такое? Какъ онъ смѣетъ не давать, когда я велѣлъ?..

Конюхъ пожалъ плечами, отвернулся, показывая, что не желаетъ болѣе разговаривать, дѣловито крикнулъ и снова принялся чистить лошадь, съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ выместить на ней свою злобу.

Джіованни слушалъ, съ любопытно-веселой улыбкой, вытирая полотенцемъ лицо, красное отъ холодной воды.

— Ну что же, мастеръ? Пойдемъ, что ли?—спросилъ Астро, которому надобно ждать.

— Погоди, — молвилъ Леонардо, — я долженъ спросить Марко объ овсѣ. Правду ли говоритъ этотъ мошенникъ?..

Онъ вошелъ въ домъ. Джіованни послѣдовалъ за нимъ.

Марко работалъ въ мастерской. Какъ всегда, исполняя правила учителя съ математическою точностью, отмѣривалъ онъ черную краску для тѣней крохотной, свинцовой ложечкой, то и дѣло справляясь съ бумажкой, исписанной цифрами. Капли пота выступали на лбу его; жилы вздулись на шеѣ. Онъ тяжело дышалъ, точно вскапывалъ камень на гору. Крѣпко сжатые губы, сгорбленная спина, упрямо торчавшій рыжій хохолъ и красныя руки, съ корявыми, толстыми пальцами, какъ будто говорили: терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

— Ахъ, мессэре Леонардо, вы еще не ушли. Пожалуйста, не можете ли провѣрить это вычисленіе? Я, кажется, запутался...

— Хорошо, Марко. Потомъ. А я вотъ о чемъ хотѣлъ тебя спросить. Правда ли, что ты денегъ не выдаешь на овесъ лошадямъ?

— Не выдаю.

— Какъ же такъ, другъ мой? Вѣдь я говорилъ тебѣ, — продолжалъ художникъ, все болѣе робкимъ и нерѣшительнымъ взоромъ поглядывая на строгое лицо домоправителя, — я говорилъ тебѣ, Марко, непременно выдавай на овесъ лошадямъ. Развѣ ты не помнишь?..

— Помню. Да денегъ нѣтъ.

— Ну вотъ, вотъ, я такъ и зналъ, — опять денегъ нѣтъ! Помилуй, Марко, самъ посуди, развѣ могутъ быть лошади безъ овса?..

Марко ничего не отвѣтилъ, только сердито отбросилъ кисть.

Джіованни слѣдилъ, какъ измѣняются выраженія ихъ лицъ: теперь учитель похожъ былъ на ученика, ученикъ на учителя.

— Послушайте, мастеръ, — произнесъ Марко, — вы меня просили, чтобы я взялъ на себя хозяйство и не беспокоилъ васъ. Зачѣмъ же вы снова начинаете объ этомъ?

— Марко!—съ упрекомъ воскликнулъ Леонардо. — Марко, да вѣдь я еще на прошлой недѣлѣ далъ тебѣ тридцать флориновъ...

— Тридцать флориновъ! Изъ нихъ, считайте-ка, четыре въ долгъ Пачіоли, два этому попрошайкѣ, Галеотто Сакробоско, пять палачу, который трупы съ висѣлицъ воруетъ для вашей анатоміи, три на починку стеколъ да печей въ теплицѣ, гдѣ у васъ гады и рыбы, цѣлыхъ шесть золотыхъ дукатовъ за этого дьявола полосатаго...

— Ты хочешь сказать за жирафа?

— Ну, да, за жирафа. Самимъ ѣсть нечего, а эту проклятую тварь откармливаемъ! И вѣдь все равно, что вы съ нимъ не дѣлаете, подохнетъ...

— Ничего, Марко, пусть подохнетъ, — кротко замѣтилъ Леонардо, — я его анатомировать буду. Шейные позвонки у него любопытные...

— Шейные позвонки! Эхъ, мастеръ, мастеръ, если бы не всѣ эти прихоти—лошади, трупы, жирафы, рыбы и прочія гады, — жили бы мы припѣваячи, никому не кланялись. Не лучше ли кусокъ насущнаго хлѣба?

— Насущный хлѣбъ! Да какъ будто я чего-нибудь требую для себя, кромѣ насущнаго хлѣба? Впрочемъ, я знаю, Марко, ты бы очень радъ былъ, если бы подошли всѣ мои животныя, которыхъ я, съ такимъ трудомъ, за такія деньги, приобретаю, которые мнѣ такъ необходимы, что ты себѣ и вообразить не можешь. Тебѣ бы только на своемъ поставить!..

Безпомощная обида зазвучала въ голосѣ учителя.

Марко угрюмо молчалъ, потупивъ глаза.

— И что же это такое? — продолжалъ Леонардо. — Что, говорю я, будетъ съ нами, Марко? Овса нѣтъ! Шутка ли сказать? Вотъ до чего дошло! Никогда еще съ нами такого не бывало!..

— Всегда было и будетъ, — возразилъ Марко. — И чего вы хотите? Вотъ уже болѣе года, какъ мы ни гроша отъ герцога не получаемъ. Амброджіо Феррари каждый день вамъ общается—завтра да завтра, а видно только смѣется...

— Смѣется!—воскликнулъ Леонардо. — Ну нѣтъ, погоди, я ему покажу, какъ надо мною смѣяться! Я герцогу пожалуюсь, вотъ что! Я этого мерзавца Амброджіо въ бараній рогъ согну, да пошлеть ему Господь злую Пасху!..

Марко только рукой махнулъ, какъ бы желая сказать, что ужъ, если кто кого согнетъ въ бараній рогъ, то, конечно, не Леонардо герцогскаго казначея.

— Бросьте, учитель, бросьте, право!—молвилъ онъ, и вдругъ въ жесткихъ, угловатыхъ чертахъ лица его мелькнуло выраженіе доброе, нѣжное и покровительственное.—Богъ милостивъ, какъ-нибудь вывернемся. Если ужъ вы непременно хотите, — ну, я пожалуй, устрою, чтобы и на овесъ лошадямъ хватало...

Онъ зналъ, что для этого ему придется брать часть собственныхъ денегъ, которыя посылалъ онъ своей больной старухѣ-матери.

— Какой тутъ овесъ! — воскликнулъ Леонардо и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Глаза его замигали, сузились, какъ отъ сильнаго холоднаго вѣтра.

— Послушай, Марко. Я вѣдь тебѣ еще объ этомъ не говорилъ. Мнѣ въ будущемъ мѣсяцѣ непременно нужно восемьдесятъ дукатовъ, потому что я,—видишь ли?—занялъ... Э, да не смотри ты на меня такими глазами...

— У кого заняли?

— У мѣнялы Арнольдо.

Марко отчаянно всплеснулъ руками; рыжій хохолъ его такъ и затрясся.

— У мѣнялы Арнольдо! Ну, поздравляю, нечего сказать,—удружили! Да знаете ли вы, что это такая бестія, что хуже всякаго жидка и мавра. Креста на немъ нѣтъ. Ахъ, учитель, учитель, что вы надѣлали! И какъ же вы мнѣ не сказали?..

Леонардо опустилъ голову.

— Деньги, Марко, до зарѣзу нужны были. Ужъ ты на меня не сердись...

И немного помолчавъ, прибавилъ съ боязливымъ и жалобнымъ видомъ:

— Принеси-ка счета, Марко. Можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ?..

Марко былъ убѣжденъ, что ничего они не придумаютъ, но такъ какъ иначе нельзя было успокоить учителя, какъ истощивъ до конца его внезапную и мимолетную тревогу, покорно пошелъ за счетами.

Увидав их издали, Леонардо болѣзненно сморщился и съ такимъ выраженіемъ взглянулъ на знакомую толстую книгу въ зеленомъ переплетѣ, съ какимъ человѣкъ смотритъ на собственную зияющую рану.

Они погрузились въ вычисления, въ которыхъ великій математикъ дѣлалъ ошибки въ сложении и вычитаніи. Порою вдругъ вспоминалъ о потерянномъ счетѣ нѣсколькихъ тысячъ дукатовъ, искалъ его, рылся въ шкатулкахъ, ящикахъ, пыльныхъ кипахъ бумагъ, но, вмѣсто того, находилъ ненужные, грошовые, старательно, собственною рукою переписанные счета, на примѣръ, за плащъ Салаццо:

Серебряной парчи	15 лиръ	4 сольда.
Алаго бархата на отдѣлку . . .	9 »	» »
Шнурковъ	— »	9 сольдовъ.
Пуговицъ	— »	12 »

Злобно рвалъ ихъ и бросалъ клочки подѣ столъ, ругаясь.

Джіованни наблюдалъ за выраженіемъ человѣческой слабости въ лицѣ учителя и, вспоминая слова одного изъ поклонниковъ Леонардо: «новый богъ Гермесъ Трисмегистъ соединился въ немъ съ новымъ титаномъ Прометеемъ», — думалъ съ улыбкою:

«Вотъ онъ — не богъ, не титанъ, а такой же, какъ всѣ, человѣкъ. И. чего я боялся его? О, бѣдный, милый!»

Х.

ПРОШЛО два дня, и случилось то, что предвидѣлъ Марко: Леонардо такъ забылъ о деньгахъ, какъ будто никогда не думалъ о нихъ. Уже на слѣдующій день попросилъ три флорина для покупки допотопной окаменѣлости съ такимъ беззаботнымъ видомъ, что Марко не имѣлъ духу огорчить его отказомъ и далъ ему три флорина изъ собственныхъ денегъ, отложенныхъ для матери.

Казначей, несмотря на просьбы Леонардо, все еще не заплатилъ жалованья: въ это время самъ герцогъ

нуждался въ деньгахъ для громаднѣхъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей.

Леонардо занималъ у всѣхъ, у кого можно было занять, даже у собственныхъ учениковъ.

И памятника Сфорца не давалъ ему окончить герцогъ. Глиняное изваяніе, форма съ желѣзнымъ остовомъ, запруда для жидкаго металла, горнъ, плавильныя печи — все было готово. Но когда художникъ представилъ счетъ за бронзу, Моро испугался, даже разгнѣвался и отказалъ ему въ свиданіи.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября 1498 года, доведенный нуждою до послѣдней крайности, написалъ онъ письмо герцогу. Въ бумагахъ Леонардо остался черновой набросокъ этого письма — отрывочнаго, безсвязнаго, похожаго на лепетъ человѣка, одолаваемого стыдомъ, не умѣющаго просить:

«Синьоръ, зная, что умъ Вашего Высочества поглощенъ болѣе важными дѣлами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь, чтобы молчаніе мое не было причиною гнѣва Всемилоствѣйшаго Покровителя моего, дерзаю напомнить о моихъ маленькихъ нуждахъ и объ искусствахъ, осужденныхъ на безмолвіе...

...Въ теченіе двухъ лѣтъ не получаю жалованья...

...Другія лица, находящіеся на службѣ Вашей Свѣлости, имѣя посторонніе доходы, могутъ ждать, но я, съ моимъ искусствомъ, которое, впрочемъ, желалъ бы покинуть для болѣе выгоднаго...

...Жизнь моя къ услугамъ Вашего Высочества, и я нахожусь въ постоянной готовности повиноваться...

...О памятникѣ ничего не говорю, ибо знаю времена...

...Прискорбно мнѣ, что вслѣдствіе необходимости зарабатывать себѣ пропитаніе, я вынужденъ прерывать работу и заниматься пустяками. Я долженъ былъ кормить 6 человѣкъ въ продолженіе 56 мѣсяцевъ, а у меня было только 50 дукатовъ...

...Недоумѣваю, на что бы я могъ употребить мои силы...

...Думать о славѣ или о хлѣбѣ насущномъ?..»

XI.

ОДНАЖДЫ въ ноябрѣ, вечеромъ, послѣ дня, про-
веденнаго въ хлопотахъ у щедрого вельможи
Гаспаре Висконти, у мѣнялы Арнольдо, у па-
лача, который требовалъ денегъ за два трупа беремен-
ныхъ женщинъ, грозя доносомъ Святѣйшей Инквизиціи
въ случаѣ неуплаты, Леонардо усталый вернулся домой
и сначала прошелъ въ кухню, чтобы высушить платье,
потомъ, взявъ ключъ у Астро, направился въ рабочую
комнату; но подойдя къ ней, услышалъ за дверями раз-
говоръ.

«Двери заперты,—подумалъ онъ.—Что это значить?
Ужъ не воры ли?»

Прислушался, узналъ голоса учениковъ, Джіованни,
Чезаре, и догадался, что они разсматриваютъ тайныя
бумаги его, которыхъ онъ никому никогда не показы-
валъ. Хотѣлъ отпереть дверь, но вдругъ представилось
ему, какими глазами, застигнутые врасплохъ, они по-
смотрятъ на него, и ему сдѣлалось стыдно за нихъ.
Крадучись на цыпочкахъ, краснѣя и озираясь, какъ
виноватый, отошелъ отъ двери и, пройдя мастерскую, съ
другого конца ея, притворнымъ громкимъ голосомъ, такъ,
чтобы они не могли не услышать, крикнуть:

— Астро! Астро! Дай свѣчу! Куда вы всѣ запропа-
стились? Андрѣа, Марко, Джіованни, Чезаре!

Голоса въ рабочей комнатѣ умолкли. Что-то зазвенѣло,
какъ будто упавшее стекло разбилось. Стукнула рама.
Онъ все еще прислушивался, не рѣшаясь войти. Въ
душѣ его была не злоба, не горе, а скука и отвра-
щеніе.

Онъ не ошибся: забравшись въ комнату черезъ окно
со двора, Джіованни и Чезаре рылись въ ящикахъ рабо-
чаго стола его, разсматривая тайныя бумаги, рисунки,
дневники.

Бельтраффіо съ блѣднымъ лицомъ держалъ зеркало.
Чезаре, наклонившись, читалъ по отраженію въ зеркалѣ
обратное письмо Леонардо:

— «Laude del Sole» — «Хвала Солнцу».

— «Я не могу не упрекнуть Эпикура, утверждав-

шаго, будто бы величина солнца въ дѣйствительности
такова, какой она кажется; удивляюсь Сократу, ко-
торый, унижая столь великое свѣтило, говорилъ, будто
бы оно лишь раскаленный камень. И я хотѣлъ бы
имѣть слова достаточно сильныя для порицанія тѣхъ,
кто обоготвореніе Человѣка предпочитаетъ обоготворенію
Солнца»...

— Пропустить?—спросилъ Чезаре.

— Нѣтъ, прошу тебя,—молвилъ Джіованни,—читай
все до конца.

— «Поклоняющіеся богамъ въ образахъ человѣче-
скихъ,—продолжалъ Чезаре,—весьма заблуждаются, ибо
человѣкъ, даже если бы онъ былъ величиною съ шаръ
земной, казался бы менѣе самой ничтожной планеты,
едва замѣтной точки во вселенной. Къ тому же всѣ
люди подвержены тлѣнію»...

— Странно!—удивился Чезаре.—Какъ же такъ?
Солнцу поклоняется, а Того, Кто смертию смерть побѣ-
дилъ, точно не бывало!..

Онъ перевернулъ страницу.

— А вотъ еще,—слушай.

— «Во всѣхъ концахъ Европы будутъ плакать о
смерти Человѣка, умершаго въ Азіи».

— Понимаешь?

— Нѣтъ,—прошепталъ Джіованни.

— Страстная Пятница,—объяснилъ Чезаре.

— «О, математики,—читалъ онъ далѣе,—пролейте
же свѣтъ на это безуміе. Духъ не можетъ быть безъ
тѣла, и тамъ гдѣ нѣтъ плоти, крови, костей, языка и
мускуловъ,—не можетъ быть ни голоса, ни движенія». —
Тутъ нельзя разобрать, зачеркнуто. А вотъ конецъ:—
«Что же касается до всѣхъ другихъ опредѣленій духа,
я предоставляю ихъ святымъ отцамъ, учителямъ народа,
знающимъ по наитію свыше тайны природы».

— Гмъ, не поздоровилось бы мессѣру Леонардо, если
бы эти бумажки попали въ руки святыхъ отцовъ-инкви-
зиторовъ... А вотъ опять пророчество:

— «Ничего не дѣлая, презирая бѣдность и работу,
люди будутъ жить въ роскоши, въ зданіяхъ, подобнымъ
дворцамъ, приобрѣтая сокровища видимыя цѣною невиди-

мыхъ и увѣряя, что это лучший способъ быть угоднымъ Богу».

— Индульгенціи!—разгадалъ Чезаре.—А вѣдь на Савонароллу похоже! Папѣ камень въ огородъ...

— «Умершіе за тысячу лѣтъ будутъ кормить живыхъ».

— Вотъ ужъ этого не понимаю. Что-то мудрено... А впрочемъ,—да, да, конечно! «Умершіе за тысячу лѣтъ»—мученики и святые, именемъ которыхъ монахи собираютъ деньги.

— «Говорить будутъ съ тѣми, кто, имѣя уши, не слышитъ, зажигать лампы передъ тѣми, кто имѣя очи, не видитъ».—Иконы.

— «Женщины станутъ признаваться мужчинамъ во всѣхъ своихъ похотяхъ, въ тайныхъ постыдныхъ дѣлахъ».—Исповѣдь.—Какъ тебѣ нравится, Джіованни? А? Удивительный человѣкъ! Ну, подумай только, для кого измышляетъ онъ эти загадки? И вѣдь злобы настоящей нѣтъ въ нихъ. Такъ только—забава, игра въ кощунство!..

Перевернувъ еще нѣсколько листовъ, онъ прочелъ:

— «Многіе, торгуя мнимыми чудесами, обманываютъ бессмысленную чернь, и тѣхъ, кто разоблачаетъ обманы ихъ,—казнятъ». Это, должно быть, объ огненномъ поединкѣ брата Джироламо и о наукѣ, которая разрушаетъ вѣру въ чудеса.

Отложилъ тетрадь и взглянулъ на Джіованни.

— Будетъ, что-ли? Какихъ еще доказательствъ? Кажется, ясно?..

Бельтраффіо покачалъ головою.

— Нѣтъ, Чезаре, это все не то... О, если бы найти такое мѣсто, гдѣ онъ говоритъ прямо!..

— Прямо? Ну, нѣтъ, братъ, этого не жди! Такая ужъ природа: все—надвое, все лукавитъ да виляетъ, какъ женщина. Не даромъ любить загадки. Поди-ка, слови его! Да онъ и самъ себя не знаетъ. Самъ для себя—величайшая загадка!

«Чезаре правъ,—подумалъ Джіованни.—Лучше явное кощунство, чѣмъ эти насмѣшки, эта улыбка Өомы Невѣрнаго, влагающаго пальцы въ язвы Господа»...

Чезаре указалъ ему на рисунокъ оранжевымъ карандашомъ на синей бумагѣ—маленькій, затерянный среди машинъ и вычислений, изображавшій Дѣву Марію съ Младенцемъ въ пустынѣ; сидя на камнѣ, чертила Она пальцемъ на пескѣ треугольники, круги и другія фигуры: Матерь Господа учила Сына геометріи—источнику всякаго знанія.

Долго разсматривалъ Джіованни странный рисунокъ. Ему захотѣлось прочесть надпись подъ нимъ. Онъ приблизилъ зеркало. Чезаре взглянулъ на отраженіе и едва успѣлъ разобрать три первыхъ слова: «Необходимость—вѣчная Наставница»,—какъ изъ мастерской послышался голосъ Леонардо:

— Астро! Астро! Дай свѣчу! Куда вы все запропастились? Андрѳа, Марко, Джіованни, Чезаре!

Джіованни вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и выронилъ зеркало. Оно разбилось.

— Дурная примѣта!—усмѣхнулся Чезаре.

Какъ пойманные воры, заторопились они, сунули бумаги въ ящикъ, подобрали осколки зеркала, открыли окно, вскочили на подоконникъ и слѣзли на дворъ, цѣпляясь за водосточную трубу и толстыя вѣтви обвивавшихъ стѣну дома виноградныхъ лозъ. Чезаре сорвался, упалъ и едва не вывихнулъ ногу.

ХП.

Въ этотъ вечеръ Леонардо не находилъ обычной отрады въ математикѣ. То вставалъ и ходилъ по комнатѣ, то садился, начиналъ рисунокъ и тотчасъ же бросалъ его; въ душѣ его была неясная тревога, какъ будто онъ долженъ былъ что-то рѣшить и не могъ. Мысль упорно возвращалась къ одному.

Онъ думалъ о томъ, какъ Джіованни Бельтраффіо бѣжалъ къ Савонароллѣ, потомъ опять вернулся и на время какъ будто успокоился, всецѣло предавшись искусству. Но, послѣ злополучнаго огненного поединка и особенно съ того дня, какъ въ Миланъ пришла вѣсть о гибели пророка,—сдѣлался еще болѣе жалкимъ, потеряннымъ.

Учитель видѣлъ, какъ онъ страдаетъ, хочетъ и не можетъ уйти отъ него, угадывалъ борьбу, происходившую въ сердцѣ ученика, слишкомъ глубоко, чтобы не чувствовать,—слишкомъ слабо, чтобы побѣдить свои собственные противорѣчія. Иногда казалось Леонардо, что надо оттолкнуть Джіованни отъ себя, прогнать, чтобы спасти,—но сдѣлать это не хватало духу.

— Если бы я зналъ, чѣмъ помочь ему,—думалъ художникъ.

Онъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой.

— Сглазилъ я, испортилъ его! Должно быть, правду люди говорятъ: дурной глазъ у меня...

Поднявшись по крутымъ ступенямъ темной лѣстницы, постучался въ дверь, и, когда ему не отвѣтили, пріотворилъ ее.

Въ тѣсной кельѣ былъ сумракъ. Слышалось, какъ дождь стучитъ по крышѣ, и шумитъ осенній вѣтеръ. Лампада мерцала въ углу передъ Мадонною. Черное Распятіе висѣло на бѣлой стѣнѣ. Бельтраффіо лежалъ на постелѣ ничкомъ, одѣтый, неловко свернувшись, какъ больныя дѣти, поджавъ колѣни и спрятавъ лицо въ подушку.

— Джіованни, ты спишь?—сказалъ учитель.

Бельтраффіо вскочилъ, слабо вскрикнулъ и посмотрѣлъ на Леонардо безумными, широко-открытыми глазами, выставивъ руки впередъ, съ выраженіемъ того безконечнаго ужаса, который былъ въ глазахъ Майи.

— Что съ тобою, Джіованни? Это я...

Бельтраффіо какъ будто очнулся и медленно провелъ рукою по глазамъ:

— Ахъ, это вы, мессэръ Леонардо... А мнѣ показалось... Я видѣлъ страшный сонъ...

— Такъ это *вы*,—посмотрѣлъ онъ на него исподлобья, пристально, словно все еще не довѣряя.

Учитель присѣлъ на край постели и положилъ ему на лобъ свою руку.

— У тебя жаръ. Ты боленъ. Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ?..

Джіованни отвернулся было, но вдругъ опять посмотрѣлъ на Леонардо,—углы губъ его опустились, дрогнули, и, сложивъ руки съ мольбою, онъ прошепталъ:

— Учитель, прогоните меня!.. А то я самъ не уйду, а мнѣ у васъ оставаться нельзя, потому что я... да, да... я передъ вами подлый человѣкъ... измѣнникъ!..

Леонардо обнялъ и привлекъ его къ себѣ.

— Что ты, мальчикъ мой? Господь съ тобою! Развѣ я не вижу, какъ ты мучишься? Если ты думаешь, что въ чемъ-нибудь виноватъ передо мною, я прощаю тебѣ все: можетъ быть, и ты когда-нибудь простишь меня...

Джіованни тихо поднялъ на него большіе, удивленные глаза и вдругъ, съ неудержимымъ порывомъ, прижался къ нему, спрятавъ лицо свое на груди его, въ мягкой, какъ шелкъ, бородѣ.

— Если я когда-нибудь,—лепеталъ онъ сквозь рыданія, которыя потрясали все его тѣло,—если я уйду отъ васъ, учитель, не думайте, что я васъ не люблю! Я и самъ не знаю, что со мною... Такія у меня страшныя мысли, точно я съ ума схожу... Богъ меня покинулъ... О, только не думайте,—нѣтъ, я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше, чѣмъ отца моего фра Бенедетто! Никто не можетъ васъ такъ любить, какъ я!..

Леонардо, съ тихою улыбкою, гладилъ его по головѣ, по щекамъ, мокрымъ отъ слезъ, и утѣшалъ, какъ ребенка:

— Ну, полно, полно, перестань! Развѣ я не знаю, что ты меня любишь, мальчикъ мой бѣдный, голубенькій...

— А вѣдь это опять, должно быть, Чезаре наговорилъ тебѣ?—прибавилъ онъ.—И зачѣмъ ты слушаешь его? Онъ умный и тоже бѣдный—любитъ меня, хотя думаетъ, что ненавидитъ. Онъ не понимаетъ многого...

Джіованни вдругъ затихъ, пересталъ плакать, заглянулъ въ глаза учителя страннымъ, испытующимъ взоромъ и покачалъ головою:

— Нѣтъ,—произнесъ онъ медленно, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова,—нѣтъ, не Чезаре. Я самъ... и не я, а *Онъ*...

— Кто онъ?—спросилъ учитель.

Джіованни крѣпче прижался къ нему; глаза его опять расширились отъ ужаса.

— Не надо,—проговорилъ онъ чуть слышно,—прошу васъ... не надо о *Немъ*...

Леонардо почувствовалъ, какъ онъ дрожитъ въ его объятіяхъ.

— Послушай, дитя мое,—произнесъ онъ тѣмъ строгимъ, ласковымъ и немного притворнымъ голосомъ, которымъ врачи говорятъ съ больными,—я вижу, у тебя есть что-то на сердцѣ. Ты долженъ сказать мнѣ все. Я хочу знать все, Джіованни, слышишь? Тогда и тебѣ будетъ легче.

И, подумавъ, прибавилъ:

— Скажи мнѣ, о комъ ты сейчасъ говорилъ?

Джіованни боязливо оглянулся, приблизилъ губы свои къ самому уху Леонардо и прошепталъ задыхающимся шопотомъ:

— О вашемъ двойникѣ.

— О моемъ двойникѣ? Что это значитъ? Ты видѣлъ во снѣ?

— Нѣтъ, наяву...

Леонардо посмотрѣлъ на него пристально, и на одно мгновеніе показалось ему, что Джіованни бредитъ.

— Вѣдь вы, мессэръ Леонардо, ко мнѣ сюда не заходили третьяго дня, во вторникъ, ночью?

— Не заходилъ. Но развѣ ты самъ не помнишь?

— Нѣтъ, я-то помню... Ну, такъ вотъ, видите, учитель, — теперь значитъ, уже навѣрное, это былъ *Онъ*!...

— Да откуда ты взялъ, что у меня двойникъ? Какъ это случилось?

Леонардо чувствовалъ, что самому Джіованни хочется рассказать, и надѣялся, что признаніе облегчитъ его.

— Какъ случилось? А вотъ какъ. Пришелъ Онъ ко мнѣ такъ же, какъ вы сегодня, въ этотъ самый часъ, и тоже сѣлъ на край постели, какъ вы теперь сидите, и все говорилъ и дѣлалъ, какъ вы, и лицо у него, какъ ваше лицо, только въ зеркалѣ. Онъ не лѣвша. И сейчасъ же я подумалъ, что, можетъ быть, это—не вы; и Онъ зналъ, что я это думаю, но виду не подавъ,—притворился, будто мы оба ничего не знаемъ. Только, уходя,

обернулся ко мнѣ и говорить: «А ты, Джіованни, никогда не видѣлъ моего двойника? Если увидишь, не бойся». Тутъ я все понялъ...

— И ты до сихъ поръ вѣришь, Джіованни?

— Какъ же не вѣрить, когда я видѣлъ *Его*, вотъ какъ васъ теперь вижу?... И *Онъ* говорилъ со мною...

— О чемъ?

Джіованни закрылъ лицо руками.

— Лучше скажи,—произнесъ Леонардо,—а то будешь думать и мучиться.

— Нехорошее,—молвилъ Бельтраффіо и съ безнадежною мольбою взглянулъ на учителя,—ужасное говорилъ Онъ! Будто бы все въ мірѣ—одна механика, будто бы все—какъ этотъ страшный паукъ, съ вертящимися лапами, который Онъ... то-есть, нѣтъ, не Онъ, а вы—изобрѣли...

— Какой паукъ? Ахъ, да, да, помню. Ты видѣлъ у меня рисунокъ военной машины?..

— И еще говорилъ Онъ,—продолжалъ Джіованни,—будто бы то самое, что люди называютъ Богомъ, есть вѣчная сила, которою движется страшный Паукъ, со своими желѣзными, окровавленными лапами, и что Ему все равно—правда или неправда, добро или зло, жизнь или смерть. И нельзя Его умолить, потому что Онъ — какъ математика: дважды два не можетъ быть пять...

— Ну, хорошо, хорошо. Не мучь себя. Довольно. Я ужъ знаю...

— Нѣтъ, мессэръ Леонардо, погодите, вы еще не знаете всего. Вы только послушайте, учитель! Онъ говорилъ, что и Христосъ напрасно пришелъ—умеръ и не воскресъ, смертью смерть не побѣдилъ — истлѣлъ въ гробу. И когда онъ это сказалъ, я заплакалъ. Онъ меня пожалѣлъ и сталъ утѣшать: не плачь, говоритъ, мальчикъ мой бѣдный, глупенькій, — нѣтъ Христа, но есть любовь; великая любовь — дочь великаго познанія; кто знаетъ все, тотъ любитъ все.—Видите, вашими, все вашими словами!—Прежде, говоритъ, была любовь отъ слабости, чуда и незнанія, а теперь — отъ силы, истины и познанія, ибо Змій не солгалъ: вкусите отъ Древа Познанія и будете какъ боги. И послѣ этихъ словъ Его я

понялъ, что Онъ — отъ дьявола, и проклялъ Его, и Онъ ушелъ, но сказалъ, что вернется...

Леонардо слушалъ съ такимъ любопытствомъ, какъ будто это былъ уже не бредъ больного. Онъ чувствовалъ, какъ взоръ Джіованни, теперь почти спокойный, обличительный, проникаетъ въ самую тайную глубину сердца его.

— И всего страшнѣе, — прошепталъ ученикъ, медленнымъ движеніемъ отстраняясь отъ учителя и глядя на него въ упоръ остановившимся, пронзительнымъ взоромъ, — всего отвратительнѣе было то, что Онъ улыбался, когда все это мнѣ говорилъ, улыбался, ну да, да... совсѣмъ, какъ вы теперь... какъ вы!..

Лицо Джіованни вдругъ побѣлѣло, перекосилось, и, оттолкнувъ Леонардо, онъ закричалъ дикимъ, сумасшедшимъ крикомъ:

— Ты... ты... опять!.. Притворился... Именемъ Бога... сгинь, сгинь, пропади, окаянный!..

Учитель всталъ и молвилъ, посмотрѣвъ на него властнымъ взоромъ:

— Богъ съ тобою, Джіованни! Я вижу, что, въ самомъ дѣлѣ, лучше тебѣ уйти отъ меня. Помнишь, сказано въ Писаніи: боящійся въ любви не совершенъ. Если бы ты любилъ меня совершенною любовью, то не боялся бы — понималъ бы, что все это — бредъ и безуміе, что я не такой, какъ думаютъ люди, что нѣтъ у меня двойника, что я, можетъ быть, вѣрую во Христа моего и Спасителя болѣе тѣхъ, кто называетъ меня слугою Антихриста. Прости, Джіованни! Господь да сохранить тебя. Не бойся, — двойникъ Леонардо къ тебѣ уже никогда не вернется...

Голосъ его дрогнулъ отъ безконечной, безгнѣвной печали. Онъ всталъ, чтобы уйти.

«Такъ ли это? Правду ли я ему говорю?» — подумалъ онъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что, если ложь необходима, чтобы спасти его, — онъ готовъ солгать.

Бельтраффіо упалъ на колѣни, цѣлуя руки учителя.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду!.. Я знаю, что это безуміе... Я вѣрю вамъ... Вотъ увидите, я прогоню отъ себя

эти страшныя мысли... только простите, простите, учитель, не покидайте меня!..

Леонардо взглянулъ на него съ неизъяснимою жалостью и, наклонившись, поцѣловалъ въ голову.

— Ну, смотри же, помни, Джіованни, — ты мнѣ общалъ.

— А теперь, — прибавилъ уже обычнымъ спокойнымъ голосомъ, — пойдемъ скорѣе внизъ. Здѣсь холодно. Я больше не пущу тебя сюда, пока ты совсѣмъ не поправишься. Кстати, есть у меня спѣсная работа: ты мнѣ поможешь.

ХІІІ.

Онъ повелъ его въ спальню, рядомъ съ мастерскою, раздулъ огонь въ очагѣ и, когда пламя затрещало, озаряя комнату уютнымъ свѣтомъ, сказалъ, что ему нужно приготовить доску для картины.

Леонардо надѣялся, что работа успокоитъ больного.

Такъ и случилось. Мало-по-малу Джіованни увлекся. Съ видомъ сосредоточеннымъ, какъ будто это было самое любопытное и важное дѣло, помогая учителю пропитывать доску ядовитымъ растворомъ для предохраненія отъ червотчины — водкою съ двусѣрнистымъ мышьякомъ и сулемою. Потомъ стали они наводить первый слой паволоки, задѣлывая пазы и щели алебастромъ, кипарисовымъ лакомъ, мастикою, ровняя шероховатости плоскимъ желѣзнымъ скребкомъ. Дѣло, какъ всегда, спорилось, кипѣло и казалось игрою въ рукахъ Леонардо. Въ то же время давалъ онъ совѣты, училъ, какъ вязать кисти, начиная отъ самыхъ толстыхъ, жесткихъ, изъ свиной щетины въ свинцовой оправѣ, кончая самыми тонкими и мягкими, изъ бѣличьихъ волосъ, вставленныхъ въ гусиное перо; или, какъ для того, чтобы протрава скорѣе сохла, слѣдуетъ прибавлять къ ней венеціанской яри съ красной желѣзистой охрой.

По комнатѣ распространился пріятный, напоминавшій о работѣ, летуче-свѣжій запахъ скипидара и мастики. Джіованни изо всей силы втиралъ въ доску замшевою

тряпочкою горячее льняное масло. Ему сдѣлалось жарко. Ознобъ совсѣмъ прошелъ.

На минуту остановившись, чтобы перевести духъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, оглянулся на учителя.

— Ну, ну, скорѣе, не зѣвай! — торопилъ Леонардо. — Простынетъ, такъ не впитается.

И, выгнувъ спину, разставивъ ноги, плотно сжавъ губы, Джіованни съ новымъ усердіемъ продолжалъ работу.

— Что, какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ Леонардо.

— Хорошо, — отвѣтилъ Джіованни съ веселой улыбкой.

Собрались и другіе ученики въ этотъ теплый, свѣтлый уголъ громаднаго кирпичнаго, покрытаго бархатисто-черною сажею, ломбардскаго очага, откуда пріятно было слушать вой вѣтра и шумъ дождя. Пришелъ озябшій, но, какъ всегда, безпечный Андрѣа Салаино, одноглазый циклопъ кузнецъ, Зороастро да-Перетолла, Джѣякопо и Марко д'Оджіоне. Лишь Чезаре да-Састо, по обыкновенію, не было въ ихъ дружескомъ кружкѣ.

Отложивъ доску, чтобы дать ей просохнуть, Леонардо показалъ имъ лучший способъ добыванія чистаго масла для красокъ. Принесли большое глиняное блюдо, гдѣ отстоявшееся тѣсто орѣховъ, моченыхъ въ шести перемѣнахъ воды, выдѣлило бѣлый сокъ, съ густымъ, всплывшимъ на поверхности, слоемъ янтарнаго жира. Взявъ хлопчатой бумаги и скрутивъ изъ нея длинныя косицы, наподобіе лампадныхъ свѣтиленъ, однимъ концомъ опустили онѣ ихъ въ блюдо, другимъ — въ жестяную воронку, вставленную въ горлышко стекляннаго сосуда. Впитываясь въ хлопчатую бумагу, масло стекало въ сосудъ золотисто-прозрачными каплями.

— Смотрите, смотрите, — восхищался Марко, — какое чистое! А у меня всегда муть, сколько ни процѣживаю.

— Должно быть, ты верхней кожицы съ орѣховъ не снимаешь, — замѣтилъ Леонардо, — она потомъ на полотнѣ выступаетъ, и краски отъ нея чернѣютъ.

— Слышите? — торжествовалъ Марко. — Величайшее произведеніе искусства отъ этакой дряни — отъ орѣховой

шелухи погибнуть можетъ! А вы еще смѣтаетесь, когда я говорю, что правила должно соблюдать съ математическою точностью...

Ученики, внимательно слѣдившіе за приготовленіемъ масла, въ то же время болтали и шалили. Несмотря на поздній часъ, спать никому не хотѣлось, и, не слушая ворчанія Марко, дрожавшаго надъ каждымъ полѣномъ, то и дѣло подбрасывали дровъ. Какъ иногда бываетъ въ такихъ неурочныхъ собраніяхъ, всѣми овладѣла безочетная веселость.

— Давайте рассказывать сказки! — предложилъ Салаино и первый представилъ въ лицахъ новеллу о священникѣ, который въ Страстную субботу ходилъ по домамъ и зайдя въ мастерскую живописца, окропилъ святой водою картины. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» — спросилъ его художникъ. — «Зачѣмъ, что желаю тебѣ добра, ибо сказано: сторицею воздастся вамъ свыше за доброе дѣло». Живописецъ промолчалъ; но когда патеръ ушелъ, подстерегъ его, вылилъ ему на голову изъ окна чанъ холодной воды и крикнулъ: «вотъ тебѣ сторицею свыше за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ, испортивъ мои картины!»

Посыпались новеллы за новеллами, выдумки за выдумками — одна нелѣпѣе другой. Всѣ утѣшались несказанно, но болѣе всѣхъ Леонардо.

Джіованни любилъ наблюдать, какъ онъ смѣется: въ это время глаза его суживались, дѣлались какъ щелки, лицо принимало выраженіе дѣтски-простодушное, и, мотая головою, вытирая слезы, проступавшія на глазахъ, заливался онъ страннымъ для его большого роста и могущественнаго тѣлосложенія, тонкимъ смѣхомъ, въ которомъ звучали тѣ же визгливыя женскія ноты, какъ и въ гнѣвныхъ крикахъ его.

Около полуночи почувствовали голодъ. Нельзя было лечь, не закусивъ, тѣмъ болѣе, что и поужинали впроголодь, ибо Марко держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ.

Астро принесъ все, что было въ кладовой: скудные остатки окорока, сыра, десятка четыре маслинъ и краюху черстватаго пшеничнаго хлѣба; вина не было.

— Наклонялъ ли ты бочку, какъ слѣдуетъ? — спрашивали его товарищи.

— Да ужъ наклонялъ, небось, во всѣ стороны поворачивалъ: ни капли.

— Ахъ, Марко, Марко, что же ты съ нами дѣлаешь! Какъ же быть безъ вина?

— Ну, вотъ, наладили—Марко да Марко. Я-то чѣмъ виноватъ, коли денегъ нѣтъ?

— Деньги есть, и вино будетъ!—крикнулъ Джьякопо, подбросивъ на ладони золотую монету.

— Откуда у тебя, чертенокъ? Опять укралъ! погоди, выдеру я тебя за уши! — погрозилъ ему пальцемъ Леонардо.

— Да нѣтъ же, мастеръ, не укралъ, ей Богу. Чтобъ мнѣ на этомъ мѣстѣ провалиться, отсохни языкъ мой, если я въ кости не выигралъ!

— Ну, смотри, коли воровскимъ виномъ насъ угостишь...

Сбѣгавъ въ сосѣдній погребокъ Зеленаго Орла, еще не запертый, такъ какъ всю ночь гуляли въ немъ швейцарскіе наемники, Джьякопо вернулся съ двумя оловянными кружками.

Отъ вина сдѣлалось еще веселѣе. Мальчикъ разливалъ его, подобно Ганимеду, высоко держа сосудъ, такъ что красное пѣнилось розовою, бѣлое—золотистою пѣною, и въ восхищеніи при мысли, что онъ угощаетъ на свои деньги, шалилъ, дурачился, прыгалъ, неестественно хриплымъ голосомъ, въ подражаніе пьянымъ гулякамъ, напѣвалъ то удалую пѣсенку монаха-разстриги:

Къ чорту рясу, куколь, четки!
Хи-хи-хи, да ха-ха-ха—
Ой, вы дѣвушки-красотки,
Долго-ль съ вами до грѣха!

то важный гимнъ изъ латинской шутовской Обѣдни Вакху, сочиненной школярами-бродягами:

Тѣ, кто воду пьютъ съ виномъ,
Вымокнуть,—и вѣрьте,
Въ пасти ада надъ огнемъ
Высушатъ ихъ черти.

Никогда, казалось Джіованни, не ѣдалъ и не пивалъ онъ такъ вкусно, какъ за этою нищенскою трапезою Леонардо, съ окаменѣлымъ сыромъ, черствымъ хлѣбомъ и подозрительнымъ, быть можетъ, воровскимъ виномъ Джьякопо.

Пили за здоровье учителя, за славу его мастерской, за избавленіе отъ бѣдности и другъ за друга.

Въ заключеніе Леонардо, оглянувъ учениковъ, сказалъ съ улыбкою:

— Я слышалъ, друзья мои, что св. Францискъ Ассизскій называлъ уныніе худшимъ изъ пороковъ и утверждалъ, что, если кто желаетъ угодить Богу, тотъ долженъ быть всегда веселымъ. Выпьемте же за мудрость Франциска—за вѣчное веселье въ Богѣ.

Всѣ немного удивились, но Джіованни понялъ, что хотѣлъ сказать учитель.

— Эхъ, мастеръ, — укоризненно покачалъ головою Астро, — веселье, говорите вы;—да какое же можетъ быть веселье, пока мы по землѣ козявками ползаемъ, какъ черви могильные? Пусть другіе пьютъ за что угодно, а я — за крылья человѣческія, за летательную машину! Какъ взвываютъ крылатые люди подъ облака — тутъ только и начнется веселье. И чтобъ чортъ побралъ всякую тяжесть — законы механики, которые мѣшаютъ намъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, безъ механики далеко не улетишь! — остановилъ его учитель, смѣясь.

Когда всѣ разошлись, Леонардо не отпустилъ Джіованни наверхъ; помогъ ему устроить постель у себя въ спальнѣ, поближе къ потухающимъ ласковымъ углямъ камина, и, отыскавъ небольшой рисунокъ, сдѣланный цвѣтными карандашами, подаль ученику.

Лицо юноши, изображенное на рисункѣ, казалось Джіованни такимъ знакомымъ, что онъ сначала принялъ его за портретъ: было сходство и съ братомъ Джироламо Савонароллою, — только, должно быть, въ ранніе годы юности, и съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ богатаго миланскаго ростовщика, ненавидимаго всѣми, стараго жида Барукко — болѣзненнымъ, мечтательнымъ отрокомъ, погруженнымъ въ тайную мудрость Кабаллы, воспитан-

никомъ раввиновъ, по словамъ ихъ, будущимъ свѣтиломъ Синагоги.

Но, когда Бельтраффио внимательнѣе вглядѣлся въ этого еврейскаго мальчика, съ густыми рыжеватыми волосами, низкимъ лбомъ, толстыми губами,—онъ узналъ Христа, не такъ, какъ узнаютъ Его на иконахъ, а какъ будто самъ видѣлъ, забылъ и теперь вдругъ вспомнилъ Его.

Въ головѣ, склоненной, какъ цвѣтокъ на слишкомъ слабомъ стеблѣ, въ младенчески-невинномъ взорѣ опущенныхъ глазъ было предчувствіе той послѣдней скорби на горѣ Елеонской, когда Онъ, ужасаясь и тоскуя, сказалъ ученикамъ своимъ: «душа моя скорбитъ смертельно»,—и отошелъ на верженіе камня, палъ на лицо Свое и говорилъ: «Авва Отче! все возможно Тебѣ. Пронеси чашу сію мимо Меня. Впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ». И еще второй и третій разъ говорилъ: «Отче Мой, если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя». И находясь въ бореніи, прилежнѣе молился, и былъ потъ его подобенъ каплямъ крови, падающимъ на землю.

«О чемъ Онъ молился?—подумалъ Джіованни.—Какъ же просилъ, чтобы не было того, что не могло не быть, что было Его собственной волею,—для чего Онъ въ міръ пришелъ? Неужели и Онъ изнемогалъ, какъ я, и Онъ до кроваваго пота боролся съ тѣми же страшными двойчатыми мыслями?»

— Ну, что? — спросилъ Леонардо, вернувшись въ комнату, изъ которой вышелъ ненадолго. — Да ты, кажется, опять?..

— Нѣтъ, нѣтъ, учитель! О, если бы вы знали, какъ мнѣ хорошо и спокойно... Теперь все прошло...

— И слава Богу, Джіованни! Я вѣдь говорилъ, что пройдетъ. Смотри же, чтобы больше никогда не возвращалось...

— Не вернется, не бойтесь! Теперь я вижу, — онъ указалъ на рисунокъ,—я вижу, что вы такъ его любите, какъ никто изъ людей...

— И если вашъ двойникъ,—прибавилъ онъ,—опять придетъ ко мнѣ, я знаю, чѣмъ прогнать его: я только напомину ему объ этомъ рисунокѣ.

XIV.

Джіованни слышалъ отъ Чезаре, что Леонардо оканчиваетъ ликъ Господень въ Тайной Вечери, и ему хотѣлось увидѣть его. Много разъ просилъ онъ объ этомъ учителя; тотъ все обѣщалъ, но откладывалъ.

Наконецъ, однажды утромъ, повелѣлъ его въ трапезу Марин-делле-Граціе и на мѣстѣ, столь ему знакомомъ, которое оставалось пустымъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, между Іоанномъ и Іаковомъ Заведеевымъ, въ четырехугольникъ открытаго окна, на тихой дали вечеряющаго неба и холмовъ Сіона, увидѣлъ онъ ликъ Господа.

Спустя нѣсколько дней, вечеромъ, глухими пустырями, по берегу Кантаранскаго канала, возвращался Джіованни домой отъ алхимика Галеотто Сакробоско: учитель послалъ его къ нему за рѣдкою книгою, сочиненіемъ по математикѣ.

Послѣ вѣтра и оттепели сдѣлалось тихо и морозно. Лужи въ грязныхъ колеяхъ дороги подернулись иглами хрупкаго льда. Низкія тучи какъ будто цѣплялись за голыя лиловыя верхушки лиственницъ, съ растрепанными галочными гнѣздами. Быстро темнѣло. Только по самому краю неба тянулася длинная мѣдно-желтая полоса унылаго заката. Вода въ незамерзшемъ каналѣ, тихая, тяжелая, черная, какъ чугуны, казалась бездонно-глубокою.

Джіованни, хотя самому себѣ не признавался въ этихъ мысляхъ и гналъ ихъ прочь съ послѣднимъ усиліемъ разума, думалъ о двухъ Леонардовыхъ изображеніяхъ лика Господня. Стоило ему закрыть глаза, чтобы оба они вмѣстѣ стали передъ нимъ, какъ живые: одинъ—родной, полный человѣческой немощью, ликъ Того, Кто на горѣ Елеонской скорбѣлъ до кроваваго пота и молился дѣтскою молитвою о чудѣ; другой—нечеловѣчески-спокойный, мудрый, чуждый и страшный.

И Джіованни думалъ о томъ, что, можетъ быть, въ своемъ неразрѣшимомъ противорѣчій—оба они истинны.

Мысли его путались, какъ въ бреду. Голова горѣла. Онъ сѣлъ на камень надъ водою узкаго чернаго канала, въ изнеможеніи склонился и опустилъ голову на руки.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? Точно тѣнь влюбленнаго на берегу Ахерона,—молвилъ насмѣшливый голосъ. Онъ почувствовалъ руку на плечѣ своемъ, вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ Чезаре.

Въ зимнихъ сумеркахъ, пыльно-сѣрыхъ, какъ паутина, подъ голыми лилово-черными лиственницами съ растрепанными галочьими гнѣздами,—длинный, тощій, съ длиннымъ блѣдно-сѣрымъ больнымъ лицомъ, закутанный въ сѣрый плащъ, самъ Чезаре казался похожимъ на зловѣщій призракъ.

Джіованни всталъ, и они молча продолжали путь; только сухіе листья шуршали подъ ногами.

— Знаетъ онъ, что мы намеренны рылись въ его бумагахъ?—спросилъ, наконецъ, Чезаре.

— Знаетъ,—отвѣтилъ Джіованни.

— И, конечно, не сердится. Я такъ и думалъ. Все-прощеніе!—разсмѣялся Чезаре злобнымъ, насильственнымъ смѣхомъ.

Опять замолчали. Воронъ, хрипло каркнувъ, перелетѣлъ черезъ каналъ.

— Чезаре,—произнесъ Джіованни тихо,—видѣлъ ты ликъ Господень въ Тайной Вечерѣ?

— Видѣлъ.

— Ну, что?... Какъ?

Чезаре быстро обернулся къ нему.

— А тебѣ какъ?—спросилъ онъ.

— Я не знаю... Мнѣ, видишь ли, кажется...

— Говори прямо: не нравится, что ли?..

— Нѣтъ. Но я не знаю. Мнѣ приходится на умъ, что, можетъ быть, это—не Христосъ...

— Не Христосъ? А кто же?

Джіованни не отвѣтилъ, только замедлилъ шагъ и опустилъ голову.

— Послушай,—продолжалъ онъ въ глубокомъ раздумьи,—видѣлъ ли ты другой рисунокъ, тоже для головы Христа, цвѣтными карандашами, гдѣ Онъ изображенъ почти ребенкомъ?

— Знаю, еврейскимъ мальчикомъ, рыжимъ, съ толстыми губами, съ низкимъ лбомъ—лицо какъ у этого жи-

денка, сына стараго Барукко. Ну, такъ что же? Тебѣ Тотъ больше нравится?

— Нѣтъ... А только я думаю, какъ Они непохожи другъ на друга, эти два Христа!

— Непохожи?—удивился Чезаре.—Помилуй, да это одно лицо! Въ Тайной Вечерѣ Онъ старше лѣтъ на пятнадцать...

— А впрочемъ,—прибавилъ онъ,—можетъ быть, ты и правъ. Но если это даже два Христа, все-таки Они похожи другъ на друга, какъ двойники.

— Двойники!—повторилъ Джіованни, вздрогнувъ, и остановился.—Какъ ты это сказалъ, Чезаре,—двойники?

— Ну, да. Чего же ты такъ испугался? Развѣ ты самъ этого не замѣтилъ?

Опять пошли, молча.

— Чезаре!—воскликнулъ вдругъ Бельтраффіо, съ неудержимымъ порывомъ,—какъ же ты не видишь? Неужели Тотъ, всемогущій и всезнающій, Кого изобразилъ учитель въ Тайной Вечерѣ, неужели могъ Онъ тосковать на горѣ Елеонской, на верженіи камня, до кроваваго пота, и молиться нашею человѣческою молитвою, какъ молятся дѣти,—о чудѣ: «пусть не будетъ того, для чего Я въ міръ пришелъ,—чего, Я знаю, не можетъ не быть. Авва Отче, прinesi чашу сію мимо Меня». Но вѣдь въ этой молитвѣ—все, все, слышишь, Чезаре?—и нѣтъ безъ нея Христа, и я не отдамъ ее ни за какую мудрость! Кто не молился этою молитвою, тотъ не былъ человѣкомъ, тотъ не страдалъ, не умиралъ, какъ мы!..

— Такъ вотъ ты о чемъ,—медленно произнесъ Чезаре.—А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... Да, да, я понимаю тебя! О, конечно, тотъ Христосъ, въ Тайной Вечерѣ, такъ молился не могъ...

Совсѣмъ стемнѣло. Джіованни съ трудомъ различалъ лицо своего спутника: ему казалось, что оно странно измѣнилось.

Вдругъ Чезаре остановился, поднялъ руку и произнесъ глухимъ, торжественнымъ голосомъ:

— Ты хочешь знать, кого изобразилъ онъ, ежели не Того, Кто молился на горѣ Елеонской,—не твоего Христа? Слушай: «Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога,

и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все черезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть. И Слово стало плотію». Слышишь,—разумъ Бога—Слово стало плотію. Среди учениковъ Своихъ, которые, слыша изъ устъ Его: «одинъ изъ васъ предастъ Меня»,—скорбятъ, негодуютъ, ужасаются,—Онъ спокоенъ, Онъ всѣмъ равно близокъ и чуждъ—Иоанну, возлежащему на груди Его, Иудѣ, предающему Его,—потому что нѣтъ для Него болѣе зла и добра, жизни и смерти, любви и ненависти, а есть только воля Отца—вѣчная необходимость: «не Моя, но Твоя да будетъ воля»,—вѣдь это сказалъ и Твой, и Тотъ, Кто молился на горѣ Елеонской, на верженіи камня о невозможномъ чудѣ. Вотъ почему говорю я: Они двойники. «Чувства принадлежатъ землѣ; разумъ—внѣ чувствъ, когда созерцаетъ», ты помнишь?—это слова Леонардо. Въ лицахъ и движеніяхъ апостоловъ, величайшихъ людей, изобразилъ онъ всѣ чувства земныя; но Тотъ, Кто сказалъ: «Я побѣдилъ міръ», «Я и Отецъ—одно»,—Разумъ созерцающій—внѣ чувствъ. Помнишь и эти другія слова Леонардо о законахъ механики: «О, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель!» Христосъ его есть Первый Двигатель, который, будучи началомъ и средоточіемъ всякаго движенія,—самъ неподвиженъ; Христосъ его есть вѣчная необходимость, сама себя въ человѣкѣ познавшая и возлюбившая, какъ божественную справедливость, какъ волю Отца: «Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ, а Я позналъ Тебя. И Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ». Слышишь: любовь—отъ познанія. «Великая любовь есть дочь великаго познанія». Леонардо, одинъ изъ людей, понялъ это слово Господа и воплотилъ его во Христѣ своемъ, который «любить все, потому что знаетъ все».

Чезаре умолкъ, и долго шли они въ бездыханной тишинѣ сгущавшихся морозныхъ сумерекъ.

— Помнишь, Чезаре,—произнесъ, наконецъ, Джіованни,—три года назадъ шли мы съ тобой, точно такъ же какъ теперь, предмѣстьемъ Верчельскихъ воротъ и спорили о Тайной Вечерѣ? Ты тогда смѣялся надъ учителемъ, говорилъ, что никогда не кончить ему лика Гос-

подня, а я возражалъ. Теперь ты за него—противъ меня. Знаешь ли, я бы ни за что не повѣрилъ, что ты, именно ты, можешь такъ говорить о немъ!..

Джіованни хотѣлъ заглянуть въ лицо спутнику, но Чезаре поспѣшно отвернулся.

— Я радъ,—заключилъ Бельтраффіо,—что ты любишь его, да, любишь, Чезаре, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ я,—хочешь ненавидѣть—и любишь!..

Товарищъ медленно обернулъ къ нему лицо свое, блѣдное, искаженное.

— А ты что думалъ? Люблю! Мнѣ ли не любить его? Хочу ненавидѣть, а долженъ любить, ибо того, что онъ сдѣлалъ въ Тайной Вечерѣ, никто, быть можетъ онъ и самъ, не понимаетъ, какъ я—я, злѣйшій врагъ его!..

И опять засмѣялся онъ своимъ насильственнымъ смѣхомъ:

— А, вѣдь вотъ, подумаешь, не странно ли сердце человеческое создано? Если ужъ на то пошло, я, пожалуй, скажу тебѣ правду, Джіованни: я все-таки не люблю его, еще болѣе не люблю его, чѣмъ тогда!..

— За что?

— А хотя бы за то, что я желаю быть самимъ собою,—слышишь?—послѣднимъ изъ послѣднихъ, но все же не ухомъ, не глазомъ, не пальцемъ отъ ноги его! Ученики Леонардо—цыплята въ орлиномъ гнѣздѣ! Правила науки, ложечки для измѣренія красокъ, таблички для носовъ—пусть этимъ утѣшается Марко! Посмотрѣлъ бы я, какъ самъ Леонардо, со всѣми своими правилами создалъ бы ликъ Господень! О, конечно, онъ учить насъ, цыплятъ своихъ, летать по-орлиному—отъ добраго сердца, ибо жалѣетъ насъ, такъ же, какъ слѣпыхъ щенятъ дворовой суки и хромую клячу, и преступника, котораго провожаетъ на смертную казнь, чтобы наблюдать за содроганіями мускуловъ въ лицѣ его, и стрекозку осеннюю съ крылышками окоченѣлыми. Избытокъ благи своей, какъ солнце, на все изливаетъ... Только видишь ли, другъ, у каждаго свой вкусъ: одному пріятно быть замерзшею стрекозкою или червякомъ, котораго учитель, подобно Св. Франциску, съ дороги поднимъ, на зеленый листъ кладетъ, чтобы прохожіе ногой не раздавили. Ну, а дру-

тому... знаешь, Джіованни, лучше бы ужъ онъ меня попросту, не мудрствуя, раздавилъ!..

— Чезаре,—произнесъ Джіованни,—если это такъ, зачѣмъ же ты не уходишь отъ него?..

— А ты зачѣмъ не уходишь? Крылья опалилъ, какъ мотылекъ на свѣчѣ, а вьешься—лѣзешь въ огонь. Ну, такъ вотъ, можетъ быть, и я въ томъ же огнѣ хочу сгорѣть. А впрочемъ, кто знаетъ? Есть у меня и надежда...

— Какая?

— О, самая пустая, пожалуй, безумная! А все-таки, нѣтъ, нѣтъ, да и подумаешь: что если придетъ другой, на него непохожій и равный ему, не Перуджино, не Боргоньоне, не Боттичелли, ни даже великій Мантенья,—я знаю цѣну учителю: никто изъ нихъ ему не страшенъ,—но еще невѣдомый? Мнѣ бы только взглянуть на славу другого, только бы напомнить мессэру Леонардо, что и такія насѣкомыя, изъ милости не раздавленные, какъ я, могутъ ему предпочесть другого и уязвить, ибо, несмотря на овечью шкуру, несмотря на жалость и всепрощеніе, гордыня-то въ немъ все-таки дьявольская!..

Чезаре не кончилъ, оборвалъ, и Джіованни почувствовалъ, что онъ схватилъ его за руку дрожащею рукою.

— Я знаю,—произнесъ Чезаре уже другимъ, почти робкимъ и молящимъ, голосомъ,—я знаю, никогда бы тебѣ самому это въ голову не пришло. Кто сказалъ тебѣ, что я люблю его?..

— Онъ самъ,—отвѣтилъ Бельтраффіо.

— Самъ? Вотъ что!—произнесъ Чезаре въ невыразимомъ смущеніи.—Такъ, значить, онъ думаетъ...

Голосъ его пресѣкся.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза и вдругъ оба поняли, что имъ болѣе не о чемъ говорить, что каждый слишкомъ погруженъ въ свои собственные мысли и муки.

Молча, не простившись, разстались они на ближайшемъ перекресткѣ.

Джіованни продолжалъ свой путь невѣрнымъ шагомъ, опустивъ голову, ничего не видя, не помня, куда идетъ, глухими пустырями, между голыхъ листовъ, по берегу прямого, длиннаго канала, съ тихою, тяжкою, чу-

гунно-черною водою, гдѣ ни одна звѣзда не отражалась,—повторяя съ безумнымъ остановившимся взоромъ:

— Двойники... двойники ..

XV.

Въ началѣ марта 1499 года Леонардо неожиданно получилъ изъ герцогскаго казначейства задержанное за два года жалованье.

Въ это время ходили слухи, будто бы Моро, пораженный извѣстіемъ о заключеніи противъ него тройственнаго союза Венеціи, папы и короля, намѣревался, при первомъ появленіи французскаго войска въ Ломбардіи, бѣжать въ Германію къ императору. Желая упрочить за собою вѣрность подданныхъ во время своего отсутствія, герцогъ облегчалъ налоги и подати, расплачивался съ должниками, осыпалъ приближенныхъ подарками.

Немного времени спустя удостоился Леонардо новаго знака герцогской милости:

«Лудовикъ Маріа Сфортіа, герцогъ Медіолана, Леонардуса Квинтіа флорентинца, художника знаменитѣйшаго, шестнадцатую пертикъ земли съ виноградникомъ, приобретеннымъ у монастыря Св. Виктора, именуемымъ Подгороднымъ, что у Верчельскихъ Воротъ, жалуетъ»,—сказано было въ дарственной записи.

Художникъ пошелъ благодарить герцога. Свиданіе назначено было вечеромъ. Но ждать пришлось до поздней ночи, такъ какъ Моро заваленъ былъ дѣлами. Весь день провелъ онъ въ скучныхъ разговорахъ съ казначеями и секретарями, въ провѣркѣ счетовъ за военные припасы, ядра, пушки, порохъ, въ распутываніи старыхъ, въ изобрѣтеніи новыхъ узловъ той безконечной сѣти обмановъ и предательствъ, которая нравилась ему, когда онъ былъ въ ней хозяиномъ, какъ паукъ въ паутинѣ, и въ которой теперь онъ чувствовалъ себя, какъ пойманная муха.

Окончивъ дѣла, пошелъ въ галлерею Браманте, надъ однимъ изъ рвовъ Миланскаго замка.

Ночь была тихая. Порою лишь слышались звуки трубы,

протяжный окликъ часовыхъ, желѣзный скрежетъ ржавой цѣпи подъемнаго моста.

Пажъ Ричьярдетто принесъ два факела, вставилъ ихъ въ чугунные подсвѣчники, вбитые въ стѣну, и подалъ герцогу золотое блюдо съ мелко наръзаннымъ хлѣбомъ. Изъ-за угла, во рву, по черному зеркалу воды, привлекаемые свѣтомъ факеловъ, выплыли бѣлые лебеди. Облокотившись на перила, онъ бросалъ кусочки хлѣба въ воду и любовался, какъ они ловили ихъ, беззвучно разсѣкая грудью водное стекло.

Маркиза Изабелла д'Эсте, сестра покойной Беатриче, прислала въ подарокъ этихъ лебедей изъ Мантуи, съ тихихъ плоскобережныхъ заводей Минчио, обильныхъ камышами и плакучими ивами—давнишняго пріюта лебединыхъ стай.

Моро всегда любилъ ихъ; но въ послѣднее время еще больше пристрастился къ нимъ и каждый вечеръ кормилъ ихъ изъ собственныхъ рукъ, что было для него единственнымъ отдыхомъ отъ мучительныхъ думъ о дѣлахъ, о войнѣ, о политикѣ, о своихъ и чужихъ предательствахъ. Лебеди напоминали ему дѣтство, когда онъ также кормилъ ихъ, бывало, на сонныхъ, поросшихъ зеленою ряскою, прудахъ Виджевано.

Но здѣсь, во рву Миланскаго замка, межъ грозными бойницами, башнями, пороховыми складами, пирамидами ядеръ и жерлами пушекъ—тихіе, чистые, бѣлые, въ голубовато-серебряномъ лунномъ туманѣ—казались они еще прекраснѣе. Гладь воды, отразившая небо подъ ними, была почти невидимой, и, качаясь, скользили они, какъ видѣнія, со всѣхъ сторонъ окруженные звѣздами, полные тайны, между двумя небесами—небомъ вверху и небомъ внизу—одинаково чуждые и близкіе обоимъ.

За спиною герцога маленькая дверца скрипнула, и высунулась голова камеръере Пустерла. Почтительно согнувшись, подошелъ онъ къ Моро и подалъ бумагу.

— Что это?—спросилъ герцогъ.

— Отъ главнаго казначея, мессэра Боргонцио Ботто, счетъ за военные припасы, порохъ и ядра. Очень извиняются, что принуждены беспокоить. Но обозъ въ Мортару выѣзжаетъ на разсвѣтѣ...

Моро схватилъ бумагу, скомкалъ и швырнулъ ее прочь:

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобы ни съ какими дѣлами не лѣзть ко мнѣ послѣ ужина! О, Господи, кажется, скоро и ночью въ постели не дадутъ покоя!..

Камеръере, не разгибая спины, пятась къ двери задомъ, произнесъ шопотомъ такъ, чтобы герцогъ могъ не слышать, если не захочетъ:

— Мессэръ Леонардо.

— Ахъ, да, Леонардо. Зачѣмъ ты давно не напомнилъ? Проси.

И, снова обернувшись къ лебедямъ, подумалъ:

— Леонардо не помѣшаетъ.

На желтомъ, обрюзгшемъ лицѣ Моро, съ тонкими, хитрыми хищными губами, выступила добрая улыбка.

Когда въ галерею вошелъ художникъ, герцогъ, продолжая кидать кусочки хлѣба, перевелъ на него ту самую улыбку, съ которою смотрѣлъ на лебедей.

Леонардо хотѣлъ преклонить колѣно, но герцогъ удержалъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Здравствуй. Давно мы съ тобой не видались. Какъ поживаешь, другъ?

— Я долженъ благодарить вашу свѣтлость...

— Э, полно! Такихъ ли даровъ ты достоинъ? Вотъ ужь дай срокъ, я сумѣю наградить тебя по заслугамъ.

Вступивъ въ бесѣду съ художникомъ, онъ разспрашивалъ его о послѣднихъ работахъ, изобрѣтеніяхъ и замыслахъ, нарочно такихъ, которые казались герцогу самыми невозможными, сказочными,—о подводномъ колоколѣ, лыжахъ для хожденія по морю, какъ по суху, о человѣческихъ крыльяхъ. Когда же Леонардо наводилъ рѣчь на дѣла—укрѣпленія замка, Каналь Мартезану, отливку памятника,—тотчасъ уклонялся отъ разговора съ брезгливымъ скучающимъ видомъ.

Вдругъ, о чемъ-то задумавшись, какъ это послѣднее время съ нимъ часто бывало, умолкъ и понурилъ голову, съ такимъ отчужденнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, точно забылъ о собесѣдникѣ.

Леонардо сталъ прощаться.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!—кивнулъ ему головою

герцога разсѣянно. Но когда художникъ былъ уже въ дверяхъ, окликнулъ его, подошелъ, положилъ ему обѣ руки на плечи и заглянулъ въ глаза печальнымъ долгимъ взоромъ.

— Прощай,—молвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ,—прощай, мой Леонардо! Кто знаетъ, свидимся ли еще наединѣ?..

— Ваше высочество покидаете насъ?

Моро тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Такъ-то, другъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ.— Вотъ вѣдь шестнадцать лѣтъ прожили вмѣстѣ, и ничего я отъ тебя, кромѣ хорошаго, ну, да и ты отъ меня, кажется, дурного не видалъ. Пусть люди говорятъ, что угодно,—а въ будущихъ вѣкахъ, кто назоветъ Леонардо, тотъ и герцога Моро помянетъ добромъ!

Художникъ, не любившій чувствительныхъ изліаній, проговорилъ единственные слова, которыя хранилъ въ своей памяти для тѣхъ случаевъ, когда требовалось отъ него придворное краснорѣчіе:

— Синьоръ, я бы хотѣлъ имѣть больше, чѣмъ одну жизнь, чтобы отдать ихъ всѣ на служеніе вашей свѣтлости.

— Вѣрю,—произнесъ Моро.—Когда-нибудь и ты вспомнишь обо мнѣ и пожалѣешь...

Не кончилъ, всхлипнулъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ его.

— Ну, дай тебѣ Богъ, дай тебѣ Богъ!..

Когда Леонардо удалился, Моро долго еще сидѣлъ въ галлерей Браманте, любуясь лебедами, и въ душѣ его было чувство, котораго не сумѣлъ бы онъ выразить словами. Ему казалось, что, въ темной, можетъ быть, преступной жизни его, Леонардо былъ подобенъ этимъ бѣлымъ лебедямъ, въ черной водѣ, во рву Миланской Крѣпости, межъ грозными бойницами, башнями, пороховыми складами, пирамидами ядеръ и жерлами пушекъ,—такой же бесполезный и прекрасный, такой же чистый и дѣвственный.

Въ безмолвіи ночи слышалось только паденіе медленныхъ капель смолы съ догорающихъ факеловъ. Въ ихъ розовомъ свѣтѣ, сливавшемся со свѣтомъ голубой луны,

плавно качаясь, дремали, полные тайны, окруженные звѣздами, какъ видѣнія, между двумя небесами—небомъ вверху и небомъ внизу, одинаково чуждые и близкіе обонимъ, лебеди со своими двойниками въ темномъ зеркалѣ водъ.

XVI.

ОТЪ герцога, несмотря на поздній часъ ночи, Леонардо пошелъ въ монастырь Санъ-Франческо, гдѣ находился больной ученикъ его, Джіованни Бельтраффіо. Четыре мѣсяца назадъ, вскорѣ послѣ разговора съ Чезаре о двухъ изображеніяхъ лика Господня, заболѣлъ онъ горячкою.

То было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1498 года. Однажды, навѣстивъ прежняго учителя своего, фра Бенедетто, Джіованни засталъ у него гостя изъ Флоренціи, доминиканскаго монаха фра Паголо. По просьбѣ Бенедетто и Джіованни онъ разсказалъ имъ о смерти Савонароллы.

Казнь была назначена на 23 мая 1498 года, въ девять часовъ утра, на площади Синьорин, передъ палаццо Веккіо, тамъ же, гдѣ происходили сожженіе суетъ и огненный поединокъ.

Въ концѣ длинныхъ мостковъ былъ разложенъ костеръ; надъ нимъ стояла висѣлица—толстое бревно, вбитое въ землю, съ поперечною перекладиною, съ тремя петлями и желѣзными цѣпами. Вопреки усиліямъ плотниковъ, долго возившихся съ поперечной перекладиною, то укорачивавшихъ, то удлиннявшихъ ее, висѣлица имѣла видъ Креста.

Такая же несмѣтная толпа, какъ въ день поединка, кишѣла на площади, въ окнахъ, лоджіяхъ и на крышахъ домовъ.

Изъ дверей палаццо вышли осужденные—Джироламо Савонаролла, Доминико Буонвиничи и Сильвестро Маруффи.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по мосткамъ, остановились передъ трибуною епископа Вазонскаго, посланника папы Александра VI. Епископъ всталъ, взялъ брата Джироламо за руку и проговорилъ слова отлученія нетвердымъ голосомъ, не подымая глазъ на Савонароллу, который

смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Послѣднія слова произнесъ невѣрно:

— *Separo te ab Ecclesia militante atque triumphante.* Отлучаю тебя отъ Церкви воинствующей и торжествующей.

— *Militante, non triumphante, hoc enim tum non est.* Отъ воинствующей, не торжествующей, сіе не во власти твоей,—поправилъ его Савонаролла.

Съ отлученныхъ сорвали одежды, оставивъ ихъ полунагими, въ исподнихъ рубахахъ,—и они продолжали путь, еще дважды останавливаясь передъ трибуною апостольскихъ комиссаровъ, которые прочли рѣшеніе церковнаго суда, и передъ трибуною Восьми Мужей Флорентинской республики, объявившихъ смертный приговоръ отъ лица народа.

Во время этого послѣдняго пути фра Сильвестро едва не упалъ, оступившись; Доминико и Савонаролла тоже споткнулись: въ послѣдствіи оказалось, что уличные шалуны, солдаты бывшаго Священнаго Воинства маленькихъ инквизиторовъ, забравшись подъ мостки, просунули колья между досками, чтобы ранить ноги шедшимъ на смертную казнь.

Фра Сильвестро Маруффи, юродивый, первый долженъ былъ взойти на висѣлицу. Сохраняя безсмысленный видъ, какъ будто не сознавая, что съ нимъ происходитъ, взобрался онъ по ступенямъ. Но когда палачъ накинулъ ему петлю на шею, уцѣпилъ за лѣстницу, поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ:

— Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой!

Потомъ самъ, безъ помощи палача, разумнымъ, безстрашнымъ движеніемъ соскочилъ съ лѣстницы.

Фра Доминико, ожидая очереди, переминался съ ноги на ногу, въ радостномъ нетерпѣніи, и, когда ему подали знакъ, устремился къ висѣлицѣ, съ такою улыбкою, какъ будто шелъ прямо въ рай.

Трупъ Сильвестро висѣлъ на одномъ концѣ перекладины, на другомъ—Доминико. Среднее мѣсто ожидало Савонароллу.

Взойдя по лѣстницѣ, остановился онъ, опустил глаза и взглянулъ на толпу.

Наступила тишина, точно такая же, какъ бывало

въ соборѣ Маріи-дель-Фіоре передъ проповѣдью. Но когда продѣлъ онъ голову въ петлю, кто-то крикнулъ:

— Сдѣлай чудо, пророкъ!

Никто не понялъ, была ли это насмѣшка, или крикъ безумной вѣры.

Палачъ столкнулъ его съ лѣстницы.

Старичокъ-ремесленникъ, съ кроткимъ, набожнымъ лицомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сторожившій у костра,—только что братъ Джироламо повисъ, поспѣшно перекрестился и сунулъ горящій факель въ дрова, съ тѣми самыми словами, съ которыми нѣкогда Савонаролла зажегъ костеръ суесть и анаемъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого!

Пламя вспыхнуло. Но вѣтеръ отклонилъ его въ сторону. Толпа всколыхнулась. Давя другъ друга, люди побѣжали, объятые ужасомъ. Послышались крики:

— Чудо! Чудо! Чудо! Не горятъ!

Вѣтеръ стихъ. Пламя вновь поднялось и охватило трупы. Веревка, которою связаны были руки брата Джироламо, истлѣла,—онѣ развязались, упали, какъ будто зашевелились въ огнѣ, и многимъ почудилось, что онъ въ послѣдній разъ благословилъ народъ.

Когда костеръ потухъ и остались только обугленные кости да клочья мяса на желѣзныхъ цѣпяхъ, ученики Савонароллы протѣснились къ висѣлицѣ, желая собрать останки мучениковъ. Стражи отогнали ихъ, свалили пепель на телѣгу и отвезли на Понте-Веккіо, чтобы бросить въ рѣку. Но по дорогѣ «плаксы» успѣли похитить щепотки пепла и частицы будто бы не сгорѣвшаго сердца Савонароллы.

Окончивъ рассказъ, фра Паголо показалъ своимъ слушателямъ ладонку съ пепломъ. Фра Бенедетто долго цѣловалъ ее и обливалъ слезами.

Оба монаха пошли ко всенощной. Джіованни остался одинъ.

Вернувшись, они нашли его лежащимъ въ безпамятствѣ на полу передъ Распятіемъ; въ оконченыхъ пальцахъ сжималъ онъ ладонку.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Джіованни былъ между жизнью и смертью. Фра Бенедетто ни на минуту не уходилъ отъ него.

Часто, въ безмолвіи ночей, сидя у изголовья больного и прислушиваясь къ бреду его, ужасался.

Джіованни бредилъ Савонароллою, Леонардо да-Винчи и Божьей Матерью, которая, чертя пальцемъ на пескѣ пустыни геометрическія фигуры, учить Младенца Христа законамъ вѣчной необходимости.

«О чемъ Ты молишься?—повторялъ больной съ невыразимою тоскою.—Или не знаешь, что нѣтъ чуда, не можетъ чаша сія пройти мимо Тебя, такъ же какъ не можетъ не быть прямая кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками!»

Его мучило также другое видѣніе—два лика Господня, противоположные и подобные, какъ двойники: одинъ, полный человѣческимъ страданіемъ и немощью,—ликъ Того, Кто на верженіи камня молился о чудѣ; другой ликъ страшнаго, чуждаго, всемогущаго и всезнающаго, Слова, ставшаго плотью—Перваго Двигателя. Они обращены были другъ къ другу, какъ въ поединкѣ два вѣчныхъ противника. И между тѣмъ, какъ Джіованни вглядывался въ нихъ,—ликъ смиреннаго, скорбнаго темнѣлъ, искажался, превращаясь въ демона, котораго нѣкогда Леонардо изобразилъ въ каррикатуру на Савонароллу, и, обличая Двойника своего, называлъ его Антихристомъ

Фра Бенедетто спасъ жизнь Бельтраффіо. Въ началѣ іюня 1499 года, когда онъ поправился настолько, что могъ ходить,—несмотря на всѣ мольбы и увѣщанія монаха, вернулся Джіованни въ мастерскую Леонардо.

Въ концѣ іюля того же года войско французскаго короля Людовика XII, подъ начальствомъ синьоровъ Обиньи, Луи Люксамбура и Джьянъ-Джьякопо Тривульціо, перешли черезъ Альпы, вступило въ Ломбардію.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА	СТРАН.
I. Бѣлая Дьяволица.	1
» II. Ессе Deus—ессе homo	40
» III. Ядовитые плоды.	67
» IV. Шабашъ вѣдьмъ.	99
» V. Да будетъ воля твоя.	126
» VI. Дневникъ Джіованни Бельтраффіо	157
» VII. Сожженіе суетъ	199
» VIII. Золотой вѣкъ	232
» IX. Двойники	283

Pedagogiczna
Biblioteka Wojewódzka
w Białymstoku

1111